

наша русь

Елена Галкина

РУССКИЙ КАГАНАТ

без
хазар
и
норманнов

наша русь

елена Галкина

РУССКИЙ
КАГАНАТ

без хазар и норманнов

Москва
алгоритм
2012

УДК 94(47)
ББК 63(3)
Г 16

Галкина Е.С.

Г 16 Русский каганат. Без хазар и норманнов. — М.: Алгоритм, 2012. — 336 с.

ISBN 978-5-4438-0164-3

Новейшие исследования подтвердили достоверность упоминаний в арабо-персидской литературе о загадочном Русском каганате, который долгое время отождествлялся с Хазарским. Главный этнос этого военно-торгового государства составляли селившиеся в верховьях Донца и Дона сармато-аланы, оказавшие значительное влияние на славянские племена и образование Древнерусского государства. Именно земли Русского каганата после его гибели вошли в ядро Киевской Руси, оставив славянам имя «Русь». Книга убедительно опровергает укоренившуюся в истории хазарско-норманнскую концепцию о происхождении и развитии Руси, продлевая русскую историю в глубь веков.

**УДК 94(47)
ББК 63.3**

© Галкина Е.С., 2012

ISBN 978-5-4438-0164-3

© ООО «Издательство Алгоритм», 2012

Введение

ОБ ИСТОКАХ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

По обилию споров и спекуляций, возникающих в современных научных и околонаучных кругах, с древнейшим периодом русской истории могут соперничать, пожалуй, лишь сюжеты, связанные с Октябрьской революцией.

Вопрос о начальных этапах становления Древнерусского государства действительно один из центральных в изучении российской истории. Взглядом на него во многом определяется точка зрения на события последующих столетий, на общую линию развития России, да и на современные события. Именно тогда закладывались основы славяно-русского менталитета и особой социальной структуры, пронесенные через сотни лет и ныне коренным образом отличающие русский народ от европейцев. Кто создал государство на Руси, какие корни имеет великая культура домонгольского периода — от ответа на эти вопросы зависит и видение будущего России. И за предложением определенной концепции «начала Руси» стоит, как правило, конкретная *политическая* позиция. Поэтому исследование истоков Руси всегда сопровождалось жесткой борьбой, причем не только научной.

Сейчас, например, на ведущую роль в русской науке претендует норманнская концепция. Восточная Европа VIII—X веков, согласно представлениям нынешних норманистов, была разделена на две примерно равные сферы влияния: с северных областей взимают дань варяги-норманны (они же русы), с южных — иудейская Хазария. Мысли о способности славян к государственному строительству и об истоках российской власти напрашиваются сами собой...

Зачем нужно знать, «откуда есть пошла Русская земля»

Обсуждая вопрос о возникновении Русского государства, нужно договориться о понятиях и принципах. Само слово *государство* многозначно и противоречиво. В широком смысле понятие *государство* равнозначно *стране*, то есть объединяет на определенной территории и народ, и власть. В узком историко-политологическом смысле это отделенная от общества и находящаяся над ним организация, система учреждений, обладающая верховной властью на этой территории, включая монополию на насилие. Именно отделение публичной власти — это главный рубеж между родоплеменным строем и *цивилизацией*. В поисках истоков государственности на Руси нужно опираться на три обязательных признака. Налицо должны быть и территория, и народ, и независимая власть, контролирующая эту землю.

Вторая оговорка касается философской позиции. Дискуссиям о современных методах познания и концепциях исторического развития можно посвятить не одну книгу. Нет смысла здесь вдаваться в споры о новомодных течениях, не давших миру ни одного исторического открытия. Это и неудивительно. Как можно заниматься *наукой историей*, изначально думая, что нет ни законов истории, ни прогресса в развитии человечества, а задача ученого сводится к накоплению и описанию фактов? Такая философская позиция неотвратимо ведет в тупик, из которого выбраться очень трудно. Наиболее эффективной методологией историка, по моему убеждению, была и остается диалектика, а точнее — диалектический материализм, благодаря которому ученые, так или иначе его использующие, намного опередили своих коллег, поддавшихся цивилизационным и эпистемологическим соблазнам.

Государственная форма является важнейшим фактором устойчивости социального организма. Поэтому естественно, что в большинстве научных работ философского и исторического плана именно государство рассматривается как знаковый рубеж между *доисторическим* и *историческим* периодами раз-

вития любого общества, своеобразный венец первобытнообщинного строя. Поэтому проблема происхождения государства и этнической принадлежности его господствующего класса в свете таких установок напрямую связывается с вопросом об исторической судьбе этого государства и этносов, его составляющих.

Действительно, роль государства в *ранних обществах* в большинстве можно характеризовать как прогрессивную и с позиций марксизма. Однако необходимо учитывать, что процесс образования государства — политогенеза прогрессивен не сам по себе, а как формальное отражение и закрепление великого прогрессивного явления — разделения труда, и абсолютизация прогрессивности политогенеза без учета его влияния на развитие социально-экономических отношений неприемлема. Именно эта абсолютизация привела к современному состоянию так называемой норманнской проблемы: «официальный» антинорманизм не устоял после принятия норманистами тезиса о том, что восточные славяне были в IX в. способны к созданию государства без внешнего (норманнского) вмешательства. Результат очевиден — большинство специалистов по истории Древней Руси и раннесредневековой Восточной Европы на современном этапе придерживаются норманнской теории, принимая две сотни лет назад опровергнутую аргументацию Байера и Миллера.

В основе же этого процесса в новейшей отечественной историографии была методологическая ошибка советской антинорманистской школы. Известное замечание Энгельса о том, что *государство никоим образом не представляет собой силы, извне навязанной обществу*, было понято слишком буквально — как необходимость умаления роли внешнего фактора в становлении государства. Таким образом, чтобы снять норманнскую проблему, казалось достаточным доказать способность славян к самостоятельному созданию государства. Но этот подход был в корне не верен.

Пути возникновения государства и его ранние формы отличаются исключительным внешним разнообразием. Попытки найти всеобщую закономерность политогенеза, жестко «привязанную» к процессу классообразования, привели к тому, что

практически не исследовались наиболее острые, спорные вопросы. Этническое взаимодействие в процессе государствообразования принадлежит именно к этому кругу проблем. В советской науке до 1980-х гг. так и не появилось монографического исследования потестарно-политической этнографии, между тем как на Западе возникали одна за другой теории соотношения этнического и политического на ранних этапах истории народов (М. Вебер и «чистые типы» политической власти, концепция «социальной сети» Дж. Барнса, теория завоевания Ф. Оппенгеймера и Л. Гумпловича, «энергетическая» теория Л. Уайта и др.). С особенной тщательностью отечественные ученые обходили вопрос о взаимовлиянии этносов, один из которых участвовал в политогенезе в роли «социальной верхушки».

Для понимания закономерностей взаимодействия различных этносов в процессе политогенеза необходимо определить соотношение биологического и социального начал в самом этносе, а также связь этнического и политического.

Термин «этнос» введен в научный оборот довольно давно, однако научное осмысление его как понятия для обозначения общности людей произошло лишь в последние десятилетия. Это связано с возрастанием общественного и научного интереса к проблемам этногенеза, этнической истории.

Несмотря на остроту современных этнических процессов, в науке еще не сложилось общепринятого понимания сущности и структуры этноса, этничности как категории, обозначающей отличительные черты этноса. Однако этнологи мира пришли к единому мнению по наиболее принципиальному вопросу в определении этноса: *он не существует вне социальных институтов*, выступающих в роли его структурообразующей формы. Термин «этничность», пришедший из западной этнографии, выражает ту же позицию.

Дискуссии ведутся по проблеме соотношения, первичности и вторичности биологического и социального в этом диалектическом единстве¹. Особенно остро этот вопрос стоит в

---

¹ В современной этнологии обычно выделяются три понимания этноса и этничности. В примордиалистских теориях этнос считается реально существующим феноменом, имеющим объективную основу в природе или обществе. И биологические, и социальные концепции относятся по этой классификации

отношении первобытнообщинного строя и ранних государств. Если вопрос решается в пользу первичности биологического начала, этнос понимается как разновидность популяции и характеризуется антропологическими признаками. Социальные процессы, в том числе и образование государства, ставятся, таким образом, в жесткую зависимость от биологических характеристик (П. ван ден Берг, Л.Н. Гумилев и др.). Эта точка зрения не нова. Именно отсюда следуют выводы о народах «сильных» и «слабых», «исторических» и «неисторических», широко используемые в националистических и расистских идеологиях.

Этот вопрос не решен и сейчас, причем теперь оценке подлежит огромный этнографический материал. Если оценивать времена, близкие к историческим, то легко обнаружить, во-первых, неоднородность «исходных» антропологических типов практически всех народов, во-вторых, несовпадение археологических культур и лингвистических зон с ареалами распространения того или иного расового облика. Однако, по замечанию В.П. Алексеева, в отдаленном прошлом «можно уловить следы былого совпадения» между биологическими и социальными общностями¹. При этом, несмотря на то, что язык, социальная структура и культура развиваются по иным законам, нежели раса, в условиях длительной изоляции (что характерно для древнейших обществ) для всех их одним из важнейших факторов становится популяция. С одной стороны, роль биологического нельзя абсолютизировать, но неразумно игнорировать такие очевидные факты из опасения дать почву расизму.

Ведь концепции этнического превосходства одних народов над другими вытекают из предположения об определяю-

---

к примордиализму. Два других направления — инструментализм (западная политология и социология, в России — информационная теория Н.Н. Чебоксарова и С.А. Арутюнова) и конструктивизм (Ф. Барт, в современной России — В.А. Тишков и др.) относят этничность к надстроечным явлениям, духовной культуре и ограничивают этническим самосознанием. Таким образом, этнос выносятся из области общественного бытия в сферу общественного сознания.

¹ Алексеев В.П., Бромлей Ю.В. К изучению роли переселения народов в формировании новых этнических общностей // СЭ. 1968. №2. С.36.

щей роли биологических особенностей. Более того, расизм идеализирует как раз то, что порождает замедленность социального и культурного развития — обособленность. Совпадение расового и социального — свидетельство отсталости данного этноса, поскольку обособленность задерживает развитие. О совпадении расового, этнического и социального можно говорить на ранних этапах социогенеза, когда обособленность общностей была нормой в силу уровня развития производительных сил. Ю.В. Бромлеем было предложено выделять этносы в узком смысле (этникосы), в которые включаются все группы людей данной этнической принадлежности, и этносоциальные организмы — территориально-компактные и социально-политически организованные части этноса¹. Первоначально, на заре социогенеза, этникос характеризуется прежде всего биологическими признаками. Таким образом, корректно говорить о совпадении начальных этапов образования рас, этно- и социогенеза.

Причем одним из основных признаков этнической общности является определенная форма социально-территориальной организации как основной формы человеческого бытия. Связь между этникосом и потестарно-политической структурой *изначальна*. Проявляется она, во-первых, через общественное производство, которое не может существовать вне социальных институтов. Таким образом, этникос (этнос в узком смысле) становится этносоциальным организмом. Во-вторых, через территориальную организацию, причем значение ее увеличивается при переходе к производящему хозяйству. *Социальная структура* в первобытном обществе может рассматриваться как структура власти в данном общественном организме. Потестарная организация обеспечивает регуляцию общества как самовоспроизводящейся системы. Таким образом, потестарная организация выступает как ядро консолидации первобытного этноса.

Одним из системообразующих факторов на ранних этапах его развития выступает язык. Членораздельная речь является результатом достижения определенного уровня социального и

---

¹ Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1974. С. 32—35.

культурного развития, как инструмент обслуживания потребностей общества, аккумулирующих итоги трудовой деятельности. Таким образом, этносоциальная общность на ранних этапах должна совпадать с лингвистической. Можно говорить о диалектическом единстве социального и этнического лишь на ранних этапах становления человеческого общества, до начала разложения родовой общины. Тогда зачатки потестарной структуры уже несут в себе специфические признаки данного этноса.

После перехода к производящему хозяйству появляется тенденция к расширению этносоциального организма. Отдельные племена в результате разделительных и ассимиляционных процессов (связанных с переселениями и завоеваниями) нередко расширялись до масштабов, во много раз превосходящих размеры первоначальной общности. Основным объединяющим фактором для таких образований обычно выступает язык. По внутренней этносоциальной структуре они представляют собой «семьи племен».

В последнее время этнографами собран огромный материал, позволяющий представить сложность и противоречивость путей классовообразования. Очевидно, что государство и право не могут возникнуть ранее разделения общества на классы. Но все эти формы не возникают одновременно, им предшествуют предклассы, протогосударства, ранние формы эксплуатации. Внутренние противоречия часто приводили к гибели подобных образований.

Но не племя (как длительное время считалось) является исходным пунктом политогенеза. Племя существовало еще на начальном этапе политогенеза и состояло из родственных общин. Функции его выражены неярко. В эпоху раннего железа племена насчитывали десятки и сотни тысяч человек, объединенных этническим самосознанием (общность происхождения, языка/диалекта, мифологической традиции и религии). Согласно закону энтропии, по мере расселения членов коллектива, родственная солидарность убывает, тем более что существование племени связано по времени с разложением родовой общины. Племя существовало как аморфная сумма общин, и лишь экстраординарные обстоятельства могли превратить его

в жесткую потестарную структуру. Племя в этом качестве появляется в Малой Азии, Центральной Азии, Южной Европе — т.е. там, где вступает в дело военный фактор. Развитие же общества шло в длительной, занимавшей многие тысячелетия борьбе кровнородственных и чисто социальных связей. В ранних государствах можно видеть самое причудливое переплетение тех и других.

Как правило, стимулировали политогенез именно внешние вторжения, межэтнические контакты. В первобытности потестарная структура этноса ориентирована на замкнутость. Простые (первичные) протогосударства возникают в рамках даже не племени, а его части — этносоциального организма или в результате слияния субкланов нескольких племен. *Вторичное протогосударство* (или раннее государство) появляется на последнем этапе политогенеза, когда на первое место выдвигается война, возникающая в результате расширения производства и усилившегося соперничества вождей. Цель этой войны не грабеж, а увеличение территории и населения для производства и реализации избыточного продукта.

Массовые миграции чрезвычайно ускоряли процесс замены основных этносоциальных ячеек первобытности новыми, более крупными общностями — народностями. При переселении на новую территорию, как правило, происходило столкновение с местным населением.

Здесь могло быть несколько путей развития. Если встречались субкланы двух родов, еще не знавшие и первичного протогосударства, примерно равные по развитию, образование протогосударства шло по пути синойкизма. То есть между ними устанавливались территориальные связи, кровнородственная иерархия забывалась, и возникала гетерогенная соседская община. Так начинался новый этнос с особой социальной и потестарной структурой. Системообразующим элементом становилась община с устойчивыми демократическими традициями. Примером такого пути могут служить римские патриции (синойкизм 3 субкланов разных этносов).

Часто же столкновение завершалось завоеванием пришельцами автохтонного населения. Как правило, это происходило при схватке этносов, уже знакомых с первичным прото-

государством и имевших давние социальные и политические традиции. В социально-экономическом отношении эти завоевание могли иметь тройкий характер: 1) завоеватели навязывают свой способ производства; 2) победители оставляют без изменения способ производства побежденных, довольствуясь данью; 3) происходит взаимодействие двух способов производства, в результате которого возникает третий.

В этническом отношении возможны следующие возможные исходы: 1) полная ассимиляция завоевателями местного населения; 2) пришлое население растворяется в местном; 3) происходит синтез этнического суперстрата и субстрата, в результате чего возникает новая общность. *Критерием* этнической ассимиляции является утрата этнического самосознания, которой предшествует культурная и языковая ассимиляция. Однако закономерность этнических процессов при завоевании пока не выявлена.

Например, политическое господство пришлого населения дает ему явную фору. Но если завоевание не влекло за собой сколько-нибудь существенных перемен в хозяйственно-культурной жизни, в способе производства, местное население сохраняло свой язык и этническое самосознание. В случае, например, с Дунайской Болгарией и Русью от «суперстрата», «социальной верхушки» сохранилось лишь название и некоторые антропологические черты. Получается, что «элита», находившаяся примерно на одном уровне развития с автохтонным населением, ассимилировалась в обоих случаях менее чем за полтора века.

Как показывают этнографические исследования, развитие подобных структур может идти двумя путями. В первом варианте раннеполитическая структура, ориентированная на расширение и характерная для эпохи разложения первобытнообщинного строя, может принять вид надстройки, этнически чуждой основной массе населения. В этом случае происходит *прочная фиксация этнических границ средствами власти*. Этническая граница становится кастовой.

Во втором варианте сосуществуют две параллельные структуры (на нижнем уровне управления сохраняются структуры основной массы населения). Конечно, элита стремится

сохранить внутреннюю корпоративность, и этническая стратификация все равно становится и социальной, ассимиляция происходит медленно, конфликты неизбежны.

По иному пути пойдет развитие, если пришлое население достаточно многочисленно и переселение не связано с жесткой борьбой с местными жителями, а также если пришельцам нашлось место в экологической нише. К примеру, если основное занятие местного населения — земледелие, а пришлого — ремесло и торговля. При разных традициях (построение властной вертикали в территориальной общине — снизу вверх, при родовой — сверху вниз) могло произойти усвоение политической организации одного этноса другим. Традиции потестарно-политической организации относительно самостоятельны, поэтому они значительно легче усваиваются общностями иной культуры по сравнению с другими элементами этничности при условии *стадальной близости* контактирующих этносоциальных организмов.

Процесс синтеза предполагает обмен опытом, как производственным, так и организационным, между участвующими в нем этносами, взаимную ассимиляцию. Причем чем больше будет разница в традициях социальной организации и культурных традициях между «победителями» (или этносом господствующего слоя) и «побежденными», тем дольше и мучительнее становится процесс синтеза: римско-германский синтез занял не менее 4 веков. Если разрыв очень велик (примеры для раннесредневековой Европы — Гуннская держава, Аварский каганат), взаимная ассимиляция уже невозможна и созданное таким путем государственное образование быстро разрушается.

Этническое происхождение социальной верхушки является одним из важнейших вопросов при изучении проблемы политогенеза в конкретном обществе. Состав господствующего слоя оказывает непосредственное влияние на социально-политическую структуру; именно политическими традициями этого слоя определяется путь деформации «чистого» генезиса государства. Исследование конкретно-исторических примеров синтезного пути ближе подводит к выделению критериев, по которым определяется характер отношений между государст-

воображающими этносами, от коего, в свою очередь, зависит политическая организация зарождающегося государства.

Этническое происхождение социальной верхушки является одним из важнейших вопросов при изучении проблемы политогенеза в конкретном обществе. Состав господствующего слоя оказывает непосредственное влияние на социально-политическую структуру; именно политическими традициями этого слоя определяется путь деформации «чистого» генезиса государства. Исследование конкретно-исторических примеров синтезного пути ближе подводит к выделению критериев, по которым определяется характер отношений между государственно-воображающими этносами, от коего, в свою очередь, зависит политическая организация зарождающегося государства.

«Род русский» и его значение

К IX в. развитие славянских племенных союзов Восточной Европы шло по бессинтезному пути. Основой образования этих протогосударств была славянская территориальная община; общество структурировалось «снизу вверх». Однако экономически целесообразная земская власть не могла простирается на обширные территории. Возвыситься над ними могла лишь власть внешняя. Для Южной Руси этим внешним фактором стало племя «русь». В IX—X вв. именно «род русский» соединил обширные восточнославянские земли, выполняя функции организации обороны и поддержания внутреннего мира (в качестве «третьей силы»).

Конечно, ни один специалист уже не отрицает, что в процессе образования Киевской Руси и древнерусской народности участвовало несколько различных этносов, что в политической структуре Древнерусского государства сочетались разные формы управления и что название «Русь» имеет изначально неславянское происхождение.

Кто были эти русы, как повлияли они на формирование социально-экономической и политической системы Руси — все это порождает узел пока не разрешенных до конца проблем, неразрывно вплетенных в общую картину истории Юго-Восточной Европы конца I тысячелетия н.э. Именно изуче-

ние данной территории, особенно областей, соседствовавших с землями восточных славян, может внести некоторую ясность в вопрос об истоках Руси.

Вполне понятно, почему проблеме этнической принадлежности племени «русь» уделяется столько внимания. Русы, согласно свидетельствам современников, являлись социальной верхушкой Древнерусского государства. Об этом писали и арабские географы еще в IX веке, и византийский император Константин Багрянородный — в X в., и другие.

Загадка русов в источниках

Многочисленные раннесредневековые источники, упоминающие русов, часто противоречат друг другу и в локализации «руси», и при описании социальных отношений, хозяйственного уклада, обрядов. Различные византийские, немецкие латиноязычные, восточные письменные источники располагают русов во многих, даже не связанных между собой торговыми путями, районах Европы от Уральского хребта и побережья Каспия до западной Прибалтики и германских земель (причем включая территории, на которых нет археологических подтверждений присутствия славян).

В древнерусских свидетельствах также нет единства: уже Повесть временных лет дает две версии: «киевская» выводит полян-русь из Норика, «новгородская» производит горожан «от рода варяжска», а княжескую династию — от варягов-руси. Автору «Слова о полку Игореве» не известен ни тот, ни другой вариант. В русских летописях и польских хрониках XVI—XVII вв., среди многих других присутствующих там версий, утверждается сарматское происхождение Руси.

Поскольку историография этой проблемы развивалась в русле «моноцентризма» локализации русов (усилия были направлены на поиск *одного* племени русь, которое можно расположить в *одном* месте), значительное число источников по проблеме, будучи известным уже в XVIII в., оставалось не исследованным. Информация же, содержащаяся в письменных памятниках, удостоенных научного комментария, была «распределена» между различными концепциями: сторонники *сла-*

вянского происхождения русов использовали данные одной из арабо-персидских традиций, византийские сочинения, Нионовскую летопись, Степенную книгу, «полянскую» версию Повести временных лет, отождествляющие русь и славян, *норманисты* — «Варяжскую легенду», германские средневековые хроники, другую часть восточной географической и исторической литературы, четко разделяющие эти два этноса.

Однако среди моря свидетельств современников о русах существуют источники, несущие столь важные данные, что обойти их стороной не имела права ни та, ни другая научная школа. Это сообщения о русах с каганом во главе, содержащиеся в Бертинских анналах Франкской империи под 839 г., а также в аутентичных (то есть современных) восточных историко-географических сочинениях.

Бертинские анналы, точнее, та их часть, которую приписывают св. Пруденцию Труасскому, сообщают о прибытии посольства византийского императора Феофила в столицу франков Ингельгейм к Людовику Благочестивому, причем вместе с этим посольством были послы и другого народа, называвшие себя росами (Rhos), а своего правителя — Каганом (chacanus). Феофил просил императора франков помочь им вернуться на родину, поскольку ближайшие пути туда были перерезаны «варварами, очень жестокими и страшными народами». Распросив послов, Людовик заподозрил в них «свеонов» (esse Sueonum), прибывших с разведывательными целями¹.

Со «свеонами» и русами с каганом во главе обычно увязывается термин «каган» в привязке к норманнам (Nortmannorum), упоминаемый в переписке франкского императора Людовика II с византийским коллегой Василием I под 871 г. Людовик, споря с Василием о титулах правителей различных народов, писал:

*Хаганом (chaganus) же, как мы убеждаемся, звался предводитель авар, а не хазар или норманнов (Nortmanni), а также не правитель болгар, а король или государь болгар*².

---

¹ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Том 4. Западноевропейские источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 2010. С. 18—21.

² Там же. С. 23—24.

При этом титул кагана был прекрасно известен франкам еще в VIII в., когда те долго, но успешно воевали с аvaraми и даже заставили аварских послов присягнуть Карлу Великому в 797 г. Франкские Королевские анналы упоминают кагана авар под 782, 796 и 805 гг., причем в формах, имеющих ту же фонетическую интерпретацию (*saganus, chagan, kagan, chagaus*), что и записи под 839 и 871 гг¹. Также имелись у франков представления и о свеонах. Следовательно, вероятность того, что *chacanus* — это личное имя правителя русов, бесконечно близка к нулю.

Многие же арабские и персидские авторы X—XIV вв., сведения которых не датированы, но восходят к VIII — нач. IX вв., упоминают о русах (или об «острове русов») с каганом во главе, называя этот политический союз государством наравне с Хазарией и Сариром, в котором имеются «большие богатые города».

Этот круг источников о русах уникален: западные и восточные авторы здесь единодушны в терминологии определения главы государственного образования — каган, но и один из самых трудных для интерпретации: *Sueones* (обычно понимаемые как «шведы», скандинавы) и *каган норманнов* указывают, кажется, на северную, «норманистскую» локализацию русов, степной термин *каган* — на юго-восток Европы.

Вопрос интерпретации этих сведений является одним из ключевых в исследовании проблемы образования Древнерусского государства. Титул кагана применительно к главе русов предполагает существование по крайней мере в 839 г. государственного образования, в названии которого присутствует корень *ros/rus*, в то время как возникновение на политической арене Киевской Руси датируется кон. IX в. Более того, титул кагана, официально признаваемый соседними государствами, значил в евразийских степях то же, что «император».

Слитые воедино «свеоны», «норманны», «росы» и «каган» побуждали и норманистов, и антинорманистов часть этих сведений принимать, часть же — произвольно опускать, по-

---

¹ *Garipzanov I. The Annals of St. Bertin (839) and Chacanus of the Rus// Ruthenica 5(2006). P. 10.*

скольку сторонники норманнской теории не могли объяснить, как титул кагана оказался в Скандинавии, а антинорманисты, в свою очередь, — упоминания свеонов и норманнов. В альтернативе Скандинавия — Киевская Русь вопрос не разрешается.

Современным сторонникам норманно-хазарского господства над славянами кажется, что все объясняет их идея: здесь и скандинавы (свеоны), и хазары (каган). И поскольку научный мир справедливо признает, что титул кагана в степи аналогичен императорскому, то получается, что «шведско-хазарский передел» Восточной Европы практически на 100% «обоснован».

А если, к примеру, добавить еще такую запись арабо-персидского географа Ибн Русте: «Они (русы. — *Е.Г.*) нападают на славян, садятся на суда, отправляются к ним, полонят их, вывозят в Хазаран и Булгар (Волжскую Болгарию. — *Е.Г.*), продают их; нет у них полей пахотных, так как они едят то, что привозят из земли славян». Кто еще может прийти в голову, как не известные норманно-варяги-русы в одном лице, завладевшие северными славянскими племенами и бравшие с них дань? Юг же славянских земель находился долгое время под хазарским игом (или благотворным влиянием — как кому нравится).

Между тем норманно-хазарская концепция, оказавшаяся в последнее время в *авангарде* исторической науки, имеет весьма зыбкую основу. Это касается как норманизма, так и версии о господстве над югом Восточной Европы Хазарского каганата. Обе теории разбиваются при первом же непредвзятом, серьезном взгляде на проблему. Тем более что наука сейчас впервые имеет достаточно материала, чтобы предложить непротиворечивое решение проблемы Русского каганата. А значит, нанести на историческую карту первое русское государство.

Часть 1

РУСЫ И ИХ СОСЕДИ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ

Глава 1

«НАРОД НЕИЗВЕСТНЫЙ, НО ПОЛУЧИВШИЙ ИМЯ...»

Появление этнонима «русь» в Европе

Проблема происхождения этнонима «русь» — одна из самых сложных и запутанных. И во многом потому, что это название встречается в Средние века в самых разных областях Европы, обозначая явно не одно и то же. Русов знают и арабы, и персы, и франки, и византийцы. Когда впервые состоялось знакомство этих народов с русами — определить очень трудно. С одной стороны, во многих поздних сочинениях, когда уже широко была известна Киевская Русь, а потом и Московия, в рассказах о событиях IV—VIII вв. называются русы.

Византийский писатель XIV в. Никифор Григора упоминает некоего русского князя, служившего при дворе императора Константина в начале IV в. н.э. Составленная в Московской Руси Степенная книга, излагая в форме генеalogий историю Руси от Рюрика до Ивана Грозного, рассказывает о битве римского императора Феодосия (379—395 гг.) с «русскими вои». Там же говорится о нападении русов на «Селунский град» (Салоники).

В VI в. в Причерноморье и на Кавказе восточные авторы начинают упоминать русов. Но делают это в основном авторы XI—XVI вв. Единственное современное сообщение — рассказ неизвестного сирийца, обычно именуемого Псевдо-Захарией, о народе рос в Северном Причерноморье по соседству с ама-

зонками, песьеголовыми и другими фантастическими племенами. Подобное сообщение вызвало естественное недоверие ученых, многие из которых поспешили объявить росов Псевдо-Захарии ременищенцией упоминавшегося в Ветхом Завете термина «наси-рош» (в переводе с иврита «верховный глава»). Якобы в результате неточного перевода на греческий — «князь Рош» — возникло представление о мифическом народе росов, живущем на краю света.

В Западной Европе тоже имеются данные о русах до IX в. И опять-таки все они сохранились в более поздних источниках. Во французской поэме об Ожье Датчанине (XII—XIII вв.) упоминается русский граф Эрно. Он якобы возглавлял русский отряд, который защищал столицу лангобардов Павию от войска Карла Великого в 773—774 гг. В Северной Италии русы занимали район Гарда близ Вероны. Таким образом, если это правда, некие русы находились в Италии в третьей четверти VIII столетия. Вторит поэме и «Песнь о Роланде» в записях XII—XIV вв. Там русы оказываются в числе противников франкского войска, а также упоминаются «русские плащи». Еще в одной французской поэме конца XII — начала XIII в. в числе приближенных Карла Великого назван русский граф. А в поэме «Сесн», датирующейся концом XII в., действует русский великан Фьерабрас, выступающий против Карла Великого на стороне Гитеклена-Видукинда Саксонского. Этому герою посвящена и одноименная поэма, где богатырь из Руси оказывается царем Александрии и Вавилона, а также правителем Кельна и Руси. Попав в плен, он становится верным слугой Карла Великого.

Если бы все эти сообщения сохранились в рукописях, современных событиям, мы могли бы, даже не используя археологический материал или лингвистику, уверенно сказать, что этнос «рус» существовал еще в первых веках н.э. и был весьма активной политической силой на просторах от Северного Кавказа до Пиренейского полуострова. И уже исходя из этого, можно было бы ставить вопрос, один это этнос или несколько и как они друг с другом соотносятся. Но, к сожалению, аутентичные (современные событиям) источники этого периода не сохранились. Поэтому использовать эти данные можно толь-

ко после огромной работы по доказательству их подлинности, что далеко не всегда возможно. Например, объявить достоверным сообщение арабского историка XI в. ас-Са'алиби о русах на Кавказе можно только после того, как на основе археологии, нумизматики, эпиграфики, антропологии и других исторических дисциплин будет доказано присутствие этноса русов на Кавказе именно в VI в.

Поэтому не будем изначально вступать на столь зыбкую почву, а обратимся к записям о русах современников. Они, как правило, случайны и возникали после встречи с незнакомым народом, отражая свежие впечатления. Древнейшие аутентичные упоминания содержат западноевропейские и византийские источники.

Послы кагана русов у франкского императора

Самое первое, но, к счастью, весьма пространное сообщение о русах сохранилось в Бертинских анналах. Оно как раз касается загадочного государства русов, во главе которого стоял хаган (каган). Жесткие споры о его интерпретации, ведущиеся уже почти три столетия, сполна описаны во введении к этому исследованию. Это не только древнейшее из ныне известных сообщений о русах. Впервые здесь сообщается о наличии у русов государства. Поэтому отнестись к записям анналов следует крайне внимательно и серьезно.

Во времена единой Франкской империи зародилась традиция вести при дворе государя своеобразную летопись, в которой по годам отражались наиболее значимые события (отсюда и название от лат. annus — «год»). «Бертинскими» эти анналы названы по месту находки рукописи в аббатстве св. Бертина на севере Франции. Автор записей известен — это Пруденций, придворный капеллан сначала императора Людовика I (814—840 гг.), а затем, после его смерти и распада империи, — его сына, западнофранкского короля Карла Лысого (843—877 гг.). Это особенно ценно: Пруденций мог присутствовать при появлении русов.

В 839 г. к Людовику прибыло посольство византийского императора Феофила (829—842 гг.), а с ними:

«Прибыли также греческие послы, направленные императором Феофилом, а именно халкидонский митрополит Феодосий и спафарий Феофан, которые, наряду с дарами, достойными императора, доставили послание; император с почестями принял их в 15-й день июньских календ 8 в Ингельхайме. Их посольство имело целью подтверждение мирного договора и вечной дружбы и любви между обоими императорами, а также их подданными... С ними (послами) он прислал еще неких [людей], утверждавших, что они, то есть народ (gens) их, называются рос (Rhos) и что король (rex) их, именуемый хаханом (chacanus), направил их к нему, как они уверяли, ради дружбы. В упомянутом послании он (Феофил) просил, чтобы по милости императора и с его помощью они получили возможность через его империю безопасно вернуться, так как путь, которым они прибыли к нему в Константинополь, пролегал по землям варварских и в своей чрезвычайной дикости исключительно свирепых народов, и он не желал, чтобы они возвращались ним путем, дабы не подверглись при случае какой-либо опасности. Тщательно расследовав [цель] их прибытия, император (Людовик) узнал, что они из народа свеев (Sueones), и, сочтя их скорее разведчиками и в той стране, и в нашей, чем послами дружбы, решил про себя задержать их до тех пор, пока не удастся доподлинно выяснить, явились ли они с честными намерениями или нет. Об этом он через упомянутых послов, а также через [собственное] послание не замедлил сообщить Феофилу, равно как и о том, что из любви к нему принял их ласково и что, если они окажутся достойными доверия, он отпустит их, предоставив возможность безопасного возвращения на родину и помощь; если же нет, то с нашими послами отправит их пред его очи, дабы тот сам решил, как с ними поступить»¹.

Эта случайная запись сама по себе дает столько информации, как никакой другой источник IX столетия. Впрочем, это единственный случай подобного написания этнони-

---

¹ Перевод А.В. Назаренко. См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Том 4. Западноевропейские источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 2010. С.18—21.

ма «рос» в западных средневековых источниках. Другие документы того времени знают на просторах Европы Ruzzi, Rizaqa, Rusci, Ruteni. Откуда взялись эти названия — выясним позднее. Здесь же явно зафиксировано самоназвание народа, с которым франкам встречаться раньше не приходилось. Значит, политическое образование, которое возглавлял хакан русов, находилось настолько далеко от Франкской империи, что и торговых связей с ним не было.

Главу русов, «именуемого хаканом», летописец империи величает королем. А в Западной Европе, где всегда придавали большое значение генеалогиям и титулам, «разбрасываться» такими словами, как *король*, было не принято. Многих весьма уважаемых государей называли *князьями*. Из этого следует, что неизвестное доселе государство русов после переговоров показалось франкам настолько значительным, что сразу удостоилось названия королевства.

Титул кагана свидетельствует о южной, степной локализации росов Бертинских анналов. Именно в степи этот титул приравнивался к императорскому и символизировал не только независимость, но и притязания на первенство в регионе. Из известных франкам народов только один употреблял этот титул — авары. Из степных народов в Центральную Европу к тому времени проникли еще болгары, но их правители назывались ханами, а не хаканами, что на порядок ниже. Следовательно, скорее всего, росы с хаканом во главе обитали где-то в степях Восточной Европы.

Государство росов не могло находиться на севере Европы — об этом свидетельствует сам текст. Земли, располагавшиеся к северу от империи, а именно в Прибалтике, были хорошо или сносно знакомы франкам, так как входили в сферу их политических и торговых интересов. Побережье Балтийского моря, куда сходились важнейшие торговые артерии Средневековья, всегда было лакомым куском, и не одно столетие за него велась жестокая борьба. Недаром балтийские славяне, под контролем которых долго было южное побережье, слыли во 2-й половине I тысячелетия н.э. даже более воинственными, чем дружины викингов.

Направлять свою мысль на север Европы ученых заставляет упоминание в источнике народа свеонов. Действительно, в IX—X вв. шведов часто называли свеонами.

Однако, как ясно указано в анналах, никакого отношения к русам свеоны не имели. И если русы не воспринимались Людовиком как враги, конкуренты или объект политического внимания, то о свеонах этого сказать нельзя. Они хорошо были известны франкам, и где-то их политические интересы сталкивались (иначе им нечего было бы разведывать во франкской столице).

Таким образом, если не отклоняться от текста, ситуацию можно реконструировать следующим образом. Хакан росов около 838—839 гг. отправил посольство в Византию с целью переговоров о сотрудничестве. Вернуться домой обычным путем послы уже не могли, поскольку обычный путь был перекрыт «свирепыми народами». Учитывая предположительно степное расположение Русского каганата, эти племена были кочевыми. Скорее всего, именно о помощи против кочевников хотели договориться послы с Феофилом. Вряд ли переговоры с византийцами завершились для русов успешно — иначе в тексте было сообщено о союзе Византии с русами, а не сквозило бы недоверие: *«как они уверяли, ради дружбы»*. Между тем, в традициях византийской дипломатии император позаботился о безопасности послов, значит, исход схватки хакана русов с кочевниками еще не был решен. В ходе *тщательного расследования* обстоятельств прибытия послов неизвестного государства Людовик выяснил, что кто-то из них происходил с побережья Балтийского моря (вряд ли все посольство). В Средние века обычным делом была служба при дворе стран, связанных политическим или торговым союзом. Из этого можно сделать вывод, что Русский каганат имел какие-то контакты (и весьма тесные) с Прибалтикой, хотя и находился далеко от нее. Людовик не имел возможности сразу определить, являлись ли свеоны официальными представителями русского кагана, или они действительно сочинили такую легенду, чтобы проникнуть в святая святых враждебного государства. Для определения, истина рассказ послов или ложь, нужно было связаться с Русским каганатом, в ожидании чего послы и были за-

держаны. На этом следы посольства росов теряются, и дальнейшая судьба «свеонов» покрыта мраком. О возвращении их в Византию тоже нигде ни слова. Потому концовку можно предположить и другую: послы неведомого народа *показались* Людовiku слишком схожими со свеонами антропологически, остальное дознание было делом техники, с каганом русов связаться не удалось, и послы сгинули в Ингельхайме.

В любом случае, хотя продолжение истории неизвестно, и имеющиеся данные немало сообщают о народе *рос*.

Бертинские анналы не единственный западноевропейский памятник, в котором есть информация о каганате. С ними обычно связывают послание франкского императора и итальянского короля Людовика II (844—875 гг.) к опять-таки византийскому василевсу Василию I (867—886 гг.). Письмо было отправлено в 871 г. и дошло до наших дней в составе Салернской хроники X в. Споря с византийским императором о титулах правителей, Людовик II пишет: *Хаганом (chaganus) же, как мы убеждаемся, звался предводитель авар, а не хазар или норманнов (Nortmanni), а также не правитель болгар, а король или государь болгар*¹.

Из контекста понятно, что византийский император правителей хазар, норманнов и болгар называл каганами.

Вполне понятно, что Людовик не знал о других хаганах, кроме аварского: Аварский каганат был разгромлен его прадедом Карлом Великим на рубеже VIII—IX вв. Жаль, что до наших дней не сохранился текст письма Василия, на которое отвечал франкский император. Как отмечает исследователь этого фрагмента Салернской хроники А.В. Назаренко, неясно, какой этникон был на месте «норманнов» в греческом тексте. Наиболее вероятный вариант — просто калька с греческого, и «в послании Василия I читалось нечто вроде «северные народы» или изредка встречающееся в византийских источниках X в. применительно к руси «северные скифы»². Тем паче известно еще одно упоминание русов как «норманнов» в латиноязычном источнике, опиравшемся на греческие. Это Венецианская

---

¹ Там же. С. 23—24.

² Там же. С. 23.

хроника Иоанна Диакона, в которой упоминается о нападении флота русов, названных там *Normannorum gentes*, на Константинополь около 860 г.¹.

Со времени Великого переселения народов в Европе известно четыре каганата (т.е. ранних государства, правители которых в источниках часто именуются каганами): Западный Тюркский, Аварский, Хазарский и Русский. Тюркский каганат, исчезнув за три столетия до написания документа, так и остался неизвестен франкам. Поэтому правомерно предположить, что «северные народы» — это русы. Из этого послания можно сделать два вывода: во-первых, русы с каганом (хаканом) во главе до сих пор не стали хорошо известны в бывшей Франкской империи, а во-вторых, в Византии о них еще помнили. Существовал ли Русский каганат в 871 г. — сказать нельзя.

Таким образом, из франкских хроник известно, что в 1-й пол. IX в. (а может, и позже) где-то в степях Восточной Европы находилось весьма влиятельное в регионе раннее государство с каганом во главе, имевшее контакты с Византией и, возможно, побережьем Балтийского моря.

Славяне и русы в Баварском географе

Другие древнейшие упоминания этнонима «русь» в латинских источниках Средних веков относятся к немецкой традиции. Связаны ли они с русами (росами) Бертинских анналов или с Киевской Русью?

Самым загадочным памятником считается так называемый Баварский географ. Сохранился он в единственном экземпляре — в виде приписки на обороте последней страницы трактата Боэция о геометрии, и судьба его в науке не была простой. Русским ученым он был известен давно, еще со времен «первого русского историографа» Н.М. Карамзина. Долгое время рукопись ошибочно датировалась XI—XII вв. и даже место ее создания было определено неправильно: считалось, что это монастырь св. Эммерама в Регенсбурге или кафедра архиепископа в Зальцбурге. Только в середине XX столетия было до-

---

¹ Там же. С.53—54.

казано, что запись возникла в монастыре Райхенау, располагавшемся в верховьях Рейна. Таким образом, Географ получается не «Баварский», а «Швабский», а создан был, как выяснилось тогда же, не в XI—XII, а во второй половине IX в. (именно так по палеографическим признакам была датирована рукопись). Но неверное имя закрепилось, и до сих пор в научных кругах употребляется термин «Баварский».

Тем более что в рукописи у этого маленького, но полного тайн текста совсем другое название — «Описание городов и областей к северу от Дуная». Это краткое перечисление более чем пятидесяти племен Центральной и Восточной Европы, большей частью славянских. При этом часто сообщается, сколько у того или иного народа было «городов». Судя по огромному количеству оных (как правило, от 100 до 300), можно предположить, что речь шла не о городах в привычном понимании, то есть центрах ремесла, торговли и политической жизни, а просто об укреплениях. В этом ничего необычного нет: в русских летописях в понятие «город» вкладывался такой же смысл. Странность географа в другом: до сих пор ученые не всегда могут достоверно определить, о каких народах говорит неизвестный автор.

Часто при публикации этого источника в работах о происхождении Руси цитируется только отрывок, где упоминаются Ruzzi. Но в другом месте Баварского географа находится целый ряд этнонимов, в которых есть корень *roz* (в древневерхненемецком звучало «рос»). Исследователи разделяют Географа на две части. В первой описаны народы, хорошо известные по другим источникам и жившие по Эльбе и Дунаю до Сремской области, то есть по славяно-германскому водоразделу. Во второй части, как считается, описана Восточная Европа. Как раз там и сконцентрированы всевозможные русы и россы, а также неизвестные народы явно славянского происхождения. Структура этой части не разгадана до сих пор. Приведем вторую часть таинственного сочинения более полно, благо, оно очень небольшое:

«Остерабтрецы (восточные ободриты? — Е.Г.), 100 <городов>. Малоксы, 67. Пеинуцы, 70. Тадеши, 200. Бушаны, 231. Шиттицы — области, изобилующие народами и весьма укреп-

пленными градами... Штадицы — <область>, в которой 516 городов и бесчисленный народ. **Шеббировсы** имеют 90 городов. Унлицы — многочисленный народ, 318 городов. Нериваны имеют 78 городов. **Антторосы** имеют 148 городов, народ свирепейший. Эптарацицы имеют 263 города. **Виллеросы** имеют 180 городов. **Сабросы** имеют 212 городов. Снеталицы имеют 74 городов. Атурецаны имеют 104 города. **Хосиросы** имеют 250 городов. Лендицы имеют 98 городов. Тафнецы имеют 257 городов. Сериваны — это королевство столь велико, что из него произошли все славянские народы и ведут, по их словам, свое начало. Прашаны (жители Западного Поморья, где известен был город Pirissa? Brizani «Славянской хроники» Гельмольда? — Е.Г.) — 70 городов. Велунцаны (от названия славянского г. Волин на южном берегу Балтики? Летописные волыняне? — Е.Г.), 70 городов. Брусы (прусы, обитавшие от Нижней Вислы до Немана. — Е.Г.) — во всех направлениях больше, чем от Энса до Рейна. Висунбейры. **Кациры (Caziri), 100 городов. Руссы (Ruzzi). Форишдерен лиуды. Фрешиты. Шеравицы. Луколане. Унгаре. Вишляне** (славяне верховье Вислы с центром в позднейшем Кракове. — Е.Г.). **Шленцане, 15 городов. Луншицы, 30 городов. Дазошешаны, 20 городов. Мильтцане, 30 городов. Бешунцане...**

Свевы не рождены, а посеяны. Бейры зовутся не баварами, а бойарами, от реки Боя»¹

Прежде чем разобраться, о каких русах и россах идет речь, нужно ответить на другой вопрос: зачем и когда был составлен этот странный памятник? Ясно, что для купцов, миссионеров, послов Баварский географ был совершенно бесполезен. Ориентироваться по нему нельзя: нет расстояний между землями, даже не указаны направления по сторонам света. Редкие комментарии носят скорее ученый, кабинетный характер. Записка создавалась не для практического применения. Это даже нельзя назвать законченным произведением: фразы похожи на обрывки, в конце — не связанный с предыдущим текстом комментарий. Напрашивается вывод, что Баварский

---

¹ Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков. М., 1993. С. 14.

географ — это краткий план или конспект материалов к неизвестному, возможно, так и не написанному сочинению, которое должно было назваться «Описание городов и областей к северу от Дуная»... Такое предположение доказывает и местонахождение Географа на чистой странице трактата Боэция, и торопливый, неаккуратный почерк автора.

Но, видимо, этот план уже был приведен в систему, как в первой части, так и во второй. В этом нетрудно убедиться, попытавшись наложить данные Географа на карту. Из большого списка нам относительно известно место жительства всего нескольких племен. Ободриты (бодричи) — это славянский племенной союз, занимавший земли по берегу Балтийского моря от Любекского залива до Ратиборского озера, по рекам Одер, Травна и Варна. Далее по списку это глопяне — племя балтийских славян на территории Великой Польши и Куявии. Следующий этноним — *Busani* — соответствует бужанам Повести временных лет, которые проживали по обоим берегам Западного Буга и верховьям Припяти. Далее после неизвестных народов, в том числе и шеббировсов, упоминаются *Unlizi*. Многие поддаются соблазну отождествить этот народ с уличами Повести временных лет. Но уличи во времена Баварского географа жили на Нижнем Днепре. Тогда едва намечившаяся географическая логика текста пропадает — приходится огромный и необъяснимый скачок на юго-восток. Гораздо более верно предположить, что это один из вариантов написания этнонима «лучане», широко распространенного среди славян (одни лучане известны в районе Луцка на Волыни, другие — в Чехии). В этом случае мы не уходим с торгового пути по Западному Бугу и Висле, ведущего к Балтийскому морю, и оказываемся на просторах между Бугом и Неманом. Здесь обнаруживается скопление всяческих «росов»: атторосы, виллеросы, сабросы, хосиросы, «разреженное» другими неведомыми племенами. Сразу после хосиросов — *Lendizi*, которые давно и уверенно отождествлены с лендзянами — славянским племенем, обитавшем восточнее Западного Буга. Следующий известный этноним — пруссы. Это одно из немногих названий, объяснение которого сомнений не вызывает. Локализация этого лето-литовского племени в Средние века хорошо известна: меж-

дуречье Вислы и Немана на берегу Балтийского моря. Логика в записке, как видно, все еще присутствует. И по этой логике, росы обитали тоже в этом междуречье, только не на самом берегу, а чуть южнее по течению.

Дальше система изложения, на первый взгляд, ускользает. Автор называет каких-то висунбейров, или, по другому прочтению, виссов и бейров. О племени Wizzi кое-что известно. Не будем сейчас выяснять его этническую принадлежность (об этом еще будет разговор). Главное, что такой народ знает и автор конца XI в. Адам Бременский, который сообщает, что проживали Wizzi в Восточной Прибалтике. И после этого поморского цикла вдруг речь заходит о хазарах и русах, а также неких Forsderen liudi (по мнению ученых, от немецкого *forist* — «лес», т.е. *лесные люди*), Fresiti (возможно, «свободные жители»), шеравицы и луколане.

Определить, что за местность описана в этом отрывке, невозможно. Ясно, что путь либо начинается с юго-востока Европы (от хазар), либо это просто путаное перечисление народов совершенно незнакомого региона, попавшее к автору записки через десятки руки. Второе предположение представляется более вероятным. В Германии IX в., как мы уже отмечали, Юго-Восточную Европу практически не знали, ибо не было ни торговых, ни политических контактов. Поэтому о русах Баварского географа нельзя сказать ничего определенного, кроме того, что они во второй половине IX в. обитали где-то в Восточной Европе, не исключено, что рядом с хазарами. Были ли это руссы из Русского каганата Бертинских анналов, или какое-то другое племя, — неизвестно.

Но несмотря на всю свою туманность, Баварский географ сообщил интереснейшую вещь: одни русы (росы) в его время находились на юго-востоке Прибалтики, а другие — в глубине Восточной Европы.

На этом, собственно, древнейшие западноевропейские упоминания IX в. о русах (именно о русах, а не ругах, рогах, рутенах и других похожих этнонимах) заканчиваются. Германисту А.В. Назаренко удалось присоединить к этому ряду упоминание некоей Русской марки (*Ruzaramarcha*) на территории

современной Австрии в одной из грамот короля Людовика Немецкого от 863 г. Ученый сумел доказать, что первая часть слова представляет собой древневерхненемецкое *Ruzari* — один из вариантов имени «русь» в этом языке. Оказывается, модель, оканчивающаяся на *-ari*, часто встречалась в этнонимах: *Becheimari* — «чех», *Marhari* — «датчанин» и т.д.¹ Таким образом, получается, что в середине IX в. в местечке в Австрийском Подунавье жили еще какие-то русы. Причем нельзя сказать, что зафиксированный в грамоте анклав был многочисленным: если в названии поселения звучит этноним, то значит, окружающие земли заняты другими народами. Русы явно не составляли большинство населения той территории.

Существуют разные мнения о происхождении дунайских русов. Наиболее интересная и аргументированная точка зрения такова. Дело в том, что в V в. н.э. как раз на этих землях, к северу от Дуная между современными Энсом и Веной, в течение по меньшей мере 30 лет существовало королевство Ругиланд. Его населяло племя ругов, этническая принадлежность которого до сих пор не известна (либо восточногерманское, либо иллиро-венедское). В 480-е гг. государство ругов было разгромлено талантливym полководцем той эпохи Одоакром (по некоторым источникам, тоже ругом). В VI в. Ругиланд часто упоминается в лангобардских хрониках. Читающей Европе же это название было широко известно по популярному в Средневековье Житию святого Северина, написанному в VII в. На время руги исчезают из источников, а в X в. вдруг появляются в западных сочинениях, но не на Дунае, а в Киевской Руси (княгиню Ольгу называют «королевой ругов»). Поэтому есть мнение, что Русская марка на Дунае, как и многие топонимы той местности с корнем *рус*, оставили потомки ругов, уже смешавшиеся со славянами. Так ли это — увидим позднее, а пока важно, что в Западной Европе IX столетия были известны разные русы, одни из которых жили в Прибалтике, другие — в степях Восточной Европы, а третьи, видимо, многочисленные, — на Среднем Дунае.

---

¹ Назаренко А.В. Русь и Германия в IX—X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1991. М., 1994. С. 30—31.

Встречи с Византией

Значительно чаще упоминают русов византийские авторы. Это неудивительно: по крайней мере, с русами Восточной Европы был знаком еще император Феофил, с чьими послами прибыли во франкскую столицу послы хакана русов. А в переписке двух императоров именно византиец Василий знает о Русском каганате.

В начале IX в. русские войска атаковали византийские порты на побережье Черного моря — Амастриду в Малой Азии и, возможно, Сугдею в Крыму (в древнерусской традиции Сурож). О событиях остались подробные рассказы в житиях местных святых — Георгия Амастридского и Стефана Сурожского.

Житие Георгия Амастридского было написано, вероятно, между 820 и 842 годами известным византийским сочинителем, впоследствии Никейским митрополитом Игнатием. Известно оно по единственной греческой рукописи. Георгий (ок. 760 — ок. 806 гг.) был архиепископом Амастридским. При нем Амастридская епископия была выведена из состава Пафлагонской епархии и возведена в степень архиепископии. Кроме того, он был жестким противником иконоборчества. В результате он был канонизирован, а еще до этого, как и полагается святому, после кончины стал творить чудеса. Среди чудес было и такое:

«То, что следует далее, и еще более удивительно. Было нашествие варваров, руси, народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия. Зверские нравами, бесчеловечные делами, обнаруживая свою кровожадность уже одним своим видом, ни в чем другом, что свойственно людям, не находя такого удовольствия, как в смертоубийстве, они — этот губительный на деле и по имени народ, — начав разорение от Пропонтиды (пролив Босфор. — Е.Г.) и посетив прочее побережье, достигли, наконец, и до отечества святого, посекая нещадно всякий пол, не жалея старцев, не оставляя без внимания младенцев, но противу всех одинаково вооружая смертоубийственную руку и спеша везде пронести гибель, сколько на это у

них было силы. Храмы ниспровергаются, святыни оскверняются: на месте их нечестивые алтари, незаконные воления и жертвы, то древнее таврическое избиение иностранцев, у них сохраняющее силу. Убийство девиц, мужей и жен; и не было никого помогающего, никого готового противостоять. Лугам, источникам, деревьям воздается поклонение. Верховный промысл допускает это, может быть, для того, чтобы умножилось беззаконие, что, как мы знаем из Писания, много раз испытал Израиль.

Пастырь добрый не был налицо телом, а духом был с Богом и, в непостижимых судах его читая, как посвященный, лицом к лицу, медлил заступлением и откладывал помощь. Но наконец он не возмог презреть, и вот он и здесь чудодействует не меньше, чем в других случаях. Когда варвары вошли в храм и увидели гробницу, они вообразили, что тут сокровище, как и действительно это было сокровище. Устремившись, чтобы раскопать оное, они вдруг почувствовали себя расслабленными в руках, расслабленными в ногах и, связанные невидимыми узами, оставаясь совершенно неподвижными, жалкими, будучи полны удивления и страха и ничего другого не имея силы сделать, как только издавать звуки голоса»¹.

Данное происшествие могло случиться между 806 и 830 годами — после кончины святого, но минимум за несколько лет до написания Жития (иначе Игнатий обязательно указал на то, что событие произошло недавно). Первое, что бросается в глаза, — слова «руси, народа, как все знают». То есть в это время русы уже прославились в Причерноморье, причем, очевидно, не с лучшей для византийцев стороны. Видна в источнике и византийская традиция связывать мистическим образом этноним *рос* с якобы упоминаемым в Ветхом Завете «князем Рош» (в действительности в Библии никакой Рош не упоминается, неточный перевод на греческий древнееврейского титула *наси-рош* — *верховный глава* — породил «архонта Рош»).

В Житии приводится и важная этнографическая особенность — «древнее таврическое избиение иностранцев». Именно по ней можно предположить, откуда пришли росы в Ама-

---

¹ Васильевский В.Г. Труды. Т.3. Пг., 1915. С. 64—69.

стриду. Дело в том, что этот ритуал известен еще у древнего арийского населения Крыма — тавров. Античные авторы писали о нетерпимости тавров к иностранцам и об обычае приносить гостей в жертву богам (*ксеноктония*). Видно, что Игнатию русы представляются прямыми потомками тавров, сохраняющими их древние традиции. Интересно, что подобный обычай независимо от византийцев отмечают у русов арабо-персидские авторы Средневековья (об этом в следующих главах). Да и для греческих писателей X—XII вв. (Льва Диакона, Константина Манассии) русы — это тавроскифы, то есть потомки ираноязычных кочевников Причерноморья и тавров. Не исключено, что остатки тавров действительно смешались с русами, передав им что-то из своих традиций. То есть Игнатий фактически «поселяет» росов в степях Причерноморья и Крыму.

Продолжает историю взаимоотношений русов и Византии константинопольский патриарх Фотий. Его свидетельства о походе русов на Царьград в 860 г. широко известны, практически хрестоматийны. Их использовал еще один из авторов Повести временных лет, приписав знаменитое нападение киевским правителям Аскольду и Диру. Но русы Фотия к Киевской Руси отношения не имеют.

Константинопольскому патриарху Фотию (ок. 810 — после 886) принадлежит несколько сочинений, в которых упоминается народ *рос*. Фотий (низложен в 867 г.) стал непосредственным свидетелем нападения русов на Константинополь в 860 г. Выдающийся литератор, полемист и канонист, Фотий оставил две речи-беседы («гомии»), которым позже было дано название «На нашествие росов». Через семь лет Фотий написал Окружное послание к «восточным патриархам», где снова упомянул нападение 860 г., однако росы уже называются «подданными и друзьями», а также упоминается о крещении этого народа. «Беседы» и «Окружное послание» особенно любопытны при сравнении между собой.

Беседа первая:

<...> Горе мне, что вижу народ жестокий и дикий беззаканно обступившим город и грабящим пригороды, все губящим, все уничтожающим — поля, жилища, стада, скот, жен, детей, стариков, юношей — все предающим мечу, не слушая

никаких воплей, никого не щадя. Погибель всеобщая! Как саранча на ниву и как ржа на виноградник, точнее — как вихрь, или буря, или ураган, или не знаю что еще, обрушившись на нашу землю, он погубил целые поколения жителей. <...>

Где ныне василевс христоролюбивый? Где войска? Где оружие, [оборонительные] машины, полководческие советы и приготовления? Разве не нашествие других варваров перенесло и отвлекло на себя все это? И василевс выносит дальние труды за рубежами [империи], воинство отправилось с ним и разделяет тяготы, — нас же истощает гибельное убийство, на наших глазах настигшее одних и уже настигающее других. Этот скифский народ, жестокий и варварский, выползая из самых предвратий города, будто полевой зверь объел (Пс. 80 (79), 14) окрестности его...¹

Беседа вторая.

<...> Народ незаметный, народ, не бравшийся в расчет, народ, причисляемый к рабам, безвестный — но получивший имя от похода на нас, неприметный — но ставший значительным, низменный и беспомощный — но взошедший на вершину блеска и богатства; народ, поселившийся где-то далеко от нас, варварский, кочующий, имеющий дерзость [в качестве] оружия, беспечный, неуправляемый, без военачальника, такую толпой, столь стремительно нахлынул будто морская волна на наши пределы и будто полевой зверь объел (Пс. 80 (79), 14) как солому или ниву населяющих эту землю, — о кара, обрушившаяся на нас по попущению! — не щадя ни человека, ни скота, не стесняясь немоги женского пола, не смущаясь нежностью младенцев, не стыдясь седин стариков, не смягчаясь ничем из того, что обычно смущает людей, даже дошедших до озверения, но дерзая пронзять мечом всякий возраст и всякую природу <...>²»

Из «Окружного послания»

«<...> И ведь не только этот народ (дунайские болгары, принявшие крещение вначале 860-х гг. — Е.Г.) переменял

---

¹ Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы: 2000 г. М.: Восточная литература. 2003. С. 35, 36.

² Там же. С. 57—58.

прежнее нечестие на веру во Христа, но и даже сам ставший для многих предметом многократных толков и всех оставляющий позади в жестокости и кровожадности, тот самый так называемый [народ] Рос, те самые, кто — поработив [живших] окрест них и оттого чрезмерно возгордившись — подняли руку на саму Ромейскую державу! Но однако ныне и они переменили языческую и безбожную веру, в которой пребывали прежде, на чистую и неподдельную религию христиан, сами себя охотно поставив в ряд подданных и гостеприимцев вместо недавнего разбоя и великого дерзновения против нас. И при этом столь воспламенило их страстное влечение и рвение к вере <...> что приняли они у себя епископа и пастыря и с великим усердием и старанием предаются христианским обрядам»¹.

Эти два произведения, созданные одним человеком, кажется, противоречат друг другу, но при сравнении с другими византийскими источниками они дают немало информации о таинственном «варварском» народе.

Скифами по античной традиции (со времен Геродота и реальных скифов) в византийской литературе называли племена, жившие в степях Причерноморья и в Крыму. Этническую принадлежность по этим словам определить нельзя. Ученые древнего мира и раннего Средневековья называли все население какого-либо региона по имени господствующего этноса или народа, с которым больше всего приходилось контактировать. А знание того времени было крайне консервативно, за истину принимался текст, написанный пятьсот, а то и тысячу лет назад, который не *исправлялся*, а лишь *дополнялся* современными сведениями. С середины I тысячелетия до н.э. Северное Причерноморье, степи Подонья и Приднепровья назывались Скифией. Поэтому характеристика русов как «скифов» говорит об их обитании в этих местах. Вторая «беседа» дополняет характеристику словами о кочевом укладе русов.

Очевидно, что сообщение Фотия о месте обитания русов и их образе жизни прекрасно согласуется с житием Георгия

---

¹ Там же. С.75.

Амастридского, помещавшим этот народ в Северном Причерноморье и Крыму.

Но в 860 г. Фотий утверждает, что русы ранее были *народом неизвестным* для Византии. А в «Окружном послании» (867 г.) русы уже представлены как хорошо знакомый византийцам этно. Конечно, можно предположить, что в Константинополе вообще не слышали до 860 г. о русах, а происшествие начала века в отдаленной Амастриде осталось для столицы незамеченными. Однако Фотий об абсолютной неизвестности не говорит, просто до похода, по его словам, русы были *незаметным, не бравшимся в расчет, причисляемым к рабам*. Это уже свидетельствует о знакомстве с русами до нападения на Константинополь. Уничжительная характеристика может быть отнесена на счет жанра произведений Фотия. Главной задачей патриарха было показать внезапность и неотвратимость нашествия, причиной которого был гнев Божий на Царьград (ничтожные русы выступали как карающее орудие), и Божью милость, которая единственная могла спасти город. Но, возможно, фраза о рабах имела реальную основу: Византия славилась невольничьими рынками, и туда могли привозить на продажу русов, плененных врагами далеко от границ империи.

То есть как политическая сила, способная *потревожить Византию*, русы выступили впервые. Почему Фотий не упоминает о посольстве русов 838—839 гг., описанном в Бертинских анналах? Ведь русы с хаканом во главе должны были обитать где-то в тех же краях, что и нападавшие на Константинополь. Ответить на этот вопрос на основании только западных письменных источников невозможно. Но пока отметим, что дипломатическая переписка и придворная хроника, с одной стороны, и эсхатологические «беседы» — с другой — совершенно разные жанры с непохожими задачами. Если хрониками германских императоров мог пользоваться только очень ограниченный круг лиц, то пропагандистские послания Фотия были рассчитаны на широкие массы образованного городского населения, которому совершенно не обязательно было знать об интересах империи в Северном Причерноморье и способах их реализации.

«Окружное послание» знаменательно не только тем, что русы за 7 лет стали вдруг многократно прославленными (это вполне понятно, так как нападение вызвало широкий резонанс). В нем сообщается и об обращении русов в христианскую веру. Причем если один из киевских летописцев знал о походе русов на Константинополь, не только приписав его Аскольду и Диру, но и объявив, что с этих пор «стала прозываться Русская земля», то о крещении в Древней Руси известно не было. Почему это знаменательное событие не отражено в христианской традиции Повести временных лет? Повесть временных лет молчит о принятии христианства, между тем как в Византии об этом знает не только Фотий, но и император середины X в. Константин Багрянородный, и писавший чуть позже продолжатель Хроники Феофана, и автор XI в. Георгий Кедрин. Иные ученые, не желая признавать существования других русов, кроме киевских, объявляют, что крещение приняла какая-то разбойничья дружина то ли славян, то ли викингов. Но византийцы в один голос говорят не об отряде, а о народе.

Фотий пишет о крещении русов как о большом дипломатическом успехе. Ведь принявших христианство по византийскому образцу в Константинополе воспринимали как *подданных и союзников*. Политическое значение могло иметь обращение какой-то земли, народа, а не шайки разбойников. Фотий проводит аналогии между крещением русов и Дунайской Болгарии, ставя эти события в один ряд. А с болгарами у Византии были весьма сложные отношения, и их крещение действительно было большой победой греческой дипломатии.

Кроме того, исходя из сведений о епископе очевидно, что в Окружном послании речь идет о крещении не дружины воинов, а племени, населяющего *определенную территорию*. Анонимный византийский хронист, т.н. Продолжатель Феофана, писавший около 950 г., относя события к патриаршеству Игнатия (867—877 гг.)¹, добавляет, что епископ прибыл в столицу русов (название император не упоминает):

---

¹ Некоторые ученые пытаются разделить крещение русов при Фотии и Игнатии, но вряд ли в этом есть необходимость. В 867 г. правили и тот, и другой патриархи. Фотий был свергнут 25 сентября 867 г. из-за своей политической позиции. Императора Михаила III убил его соправитель Василий I Маке-

« Щедрыми раздачами золота, серебра и шелковых одеяний он также склонил к соглашению неодолимый и безбожный народ росов, заключил с ними мирные договоры, убедил приобщиться к спасительному крещению и уговорил принять рукоположенного патриархом Игнатием архиепископа, который, явившись в их страну, стал любезен народу таким деянием. Однажды князь этого племени собрал сходку из подданных и воссел впереди со своими старейшинами, кои более других по многолетней привычке были преданы суеверию, и стал рассуждать с ними о христианской и исконной вере. Позвали туда и иерея, только что к ним явившегося, и спросили его, что он им возвестит и чему собирается наставлять. А тот, протягивая священную книгу божественного евангелия, возвестил им некоторые из чудес Спасителя и Бога нашего и поведал по Ветхому завету о чудотворных божьих деяниях. На это росы тут же ответили: «Если сами не узрим подобного, а особенно того, что рассказываешь ты о трех отроках в печи, не поверим тебе и не откроем ушей речам твоим». А он, веря в истину рекшего: «Если что попросите во имя мое, то сделаю» и «Верующий в меня, дела, которые творю я, и он сотворит и большие сих сотворит, когда оное должно свершиться не на показ, а для спасения души», сказал им: «Хотя и нельзя искушать Господа Бога, но если от души решили вы обратиться к Богу, просите, что хотите, и все полностью ради веры вашей совершит Бог, пусть мы жалки и ничтожны». И попросили они бросить в разложенный ими костер саму книгу веры христианской, божественное и святое Евангелие, и если останется она невредимой и неопаленной, то обратятся к Богу, им возглашаемому. После этих слов поднял иерей глаза и руки к Богу и рек: «Прославь имя твое, Иисус Христос, Бог наш в глазах всего этого племени», — и тут же метнул в пламя костра книгу святого Евангелия. Прошло немало времени, и когда погасло пламя, нашли святой том невредимым и нетронутым, никакого зла и ущерба от огня не потерпевшим, так

донянин, а Фотий открыто выступил против узурпатора. В результате Фотия отправили в ссылку, назначив лояльного Игнатия. Поэтому вполне вероятно, что заслуга в крещении русов была приписана Игнатию.

что даже кисти заповей книги не попортились и не изменились. Увидели это варвары, поразились величию чуда и уже без сомнений приступили к крещению»¹.

Этот рассказ повторяется многими византийскими писателями XI—XII вв., а в XVI в. с ним познакомились и московские книжники, которые срочно включили его в летописи и хронографы, приписав крещение Аскольду (так повествует Хронограф западнорусской редакции 1512 г. и Никоноровская летопись). В сообщении хрониста важно то, что архиепископ отправился в страну русов и вел переговоры с их правителем.

Где находилась эта страна — очень определенно говорит автор XI в. Георгий Кедрин, используя материалы предшественников (во времена самого Кедрина Киевская Русь уже затмила остальные):

«Народ скифский, около Северного Тавра обитающий, лютый и свирепый, ... испытавшие гнев Божий (после нападения на Константинополь. — Е.Г.), в страну свою возвратися. Потом прислав в Царьград посольство, просили сподобить их святого крещения, которе и получили»².

Направление поиска

Византийские источники первых трех третей IX столетия определенно указывают на Северное Причерноморье как на место обитания русов. Также важно, что ни один византиец не указывает на родство русов со славянами. Напротив, этот этнос назван кочевым, что прямо противоречит славянскому земледельческому укладу. Но контакты этого народа с центром империи не были постоянными. Русы в связи с удаленностью не представляли для Византии большой угрозы или предмета особого стратегического интереса. Поэтому и описания источников весьма скупы. Единственная этнографическая особенность, которая известна по греческим сочинениям, — это «древнее таврическое избиение иностранцев» (ксеноктония) в Житии Ге-

---

¹ Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Пер. Любарского Я.Н. М. Наука. 1992. С.142—143.

² Рапов О.М. Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988. С. 87.

оргия Амастридского. К сожалению, этого совершенно недостаточно, чтобы делать выводы о происхождении этноса.

Свидетельства западноевропейских хроник еще более кратки и спорадичны. В средневековой Европе были известны несколько этнических групп с названиями, напоминающими «рус»: в Прибалтике, на Дунае и в степях Восточной Европы. Только у последних можно говорить о наличии государства, названного в Бертинских анналах Русским каганатом. Особенно любопытно, что предварительная локализация каганата и росов греческих источников весьма близка — та же степная полоса юга Восточной Европы. Прояснить ситуацию могут восточные источники, знавшие и русов с хаканом во главе, и русский обычай ксеноктонии.

Глава 2

ВЗГЛЯД С ВОСТОКА

Если западноевропейские сведения о Русском каганате носят крайне фрагментарный, случайный характер, то арабо-персидские источники Средневековья, напротив, предоставляют уникальные данные не только о русах, но и соседствующих с ними этносах и государствах. Здесь и координаты территории, и описание этнографических особенностей — обряда погребения, внешнего вида, способа хозяйствования, и перечисление основных городов. Из восточных источников известно и о русах с хаканом во главе, и о трех центрах Руси — Славийи, Куйабе и Арсе. Наиболее полные сведения о племенах под названием «рус» IX в., как и о других народах Восточной Европы того времени, содержатся в памятниках географической литературы, к которой в данном случае можно присоединить и труды комплексного содержания, своеобразные энциклопедии, которые появились в Халифате уже в IX в. Но чтобы понять, где локализовали русов арабо-персидские географы, необходимо исследовать их систему представлений не только о Восточной Европе, но и соседних с ней регионах.

Слово об арабо-персидской географической науке

Не только ученых, но и всю образованную часть общества Халифата всегда интересовали дикие этносы и земли, находившиеся в удалении от главных торговых магистралей или на периферийных путях, куда арабские торговцы попадали редко. К таким территориям относилась и Юго-Восточная Европа. Эти регионы были знакомы ученым, с одной стороны, по древним, прежде всего античным сочинениям, с другой — по изрядно приукрашенным пересказам впечатлений редких путешественников. Даже с развитием торговых отношений с отдаленными районами старые сведения оставались в сочинениях ученых: это одна из особенностей средневековой литературы в целом. Изменение исторических реалий влекло за собой не замену устаревших данных, а лишь наслоение на них новых. Дело в том, что средневековые ученые были убеждены в ограниченности человеческого знания. Поэтому автор видел своей задачей собрать как можно больше сведений по какой-либо проблеме, а суждение об их подлинности уже считалось прерогативой Всевышнего. Такова основная черта любого средневекового труда. Примерная датировка различных фрагментов о Юго-Восточной Европе в сочинениях арабских авторов возможна только исходя из сопоставления текста с этнокультурной археологической картой, а также с данными других письменных памятников. Именно с позиций комплексного подхода к источникам я рассматриваю данные о Юго-Восточной Европе в арабской географии IX в. — эпохи, предшествовавшей становлению Древнерусского государства, когда лишь в арабской традиции предпринимались попытки систематизировать информацию об этом регионе.

Консервативность является основной особенностью арабо-персидских географических сочинений, и описание этнополитической ситуации конца I тыс. н.э. сохраняется и в памятниках XIV—XVI вв., почти без изменений рядом с аутентичными сведениями. Это обстоятельство часто служило для отечественных и западных востоковедов поводом для объявления сведений арабо-персидских географов недостоверными,

компилятивными. Причиной был и является ныне европоцентризм нашего научного сознания. Оценивая степень развития славян, Древнерусского государства, средневековой Руси, как правило, сравнивают с Западной Европой. И европейские Баварский географ или Бертинские анналы вызывают у нас гораздо больше доверия, чем какое-нибудь арабское или персидское сочинение. Связана данная ситуация с тем, что мы проецируем наше представление о современном западном мире на средневековые. Между тем, и германские племена V в. н.э., и арабы VII в. оказались почти в одинаковой ситуации. В наследство европейским варварам достались развалины Западной Римской империи со всеми ее научными и культурными достижениями, а арабы в течение 2-й пол. VII в. захватили Сасанидский Иран, византийские владения на Ближнем Востоке, Египет и Ливию. На римских землях сначала образовались небольшие варварские государства, которые в большинстве своем к нач. IX в. были включены в империю Карла Великого. Но синтез римской культуры с варварскими обычаями проходил весьма медленно. Многие достижения были утрачены, к примеру, в столице Франкской империи отсутствовал даже водопровод. Иначе события развивались в Халифате. К середине VIII в. это единое государство включало в себя огромные пространства от Испании и Магриба на западе до Инда и среднего течения Сырдарьи на востоке, от Дербента на севере до Египта и Аравии на юге. Арабы, покорившие значительно более развитые страны, создали условия для плодотворного взаимодействия входивших в Халифат народов. Под их властью оказалось эллинистическое Средиземноморье и иранский мир. В результате сложилась новая уникальная культура, идеологической основой которой стал ислам, а государственным языком — арабский (с 705 г.). Развитие Халифата VIII—X вв. воистину поражает воображение. По проценту урбанизации мусульманские Египет и Месопотамия в то время превосходили страны Европы XIX в. В Багдаде тогда жили около 400 000 человек, строились дома в 7, а то и в 14 этажей. При династии Аббасидов за год в Багдад стекалась сумма более чем в 400 млн. дирхемов (арабских серебряных монет), т.е. около 1160 тонн серебра. Для сравнения, все поступления Российской империи за 1763 г. были в

2,8 раза меньше¹. В отличие от христианства ислам изначально создавался как государственная, практическая религия, где нет границ между сакральными и мирскими нормами. И потому одной из важнейших особенностей культуры Халифата по сравнению с Западной Европой того же времени, пронизанной средневековой схоластикой, было широкое распространение светского, в том числе и научного знания. Благодаря таким условиям, мусульманская наука и культура раннего средневековья ушла далеко вперед по сравнению с европейской. Так, персидский поэт Низами Гянджеви, как и все его образованные сограждане, в XII в. не сомневался в шарообразности Земли, как и других планет Солнечной системы, ему было известно о кольце вокруг Сатурна (в Европе это было открыто Галилеем). В своих поэмах «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц» Низами профессионально характеризует многие небесные светила, которые европейцам станут известны лишь после открытия телескопа². Поиск знания считался в этом мире главной ценностью, не было никаких ограничений — ни социальных, ни этнических, ни религиозных — в учении и приобщении к науке. Поэтому и античные достижения, и культуру Ирана мусульмане воспринимали в целостном виде, а не только в той степени, в какой они отвечали интересам теологии (как это было в Западной Европе). Книги в Халифате переписывались от руки, но существовали в невиданном для европейцев количестве. Стремление выйти за пределы привычного знания постулировано в Коране, где записано: «Ищите знания, даже если вы в Китае», то есть даже в совершенно чуждом мире. Научные центры Халифата организовывали и финансировали путешествия с познавательными целями. Например, халиф ал-Васик организовал экспедицию на поиски железной стены на крайнем севере, за которой, по коранической традиции, были заключены чудовищные, опасные для человечества существа Йаджудж и Маджудж (библейские Гог и Магог). По крайней мере, до начала крестовых походов мусульманская наука была

---

¹ Сагадеев А.В. Социально-исторические предпосылки возникновения и развития классической арабо-мусульманской культуры // Ценности мусульманской культуры и опыт истории. / Russian Oriental Studies. V.5. N.Y., 1999. С. 15—16.

² Алиев Р. Низами Гянджеви // Низами. Стихотворения и поэмы. Л., 1981. С.8.

самой передовой в мире. Удивительно быстро создав обширную и многоэтническую империю, арабы должны были создать эффективную систему управления ею. Только для сбора налогов надо было обладать исчерпывающей информацией о провинциях Халифата, о традиционных занятиях жителей, об их обычаях. Под контролем халифа оказались множество древних торговых магистралей, в том числе и Великий шелковый путь. Поэтому перед новым государством встала проблема пополнения и развития географических знаний. Как говорилось выше, Арабский Халифат VIII — нач. IX вв. простирался от южной Испании (Магриб) до Кавказа, Ирана и Средней Азии, и на этой огромной территории существовало несколько научных и культурных центров, как правило, со своей древней доарабской традицией (Самарканд, Табаристан, Дамаск, Кордова) и географическими школами. Соответственно, эти школы получали разные сведения по нескольким торговым путям. Поэтому в арабо-персидской средневековой литературе можно выделить несколько традиций, рассказывающих о разных периодах в истории Восточной Европы.

Зарождение арабской географической литературы традиционно датируется концом VIII — нач. IX вв. Теоретической базой этой дисциплины, неотделимой тогда от астрономии и математики, в Арабском халифате являлись достижения индийской, иранской и древнегреческой цивилизаций. Наиболее заметный след в арабской теоретической географии оставила наука Древней Греции. В Багдаде, главном научном центре Халифата того времени, переводились на арабский язык труды древнегреческих географов и их сирийские переработки. Наибольшей популярностью пользовалось «Географическое руководство» Птолемея (II в. н.э.), информация которого широко использовалась в наиболее ранних арабских географических сочинениях. Однако античные сведения существенно перерабатывались в соответствии с новыми данными, содержащимися в более поздних сочинениях, а также информацией, собранной купцами и путешественниками Халифата. Старая система координат наполнялась сведениями о современных народах.

В арабо-персидской средневековой литературе условно выделяют несколько традиций, рассказывающих о разных периодах и различных народах Европы, которых арабы именуют русами. Одна из этих традиций проявляет наибольшую осведомленность о племени русов, его структуре и обычаях. Ее представляют «школа Джайхани» (сюжет о хакане русов, острове русов, нападении русов на славян и больших богатых городах русов) и «школа Балхи» (три вида русов, их торговля и войны, «русская» топонимика на Черном море), черпавшие информацию по Волго-Балтийскому и Черноморскому торговым путям. Обе «школы» получили названия по именам крупнейших арабских географов, живших в кон. IX — нач. X вв. Некоторые сочинения нельзя отнести к какой-либо из этих школ, потому что их авторы черпали информацию из обеих, нередко добавляя эксклюзивные сведения. Уже давно не оспаривается, что цикл известий о Восточной Европе «школы Джайхани» — старейший из сохранившихся в арабо-персидской географии¹.

Наиболее полно и архаично, по мнению востоковедов, цикл известий о русском каганате представлен в сочинении Ибн Русте (кон. IX — нач. X вв.) «Дорогие ценности», составленном в жанре энциклопедии в 903—913 гг. В сохранившемся 7-м томе этого труда имеется раздел о Восточной Европе и живущих там народов (с юго-востока на северо-запад) — аланах, государстве Сарир, хазарах, бургасах, мадьярах, булгарах, русах, славянах. Именно Ибн Русте впервые (из сохранившихся источников) приводит и бесценные по своему значению сведения об обряде погребения русов. С небольшими изменениями эту информацию повторяют другие представители школы Джайхани — ал-Бакри, ал-Марвази, ал-Ауфи, Гардизи. Т.М. Калинина считает протографом цикла об острове русов «Анонимную записку» (не позднее 70-х гг. IX в.) о Восточной Европе, которую цитируют многие географы этого направления². В источниках этой серии содержится важнейшая

---

¹ Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX веков // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1967. С. 376—377.

² Калинина Т.М. Древняя Русь и страны Востока в X в. (Средневековые арабо-персидские источники о Руси). Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1976.

для локализации Русского каганата информация о социальном устройстве племенных союзов, о характере взаимоотношений русов и славян, о специфических чертах их экономики и быта, религиозных культов, а также географическом положении государства русов.

Основные данные такого рода содержится в т.н. «Книгах путей и стран», первоначально — своеобразных дорожниках, составлявшихся для купцов и администраторов Халифата. Этот жанр восточной литературы получил у специалистов название «описательной географии».

Дорожники, предназначенные к практическому применению, редко были снабжены описанием Мирового океана и пределов ойкумены, в них отсутствовало деление территории на «климаты». Они состояли из описания народов, живущих вблизи популярных торговых магистралей. Ориентирами служили стороны света, расстояние же указывалось в «днях пути». Очевидно, что информация «дорожников» в большей степени отражает реальную этнокультурную карту определенного времени, чем научные представления средневековых последователей Птолемея.

Но при этом и описательный жанр сохранял такую особенность восточной географии, как крайнюю консервативность. Изменение исторических реалий влекло не замену устаревших данных, а лишь наслоение на них новых (так, кстати, поступали и древнерусские летописцы). Дело в том, что средневековые ученые были убеждены в ограниченности человеческого знания. Поэтому автор видел своей задачей собрать как можно больше сведений по какой-либо проблеме, а суждение об их подлинности уже считалось прерогативой Всевышнего. Такова основная черта любого средневекового труда. Но в этом как раз есть большой плюс для исследователя: иногда в поздних сочинениях можно обнаружить нетронутые отрывки несохранившихся произведений с уникальными данными. Только как определить время написания этих утраченных произведений?

Примерная датировка различных фрагментов, в том числе и известий о русах арабских и персидских авторов возможна, только исходя из сопоставления текста с этнокультурной

археологической картой, а также данными других письменных памятников. Однако немало ценных сведений можно почерпнуть и собственно из арабо-персидских географических сочинений, особенно в реальной, «дорожной» их части, предварительно уяснив систему взаимных координат народов Европы в представлении восточных средневековых ученых.

И чем прочнее были связи Халифата с тем или иным регионом, тем больше использовались актуальные арабские гидронимы и топонимы и меньше оставалось античной терминологии. Исходя из этого, прежде чем углубляться в мир средневековых карт и легенд к ним, сначала посмотрим, могли ли русы арабо-персидских раннесредневековых источников проживать в Циркумбалтийском регионе, вместе со шведами и готами.

***Могли ли русы быть варягами,
или Что знали на Востоке о севере Европы?***

Излюбленная локализация норманистами русов — север Восточной Европы, а то и Прибалтика. Аргументируется это так. Ибн Русте и другие географы школы Джайхани упоминают о лесистом, болотистом «острове русов» и о торговле пушниной. Остров может быть на море. Главный торговый путь, связующий страны Халифата с Восточной Европой — Волго-Балтийский. На западе этой магистрали, у Балтийского моря, найдено много арабских монет. Значит, «об областях, лежащих или прилегающих к этому пути, лучше всего знали через купцов арабские авторы». Все это, по мнению А.П. Новосельцева, заставляет «искать страну русов где-то на севере Восточной Европы»¹. Страна эта «находится» сама собой — подразумеваются приильменские земли, подчиненные, согласно Повести временных лет, варягам. Так ли верны приведенные аргументы и могли ли быть русы восточных источников варягами?

Прежде всего, необходимо понять, насколько авторам IX—X вв. было известно Балтийское море и его окрестности. От того, насколько хорошо представляли арабские и персидские географы балтийское окончание Великого Волжского пути —

---

¹ Новосельцев А.П. Восточные источники... С. 403.

и когда оно стало им известно, зависит и путь установления «темных» географических ориентиров, а также дальнейшего исследования этносов и государств, упомянутых географами в Восточной Европе.

Судя по археологическим материалам, торговля мусульманского мира с Циркумбалтийским регионом в IX—X вв. была весьма интенсивной, но добирались ли арабские купцы и путешественники непосредственно до Балтийского моря через Восточную Европу?

И здесь основной является проблема гидронима «бахр Варанк», употребление которого уже однозначно свидетельствует не только о знакомстве мусульманского Востока и, в частности, авторов географических трактатов, с Балтийским морем, но и об однозначном ассоциировании его с варягами (варанк) — конкретным этниконом, хорошо известным в Древней Руси и Византии. То есть любое решение этой проблемы не только прояснит характер торговых связей с Северной Европой, но еще на шаг приблизит нас решению (или снятию) одного из «проклятых вопросов» начальной русской истории.

Помимо фрагментарных арабских упоминаний, этникон варяг/ варанк встречается в домонгольскую эпоху только в древнерусской и византийской традиции, причем в Повести временных лет, основа которой составлена не ранее XI в., варяги известны еще по этнографическому введению, а в датированной части играют одну из основных, если не главную, роль в становлении Древнерусского государства. В Византии этот этникон в форме «варанг» начинает употребляться с XI в. вместе с наемными варяжскими дружинами.

Технически впервые море Варанк упоминает Бируни (973—1048). Описывая Окружающее море, он говорит, что на севере, близ земли славян, от него отходит залив, называемый по имени одного из проживающих там народов морем Варанк¹.

Кроме этого, море Варанк известно в более поздних сочинениях XI—XIV вв. также как залив моря Окружающего. В частности, востоковед Д.Е. Мишин недавно обратил внимание на такой текст:

---

¹ Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. М.: Вост. лит., 2004. С. 248.

«Что касается Западного моря, то оно именуется морем окружающим, а греки называют его Укийанус. Оно соединено с Индийским морем. Известно оно только на западе и на севере, где оно омывает страны русов и сакалиба... Также из него выходит огромный залив, находящийся к северу от земли славян. Его называют также море Варанк; это народ, живущий на его берегу. Этот залив продолжается до земель болгар-мусульман¹, его протяженность с востока на запад составляет 300 миль, а в ширину — 100 миль... Что касается моря Бунтус ал-Арди, то... оно простирается в сторону земель, расположенных за Константинополем, страны руссов и славян... В него впадает река, именуемая Танис. Она течет с севера из моря, называемого Меотидой, — это море Варанк».

Если это сообщение отнести хотя бы к 1-й пол. X в. и совместить с сообщением Сказания о призвании варягов в Повести временных лет о варягах-руси, то добавляется существенная аргументация к версии о балтийской локализации русов. Именно по такому пути и пошел Д.Е. Мишин, определив указанный отрывок как часть утраченного сочинения ал-Джайхани², которого немало исследователей считает автором знаменитой «Анонимной записки о народах Восточной Европы», откуда, в основном, и черпали свои сведения об этих народах, в том числе о славянах и русах, мусульманские средневековые географы.

Однако если следовать «букве источника» и опираться прежде всего на редакции с достоверно известной верхней датой, в отношении северной Европы авторы IX—X вв., т.е. предшественники и современники Джайхани, воспроизводят данные античной географии (в основном труды Птолемея), пользуясь несохранившимся единым источником, тем же, что и автор цитируемого фрагмента. Впервые такое описание встречается в «Книге сабиевых таблиц» ал-Баттани (852—929):

---

¹ Здесь возникает интересная параллель с сообщением ПВЛ о том, что «по сему же (Варяжскому. — Е.Г.) морю сядят Варязи семо ко встоку до предела Симова», т.е. предел Симов ПВЛ коррелирует с волжскими булгарами арабских источников.

² Мишин Д.Е. Джайхани и его «Книга путей и государств» // Восток. 2009. №1. С. 33—45.

«Что же касается Океана Западного... то от него известна только сторона запада и севера от крайних пределов Абиссинии до Британии. Это море, по которому не ходят корабли. Шесть островов, которые находятся в нем... называются Острова Счастливых. Другой остров напротив Андалусии называется Гадира у залива. Этот залив выходит из него ... и вклинивается в море Рума (Средиземное. — Е.Г.). На нем есть также на севере острова Британия, их двенадцать. Затем это море удаляется от обитаемой земли, и никто не знает, какое оно и что на нем есть»¹.

Кроме того, на крайнем западе восточные географы располагают амазонок и остров Туле.

Взяв за основу труд Птолемея, говорит о северо-западе географ IX в. Ибн Хордадбех:

«Что касается моря, которое [простирается] по ту сторону славянских [земель] и на [берегу] которого находится город Тулийа², то по нему не плавают ни суда, ни лодки и ничего оттуда не вывозят. Таково же море, в котором находятся Острова Счастливых.. По нему также не плавают, и ничего оттуда не приходит. Это [море] также находится на западе»³.

---

¹ Nallino C.A. Al-Battani: Opus Astronomicum. Ad fidem codicis escurialensis arabice editum Latine versum, Pubblicazioni del reale Osservatorio di Brera in Milano. III. 1899. S. 26—27.

² Об этом «городе» упоминает с уточнениями другой раннесредневековый автор, Йакут, называя его самым северным городом, за которым никто не обитает (*Йакут ал-Хамави*. Му'джам ал-Булдан. В 7 тт. Бейрут: Дар ас-Садир, 1996. Т.2. С. 59). Жившему в IX в. ал-Йакуби известен был остров Тулийа, который он называет самой дальней обитаемой точкой Европы (*Ibn Wadhih qui dictur al-Ja'qubi*. Historiae / M. Th. Houtsma. Leiden, 1883. Т.1. Р. 156). Название Тулийа также взято из античной географии: это часто упоминаемый Орозием, Иорданом и др. остров Туле (Thyle), который располагали на крайнем западе окружающего океана. Туле античной географии отождествляется с Ирландией либо одним из Шетландских островов (см.: *Скржинская Е.Ч.* Комментарий // Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 1997. С. 180). В средневековой западной и византийской традиции, начиная с Прокопия Кесарийского, под Туле часто понимали Скандинавский полуостров (*Прокопий Кесарийский*. Война с готами. М., 1996. С. 159 (Кн. II, 15)). Однако эти материалы арабскими учеными не использовались.

³ *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран. Баку, 1986. С. 91, 268.

Море «по ту сторону ас-сакалиба» Ибн Хордадбега с наибольшей вероятностью можно отождествить с Северным морем и западной частью Балтийского моря. В пользу этого говорит трактовка материалов Птолемея у ранних арабских географов: по ал-Хваризми, например, птолемеевскую *Германию*, т.е. земли между Рейном и Вислой, населяют ас-сакалиба¹. «По ту сторону ас-сакалиба» оказываются именно Северное море и запад Балтийского. Эта информация в целом *без изменений* повторяется во многих арабских географических сочинениях IX—X вв., в том числе у Ибн Русты:

«Море Укийанус — это море Запада, зеленое море. О нем ничего не известно, кроме того что оно следует на запад и север от самых дальних пределов земли ал-Хабаша до Бритиний. В этом море вода не течет. По нему плавают корабли, и в нем 6 островов близ земли ал-Хабаша, называемые острова ал-Халидат, и еще один остров, называемый Гадира, близ ал-Андалус. И этот залив следует до залива из Западного моря. Его ширина 7 миль, он находится между ал-Андалус и Танджрой и называется Сабта. Он входит в море ар-Рум, и в нем также со стороны севера 12 островов, называемых острова Бритинийа. Далее он удаляется от ойкумены, и никто не знает, что там»².

Как видно, какие-либо сведений о славянах и русах среди жителей окраин Запада здесь отсутствуют.

Однако появляются и новые данные, которые восходят к посольству Ибн Фадлана, мусульманского миссионера, побывавшего в Волжской Булгарии в 921/922 гг. по просьбе прави-

---

¹ Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. М., 1988. С. 29 (араб. текст). Термин *ас-сакалиба* в раннесредневековых арабских трудах далеко не однозначен. После расселения славян около середины I тыс. н.э. на земли германских и кельтских племен и превращения славян в доминирующий этнос в Центральной Европе и в Прибалтике вплоть до Ютландского полуострова, население бывшей античной Германии стало именоваться в ряде работ арабских ученых *ас-сакалиба*. Так, Ал-Мас'уди в числе ас-сакалиба называет саксов, баварцев и др. германские племена (*Ал-Мас'уди*. Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джавхар. Дж. 2. Бейрут, 1987. С. 32—33).

² Kitab al-a'lak an-nafisa VII auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh. Leiden, 1892 (Bibliotheca geographorum arabicorum. — VII). P.88.

теля болгар. Ибн Фадлан в своих этнографических наблюдениях упоминал гигантских людей из северного племени Гог и Магог, отделенного неким морем от земель Вису¹. «Племя Гог и Магог» — несомненно, комментарий самого Ибн Фадлана к легенде, услышанной в Булгарии. Этим замечанием миссионер *впервые* связал воедино виденную им самим восточную и незнакомую западную части Волго-Балтийского пути. Но эта связь очень долго оставалась мифологичной и непонятой в арабском мире. Интересно, что народы северо-запада Восточной Европы — вису, йура, «береговые люди» — упоминаются лишь у Ибн Фадлана и ученых школы Балхи (с 930-х гг.)². Вероятнее всего, вису — это известная по русским летописям весь, йуру — возможно меря. Люди-гиганты Гог и Магог (здесь это уже не два мифических существа, а народы) отделены от вису неким морем.

---

¹ Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. М.-Л., 1939. С. 75.

² Вопрос о знакомстве ученых X в. с материалами посольства Ибн Фадлана далеко не решен. Подробные этнографические очерки Ибн Фадлана долгое время не цитировались арабскими учеными, вплоть до Якута. Предположительно, это связано с опалой Ибн Фадлана, последовавшей за провалом посольства. Однако, с одной стороны, географическая и этническая номенклатура данного региона, а также этнические сюжеты, у Ибн Фадлана и ряда ученых X в. полностью совпадают. С другой, этнографические данные о народах Восточной Европы в «Рисале» и в произведениях ал-Истахри, Ибн Хаукаля и др. имеют некоторые различия в деталях, которые не позволяют назвать данные географов X в. сокращением описаний Ибн Фадлана. Например, согласно ал-Истахри, одежда русов — короткие куртки (*Viae Regnorum. Descriptio ... Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri*. Р. 226). Ибн Фадлан специально подчеркивает, что русы не носят ни курток, ни хавтанов, но мужчины их надевают *кису*. Но описание русов Ибн Фадланом и географами школы ал-Балхи сходно в одном: и в том, и в другом источнике русы сжигают умерших. Источником этих данных вполне мог быть информатор из участников посольства. Во всяком случае, отсутствие прямых цитат и ссылок на Ибн Фадлана не является доказательством того, что материалы болгарской экспедиции совершенно не были известны в X в. Некоторые данные свидетельствуют об обратном. Ал-Мас'уди в «Мурудж аз-захаб», написанном ок. 947—948 гг., упоминает некоторые подробности исламизации Волжской Булгарии во времена ал-Муктадира, а также сам факт посольства. Его сообщение весьма путано, что говорит об использовании не «Записки», а какого-то другого источника. Например, Ал-Мас'уди утверждает, что болгары, принявшие ислам в 310-х гг., жили на берегах Черного моря (*Ал-Мас'уди. Мурудж аз-захаб*. Т. 1. Бейрут, 1987. С. 183). Такой вывод из произведения Ибн Фадлана сделать просто невозможно.

Черное море традиционно считалось «заливом», отходящим от восточной части Средиземного моря. Географы, связанные с Анонимной запиской, имели весьма слабое представление о Черном море, зная лишь наиболее восточную его часть. Показательны данные Ибн Русте: в разделе о мадьярах (то есть протовенграх) он рассказывает о прилегающем к их территории Румском море, в которое впадают две реки, одна из которых больше Джайхуна (Амударьи. — *Е.Г.*). В остальном ученые этой школы пересказывали сведения, известные еще Птолемею и заимствованные у Баттани: там упоминается река Танаис (так назывался Дон в античных источниках).

Первым из арабских географов, показавшим подробное знание берегов Черного моря, был ал-Масуди, основным источником для которого были не книжные традиции, а современные сведения, собранные им в беседах с торговцами и путешественниками. При описании в законченной им перед смертью «Книге предупреждения и пересмотра» (956 г.) также известного ему моря Майутис или Хазарского Масуди рассказывает о городах Крыма и Приазовья, а также племенах, населяющих Северное и Западное Причерноморье¹. Хазарским Масуди называет Азовское море, так как северо-восточный Крым и Керченский пролив были в то время под контролем хазар. Бахр Нитас ал-Масуди называл Русским. Из рек, впадающих в Понт, Масуди знает Дон (Танаис) и Дунай, не упоминая о Днепре. Интересно, что в более раннем труде «Золотые копи и россыпи самоцветов» (ок. 947/948 гг.) энциклопедист полемизирует с автором IX в. ал-Йакуби, называвшим Понт морем хазар, подчеркивая, что в его время морем хазар называется Каспий, а Понт — это море русов и ал-б.р г.² Море Майутис он

---

¹ Бейлис В.М. К вопросу о конъектурах и о попытках отождествления этнонимов и топонимов в текстах арабских авторов IX—XIII вв. о Восточной Европе // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. — Вып. 1. — М., 1989. С. 52—66.

² Ал-Мас'уди. Мурудж аз-захаб. Т.1. С. 185. Булгары ал-Мас'уди обитают на Черном и Азовском море, что подтверждается и предыдущим отрывком о русах (с. 181), но на той же странице под тем же этнонимом дается описание волжских булгар, где Ал-Мас'уди проявляет осведомленность о принятии Алмушем ислама в правление халифа ал-Муктадира (после 310 г.), что говорит, возможно, о знакомстве автора с «Запиской» Ибн Фадлана.

называет началом Константинопольского пролива. Таким образом, Черное и Азовское моря в IX — X вв. также не входили в сферу основных торговых интересов Арабского Халифата, чем и объясняются весьма скудные и размытые сведения о Северном Причерноморье в большинстве сочинений того периода. Наиболее ясное представление географы имели о северо-восточной части этого региона. Из рек, впадающих в Черное море, большинству авторов был известен лишь птолемеевский Танаис, возможно — Кубань (если «две реки» у Ибн Русте — это низовья Дона и Кубань), у ал-Масуди добавляется Дунай. Важно, что Днепр появляется в арабо-персидских источниках (в форме Данабрис) только в XII в., т.е. арабам X—XI вв. не был известен даже появившийся в кон. IX в. Днепровско-Черноморский путь («из Варяг в Греки»), соответственно, и народы, обитающие на нем.

Что касается фрагмента, вышедшего, по предположению Д.Е. Мишина, из-под пера Джайхани, то бросается в глаза его компилятивный характер, о чем его автор прямо предупредил читателя во вступлении: «Ал-Джайхани и другие знатоки расположения и протяженности морей рассказали...». На это же указывает и соединение бахр Варанк Бируни с сюжетом ранней арабской географии о море Майутис, от которого этому заливу Окружающего моря достались и размеры в 300 на 100 миль¹, а также представление о крайне северном его расположении, восходящие к античной географии.

О позднем происхождении этого текста свидетельствует и то, что его автору, упоминая море Джурджана, приходится пояснять, что это море Дербенда, а также что «морем Джурджана его называли в старину, а теперь называют морем Абаскуна и морем хазар». Тот же Масуди в сер. X в. называл Каспий «морем аль-Баб ва-ль-Абваб и хазар и Джурджан» без каких-либо пояснений.

Итак, о западном конце Волжской магистрали — восточной части Балтийского моря — в мусульманской географии стало известно лишь в XI в., и пока нет оснований полагать, что о нем упоминал кто-либо ранее среднеазиатского энциклопедиста ал-Бируни.

---

¹ Там же.

О нападении «русов-норманнов» на Севилью в 844 г.

Арабский автор 2-й пол. IX в. Йа'куби (ум. 284/897) в своей «Книге стран» (*Китаб ал-Булдан*, ок. 278/891) сообщил о нападении маджусов, которых называют русами, на Ишбилию (Севилью) в 229/844 г¹. До сих пор этот источник остается одним из главных аргументов в пользу скандинавского происхождения русов. И действительно, Йа'куби пишет прямым текстом (мажусами в то время называли, как правило, викингов, а что на Севилью тогда напали именно они — исторический факт):

Западнее города, который называют Джазира², [есть] город, называемый Севилья, на берегу большой реки. И в эту реку Кордовы вошли маждусы, которых называют русами, в году 229/843—844, и грабили, и жгли, и убивали... Это — Андалусия на западе, на море, которое начинается в море хазар³.

Ключ к этому, на первый взгляд, абсолютно ясному сообщению дает последнее предложение, а также сопоставление с другими источниками как о тех же событиях, так и о совсем отдаленных.

В сочинении «Золотые копи и россыпи самоцветов» великого арабского мыслителя-энциклопедиста Абу-л-Хасана 'Али ибн аль-Хусейна ал-Мас'уди (893 или 896, Багдад, — 956, Каир) среди прочего есть два сюжета о морских походах русов: на Каспий после 300 г.х. и в ал-Андалус до 300 г.х. Они имеют аналогии только в мусульманской традиции, совершенно неизвестны другим источникам, включая древнерусское летописание, однако широко используются в исторической науке в контексте вопроса об этнической принадлежности элиты Древнерусского государства, а также его дипломатических отношений с Византией⁴. Оба сообщения ал-Мас'уди при этом,

---

¹ Bibliotheca geographorum arabicorum. VII. С. 354.

² Город Альхесирас у Гибралтара.

³ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Том III. Восточные источники. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. С. 38 (пер. Т.М. Калининой).

⁴ См.: Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 211—219; Древняя Русь в све-

как правило, а *rgioi* считаются достоверными, т.е. действует «презумпция невиновности» источника.

Но спецификой средневековых сочинений является то, что изменение исторических реалий влекло за собой не замену устаревших данных, а наслоение на них новых. Не избежал этого и ал-Мас'уди, произведения которого, кроме того, носят отпечаток существенного личного вклада автора, отличавшегося новаторским подходом работы с источниками и артикулированной исследовательской позицией¹. Поэтому и сообщения о заморских походах русов имеет смысл проанализировать с точки зрения особенностей восприятия, интерпретации и отражения в тексте представлений «арабского Геродота» о северной части ойкумены.

«Золотые копи...» были написаны в 332/943 г., вторая редакция вышла в 336/947 г. и третья — в 345/956 г. До наших дней сохранилась лишь вторая редакция². Оба фрагмента находятся в первой части труда, которая начинается священной историей до времен пророка Мухаммада, за которой следует географический блок: описание Индии; морей и крупнейших рек мира и народов, вокруг них обитающих (здесь в рассказе об ал-Андалус — первое из интересующих нас сообщений³); подробнейший экскурс в этногеографию Кавказа и связанных с ним торговыми путями народов Восточной Европы (в него инкорпорирован второй сюжет — поход русов на Каспий⁴). Далее ал-Мас'уди переключается на описание системы власти в различных государствах от ассирийских царей до славянских князей, где рассказы сопровождаются пространственно-временной локализацией этносов и государств и традиционными

те зарубежных источников. М., 1999. С. 220—226; *Melvinger A.* Al-Madjus // *Encyclopaedia of Islam* CD-ROM Edition v. 1.0. 1999 Koninklijke Brill NV, Leiden, The Netherlands.

¹ *Pellat Ch.* Al-Mas'udi // *Encyclopaedia of Islam* CD-ROM Edition v. 1.0; *Микульский Д.В.* Арабо-мусульманская культура в сочинении ал-Мас'уди «Золотые копи и россыпи самоцветов» («Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джаухар»). X век. М., 2006. С. 33.

² *Pellat Ch.* Op. cit.

³ *Ал-Мас'уди.* Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джаухар. Т. 1. Бейрут: Дар Ихья'а ва-т-Турас ал-Арабий, б.г. С.111.

⁴ *Ал-Мас'уди.* Мурудж... Т.1. С.124—125.

для географических сочинений «диковинками», например, сюжетом о трех языческих рамах славян.

В обоих случаях походы русов стали частью этногеографических изысканий ал-Мас'уди. Каспийская авантюра послужила снятию спорного вопроса о речной системе Восточной Европы, нападение же на ал-Андалус само стало предметом исследования ученого.

В 930-е гг. ал-Мас'уди предпринял путешествие вдоль южного и западного побережья Каспия (начальный пункт плавания — Абаскун, конечный, вероятно, Баку). На северном берегу ал-Мас'уди не побывал, но активно собирал сведения у купцов, главным образом, чтобы выяснить, связано ли Каспийское море непосредственно с Босфором (Константинопольским проливом) какой-либо водной артерией, как считали многие географы его времени¹. Все информанты ал-Мас'уди утверждали, что нет иного пути из Черного моря в Каспий, кроме как через реку ал-Хазар (Итиль). В связи с этим научным интересом рассказ о походе на Каспий был очень подробным, особенно в части маршрута русов.

Ал-Мас'уди объявляет численность нападавших в маловероятные 500 кораблей по 100 человек на каждом². Сюжет хорошо известен: русы по договоренности с хазарами прошли через реку хазар в море хазар (Каспийское), ограбили земли мусульман на южном его берегу и пролили там много крови, чем вызвали недовольство мусульманской гвардии владельца хазар. На обратной дороге по реке хазар русы были полностью перебиты этой гвардией, а также булгарами-мусульманами. Описав злоключения русов, ал-Мас'уди резонно замечает: «Мы упомянули этот случай, чтобы отвергнуть мнение тех, кто считают, что море хазар связано с морем Майтс и заливом аль-Кустантинийа (со стороны моря Майтс и Ните³). И если бы у этого моря была связь с заливом аль-Кустантинийа со стороны

---

¹ См., напр., карту у Ибн Хаукаля, где некая река — не Итил — впадает непосредственно в Константинопольский пролив: *Opus geographicum auctore Ibn Naukal. Leiden, 1967 (Bibliotheca geographorum arabicorum. II). С.9.*

² *Ал-Мас'уди. Мурудж...* Т.1. С.124. Верификация этих сведений — тема отдельного исследования.

³ Азовское (*Меотис*) и Черное (от искаженного *Понтос*) моря.

моря Майтс или Нитс, тогда русы могли бы выйти в него, потому что это было их море»¹.

Путь, по которому русы через Хазарию добирались на Каспий, подробно описан у Ибн Факиха, который в рассказе о маршруте славянских купцов соединил знаменитый текст Ибн Хордадбеха (2-я пол. IX в.) о торговцах-русах с каким-то новым источником. В результате появились новые пункты, одни из которых явно являются результатом книжного соединения источников, а другие отражают современные автору реалии. Славяне следуют по морю ар-Рум до Самкуша иудеев, далее переходят из моря ас-Сакалиба в Хазарский залив, где владетель хазар берет с них десятину, из залива попадают в реку, которую называют река ас-Сакалиба (в редакции, изданной А. Шпренгером, сначала идет река ас-Сакалиба, потом Хазарский залив. — *Е.Г.*). После этого купцы плывут в море Хорасана². Название «Славянской реки» во всех рукописях отсутствует. Сам маршрут в точности соответствует пути русов с Черного моря на Каспий, описанному ал-Мас'уди в «Золотых копиях», где русы из «залива моря Нитас» следуют сначала вверх по «ответвлению реки хазар», проведя переговоры с хазарским «царем» (*малик*) у устья залива, а затем спускаются собственно в «реку хазар», из которой попадают в Хазарское море³. Речь несомненно идет о пути из Черного моря в Азовское, далее по нижнему течению Дона к хазарской крепости Саркел (построена в 840-х гг.), оттуда, очевидно, до места наибольшего сближения Дона и Волги. Путь от Дона до Волги (около 100 км) приходилось преодолевать волоком, а далее следовали снова на кораблях вниз по Волге до Каспия. Очевидно, что Ибн ал-Факих и ал-Мас'уди отделяют нижнее течение Дона от собственно нижнего течения Волги. Ал-Мас'уди называет его «ответвлением» реки хазар, под которой он понимает Итил. Как изначально именовался Нижний Дон у Ибн ал-Факиха: Хазарским заливом или рекой ас-Сакалиба — восстановить по известным редакциям чисто текстологически невоз-

---

¹ Там же. С.126.

² Compendium libri Kitab al-Boldan auctore *Ibn al-Fakih al-Hamadani*. Ed. M.J. de Goeje. Leiden, 1885 (Bibliotheca geographorum arabicorum. V). С.270—271.

³ *Ал-Мас'уди*. Мурудж... Т.1. С.125.

можно. Однако будет логичным предположить, что, поскольку Ибн ал-Факих использовал труд Ибн Хордадбега, локализация реки ас-Сакалиба в работах географов была одинаковой и совпадала с рекой ал-Хазар у ал-Мас'уди, т.е. с нижним течением Волги.

О нашествии русов на Каспий ал-Мас'уди рассказывает со слов местных жителей. Из других источников конкретно об этом походе ничего не известно. Более поздний прикаспийский автор Ибн Исфандийар в «Тарих-и Табаристан» (1216-1217)¹, а за ним Амули и Захир ад-дин Мар'аши утверждают, что первый поход русов на Каспий (Абаскун) состоялся в годы правления Алида ал-Хасана ибн Зайда (864-884)², но достоверность сведений о нем сомнительна, т.к. ал-Мас'уди ясно говорит о том, что поход после 300 г.х. был первым. По Исфандийару, состоялось еще два набега в нач. X в. (16 кораблей и «большим числом»).

Ал-Мас'уди нигде не локализует русов, кроме берегов Черного моря. Вообще в «Мурудж» русы упоминаются только в связке со славянами или в связи с Черным морем (Ните)³ и с морскими походами: на Каспий *после* 300 г.х., на ал-Андалус — *до* 300 г.х., причем в последнем случае он выводит этническую принадлежность нападавших из определения их жителями ал-Андалус как маджусов⁴, известий о контроле русов над Черным морем, а также факта связи между Черным морем и Средиземным. Эти свидетельства вообще логически связаны больше, чем кажется на первый взгляд.

---

¹ *Ibn Isfandiyar, Muhammad Ibn-al-Hasan. An Abridged Translation of the History of Tabaristan / Transl. by Edward G. Browne. BiblioLife, LLC, 2009. P. 272.*

² *Алиев С.М. О датировке набега русов, упомянутых Ибн Исфандийаром и Амоли // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т.2. М., 1969. С.316—321.*

³ *Ал-Мас'уди. Мурудж... Т.1. С.28, 82, 111, 122, 123, 125, 126, 213, 462.*

⁴ Традиционно в арабском языке так именуются зороастрийцы (*Morony M. Madjūs // Encyclopaedia of Islam CD-ROM Edition v. 1.0*), но в ал-Андалус, где зороастрийцы не проживали, доминирующее значение приобрел переносный смысл — так называли языческое немусульманское население (*De Epalza M. Mozarabs // The Legacy of Muslim Spain. Edited by Salma Khadra Jayyusi. Leiden, Brill 1992. P. 149—170*).

Раздел «Русы и их разновидности» в главе «Описание горы Кабх и рассказы о народах» начинается так: «Русы: много народов и много разновидностей. Среди них те, кого называют ал-луз'ана (اللودعانة), и они самые многочисленные. Они приезжают с торговлей в страну Андалус, Румийю¹, Кустантинию и Хазар»². О загадочных «ал-луз'ана» сломано немало копий, но и графически, и в контексте «Золотых копей» наиболее обоснованной представляется давняя конъектура Д.А. Хвольсона النرمانة — ан-нурмана³, хотя этноним «нурмана» больше нигде в «Золотых копиях» не упоминается.

Из этого, безусловно, следует, что ал-Мас'уди отождествлял русов и язычников, прибывших в ал-Андалус до 300 г. х., но главный вопрос — как географ пришел к данному отождествлению, было ли оно результатом беседы с информантом или самостоятельным выводом ученого? Мне представляется, что здесь мы имеем дело именно с гипотезой самого ал-Мас'уди, частью которой являются не имеющие аналогов ни в одном другом источнике упоминания об Андалусии и Риме как о торговых партнерах русов.

В описании истории Византии ал-Мас'уди пишет о Константинопольском проливе, что в него из моря Мантиш приплывают корабли русов и другие⁴. У морей Мантиш и Нитш располагаются земли русов и болгар⁵. В описании видов изумруда, посвященном в основном Судану, имеется список правителей запада (магриб): Ифранджа, Нукбард, Андалус, Джалалика, ал-Ушкунд, сакалиба и рус⁶.

Русов географ считает прекрасными мореходами, единственными, у кого технические характеристики кораблей позволяют плавать по Черному морю: «В низовьях реки хазар есть устье, связанное с заливом моря Нитс, и это море русов, по нему никто не плавает, кроме них. Они на одном из его бе-

---

¹ Здесь: Рим, страны — наследницы Западной Римской империи.

² *Ал-Мас'уди*. Мурудж... Т.1. С.124.

³ См.: *Хвольсон Д. А.* Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Даства, неизвестного доселе арабского писателя X века по рукописи Британского музея. СПб., 1869. С.167.

⁴ *Ал-Мас'уди*. Мурудж... Т.1. С. 213.

⁵ Там же. С. 85.

⁶ Там же. С. 264.

регов, и это великий народ языческий, не подчиняющийся ни царю, ни закону. Среди них торговцы, приезжающие к царю ал-баргаз. В земле русов есть большой рудник серебра¹, похожий на рудник серебра, который есть на горе Банджахир² в земле Хорасана»³. Из этой цитаты видно, что пока никакой Андалусии среди торговых путей русов не упоминается, а русы четко и однозначно локализованы на берегу Черного моря и занимаются торговлей с народом *баргаз*, который тоже проживает на этом море. В описании этноса *ал-баргаз* арабский Геродот соединил сведения о мусульманской Волжской Булгарии и болгарх Северного Причерноморья. Эта ошибка, основанная на идентичности этнонимов, приводила географа к убеждению, что путь в Черное море лежит только по основному руслу Итиля — реки хазар. Настоящее же русло Волги ал-Мас'уди называл рекой Бургас и, опираясь на свидетельство очевидцев, писал, что по реке Бургас также можно достичь пределов баргаз (булгар)⁴.

Итак, Черное море, связанное Константинопольским проливом со Средиземным (морем Рум), находится во власти русов и болгар, при этом пересекать его на кораблях могут только русы. Теперь вернемся к нападению на Андалусию.

---

¹ Некоторое сходство с сообщением автора X в. ал-Истахри о свинце, который доставляют русы из Арсы (Bibliotheca geographorum arabicorum. I. С. 226) говорит, возможно, о разных источниках ал-Истахри и ал-Мас'уди, в которых преломляется одна устная информация о металлах, поступающих от русов. Серебряные и золотые рудники известны на территории Алании (в частности, в Алагирском ущелье) (Гутнов Ф.Х. Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе, 1989. С. 39—40). Разработки свинцово-серебряных руд велись на территории Карачаево-Черкесии (Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. (Вопросы экономического и социального развития). М., 1971. С.113—114).

² Панджахир (Панджшир) — город в Мавераннахре, рядом с Балхом (ныне — в Афганистане), известный крупным месторождением серебра (Панджшерское ущелье). Саманиды и Саффариды чеканили там монеты (Pandjhir // Encyclopaedia of Islam CD-ROM Edition v. 1.0. 1999 Koninklijke Brill NV, Leiden, The Netherlands). Ни одно из вероятных мест локализации русов IX—X вв. не отличается подобными характеристиками (Среднее Поднепровье, Скандинавия, южное побережье Балтики, междуречье Дона и Северского Донца и др.). Можно предположить, что данное представление путешественников возникло в связи с хождением у русов своей монеты или просто большого количества серебра.

³ *Ал-Мас'уди*. Мурудж... Т.1. С. 123

⁴ Там же.

По словам андалусийцев, которые приводит ал-Мас'уди, некие маджусы-язычники появляются в море у их берегов раз в 200 лет из пролива, вытекающего из моря Укийанус¹, но не из Гибралтара. Ал-Мас'уди высказывает свою точку зрения, откуда могли появиться корабли с *тысячами* маджусов на борту, которые подвергли разграблению побережье: «Я думаю, а Аллах знает лучше, что этот пролив [из которого приплыли маджусы. — *Е.Г.*] связан с морями Майтш и Нитш² и эти люди (*умма*) из русов, которых мы ранее упоминали в этой книге, ибо никто, кроме них, не пересекает эти моря, соединенные с морем Укийанус»³.

Это свидетельство — явная параллель с известным сообщением автора 2-й пол. IX в. Йа'куби (ум. 284/897) в «Китаб ал-Булдан» (ок. 278/891), где говорится о нападении маджусов, которых называют русами, на Ишбилию (Севилью) в 229/844 г.⁴. Интересно, что ни в одном другом источнике, где нападение маджусов на 54 или 70 длинных кораблях (по 16 гребцов

---

¹ Море, окружающее обитаемую землю. В данном контексте — Атлантический океан.

² Т.е. Азовским и Черным. В этом фрагменте иное написание, чем в рассказе о походе на Каспий.

³ Там же. С. 111. Ал-Бакри в своей «Книге путей и государств» (1068) использовал и по-своему интерпретировал слова ал-Мас'уди, дополнив их сведениями из других мест «Золотых копей», а также одно из авторов традиции т.н. «Анонимной записки» — в части представлений о русах как «островном» народе: «<граничат с булгарами — *баргаз*> Русы: их много видов, они народ островов и кораблей, сильны на море и полновластно распоряжаются в нем. Они граничат с вышеупомянутым морем Нитш. Это народ огнепоклонников (*умма маджусийа*) нежданно вторгается в ал-Андалус каждые двести лет, проникая туда через пролив моря Икнабш (коньекрута — Укийанус. — *Е.Г.*), но не через тот пролив, где медный маяк, а через пролив, связанный с морем Манитш и Нитш, которые связаны с царством Баб ва-л-Абваб и Джидан» (*Ал-Бакри*. Китаб ал-масалик ва-л-мамалик // Куник А., Розен В. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. В 2-х ч. Ч. 1. СПб., 1878. С. 30—31, араб. текст). Как видно, ал-Бакри уже не сомневается, что на ал-Андалус раз в двести лет нападают именно русы, хотя его источник ал-Мас'уди подчеркивал, что это его личное мнение. Также показательно, что ал-Бакри называет маджусами и бурджан, которые в его сочинении «воюют с Румом, славянами, хазарами и тюрками», а между Константинополем и царством бурджан 15 дней пути (с.45).

⁴ Bibliotheca geographorum arabicorum. VII. С. 354.

с каждой стороны) описано гораздо подробнее, они не названы русами. Результаты набега были неутешительны: грабители бежали, потеряв от 4 до 13 кораблей и от 70 до нескольких сотен убитыми.

В ряде сочинений по истории Магриба грабители определяются как *ал-маджус ал-урдуманиййун*. Этот же термин применяется к организаторам набегов на ал-Андалус 858, 966, 971, 1064 гг., причем последний поход был организован уже христианской армией, в которую входили и норманны¹. Магрибийский автор Ибн Дихья (ум. 632/1235) рассказывает о том, что эмир Кордовы Абд ар-Рахман II (206—38/822—52) отправил к маджусам посольство. Резиденция правителя маджусов находилась на большом острове в Укийанусе, и на многочисленных соседних островах также жили маджусы. Далее Ибн Дихья поясняет, что эти маджусы, жители этих островов, были маджусами в прошлом, а к его времени большинство уже христианизировано.

У Йа'куби сообщение о маджусах-русах сопряжено с локализацией ал-Андалус «на западе моря, которое течет к морю ал-Хазар»², т.е. логика та же, что и у Масуди. Но если последний обоснованно спорит с представлением о непосредственном соединении морей от Каспия до Укийануса в рамках единой морской системы, то Йа'куби, похоже, полагал именно так. Более точно утверждать нельзя, ибо в сочинении Йа'куби утрачены часть 3-й и 4-й книги, касающиеся как раз описания восточной Аравии, Хузистана, Фарса, Индии, всего севера и начала запада. Скорее всего, и Ма'суди, и Йа'куби сделали свои выводы из успехов русов на Черном море, первый достоверно известный из которых датируется 860 г., нашествием на Константинополь.

Это предположение подтверждается фрагментом из «Книги путей и стран» Ибн Хаукаля — географа, лично посещавшего ал-Андалус. Его текст и карта хорошо демонстрируют, насколько отличались представления ученых Средневековья от того, что известно нам. Так, земля славян видится Ибн Хаука-

---

¹ *Melvinger A. Al-Madjus.*

² *Bibliotheca geographorum arabicorum. VII. C. 354*

лю огромной территорией, с одной стороны граничащей с Андалусией, а с другой упирающейся в территории булгар и хорасанских гузов¹. Но самое главное — что через Константинопольский пролив в ал-Андалус иногда проникают «корабли русов и тюрок-печенегов, а также немало людей из славян и булгар»². Убеждение, что по океану плавать невозможно, прочно жило и в тех ученых, которые бывали в Андалусии. Вряд ли можно представить, что Ибн Хаукаль лично видел печенегов-мореплавателей или слышал подобный рассказ от очевидцев. Гораздо вероятнее, что маджусы из повествований жителей ал-Андалус превратились в сочинении географа в те языческие народы, которые могли приплыть к этой земле единственным возможным путем — через Босфор. Ведь в Средиземноморье язычников уже не было.

Конечно, в ал-Андалус знали, что по Укийанусу плавают корабли, но в более восточных областях арабского мира бытовало прочное представление, что плавать по океану невозможно, поэтому ал-Мас'уди, Йа'куби и Ибн Хаукаль независимо друг от друга, опираясь на рассказ о внезапном морском нашествии маджусов на Севилью, пришли к выводу, что кроме русов, никто этого сделать не мог — ведь появиться маджусы могли только со стороны Средиземного моря, но никак не с запада, а среди народов, теоретически имеющих возможность проникнуть в море Рума воинственными морскими походами к сер. X в. прославились только русы. Именно таков был наиболее вероятный путь создания книжного отождествления русов с морскими разбойниками — норманнами, напавшими на Севилью в 844 г., — сюжета, изредка появлявшегося на страницах средневековой арабской литературы.

Таким образом, все эти факты свидетельствуют о том, что в основном сведения о северо-западе Европы добывались географами из античных сочинений, а немногие оригинальные известия приходили из региона Магриба (при этом их авторы смешивали реальность с данными книжной традиции). Арабские путешественники и купцы IX—XI вв. не поднимались по

---

¹ Bibliotheca geographorum arabicorum. II. С. 110.

² Там же. С. 113.

Волго-Балтийскому пути далее Волжской Булгарии, об окончании этого пути в курсе не были и крайне скудно представляли себе обитателей севера Восточно-Европейской равнины и Балтийского побережья.

Из этого ясно следует, что русы, описанные географами IX-X вв., никак не могли быть варягами или жить на Балтийском море и на северо-западе Восточной Европы. Ведь их обычаи описаны весьма и весьма подробно, а в это время арабские ученые Балтийского побережья не знали. Так что рационально спуститься на юго-восток, в регион, который был арабо-персидским географам знаком несравнимо лучше (хотя совсем далеко не идеально), и перед определением места русов попытаться расположить на карте географические ориентиры и соседние народы.

Этногеография степи Восточной Европы в труде ал-Хваризми

Самое раннее арабское географическое произведение, в котором упоминаются территории Юго-Восточной Европы, дошедшее до наших дней, — «Книга картины Земли» (*Китаб сурат ал-ард*) Мухаммада ибн Мусы ал-Хваризми, написанное между 836 и 847 гг¹. Этот ученый, долгое время бывший придворным астрологом халифов, считается основоположником жанра арабской астрономической географии. Согласно Х. Мжику, подробно исследовавшему рукопись ал-Хваризми в начале XX в., «Китаб сурат ал-ард» была составлена на основе карты, созданной по несохранившимся сирийским переработкам Птолемея². Информацию о Юго-Восточной Европе ал-Хваризми помещает в шестом и седьмом климатах, а также в разделе, посвященном тому, «что следует за седьмым климатом». Из обитателей территорий севернее Дербента ал-Хваризми знает только *хазар* и *алан*. В таблицах координат гор шестого климата географ упоминает «гору Баб ал-Хазар ва-л-Лан», а

---

¹ Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского Халифата. М.: Наука, 1988. С.12.

² Там же. С.14.

также гору «между двумя морями, в которой ал-Баб ва-л-Абваб и Баб ал-Лан»¹. Этнонимы «хазары» и «аланы», а также топонимы «ал-Баб ва-л-Абваб» и «Баб ал-Лан», обозначавшие, соответственно, Дербент и крепость над Дарьяльским ущельем, получили широкое распространение в средневековой арабской литературе прежде всего в связи с арабо-хазарскими войнами второй половины VII — первой половины VIII вв. Координаты этих гор находятся в пределах Кавказской горной системы, в непосредственной близости к местам обитания хазар и алан в эпоху ал-Хваризми. Но в разделе «Места, где написаны пределы стран» представлена совершенно иная картина. На территории Северного Причерноморья и степей Юго-Восточной Европы упомянуты «страна Сарматийа, и она земля Бурджан», «страна ал-Йат.з», «остров Таукийа, связанный с ал-Йат.з» и «страна Сарматийа, и она земля ал-Лан»². В отношении ал-Йат.з и острова Таукийа Т.М. Калинина убедительно показала, что речь идет об искаженных античных названиях: «ал-Йат.з» — языги Птолемея (сарматский племенной союз в Северном Причерноморье), «Таукийа» — Херсонес Таврический, т.е. Крымский полуостров античности³. Совершенно отсутствуют в этом разделе упоминания о стране хазар, хотя Хазария в это время была значительной политической силой в регионе. Но вот в Птолемеевой Европейской Сарматии, простиравшейся от Дона до Вислы⁴, ал-Хваризми локализует современный ему этнос *бурджан*, как часто называли в средневековых арабо-персидских источниках один из этносов Дунайской Болгарии⁵. Болгарское государственное образование появилось в Западном Причерноморье во второй половине VII в. Откочевавшие из Северного Причерноморья и Приазовья болгары и подвластные им племена подчинили огромную территорию от

---

¹ Das Kitab Surat al-Ard des Abu Ga'far Muhammed Ibn Musa *al-Huwarizmi* / Hrsg. Von H.v. Mhik. Leipzig, 1926. S. 58—59.

² Ibid. S.104—105.

³ Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского Халифата. С.93—95.

⁴ Кулаковский Ю.А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб.: Алетей, 2000. Карта (вклейка между с. 256—257).

⁵ Полосин В.В. Этноним «булгары» в арабских источниках // Краткие сообщения VII научной сессии ЛО ИВ АН СССР. Л., 1971. Подробнее об этническом значении термина *бурджан* см. ниже.

низовьев Дуная до Балканских гор и стали реальной политической силой, угрожавшей Византии. Период VIII—IX вв. стал эпохой дальнейшего территориального и политического роста Первого Болгарского царства¹. Ал-Хваризми отвел бурджанам такую огромную территорию в соответствии с представлениями, основанными на современных ему политических реалиях. Западнее бурджан, на территории Германии Птолемея, ал-Хваризми локализовал *ас-сакалиба* (славян)². Эти коррективы в античную карту арабский географ также внес соответственно ситуации VII—IX вв., когда славяне уже занимали большую часть Центральной Европы и южного берега Балтики. Описание же территорий восточнее бурджан относится к совершенно другому периоду. Центр страны ал-Лан ал-Хваризми располагает чуть западнее верхнего течения реки Ра³, называя землю алан «Сарматией». Здесь необходимо заметить, что при описании рек Восточной Европы ал-Хваризми пользуется античной терминологией, называя не только Дон Танаисом, но и Волгу — Ра⁴. Описание течений этих рек явно заимствовано у Птолемея с добавлением данных какой-то доарабской традиции. Особенно важно это замечание в отношении Волги-Ра — крупной торговой магистрали, с VIII в. активно использовавшейся в качестве ответвления Великого Шелкового пути⁵.

В средневековой арабо-персидской географии Волга известна под тюркским названием Атил (Итил). Географические традиции X—XI вв. за основное русло верхнего Атила принимали реку Каму, причем истоки Атила искали далеко на востоке: в земле *киргизов* между *гузами* и *кимаками*⁶, в «север-

¹ Свердлов М.Б. Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997. С.54.

² Das Kitab Surat al-Ard des Abu Ga'far Muhammed Ibn Musa *al-Huwarizmi*. S.104.

³ Ibid. S.104—105.

⁴ Ibid. S.154—157.

⁵ Кирпичников А.П. Великий Волжский путь, его историческое и международное значение // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного Семинара «Историко-культурное наследие Великого Волжского пути». Казань, 28—29 августа 2000 г. Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2001. С.10.

⁶ Via Regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi *al-Istakhri* / M.J. de Goeje. Leiden, 1870 (BGA. I). Ё. 222.

ных горах» где-то на севере Алтая¹ и т.п. Ал-Хваризми же помещает исток Ра в Восточной Европе. В этом он расходится и с Птолемеем, который полагал, что Волга образуется от слияния двух русел, текущих из Гиперборейских гор, — западного и восточного², за который Птолемей принимал, очевидно, Каму. Ал-Хваризми понимал Каму как «реку из горы», *впадающую* в Волгу³. Центр земли алан ал-Хваризми помещает на три градуса западнее впадения Камы в Волгу. Такая локализация не только не имеет истоков в античной и средневековой географии⁴, но и противоречит реальным пределам обитания алан по археологическим данным в различные периоды⁵. Более того, ал-Хваризми располагает центр земли алан на 15 градусов севернее упомянутых им ранее Аланских ворот («Баб ал-Лан»). Согласно Т. Левицкому, перемещение алан в Птолемееву Азиатскую Сарматию (между Танаисом и Ра) вызвано своеобразным восприятием арабским географом термина *Асиа* через этноним «ас»⁶. Т.М. Калинина полагает, что это отражает «смутные сведения о древней прародине алан или существовании групп алан на востоке Каспия»⁷. Однако представляется, что такая странная локализация алан — явление сугубо книжного характера, вызванное следующими причинами. В источнике, которым пользовался ал-Хваризми, данные «Географического руководства» были значительно сокращены. Скорее всего, это был комментарий к карте, на которой были обозначены лишь наиболее значимые этносы того или иного региона. Ал-Хваризми, обновляя этническую карту, также упоминал по одному народу в каждом регионе. Так, в Птолемеевой Германии

---

¹ Hudud al-'Alam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 a.h. — 982 a.d./ Transl. by V. Minorsky. E.J.W. Gibb Memorial Series. New Series, XI. London, 1970. P.75.

² Клавдий Птолемей. Географическое руководство // ВДИ. 1948. №2. V, 8, 12—13

³ Das Kitab Surat al-Ard des Abu Ga'far Muhammed Ibn Musa *al-Huwarizmi*. S.154—157.

⁴ Кулаковский Ю.А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. С.43—139.

⁵ См.: Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ: Ир, 1992.

⁶ Lewicki T. Źródła arabskie do dziejów Słowiańszczyzny. T.I. Wrocław — Kraków, 1956. S.39.

⁷ Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского Халифата. С.96.

он упоминает только ас-сакалиба, в Европейской Сарматии — бурджан. Степи Азии вплоть до Волги, следуя Птолемию, ал-Хваризми делит на две «страны Искусийа», т.е. Скифии, которые у античного географа были разделены «горой Имаон» (это широко известные в античной и средневековой традиции горы, отождествляемые с Гималаями или их частью¹). Западную Скифию, в соответствии с ситуацией начала IX в., ал-Хваризми населяет *тюрьками* (*ат-турк*), восточную — *токуз-огузами* (*ат-тугузгуз*)². С тюрьками арабы постоянно сталкивались в своем продвижении на северо-восток еще со времен пророка Мухаммада³. В первой половине VIII в. тюрьки Тюргешского каганата вели успешные боевые действия против арабов в Средней Азии⁴, с тюрьками-гузами арабы непосредственно граничили на территории от Джурджана до Исфиджаба в области Сырдарьи⁵. В силу постоянных контактов Халифата с азиатскими тюрьками ал-Хваризми прекрасно представлял их территорию и адекватно соотнес «внутреннюю», западную Скифию с «землей ат-турк». Однако в «Географическом руководстве» в Заволжье и Закаспии упоминаются другие этносы, первый из которых — *аланы скифы*. При этом сама «Внутренняя Скифия» характеризуется как земля, «вся обращенная к северу, вплотную к неизвестной земле»⁶. Таким образом, ал-Хваризми вероятнее всего просто переместил незнакомых ему алан на неизвестную ему и его современникам территорию Среднего Поволжья⁷.

---

¹ Пьянков И.В. Средняя Азия в античной географической традиции: Историкогеографический анализ. М., 1997. С.283.

² Das Kitab Surat al-Ard des Abu Ga'far Muhammed Ibn Musa *al-Huwarizmi*. S.105.

³ Асадов Ф.М. Введение // Арабские источники о тюрьках в раннее средневековье. Баку: Элм, 1993. С. 21—22.

⁴ Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. С.106—107.

⁵ Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюрькских и монгольских народов. М.: Вост. лит., 2002. С. 524.

⁶ Габуев Т.А. Ранняя история алан. С.67.

⁷ Такой метод практиковался в географических традициях средневековья. Особенно показательны это на примере легендарных амазонок. Если у Тацита и Птолемея амазонки располагались в малознакомой им Азии — на восток от

В целом сохранение без изменений и дополнений реалий, отражающих ситуацию до Великого переселения народов, либо же изменения книжного характера, свидетельствует о том, что информацией об этносах, живших в степях Юго-Восточной Европы в начале IX в., ал-Хваризми не располагал или не считал необходимым приводить их в своем обобщающем труде. Другие представители жанра астрономической географии IX—X вв., труды которых сохранились, не привнесли принципиально новых данных в описание региона; незначительные изменения касались лишь Кавказа¹. Однако это не свидетельствует об отсутствии в Арабском халифате того периода знаний о Восточной Европе. Информация об этом регионе должна была постоянно пополняться. Этому способствовала политическая и экономическая обстановка. При первых Аббасидах границы Халифата более или менее сформировались и началась относительно мирная жизнь, сопровождавшаяся прогрессом производства и концентрацией накоплений, что стимулировало внешнюю торговлю, в том числе и с Восточной Европой. 60—90-е гг. VIII в. являются здесь временем отложения первых кладов куфических дирхемов². В первой трети IX в. их количество, равно как и предметов восточного импорта, значительно увеличивается. Топография находок этого времени позволяет четко выделить основные пути, по которым шли товарно-денежные потоки из Халифата в Восточную Европу³. Эти данные свидетельствуют об установлении прямых или опосредованных, но постоянных связей арабов с народами Восточной Европы.

реки Ра (Волги), то восточные авторы переместили их, как и «людей-псов» и других мифических существ, на крайний северо-запад, т. е. туда, где не бывал ни один путешественник Востока.

¹ *Al-Battani sive Albatanii Opus Astronomicum. Arabice ed., Latine versum, adnotationibus instructum a C.A. Nallino. P.I. Mediolani, 1899. P.27; Das Kitab 'aga'ib al-aqalim as-sab'a des Suhrah. Hrsg. V. H. Mhik. Vienna, 1929. S.115.*

² *Кропоткин В.В. О топографии кладов куфических монет в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 114—115.*

³ *Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. — М., 1956. С.86; Древняя Русь: город, замок, село. М., 1985. С.400; Зоценко В.Н. Торговля в южнорусских землях (VIII — 1-я половина XIII вв.) // Археология Украинской ССР. Т.3. Киев, 1986. С. 472.*

**«Хазарское море» Ибн Хордадбеха:
проблемы интерпретации**

Информация о жителях Восточной Европы собиралась и систематизировалась не в астрономических таблицах, но в иной географической традиции, именовавшейся «наукой о путях и странах» (*‘илм ал-масалик ва-л-мамалик*)¹. В рамках этой традиции основными источниками географов служили дорожники и рассказы о путешествиях, на базе которых создавались «Книги путей и стран» (*Кутуб ал-масалик ва-л-мамалик*). Они состояли из описания народов, живущих вблизи оживленных торговых магистралей. Ориентирами служили стороны света, расстояние же указывалось в «днях пути». Очевидно, что информация «дорожников» в большей степени отражает реальную этнокультурную карту определенного времени, чем научные представления средневековых последователей Птолемея. Наиболее ранней работой, в которой были использованы данные, собранные на торговых путях Юго-Восточной Европы, является труд Ибн Хордадбеха «Книга путей и стран» (*Китаб ал-масалик ва-л-мамалик*), известный, по мнению большинства исследователей, в редакциях 840-х и 880-х гг.². Являясь некоторое время руководителем почтовой службы области Джибал (на северо-западе современного Ирана), Ибн Хордадбех имел доступ к самым разнообразным источникам. Поэтому информация, собранная в его произведении, может относиться к разным эпохам. Территории Юго-Восточной Европы упоминаются Ибн Хордадбехом отрывочно, в различных частях «Книги путей и стран».

Из народов Юго-Восточной Европы наиболее часто в труде Ибн Хордадбеха упоминаются хазары. Внимание к ним арабских ученых IX в. было обусловлено не только воспоминаниями об арабо-хазарских войнах прошлых столетий, но и

---

¹ Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С.199.

² Lewicki T. Źródła arabskie do dziejów Słowiańszczyzny. T.I. S.56; Крачковский М.Ю. Арабская географическая литература. М.: Вост. лит., 2004. С. 147—148; Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. Н. Велихановой. Баку, 1986. С. 16—30.

торговыми контактами с Хазарским каганатом, контролировавшим устье Волги — главной водной магистрали Восточной Европы. Земли хазар географ относит к Скифии (Аскутийя): «Аскутийя: в ней Арминийя, Хурасан, земли тюрок и хазар»¹. При этом Скифия понимается Ибн Хордадбехом как одна из четырех обитаемых частей земли, наряду с Европой (*Аруфа*), Ливией (*Лубийя*) и Эфиопией (*Итйуфийя*)². Для каждой части источник Ибн Хордадбеха выделяет основные этносы и государства. Поскольку в Европе расположены «ал-Андалус, ас-салиба, ар-Рум, Фиранджа, Танджа, [и] так до рубежей Мисра»³, а остальные две части находятся значительно южнее интересующего нас региона, единственным этносом Восточной Европы, достойным упоминания в этом обобщающем разделе, оказались хазары. Не раз встречается в труде Ибн Хордадбеха упоминание Хазарского моря, причем под этим гидронимом подразумевались разные географические объекты. С одной стороны, на протяжении всего сочинения упоминается *бахр ал-Хазар*, из которого купцы попадали в Константинопольский залив: «Длина залива в целом от моря ал-Хазар до моря аш-Шам 320 миль. Корабли проникали в [залив] вниз по течению от острова моря ал-Хазар и тех местностей и поднимались по нему вверх от моря аш-Шам до Константинополя»⁴. Чуть выше Ибн Хордадбех, описывая Константинопольский залив, под которым он подразумевал Мраморное море с проливами Босфор и Дарданеллы, пишет: «И это море, которое называют море Бунтус⁵, — <часть> моря ал-Хазар»⁶. Как видно, морем ал-Хазар здесь несомненно является Черное море. В дальнейшем Ибн Хордадбех еще несколько раз употребляет термин «бахр ал-Хазар» по отношению к Черному морю, причем все эти упомина-

---

¹ Kitāb al-Masālik wa'l-Mamālik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l Kasim Obaidallah Ibn Abdallah *Ibn Khordadbeh* et Excerpta e Kitāb al-Kharadj auctore *Kodama Ibn Dja'far*. Lugduni Batavorum, 1889 (BGA. VI). P.155.

² Такое деление восходит к традиции Птолемея.

³ Ibid.

⁴ Ibid. P.104.

⁵ Арабская транслитерация греческого названия Черного моря — Понт (πόντος).

⁶ Ibid.

ния относятся к рассказу о Византии и ее пределах¹. Хазарским Черное море называли, кроме Ибн Хордадбеха, также Ибн ал-Факих ал-Хамадани и Кудама ибн Джа'фар, творившие в конце IX — первой половине X вв.² Это дало основание В.М. Бейлису утверждать, что наименование Черного моря Хазарским характерно для IX в., тогда как в X в. так стали называть Каспийское море. Исследователь полагал, что подобное название «объясняется, видимо, наличием в этот период хазарских владений в восточном Крыму»³. Такая точка зрения получила поддержку ряда исследователей⁴. Однако некоторые обстоятельства позволяют сомневаться в том, что такое название Черного моря было общепринятым в арабской географии IX в. Во-первых, информация Ибн ал-Факиха и Кудама восходит все к тому же Ибн Хордадбеку⁵. Между тем, сам Ибн Хордадбех в разделе «О диковинках гор», используя иной источник, называет морем ал-Хазар Каспий и помещает на его берегу Дербент (ал-Баб ва-л-Аббаб)⁶. Следовательно, кроме Черного моря, Хазарским морем в IX в. именовали и Каспийское. При этом если о Черном море (особенно о его северном побережье) арабские географы IX—X вв. имели весьма смутное представление, то исследование Каспия арабы начали еще во второй половине VII в. и неплохо знали это море и народы, обитавшие на его берегах⁷. Учитывая это, можно поставить вопрос: отражало ли название Черного моря у Ибн Хордадбеха и его последователей

---

¹ Ibid. P.105, 156.

² Ibid. P. 257; *Йакут ал-Хамави*. Му'джам ал-Булдан. В 7 тт. Бейрут: Дар ас-Садир, 1996. Т.3. С.98.

³ *Бейлис В.М.* Сведения о Черном море в сочинениях арабских географов IX—X вв. // Ближний и Средний Восток. М., 1962. С.22.

⁴ Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С.189; *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. С.133; *Dunlop D.M.* Bahr Buntus // EI. T.1. P.927.

⁵ *Калинина Т.М.* Заметки о торговле в Восточной Европе по данным арабских ученых IX—X вв. // ДГ. 1998. М., 2000. С.111.

⁶ *Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l Kasim Obaidallah Ibn Abdallah Ibn Khordadbeh et Excerpta e Kitab al-Kharadj auctore Kodama Ibn Dja'far.* P.173.

⁷ *Заходер Б.Н.* «Маре Нугсанум» в арабской географической литературе IX—X вв. М., 1960; *Бейлис В.М.* Сведения о Черном море в сочинениях арабских географов IX—X вв. С. 22—28; *Калинина Т.М.* Водные пространства се-

реальную этнополитическую ситуацию или данная конструкция имела книжное происхождение? Исследователи, считающие эти сведения достоверными, ссылаются на то, что «к началу VIII в. хазары владели большей частью Крыма, которую отняли у византийцев, Северным Кавказом, всем Приазовьем и степными и лесостепными территориями Восточной Европы до Днепра; именно они являлись самым сильным противником Византии по ту сторону моря»¹. Поскольку же все упоминания о Черном море как о Хазарском связаны с Византией, предполагается, что этот термин был перенят у некоего информатора из Византии. Таковым называют Муслима Ибн Аби Муслима ал-Джарми, освобожденного из византийского плена в 845 г.². Однако Ибн Хордадбех ссылается на ал-Джарми *только* в списке византийских *фем* (провинций), подчеркивая, что пользовался трудом бывшего пленника не напрямую, а в каком-то пересказе³. Не исключено, что данный пересказ входил в некое сочинение, откуда географ почерпнул сведения о Византии в целом и где присутствовало именование Черного моря «Хазарским». Источник Ибн Хордадбега, таким образом, может быть датирован серединой — второй половиной IX в. (до появления 2-й редакции «Книги путей и стран», т.е. до 885/886 г.).

Этнополитическая ситуация в Северном Причерноморье в этот период отражена и в других письменных памятниках. Эти источники не позволяют говорить о господстве хазар на берегах Черного моря. Напротив, начиная с 830-х гг., хазары стали терять позиции в Северном Причерноморье и Крыму, а Византия, напротив, восстанавливала утраченное в течение затяжного внутреннего кризиса. В частности, к Византии отошла Крымская Готия, которой хазары владели не менее полувека⁴, а

вера Европы в трудах арабских ученых // Восточная Европа в исторической ретроспективе. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 90—92.

¹ *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран / Пер. Н. Велихановой. С. 97, прим. 202.

² Там же; *Бейлис В.М.* Сведения о Черном море в сочинениях арабских географов IX—X вв. С. 22.

³ *Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik* (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l Kasim Obaidallah Ibn Abdallah *Ibn Khordadbeh* et Excerpta e Kitab al-Kharadj auctore *Kodama Ibn Dja'far*. P. 105.

⁴ *Продолжатель Феофана*. Жизнеописание византийских царей. / Пер., статьи, комм. Я.Н. Любарского. СПб.: Наука, 1992. С. 56—57.

по мнению некоторых исследователей — и все крымские земли Хазарии¹, о чем свидетельствует образование новой фемы «Климаты» на территории Крыма². Более того, именно в этот период на Черном море появляется новая значительная сила — *русы*, которые, владея искусством мореплавания, стали для византийцев не менее существенной проблемой, чем хазары³. Да и в VIII — начале IX в. господство хазар в Северном Причерноморье нельзя назвать настолько масштабным, чтобы оно отвечало определению Черного моря как Хазарского. Даже в пространной редакции письма хазарского царя Иосифа, где перечисляются все территории, когда-либо принадлежавшие Хазарскому каганату, указано только юго-восточное побережье Крыма и, возможно, поселения на Таманском полуострове⁴. Византийские источники дают гораздо менее четкую картину, представляя хазар как влиятельную силу в регионе, однако не указывают четкие границы хазарских территорий⁵. Археологи же подчеркивают скудость материальных следов присутствия хазар в данном регионе⁶. Кроме того, сами византийцы, многие столетия контролировавшие все южное побережье Черного моря, именовали его традиционно Понтом Эвксинским, но никак не морем хазар. Все это позволяет полагать, что происхождение термина «бахр ал-Хазар» по отношению к Черному морю в трудах Ибн Хордадбега и его последователей имеет более сложную историю, нежели просто констатация хазарского господства на его северных берегах. Наиболее вероятным в

---

¹ Седов В.В. Русский каганат IX века // ОИ. 1998. №4. С.5.

² Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 403.

³ Походы русов на черноморские провинции Византии широко отражены в византийских источниках IX в. (см.: [Васильевский В.Г.] *Труды В.Г. Васильевского*. Т.III. Пг.: Акад. наук, 1915. С. 64—69, 95—96; Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // ДГ. 2000. М.: Вост. лит., 2003. С. 31—39, 72—74).

⁴ Ответ хазарского царя Иосифа к Хасдаи ибн Шафруту // Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С.105—110.

⁵ Константин Багрянородный. С. 171—175; Феофан Исповедник. Хронография. С. 62—63; Никифор, патриарх. Бrevиарий. С. 162.

⁶ Якобсон А.Л. Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики// Античная древность и Средние века. Вып.10. Свердловск, 1973. С. 136—138; Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV—XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С.53.

свете изложенных фактов представляется следующее. Узнав в Византии, что где-то на северных берегах Черного моря находятся хазарские владения, арабский источник принял эти территории за известные ему земли хазар на севере Каспия. Ибн Хордадбех же просто включил эти сведения в свою компиляцию. Отсюда, очевидно, в арабской литературе второй половины IX — первой половины X в. возникло ошибочное мнение о том, что море Бунтус (или Константинопольский залив) берет начало в Каспийском море (бахр ал-Хазар) или вообще море ар-Рум начинается в стране хазар за Дербентом¹. Это мнение было весьма распространено, поскольку в середине X в. его был вынужден опровергать «арабский Геродот» ал-Мас‘уди².

Где находилась «река ас-сакалиба»?

В сочинении Ибн Хордадбега все же имеются некоторые более конкретные данные о жителях степей Юго-Восточной Европы. Ибн Хордадбех, в отличие от ал-Хваризми и его последователей, знает славян и как обитателей Восточной Европы. В рассказе о странах севера (четверти обитаемых земель *ал-Джадий*) географ пишет: «Здесь также ал-Бабр, ат-Тайласан³, ал-Хазар, ал-Лан, ас-Сакалиб, ал-Абар»⁴. Перечень народов, среди которых значатся хазары, аланы, славяне и авары, появился, очевидно, в результате совмещения информации нескольких разновременных источников. С одной стороны, упоминание среди народов и местностей Кавказа *авар (ал-абар)* свидетельствует об использовании какого-то доисламско-

---

¹ Compendium libri Kitab al-Boldan auctore *Ibn al-Fakih al-Hamadani*. Ed. M.J. de Goeje. Leiden, 1885 (BGA. V). P.145.

² *Ал-Мас‘уди*. Мурудж аз-захаб ва ма‘адин ал-джавхар. Т. 1. Бейрут, 1987. С. 182—183; Kitab at-tanbih wa'l-ischruf auctore *al-Masudi* / M.J. de Goeje. Leiden, 1894 (BGA. VIII). P. 66—67.

³ Согласно В.Ф. Минорскому, ат-Тайласан соответствует Талышским горам в Азербайджане; ал-Бабр — горная местность западнее Талыша между Ардабилем и Занджаном (*Minorsky V. Commentaries // Hudud al-'Alam. The Regions of the World. / E.J.W. Gibb Memorial Series. New Series. XI. London, 1970. P. 391*).

⁴ Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l Kasim Obaidallah Ibn Abdallah *Ibn Khordadbeh* et Excerpta e Kitab al-Kharadj auctore *Kodama Ibn Dja'far*. P. 119.

го источника. Этот этноним известен в Предкавказье с середины VI в., когда под давлением тюрок авары бежали сначала в Восточную, а затем в Центральную Европу. Согласно византийскому историку Феофилакту Симокатте, под властью авар оказались в середине VI в. позднегуннские племена *барсилов*, *савилов* и *оногуров*, обитавшие в Восточном Приазовье и Предкавказье¹. Авар среди народов Кавказа, наряду с аланами, булгарами, савирами, оногурами и хазарами, упоминает сирийская хроника Псевдо-Захарии, датируемая 550-ми гг². Большая часть авар весьма быстро переселилась в Центральную Европу, где образовала Аварский каганат. Те, что остались в Предкавказье, были, по-видимому, быстро ассимилированы местными племенами. После этого этноним «авары» уже не упоминается при описании событий на Кавказе³.

С другой стороны, присутствие рядом с хазарами *ас-сакалиб* указывает на связь одного из источников перечня с событиями кавказских войн Халифата во второй половине VII — первой половине VIII в. и упоминаниями об *ас-сакалиба* о соседстве с хазарами в произведениях Бал‘ами⁴, ал-Балазури⁵ и

---

¹ Феофилакт Симокатта. С.189. Также латиноязычный автор начала VII в. Исидор Севильский упоминает о том, что авары *прежде* жили «в дальней Меотиде, между льдистым Танаисом и свирепыми народами массагетов» (Чекин Л.С. Картография христианского средневековья. VIII—XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М.: Вост. лит., 1999. С. 193).

² Пигулевская Н.В. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа // ВДИ. 1939. №1. С. 114.

³ Своеобразным «воспоминанием» о кратковременном господстве авар в Предкавказье является сообщение автора X в. Ибн Русте о том, что титулом главы политического образования ас-Сарир (локализуется в современном Западном Дагестане (Бейлис В.М. Из истории Дагестана VI-IX вв. (Сарир) // ИЗ. Т. 78. М., 1963. С. 249—266)) был *āwār* (Kitab al-a‘lak an-nafisa VII auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar *Ibn Rosteh*. Leiden, 1892 (BGA. VII). P. 147), что свидетельствует о значительной роли аварского союза племен в процессе образования Сарира. Впоследствии на части территорий Сарира образуется Аварское *нуцальство*, или Аваристан (Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака’ик» (XI—XII вв.). М.: Вост. лит., 2003. С.174—175).

⁴ Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX веков. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С.362.

⁵ Liber expugnationis regionum auctore Imamo Ahmed ibn Jahja ibn Djabir *al-Beladsori*/ Ed. M.J. de Goeje. Leiden: Brill, 1865. P. 149—150.

ал-Куфи¹. При этом ал-Куфи говорит, что «в землях, расположенных за страной хазар», отряды Марвана взяли в плен 20 тыс. семей «ас-сакалиба и других безбожников» и пошли дальше, пока не достигли реки славян (нахр ас-Сакалиба), за которой разбили хазарское войско и вынудили хакана хазар принять ислам. Данных, приводимых ал-Куфи, недостаточно для того, чтобы отождествить эту реку с какой-либо водной артерией. «Река ас-сакалиба» (или «река, текущая из страны ас-сакалиба») дважды упоминается Ибн Хордадбехом. Во-первых, в том же рассказе о странах севера в устье реки, которая течет из страны ас-сакалиба, географ локализует хазарский город Хамлидж. Река эта впадает в море Джурджан (Каспийское)². Во второй раз Ибн Хордадбех располагает Хамлидж на реке ас-сакалиба в знаменитом рассказе о купцах-русах, следующих через Каспийское море в Багдад. Владелец Хамлиджа взимает с русов десятину за пропуск в Каспийское море. Географ приводит название этой реки, однако оно в сохранившихся рукописях сильно искажено³. Многие исследователи восстанавливают это название как «Танаис», хотя текст позволяет видеть и конъектуру «Итил»⁴. При этом в Танаисе видят как Дон, так и «общее представление о водном пути из северных областей Восточной Европы к южным». Основными аргументами для этого отождествления является, во-первых, наличие славянских поселений в Подонье, во-вторых, сопоставление этого источника с трудами авторов первой половины X в. Ибн ал-Факиха и ал-Мас'уди, в которых речь идет о торговом пути по Дону; в-третьих, отсутствие славян на Итиле (Волге) в IX в. Вопрос о «реке славян» в труде Ибн Хордадбеха является принципиальным. Если географ так называл Танаис античных источников,

---

¹ *Ал-Куфи, Абу Мухаммад Ахмад ибн А'сам*. Ал-Футух. Т. 4. Ч. 7-8. Бейрут: Дар ал-Кутуб ал-'Илмийя, 1406/1986. С.289.

² *Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l Kasim Obaidallah Ibn Abdallah Ibn Khordadbeh* et Excerpta e Kitab al-Kharadj auctore Kodama Ibn Dja'far. P.124.

³ *Ibid*. P.154.

⁴ *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран / Пер. Н. Велихановой. С.124; *Калинина Т.М.* Торговые пути Восточной Европы IX в. (по данным Ибн Хордадбега и Ибн ал-Факиха) // ИСССР. 1986. №4. С. 79—80; Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 206.

то в середине — второй половине IX в. в арабской науке существовало такое четкое представление о Северо-Восточном Причерноморье, которое позволило не только указать восточные пределы славян, но и отождествить информацию о современном торговом пути с данными Птолемея, который, между прочим, не сообщал о возможности проникновения из Танаиса в Каспий¹.

Путь из Дона в Каспийское море подробно описан Ибн ал-Факихом и ал-Мас'уди. Ибн ал-Факих в рассказе о маршруте славянских купцов соединил текст Ибн Хордадбеха о торговцах-русах с каким-то новым источником. В результате появились новые пункты, одни из которых явно являются результатом «книжного» соединения источников (море ас-Сакалиба где-то между Черным морем и Волгой, а в редакции Мешхедской рукописи тождественно Каспийскому²), а другие отражают современные автору реалии. Славяне следуют по морю ар-Рум до Самкуша иудеев, далее переходят из моря ас-Сакалиба в Хазарский залив, где владетель хазар берет с них десятину, из залива попадают в реку, которую называют река ас-Сакалиба (в редакции, изданной А. Шпренгером, сначала идет река ас-Сакалиба, потом Хазарский залив. — *Е.Г.*). После этого купцы плывут в море Хорасана³. Название «Славянской реки» во всех рукописях отсутствует. Сам маршрут в точности соответствует пути русов с Черного моря на Каспий, описанному ал-Мас'уди в «Мурудж аз-захаб», где русы из «залива моря Нитас» следуют сначала вверх по «ответвлению реки хазар», проведя переговоры с хазарским владетелем у устья залива, а затем спус-

---

¹ Танаис как реку, на которой «живет много славян и других народов», поселения которых простираются далеко на север, знал в середине X в. Ал-Мас'уди (*Kitab at-tanbih wa'l-ischraf* auctore *al-Masudi*. P.67). Но эта информация была получена из западных источников: после Танаиса упомянуты Рейн (или Дунай) и Морава. При этом, с точки зрения Ал-Мас'уди, Танаис и «проход», посредством которого можно попасть из Черного моря в Каспийское, — совершенно разные водные магистрали (*Ibid.* P. 66—67).

² *Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX веков. С. 385.

³ *Compendium libri Kitab al-Boldan* auctore *Ibn al-Fakih al-Hamadani*. P. 270—271; *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 251.

каются собственно в «реку хазар», из которой попадают в Хазарское море¹. Речь несомненно идет о пути из Черного моря в Азовское, далее по нижнему течению Дона к хазарской крепости Саркел (построена в 840-х гг.), оттуда, очевидно, до места наибольшего сближения Дона и Волги. Путь от Дона до Волги (около 100 км) приходилось преодолевать волоком, а далее следовали снова на кораблях вниз по Волге до Каспия. Очевидно, что Ибн ал-Факих и ал-Мас'уди отделяют нижнее течение Дона от собственно нижнего течения Волги. Ал-Мас'уди называет его «ответвлением» реки хазар, под которой он понимает Итил. Как изначально именовался Нижний Дон у Ибн ал-Факиха: Хазарским заливом или рекой ас-Сакалиба — восстановить по известным редакциям чисто текстологически невозможно. Однако будет логичным предположить, что, поскольку Ибн ал-Факих несомненно использовал труд Ибн Хордадбеха, локализация реки ас-Сакалиба в работах географов была одинаковой. Ибн Хордадбех же (точнее, его источник) ясно указывает, что река ас-Сакалиба *непосредственно* впадает в Каспийское море. Следовательно, в сочинении Ибн Хордадбеха рекой ас-Сакалиба является, по крайней мере, нижнее течение Волги, которое входило в понятие «Итил» средневековых восточных источников. Признанию этого очевидного факта мешает то, что на Волге в IX в. не существовало большого славянского анклава, в то время как на Дону известна безусловно славянская *боршевская* археологическая культура. Однако ареалом распространения этой культуры является *лесостепное* Подонье (побережья Верхнего Дона, Хопера, Воронежа), отстоящее от волока Дон — Волга на многие сотни километров². Это пространство не пустовало: его занимали племена степного и лесостепного вариантов *салтово-маяцкой* археологической культуры³. Хотя сама салтово-маяцкая культура традиционно считается большинством археологов государственной культурой

---

¹ Ал-Мас'уди. Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джавхар. Т. 1. Бейрут, 1987. С. 183.

² См.: Винников А.З. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж, 1984.

³ Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М.: Мосты культуры, 2000; Иерусалим: Гешарим, 5760. С.241 (карта).

Хазарского каганата¹, степь и лесостепь Подонья и Подонцовья населяли этнические аланы и *прабоглары*², по уровню материальной культуры и торговли значительно превосходившие славян-боршевцев³. При таких реалиях было бы весьма странно со стороны восточных торговцев и путешественников называть нижнее и среднее течение Дона «Славянской рекой», если главную роль в торговле и ремесле играли здесь аланы, праболгары и хазары. В то же время в пользу того, что под «Славянской рекой» и в хрониках походов Марвана, и в труде Ибн Хордадбеха понималась Волга или ее часть, свидетельствует именование Алмуша, верховного правителя Волжской Булгарии начала X в., *малик ас-сакалиба* на протяжении всей «Записки» Ибн Фадлана⁴. Поскольку Ибн Фадлан лично посещал Поволжье в составе посольства 921—922 гг., сомневаться в достоверности сведений не приходится. Справедливо замечено, что малик ас-сакалиба является титулом, а ас-сакалиба как этнос в «Записке» фактически не присутствуют⁵. На происхождение этого титула проливают свет исследования Г.И. Матвеевой, доказавшей наличие славянского массива в Самарском Поволжье в рамках *именьковской* культуры V—VII вв⁶. Уровень материальной культуры именьковцев был выше, чем сла-

---

¹ Афанасьев Г.Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? // РА. 2001. №2. С. 5—15; Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. С. 7—23.

² Гинзбург В.В. Краниологические материалы из Правобережного Цимлянского городища // МИА. № 109. С. 294—307; Кондукторова Т.С. Антропологическая характеристика племен лесостепного (аланского) варианта салтово-маяцкой культуры // Тезисы докладов Советской делегации на IV Международной конференции славянской археологии. М., 1980. С. 95—96.

³ Древняя Русь: город, замок, село. С. 400; Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.: Металлургия, 1997. С. 159—215.

⁴ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Статьи, перевод и комментарии. Харьков, 1956. С. 121—148.

⁵ Там же. С. 15; Мишин Д.Е. *Сакалиба* (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. — М.: ИВ РАН — Издательство «Крафт+», 2002. С. 30.

⁶ Матвеева Г.И. Некоторые итоги изучения именьковской культуры // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3. Этногенез и этнокультурные контакты славян. М., 1997. С. 206—217.

вян Поднепровья. В.В. Седов же недавно показал, что после прихода в Среднее Поволжье булгар-кочевников не все славяне покинули свои поселения, как считалось ранее. Многие остались и постепенно были ассимилированы булгарами. При этом роль славян в оседании булгар, освоении ими земледелия была огромной. Археолог полагает, что во времена Ибн Фадлана в Волжской Булгарии еще существовали славяне как особый этнос (с которым, однако, арабскому миссионеру не удалось встретиться в его путешествии)¹. Но титул «малик ас-сакалиба», который носил Алмуш, был скорее воспоминанием о роли славян-именьковцев в этом регионе в прошлом. Тогда славяне, еще не смешавшись с булгарами и, очевидно, не впад в окончательную зависимость от них, проводили самостоятельную политику и были наиболее заметными среди народов, на которые совершил набег Марван в «землях, расположенных за страной хазар». Именно в VII — начале VIII в., когда массовые миграции булгар в Поволжье еще не состоялись², Волга в нижнем и среднем течении вполне могла восприниматься как «Славянская река». Из хроник арабо-хазарских войн это название перешло в труды Ибн Хордадбеха и Ибн ал-Факиха. Потом это название исчезает, поскольку основную роль на Волге стали играть хазары и булгары. И в то же время анахронизмы переплетаются в сочинении Ибн Хордадбеха со сведениями IX в. Практически сразу за упоминанием «реки, текущей из страны ас-сакалиба» географ приводит цитату из *дивана*, посвященного аббасидскому военачальнику конца IX в. Исаху ибн Кундаджу ал-Хазари³. В этой цитате упоминаются города хазар Хамлидж и Баланджар, после чего Ибн Хордадбех перечисляет народы и государства Восточного и Централь-

---

¹ Седов В.В. Славяно-болгарские связи на Великом Волжском пути // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного Семинара «Историко-культурное наследие Великого Волжского пути». Казань, 28—29 августа 2000 г. Казань: Мастер-Лайн, 2001. С. 61—68.

² Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Булгарии. (Этапы этнокультурной истории). — М., 1992. С. 323—331.

³ Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. В 2-х тт. Т.1. М., 1962. С. 173.

ного Кавказа, расположенные за Дербентом¹. Кроме того, описывая «диковинки» мира, географ рассказывает об экспедиции Саллама ат-Тарджумана к легендарной стене Гога и Магога, организованной в правление халифа ал-Васика (842—847). Исходным пунктом экспедиции был Тбилиси, откуда путешественники проследовали через владение ас-Сарир, земли аланов, Филян-шаха и хазар в Азию². Но все эти сведения не выходят за пределы Кавказа. Даже при описании маршрута Саллама почему-то не упоминается Волга, которую путешественники обязаны были пересечь на пути из страны хазар к стене Гога и Магога, в которой обоснованно видят Китайскую стену³. Исходя из этого, современных сведений о том, что находится севернее Кавказа, Ибн Хордадбех не имел.

Несмотря на активные и прочные торговые связи, развивавшиеся между Халифатом и Юго-Восточной Европой с конца VIII в. и столь ярко отраженные в нумизматике и археологии, арабские географы IX в. далеко не всегда использовали современную информацию об этом регионе. В астрономической ранней географии, наиболее консервативном направлении, преобладали данные, которые датируются эпохой до окончания Великого переселения народов. В географической литературе описательного характера арабские средневековые ученые использовали более широкий круг источников, отдавая предпочтение данным исламской эпохи. Прежде всего использовалась информация, полученная в ходе контактов с Византией и арабо-хазарских войн второй половины VII — первой половины VIII в. Данные, которые можно датировать IX в., отрывочны и незначительны. Единственным народом восточноевропейских степей, о котором арабские авторы IX в. имели четкое представление, были хазары. Попытки некритического соединения сведений, полученных в разное время по различным путям, породили весьма причудливые книжные конструкции вроде «Хазарского моря» и «Славянской реки» Ибн Хордадбега, далекие от

---

¹ Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l Kasim Obaidallah Ibn Abdallah *Ibn Khordadbeh* et Excerpta e Kitab al-Kharadj auctore *Kodama Ibn Dja'far*. P.124.

² Ibid. P.163.

³ *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран. С.46.

реальной ситуации IX в. Такая степень информированности географов, отраженная в сохранившихся трудах, мало согласуется с многочисленными находками восточного импорта в регионе. Это несоответствие может свидетельствовать, с одной стороны, о том, что торговля между Халифатом и народами Юго-Восточной Европы, как правило, не велась напрямую арабскими купцами, а осуществлялась через посредников из числа местных жителей. Такую роль, в частности, выполняли торговцы-русы, чей маршрут зафиксирован Ибн Хордадбехом. Поэтому привлекать данные этих источников для исследования исторических процессов на территории Юго-Восточной Европы IX в. необходимо с большой осторожностью.

Народы Восточной Европы на этнической карте «школы ал-Джайхани»

В арабо-персидской средневековой литературе можно выделить несколько традиций, рассказывающих о разных периодах в истории Восточной Европы. Уже давно установлено, что старейший цикл известий о Восточной Европе из сохранившихся в арабо-персидской географии представлен в трудах географов так называемой «школы ал-Джайхани», получавших информацию от купцов каспийско-волжского направления. Деятельность ее основателя, о котором практически ничего не известно и труд которого не дошел до наших дней, относят ко 2-й пол. IX — нач. X вв¹. Протографом цикла в отечественной историографии считается несохранившаяся «Анонимная записка о Восточной Европе», которую цитируют географы этого направления: Ибн Русте, ал-Марвази, Гар-

---

¹ Нельзя даже достоверно сказать, какому именно из известных ныне общественных деятелей 1-й пол. X в. с нисбой ал-Джайхани принадлежит несохранившаяся «Книга путей и стран», на которую потом опирались географы, — Абу Абдаллаху Мухаммаду ибн Ахмаду, Убайдаллаху ибн Ахмаду или Абу Али Мухаммаду ибн Мухаммаду, хотя в большинстве более поздних трудов как автор назван саманидский вазир Абу Абдаллах Мухаммаду ибн Ахмад (см.: *Göckenjan H., Zimonyi I. Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter. Die Ġayhani-Tradition / Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Bd.54. Wiesbaden, 2001. S.2—3*).

дизи, ал-Бакри, автор анонимного сочинения «Худуд ал-алам» и др.¹. Авторство «Записки» неизвестно до сих пор — ее приписывают самому ал-Джайхани, Ибн Хордадбеку, Муслиму ал-Джарми и т.д.². Однако европейские исследователи Х. Гекенян и И. Зимони, на мой взгляд, более обоснованно считают цикл о Восточной Европе и Центральной Азии единым³. Действительно, даже такие «формальности», как наличие и тех, и других сюжетов вместе в трех из пяти древнейших редакций («Худуд», Гардизи, ал-Марвази), явно азиатский «осколок» — рассказ о печенегах у ал-Бакри и упоминание в восточноевропейской части ориентиров, отсылающих к азиатским фрагментам, — все это свидетельствует о первоначальном единстве источника. В поздних сочинениях получила распространение усеченная «версия Ибн Русте» — только о Восточной Европе. Это объяснимо: после грандиозных монгольских завоеваний азиатская часть уже явно не соответствовала действительности. Гардизи, творивший в середине XI в., прямо указывает, что его описание племен «тюрок», которое подробнее будет рассмотрено ниже, было составлено частью на основе «Книги путей и стран» ал-Джайхани, частью — из произведения «Покорность мира»⁴, книги Ибн Хордадбека и некоторых других, неназванных источников⁵.

Старейший по хронологии цикл известий о Восточной Европе представлен в сочинении Ибн Русте «Дорогие ценно-

---

¹ См.: Калинина Т.М. Древняя Русь и страны Востока в X в. (Средневековые арабо-персидские источники о Руси). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1976.

² Последнюю историографическую сводку см.: Калинина Т.М. Интерпретация некоторых известий о славянах в «Анонимной записке» // ДГ. 2001. М., 2003. С.204—205.

³ Göckenjan H., Zimonyi I. Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter. S.13—49.

⁴ Арабское *عزاض* П. Мартинес переводит как *arrangement* (Martinez P. Gardizi's two chapters on the Turks // AEMAe. T.2. Wiesbaden, 1982. P.144), Д.Е. Мишин — как «низость» (Мишин Д.Е. Кто написал трактат ал-Джайхани? // ВЕДС. XV. М., 2003. С. 176). Однако *عزاض* — это *покорность, смирение* (см.: Ибн Манзур. Лисан ал-‘Араб. В 15 тт. Бейрут: Дар Садир, 1992. Т. 8. С. 392—400; Ар-Рази М. Мухтар ас-сихаб. Бейрут: Мактаба Любнан, 1996. С. 641).

⁵ Gardizi. Zain al-Akhbar // Martinez P. Gardizi's two chapters on the Turks // AEMAe. T. 2. Wiesbaden, 1982. P. 144.

сти» (903—913 гг.). В 7-м томе этого труда имеется раздел о Восточной Европе и живущих там народах. Верно замечено, что текст Ибн Русте практически полностью совпадает с соответствующими главами «Зайн ал-Ахбар» Гардизи (сер. XI в.)¹. С небольшими изменениями эту информацию повторяют другие представители школы ал-Джайхани — ал-Бакри, ал-Марвази, ал-Ауфи и т.д. Сходные данные сохранились в анонимном произведении конца X в. «Худуд ал-алам». Поскольку генеалогическая схема этого раздела еще не составлена и неизвестно, в каких произведениях сохранились самые архаичные тексты, рассмотрение локализации этносов целесообразно проводить по наиболее древним произведениям. Примерная датировка (и, соответственно, интерпретация) различных фрагментов о Юго-Восточной Европе и Поволжье в сочинениях арабских и персидских авторов возможна, только исходя из сопоставления текста с этнокультурной археологической картой, а также данными других письменных памятников. Однако немало ценных сведений можно почерпнуть и собственно из арабо-персидских географических сочинений, предварительно уяснив систему взаимных координат народов Европы в представлении арабских ученых IX—XI вв. — времени, когда трудились основные последователи ал-Джайхани.

Как мы помним, просторы Восточноевропейской равнины к западу от Дона представлялись арабам и персам IX—XI вв. весьма смутно. Особенно это относится к побережью Балтийского моря и частию — Черного.

Иначе обстояло дело с Каспийским морем. Все его южное побережье, включая Закавказье (торговые и административные центры Ардебиль, Бардаа, Тифлис) и Табаристан, уже к началу IX в. входило в состав Арабского Халифата. Кроме того, через Каспий шел Великий Шелковый путь, большая часть которого с VIII в. была под контролем арабских купцов. Это полностью подтверждают нумизматические данные, свидетельствующие о двух самостоятельных потоках арабских дирхемов в Восточную Европу VIII—IX вв.: первый — из Ирака через

---

¹ *Göckenjan H., Zimonyi I. Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter. S. 34—35.*

Каспий на Волго-Балтийский путь, второй — из западных частей Халифата в Сирию, оттуда — в Закавказье и далее¹. Поэтому Каспий являлся для арабской географии одним из самых важных и соответственно известных регионов. Главной рекой, впадающей в Каспий «семьюдесятью жерлами», арабо-персидские географы называли Атил. Географические традиции IX—XI вв. за основное русло верхнего Атила принимали реку Каму, причем истоки Атила искали далеко на востоке. Ал-Истахри, например, считал, что начало реки в земле киргизов между гузами и кимаками². Автор «Худуд ал-алам» выводил исток из «северных гор» где-то на севере Алтая³. И только пройдя тюркские кочевья — земли гузов и кимаков и побывав современными Обью, Иртышем, Ишимом, Тоболом, Белой, — Атил, миновав булгар, становится привычной для нас Волгой.

Итак, источники дают возможность сделать следующие выводы об общих представлениях арабских путешественников и географов IX—XI вв. о Восточной Европе. Во-первых, никто из представителей Халифата за весь указанный период не поднимался по Волго-Балтийскому пути на запад далее Волжской Булгарии, соответственно, арабские географы не представляли себе обитателей ни севера Восточно-Европейской равнины, ни Балтийского побережья. Во-вторых, все они в IX—XI вв. имели смутное представление о северном побережье Черного моря и Азовском море, а также не знали Днепр как самостоятельную водную артерию. А все данные о Волго-Балтийском пути севернее Волжской Булгарии и связанных с ним народах приходится датировать не ранее 920—930-х гг. (Ибн Фадлан и ал-Балхи). Поэтому исследуя корпус сведений о Восточной Европе традиции ал-Джайхани, восходящий ко времени не позднее IX — нач. X вв., этносы и государства этносы этого региона следует помещать лишь на юго-востоке и востоке от левобережья Днепра до Среднего Поволжья.

---

¹ Мельникова Е.А., Никитин Л.Б., Фомин А.В. Граффити на куфических монетах Петергофского клада начала IX века // ДГ. 1982. М., 1984. С. 40

² *Viae Regnorum. Descriptio ... Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri*. P. 222.

³ *Hudud al-'Alam*. P. 75.

**«Тюрки» традиции ал-Джайхани
и «Анонимная записка»**

В каждой арабской энциклопедии Средневековья обязательно был раздел о происхождении народов. Всех жителей земного шара традиционно возводили к трем сыновьям Ноя — Симу, Хаму, Йафету. Европу и евразийские степи, по мнению арабов, населяли потомки Йафета. Вот как выглядел обычный список этих потомков: ас-сакалиба, хазары, тюрки, бурджан, ишбан (жители Испании), йаджудж и маджудж (мифические племена Гог и Магог)¹. О русах, к примеру, как и о многих других этносах, ничего обычно не сообщалось. Из ранних источников исключение составляет сочинение неизвестного автора X в. «Ахбар аз-заман» («Мухтасар ал-‘аджа’иб»), в котором к потомкам Йафета относятся, последовательно, Арминия, ал-Ишбан, ар-Рус, ал-Бурджан, ал-Хазар, ат-Турк, ас-Сакалиба, Фурс, ас-Син, ал-Бургар и др.² В рукописи 1126 г. из Тегеранской библиотеки и у поздних авторов (XV в.) в числе сыновей Йафета, наряду с Сином, Тюрком, Хазаром, Саклабом, Майском и Кимари упоминается Рус³. Как правило, в ранних восточных географических сочинениях описание народов Восточной Европы располагалось в главе «Тюрки». Но под тюрками, которые считались потомками Йафета, часто разумелись и индоевропейские этносы степи и лесостепи, например, аланы. В конкретных рассказах о Евразии к тюркам относят и славян, и русов, и мадьяр⁴. Причины этого не в этногенетических и сравнительно-лингвистических изысканиях ученых Халифата — они не раз подчеркивали кардинальные различия в обы-

---

¹ Бейлис В.М. Библейская история русов и славян в версии Ал-Мас’уди // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. М., 1993. С. 4—5.

² Крюков В.Г. Сообщение анонимного автора «Ахбар аз-заман» (Мухтасар ал-аджаиб) о народах Европы // ДГ. 1982. М., 1984. С. 196.

³ Рыбаков Б.А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси // Советская археология. Вып. XVIII. М., 1953. С. 128—150.

⁴ Géographie d’Aboulféda: Text arabe publié d’après les manuscrits de Paris et de Leyde aux frais de la Société Asiatique par M. Reinaud et Mac Guckin de Slane.

чаях и языках этих этносов¹. Дело, прежде всего, в том, что земли «тюрок» располагались к северу от Халифата в степной и лесостепной зоне, поддерживали постоянные контакты между собой, а большинство из них придерживалось единой дружинной «моды», истоки которой уходили во времена Тюркских каганатов. Наиболее подробные сведения приводили представители школ ал-Джайхани и ал-Балхи. Но если у ученых классической школы информация о «тюрьках» может быть датирована не ранее нач. X в., то известия последователей ал-Джайхани значительно древнее. Однако они также восходят к разным периодам. Связано это с трепетным отношением средневековых авторов к творениям предшественников. Причем нередко географ, взявшись за очередной труд, приводил список источников только один раз — в самом начале, а в главах мог и не делать ссылок. Из этого списка половина, как правило, не сохранилась до наших дней, о многих авторах неизвестно даже, в какое время и в какой области Халифата они жили.

В традиции ал-Джайхани из пяти наиболее ранних сохранившихся редакций (Ибн Русте, анонимное сочинение «Худуд ал-алам», ал-Бакри, ал-Марвази и Гардизи) в трех присутствует описание «тюрок» — этносов Центральной Азии и Восточной Европы, явно заимствованное из единого источника. Там сохраняется определенный перечень народов: токузгузы, огузы, киргизы, карлуки, кимаки, печенеги, хазары, буртасы, булгары, мадьяры, славяне, русы, Сарир, аланы². Но их последовательность при описании иногда меняется и дополняется новыми этносами. Применительно к урало-казахстанским степям и Восточной Европе наиболее оригинален автор «Худуд ал-алам», у которого самыми западными являются славяне, а не русы, как у остальных географов, печенеги разделены на тюркских и хазарских, а перечень дополнен кипчаками³, внутренними булгарами, м.рват, б.р.дас и в.н.н.др.

---

¹ См., напр.: *Via Regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Is-hak al-Farisi al-Istakhri.* — P. 225.

² Сводную таблицу см.: *Göckenjan H., Zimonyi I. Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter.* S. 41—42.

³ Кипчаки упоминаются у Гардизи, ал-Бакри и ал-Марвази в разделе о печенегах как их северные соседи (*Gardizi. Zain al-Akhbar.* P. 151; *Ал-Марвази.*

По материалам археологии и письменных данных — китайских и среднеазиатских — расположение кочевых племен Центральной Азии в разное время приблизительно известно. Информация географов Халифата совпадает с ситуацией IX в. Кочевья восточных гузов были близки к Китаю. Еще эти гузы (точнее, токуз-огуз — «девять гузов») известны под названием уйгуров¹. Уйгурия была богатой страной, через которую пролегал сухопутный торговый путь от Дуньхуана до побережий Каспия. Но ко 2-й трети IX в. ситуация изменилась коренным образом. Во-первых, уйгуры пропустили через свои территории огромные массы киргизов, направлявшихся из Минусинской степи до Орхона. Киргизы ранее считались подвластным уйгурам племенем, но в 818 г. киргизский вождь объявил себя ханом (т.е. независимым от уйгуров). Чуть позже — вторжение хакасов. С юга также наступал сильный враг — китайцы. Так из процветающего государства начала IX века Уйгурия превратилась к середине в «Страну опустошения» («биляд ал-хараб» арабских географов). И если Гардизи, ал-Марвази и автор «Худуд» говорят об уйгурах, киргизах и кимаках как о самостоятельных силах (главы киргизов и тогузгузов названы при этом каганами, а страна тогузгузов все еще самая протяженная и сильная среди тюрок)² — значит, сведения, которыми они пользовались, относятся к периоду до 840 г. и после 818 г. Западнее и севернее селились киргизы. Очевидно, это те орды, которые только что прошли через Уйгурию. В Джунгарии, Восточном Казахстане и на Алтае обитали карлуки, еще далее на запад — кимаки. От Северного Приаралья до северо-восточного берега Каспия простирались земли печенегов³. То

Таба'и' ал-хайаван. — С. *20; *Göckenjan H., Zimonyi I.* Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter. S. 221), но отдельного рассказа о них нет. Вероятнее всего, в протографе имелась отдельная запись о кипчаках, но в источниках, которыми пользовались Гардизи, ал-Марвази и ал-Бакри, этот сюжет был утрачен.

¹ Речь идет о западных уйгурах, основателях Уйгурского каганата.

² *Gardizi.* Zain al-Akhbar. P. 124—125, 132; *Hudud al-'Alam.* P. 94—97; *Марвази.* Таба'и' ал-хайаван // *Minorsky V.* Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. L., 1942. С. *17—19.

³ *Minorsky V.* Commentaries. P. 280—305; *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей. С.111—120.

есть в первой части (до Волги, т.е. до хазар и буртасов) наблюдается логическая последовательность — с северо-востока на юго-запад. Датируется она еще и по положению большей части печенегов на *восток от Волги* во всех сочинениях традиции ал-Джайхани, в которых сохранился сюжет об этом этносе, — у Гардизи, ал-Марвази, ал-Бакри и в «Худуд».

В части, касающейся Восточной Европы, такая логика нарушена. Например, возникает путаница с положением мадьяр — то они являются соседями Византии, то живут на реке Атил, то на берегу Черного моря. В «Дорогих ценностях» Ибн Русте о мадьярах сообщается:

«Мадьяры (ал-Маджарийа). Между страной печенегов (ал-Баджанакийа) и Ас.к.л из ал-Булкарийа первый из пределов (хадд) мадьяр. Мадьяры — вид (джинс) тюрок. Их глава собирает 20 тысяч всадников. Главу называют К.н.д.х, и это титул (ши'ар — эмблема, девиз, родовое имя? — Е.Г.¹) их царя, поскольку имя человека, который правит ими, — Дж.л.х. И все мадьяры послушны тому, что повелевает их глава, называемый Дж.л.х, в вопросах войны, сопротивления неприятелю и в другом. У них повозки, и они перемещаются вместе с пастбищами и плодородием их. Их страна обширна, и граница ее соприкасается с морем ар-Рум. В это море впадают две реки. Одна из них больше Джайхуна². Место жительства их между этими двумя реками. Если наступает зима, направляются те из них, кто ближе к одной из рек, к этой реке и зимуют там, занимаясь ловлей рыбы. Их пребывание там зимой — лучшее (самое удачное) для них. В стране мадьяр есть деревья и источники. Земля их (мадьяр) пустыня³. У них много возделанных полей»⁴.

---

¹ В одном из последних исследований традиции ал-Джайхани отмечается, что смысл этого слова неясен, но «в данном случае, видимо, обозначает титул» (Göckenjan H., Zimonyi I. Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter. S. 68—69).

² В протографе однозначно имелся в виду Итиль — см. у Йакута в статье об Итиле: «Говорят, когда воды его собираются в единый поток в его верховьях, воистину он больше реки Джайхун...» (Йакут ал-Хамави. Му'дjam ал-Булдан. Т. I. С. 88).

³ Хвольсон сделал конъектуру *надийа*, т.е. «влажная».

⁴ Kitab al-a'lak an-nafisa VII auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh. Leiden, 1892 (BGA. VII). P. 143—144.

«Худуд ал-алам» дает такой вариант:

«На восток от нее гора, на юг от нее (страны мадьяр. — Е.Г.) — племя христиан, называемых в.н.н.д.р, на запад и север — некоторые области русов. В этой стране около 20 тыс. человек, которые могут выйти на поле брани со своим царем. Глава этой страны называется Джулах. Эта страна 150 фарсахов в длину и 100 фарсахов в ширину. Зимой они стоят на берегу реки, которая отделяет их от русов. Их пища и источник существования — рыба. Они очень богаты, но неблагородны (?низкого происхождения, sulfa). В этой стране много деревьев и источников. Люди благообразны и внушают благоговение. Мадьяры находятся в состоянии войны со всеми, кто живет вокруг них и (всегда) одерживают победу»¹.

У ал-Марвази этот текст выглядит так:

«Аль-М.дж.рийа — народ из тюрок. У них много земель, размеры которых достигают 100 фарсахов на 100 фарсахов. Их глава собирает 20 тысяч всадников². И зовут их главу К.н.д.х, и это имя — титул (шиар) их царя. И они народ повозок (кубаб), кочующий по своим пастбищам. И предел их страны соприкасается с морем ар-Рум. И там две реки, впадающие в это море. Одна из них большие Джайхуна. И место жительства аль-М.дж.рийа между этими двумя реками. Названия этих рек — Рута (?) и Атил³. И страна аль-М.дж.рийа лесистая. У них возделанные поля. Они одерживают верх над теми, кто соседит с ними из ас-сакалиба и русов, берут их в плен, доставляют пленных в ар-Рум и там продают»⁴.

---

¹ Hudud al-'Alam. P. 101.

² Везде — фарис.

³ Ибн Русте названия этих рек не упоминает. В «Худуд» в описании рек: «(после Артуш) Другая река — Атил, истоки которой на той же горе к северу от Артуша. Это могучая и широкая река, текущая через страну кимаков вниз к городу Джубин. Потом она поворачивает на запад и течет по границе между гузами и кимаками, пока не минует Булгар. Потом она поворачивает на юг, протекает между тюркскими печенегами и бургасами, проходит через город Атил, принадлежащий хазарам, и впадает в море хазар... Другая река — **Рута**, которая течет с горы, находящейся на границе между печенегами, мадьярами и русами. Потом она достигает границы русов и течет к славянам. Там она доходит до города Хурдаб, принадлежащего славянам, и используется ими для их полей и лугов» (Р. 75).

⁴ Марвази. Таба'и' ал-хайаван. С. *22.

Гардизи дополняет стандартный текст следующим интересным сюжетом:

«На реке, которая слева от них, по направлению к сакалиба, живут люди, принадлежащие к румам, которые все исповедуют христианство. Они называются н.нд.р. Они более многочисленны, чем мадьяры, но они слабее. Что касается тех двух рек, то одна из них называется Атил, а другая — Дуба. Когда мадьяры находятся на берегу Дуба, они берут в плен н.нд.р. Над мадьярами вдоль берегов реки есть огромная гора. За горой есть народ, принадлежащий к христианам. Они называются м.р.дат. Между ними и н.нд.р 10 дней пути. Они многочисленны. Их одежда близка к арабской и состоит из чалмы, рубахи и джуббы (верхней одежды с широкими рукавами). У них есть пашни и вино, которое они используют за недостатком воды. Их вода течет над землей, у них нет подземных каналов. Говорят, что их число больше, чем румов. Они разделены на две части, и большая часть из них — арабы. Река, которая справа от мадьяр, течет к славянам и там падает к хазарам. Из двух рек эта большая. Страна мадьяр лесистая. Земля ее влажная. Они всегда захватывают славян и используют их как рабов... (далее — как у Ибн Русте. — Е.Г.)»¹.

Народы н.н.др (в форме в.н.н.др) и м.р.дат (в форме м.р.ват) упоминаются также в «Худуд ал-алам». Больше они не встречаются ни в одном географическом сочинении X—XI вв. Ал-Бакри, повторяя в сокращенном виде информацию, сходную с данными Ибн Русте, в качестве одного предела мадьяр указывает «страну ар-Рум» (в отличие от моря ар-Рум в остальных источниках — это явная ошибка ал-Бакри), а другой предел пролегает поблизости от Кавказских гор, на которых проживает народ *Абин* (наиболее вероятна конъектура *Ас*)². Таким образом, в сочинении Ибн Русте о мадьярах сказано, что одна из земель мадьяр находится между печенегами и болгарами — ас.к.л, при этом их территория одной окраиной примы-

---

¹ Gardizi. Zain al-Akhbar. P. 160—161.

² Ал-Бакри. Китаб ал-масалик ва-л-мамалик // Куник А., Розен В. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. 1. СПб., 1878. С. 42—46; Göckenjan H., Zimonyi I. Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter. S.228.

кает к морю Рум (Черному) и располагается между двумя впадающими в него реками. Причем печенеги у Ибн Русте находятся за Волгой, а «болгары — ас.к.л» располагаются вверх по Атилю от буртасов, соседей хазар, т.е. мадьяры должны жить где-то на Средней Волге. Однако Ибн Русте следующей фразой перечеркивает это сообщение: Румское море — в данном случае однозначно Черное море. То есть Ибн Русте пытался совместить два свидетельства: одно фиксировало мадьяр в За-волжье, а другое знает это племя уже в Северном Причерноморье, после продвижения на запад. Оттуда же и несовпадения в описании хозяйства мадьяр: то они «чистые» кочевники, передвигающиеся всем племенем на повозках вслед за пастбищами, то у них обнаруживаются возделанные поля. У ал-Бакри, видимо, сохранилась концовка «причерноморского» источника, где страна мадьяр упирается в Кавказ, а междуречье «двух рек» — известная по венгерским преданиям и данным Константина Багрянородного Ателькюзу (букв. «междуречье»)¹. При этом Ибн Русте и ал-Марвази, у которого тоже Итиль впадает в Черное море, не видят противоречий. Дело в том, что, по некоторым представлениям, отраженным в арабской географии IX в. (см. выше), Дон считался «рукавом» Итиля, впадающим в Черное море. Поэтому соединение разновременных сообщений выглядело в их глазах гармонично, а различия в образе жизни арабские географы отнесли, возможно, на счет большой протяженности мадьярской земли, на которой может встретиться что угодно.

Рассказ о стране славян (ас-сакалиба) у Ибн Русте, Гардизи, ал-Марвази следует сразу после описания мадьяр (у ал-Бакри вообще нет сюжета о славянах). И в нем также имеются противоречия. Ибн Русте и Гардизи точно воспроизводят известный археологам обряд погребения большинства славян Восточноевропейской равнины, а также Центральной Европы и Балтийского Поморья: сожжение покойного и захоронение праха в кургане. Ему известны и музыкальные инструменты наших предков, и их занятия, и даже баня, и полудье.

---

¹ Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М., 1997. С. 146

Но о каких славянах идет речь? Часто это сообщение связывают со славянами Балканского полуострова, указывая на город Джарваб-Хорват и «наместника» главы славян — суб.н.дж. Еще Д.А. Хвольсон высказал предположение о том, что «суб.н.дж»¹ — это жупан южных славян. Другие исследователи, например, П. Мартинес, считают, что речь идет о белых хорватах, упоминаемых в ПВЛ и у Константина Багрянородного. В IX в. они селились от Богемии до Верхней Вислы². Именование же в источниках «главы глав» славян *С.вит малик* подвигает многих исследователей со времен Д.А. Хвольсона делать конъектуру *С.вит.б.л.к.* и утверждать, что речь идет о Святополке I Великоморавском. Главным текстологическим аргументом этой версии является якобы неорганичность формы без определенного артикля в слове *малик*. Сейчас это доминирующая точка зрения как в российской, так и в зарубежной историографии³. Ради этой идеи некоторые исследователи готовы отказаться от напрашивающейся конъектуры *Дж.р.ваб* — *Х.р.ват* (т.к. неизвестно, чтобы Святополк Моравский являлся государем каких бы-то ни было хорватов)⁴. Однако те же авторы атрибутируют как моравов *м.р.дат* Гардизи и *м.р.ват* «Худуд», никак не относимых этими источниками к славянам⁵. Как сочетаются подобные взаимоисключающие предположения в рамках одной гипотезы — непонятно. По поводу «неорганичности» надо отметить, что в данном случае *малик* — это часть титула, так же как *Филан-шах*, *Ас Тархан* и т.д. (везде — без артикля, хотя и

---

¹ Конъектура Д.А. Хвольсона, основанная на различных написаниях этого титула в рукописи.

² Martinez P. Gardizi's two chapters on the Turks. P. 165.

³ Eggers M. Das «Grossmährische Reich» — Realität oder Fiktion? Eine Neuinterpretation der Quellen zur Geschichte des mittleren Donauraumes im 9. Jahrhundert. Stuttgart, 1995. S. 396 (там же — основная зарубежная литература по проблеме); Göckenjan H., Zimonyi I. Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter. S.79; Мишин Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. С. 59; Калинина Т.М. Интерпретация некоторых известий о славянах в «Анонимной записке». С. 214 (там же — обзор основных точек зрения в отечественной литературе).

⁴ Мишин Д.Е. Сакалиба (славяне). С. 59—60.

⁵ Ал-Мас'уди, который знает реальных моравов, упоминает область *ал-М.рава* (иное написание, чем *м.р.ват/м.р.дат*) «из славян» (*Kitab at-tanbih wa'l-ischraf auctore al-Masudi*. P. 67).

шах, и тархан — титулы известные на арабском Востоке). Показательно, что автор «Худуд» при переводе на персидский какой-либо неорганичности не заметил.

И главное — этнографические особенности, известные от Ибн Русте и Гардизи, свидетельствуют против балканского расположения ас-сакалиба: славяне живут на лесистой равнине. Зимы в этой стране холодные; их бани (как, очевидно, и жилища) представляют собой типичные полуземлянки или даже землянки. И главное: покойных эти ас-сакалиба хоронят в «холмах», то есть курганах¹. Этот рассказ Ибн Русте и Гардизи достаточно полон для сопоставления с археологическими данными. В археологии есть критерии материальной культуры, по которым можно определить этнос. Это обряд погребения, лепная керамика (та, что делалась для домашних нужд, а не на продажу) и характер жилища. О керамике восточные авторы не упоминают, зато подробно говорят о двух других критериях. На Балканском полуострове неизвестны славянские курганы того времени. Славяне Балкан предпочитали зарывать прах умерших в грунтовые ямы, а жить — в наземных домах². В связи с теплым климатом в полуземлянке необходимости не было. Все эти факты свидетельствуют против теории южной природы славян Ибн Русте. Термин «Хорват» связан с «белыми хорватами» Повести временных лет, которые жили в бассейне Днестра, по соседству с тиверцами³. «Хорваты» — это не единственный этноним, который встречается одновременно в землях Киевской Руси и на Балканском полуострове.

Многие археологи и источниковеды придерживаются мнения, что племена с одинаковыми названиями — родственные, по крайней мере, те, у которых этнонимы неславянские (слова *хорваты* и *северы*-северяне — иранского происхождения). Все они «вышли» из пеньковской археологической культуры, которая существовала в Среднем Поднепровье в V—VII вв. Таким образом, и среди будущих восточных славян были те, кто назывался хорватами, соблюдал деление своей земли на жупы

---

¹ Kitab al-a'lak an-nafisa VII auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar *Ibn Rosteh*. P. 144—146; *Gardizi*. Zain al-Akhbar. P. 162—166.

² *Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 150—166.

³ *Седов В.В.* Древнерусская народность. М., 1999. С. 38.

и избирал для управления ими жупанов. А этнографические признаки, описанные Ибн Русте, соответствуют славянским племенам Восточноевропейской равнины.

Наиболее точно подходят под описание Ибн Русте носители культуры типа Луки-Райковецкой (VIII—IX вв., от Правобережья Днепра до Прикарпатья), роменско-боршевской культуры кон. VIII—X вв. на Днепровском Левобережье. Именно среди них стал в VIII в. популярен подкурванный обряд погребения, они строили полуземлянки¹. То есть это были племена, потом вошедшие в состав Древней Руси. Единственное, что необычно: источник Ибн Русте и Гардизи считает, что славяне *не были земледельцами*: «И нет у них виноградников и пашен, и есть у них подобие кувшинов из дерева, в которых сделаны ульи для их пчел и меда...»². Знать такие подробности из жизни народа и не иметь представления о его главном занятии не возможно. Здесь может помочь сравнение текста Ибн Русте и Гардизи с трудом какого-либо другого географа, пользовавшегося похожим источником. Примерно такое же описание славян имеется в анонимном сочинении, написанном в конце X в., — «Худуд ал-алам»: «...Это большая страна, и в ней очень много деревьев, растущих близко друг от друга. И они живут между этими деревьями. И у них нет иных посевов, кроме проса, и нет винограда, но очень много меда, из которого они изготавливают вино и тому подобные напитки...»³.

При сравнении текстов двух авторов становится ясно, что Ибн Русте и Гардизи пользовались источником, где отрывок о просе был утрачен. Но Гардизи, в отличие от Ибн Русте, имел перед собой не один источник, содержащий цикл «О тюрках». Об этом свидетельствуют два фрагмента: 1) «От мадьяр до ас-сакалиба 10 дней пути. Ближайшие из ас-сакалиба — город, который они называют *Вантит» — между сюжетами о пленении ас-сакалиба мадьярами и о матримониальных обычаях ас-сакалиба; 2) «Между печенегами и ас-сакалиба 10 дней пути.

---

¹ Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. С. 107—111, 125—129.

² Kitab al-a'lak an-nafisa VII auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar *Ibn Rosteh*. P. 145; *Gardizi*. Zain al-Akhbar. P. 163.

³ Hudud al-'Alam. P. 158.

Это путь по бездорожью...» — между фрагментом о матримониальных обычаях и природно-климатической характеристикой страны ас-сакалиба¹. Факт переплетения в рукописи Гардизи двух источников был замечен П. Мартинесом, который предположил, что первоначальный текст Гардизи был в некоторых местах испорчен, а затем восстановлен средневековым писцом по Ибн Русте². Но характер переплетения информации не дает возможности согласиться с ним. Во-первых, обе известные ныне рукописи дают совершенно одинаковое прочтение³.

А главное, рассказ о славяно-мадьярских отношениях, который продолжается в указании на расстояние между славянами и мадьярами, в конце повествования вытекает в особую интерпретацию сюжета о полуземлянках. У Гардизи это не жилище славянской семьи, в котором переживают долгие холодные зимы, а маленькие крепости — средство спасения от мадьяр славянских общин⁴. То есть Гардизи имел два источника, в одном из которых — более позднем — лейтмотивом была борьба славян с мадьярами. Видимо, в эпоху, когда работал автор этого источника, эта борьба была настолько актуальной, что даже в описании полуземлянок современники видели крепости. При этом славяне, знакомые автору интерпретации, в полуземлянках не жили — иначе он понял бы, о чем идет речь. Этим условиям соответствует только период завоевания мадьярами Великой Моравии, известный в венгерской историографии как эпоха «обретения родины» и завершившийся в 907 г. окончательным разгромом остатков Великоморавской державы⁵. Дальше подобные интерпретации стали неактуальны, ибо большинство мораван прекратило сопротивление, а меньшинство, не желавшее покориться мадьярам, эмигрировало (частично в Киевскую Русь)⁶.

---

¹ *Gardizi. Zain al-Akhbar.* P. 162—163.

² *Martinez P. Gardizi's two chapters on the Turks.* P.163.

³ *Göckenjan H., Zimonyi I. Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter.* S. 39—40.

⁴ *Gardizi. Zain al-Akhbar.* P. 163—164.

⁵ История южных и западных славян. Т.1. Средние века и Новое время / Под ред. Г.Ф. Матвеева и З.С. Ненашевой. М., 2001. С. 248.

⁶ *Шурицкий С.С.* Археологические параллели к истории христианства на Руси и в Великой Моравии // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 203—206; *Седов В.В.* Древнерусская народность. М., 1999. С. 183—204.

Сразу же за славянами Ибн Русте, Гардизи, ал-Марвази располагают русов. Это значит, что в представлении географа русы жили западнее ас-сакалиба — по крайней мере, так это традиционно воспринимается (описание «тюрок» вроде бы идет с востока на запад). Однако такая логика может быть поставлена под сомнение: сразу вслед за русами у Ибн Русте и Гардизи начинается описание страны ас-Сарир, однако, пространственно ориентированное на хазар. За ас-Сариром следует рассказ об аланах¹.

Автор «Дорогих ценностей» и другие представители географической школы ал-Джайхани не менее подробно описывают образ жизни этого этноса. Обычаи русов резко отличаются от славянских. Наиболее важно здесь описание погребения руса, которого хоронят по обряду трупоположения в «могиле, подобной просторному дому», куда помещают одежду и украшения покойного, монеты, ритуальную пищу и напитки, а также одну из его женщин, которую он любил, еще живую. После этого «дверь» могилы закрывают, и женщина умирает там. Таков обряд погребения русов, согласно Ибн Русте и Гардизи². В «Худуд» эта информация повторяется в сжатом виде³.

Итак, русы, описанные традицией ал-Джайхани, очевидно, жили близко от одного из популярных у арабов торговых путей, поскольку их этнографическое описание очень подробно. Одно странно: русы *вообще не локализируются как соседи других народов*. Ибн Русте, ал-Марвази, Гардизи сообщают, например, между какими народами живут буртасы, или сколько придется ехать купцу от мадьяр до славян. А как добираться до такого полезного торгового партнера, как русы, у которых можно разжиться мехами и рабами, ничего не известно. Что это — тоже испорченный текст, как в случае со славянским земледелием?

---

¹ Kitab al-a'lak an-nafisa VII auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar *Ibn Rosteh*. P. 147—148; *Gardizi*. Zain al-Akhbar. P. 170.

² Kitab al-a'lak an-nafisa VII auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar *Ibn Rosteh*. P. 146; *Gardizi*. Zain al-Akhbar. P. 169.

³ Hudud al-'Alam. P. 159.

О достоверности географического свода «Пределы мира»

Несколько другая картина представлена в «Худуд ал-алам» (Пределы мира). Написанный в 982/983 гг., этот труд истоками уходит в географическую литературу IX — X вв., соединяя в себе различные традиции этого периода. Еще первый издатель этого уникального произведения, В.В. Бартольд предположил: «Сведения Анонима не могут относиться ни к его собственной эпохе, ни даже к эпохе Джейхани»¹. То есть гузганец не автор и даже не составитель «Пределов мира», а лишь переписчик. Автора нужно искать в IX в. Единственное пока всеобъемлющее исследование текста «Худуд» было закончено еще в 1938 г. В.Ф. Минорским, который отнесся к гузганскому анониму с изрядной долей скепсиса, основанной на достижениях исторической науки того времени. По мнению В.Ф. Минорского, географ «пал жертвой стремления к картографической точности», «втискивая» в рамки карты этносы, упоминаемые в разновременных источниках. Отсюда грубые ошибки «Худуд» в локализации *м.р.ват* и *в.н.н.др*, печенегов и кипчаков².

Немногочисленные российские источниковеды 2-й пол. XX — начала XXI вв., приступавшие к изучению этого источника, многократно усилили недоверие к тексту, придя к окончательному выводу, что «система «Худуд ал-алам» относительно Восточной Европы создавалась умозрительно, посредством соединения разнородных данных, относящихся к разным источникам и эпохам, без привязки к существующим реалиям». Из этого следует вывод, что «Худуд» подлежит использованию в качестве исторического источника только как памятник средневековой исторической мысли, и не более³. А система коор-

---

¹ Худуд ал-Алем. Рукопись Туманского с введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930. С. 19.

² Minorsky V. Preface // Hudud al-Alam. The Regions of the World. / E.J.W. Gibb Memorial Series. New Series. XI. London, 1970. P. XVI.

³ Мишин Д.Е. Географический свод «Худуд ал-алам» и его сведения о Восточной Европе // Славяноведение. 2000. №2. С. 63. К идентичному выводу в середине 1980-х гг. пришел А.П. Новосельцев (Новосельцев А.П. «Худуд ал-

динат «Худуд», по мнению одного из исследователей, «не соответствует «Анонимной записке» — и поэтому не может быть применима вообще, как «умозрительная», содержащая противоречия и никогда не соответствовавшая действительности»¹.

Надо заметить, что если придерживаться означенного подхода, ни одно арабское, китайское, древнерусское, византийское и иное средневековое географическое сочинение рассматривать в качестве источника нельзя, ибо все они содержат пласты разновременной информации, часто взаимоисключающей. Европейские исследователи не отличаются подобной категоричностью, но в локализации конкретных этносов и стран Восточной Европы, как правило, придерживаются авторитетного взгляда В.Ф. Минорского². Понять, к каким эпохам относятся данные источника, оценить их достоверность для конкретного периода можно только с помощью методов комплексного источниковедения. Обращение к раннему средневековью неизбежно влечет за собой использование результатов археологических, нумизматических, лингвистических исследований³. С этих позиций и будет ниже рассмотрена проблема достоверности сведений «Худуд». Прежде всего, даже если автор «Худуд» — безответственный компилятор и при этом фантазер, который смешивает данные самых разных источников, моделирует этносы-«фантомы»⁴, ради того, чтобы «втиснуть» народы ойкумены в созданную им карту — даже в этом случае надо признать, что эта карта: 1) была составлена прежде текста и 2) «автор работал на основе какой-то предшествующей карты, которую следует рассматривать в качестве одного из наиболее важных источников его компиляции», как убедитель-

---

Алам» как источник о странах и народах Восточной Европы // ИСССР. 1986. №5. С. 90—103).

¹ Мишин Д.Е. [Рецензия на:] Галкина Е.С. Тайны Русского каганата. М., 2002 // Славяноведение. 2003. №4. С. 95.

² Göckenjan H., Zimonyi I. Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter. S. 35, 209—220.

³ Янин В.Л. К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных памятников по истории русского средневековья // ИСССР. 1973. №3. С. 77; Кузьмин А.Г. Источниковедение отечественной истории (с древнейших времен до монгольского завоевания). М.: Прометей, 2002. С. 14—19.

⁴ Мишин Д.Е. Географический свод «Худуд ал-алам». С. 58.

но показал В.Ф. Минорский¹. И перед тем как анализировать способности гузганского географа как переписчика и компилятора, нужно попытаться хотя бы в общих чертах представить, *что* это была за карта.

Мнения об основных источниках «Худуд» были высказаны самые разные. Наиболее подробно этот вопрос был исследован В.Ф. Минорским, который выделил для каждого региона наиболее очевидные параллели, но отмечал и использование анонимом неизвестных в настоящий момент источников². Для более поздних исследователей «Худуд» характерен поиск «системообразующих» источников. Таковым для описания европейских народов («страна Рум») Д.Е. Мишин полагает текст ал-Истахри, а для народов Восточной Европы — «Анонимную записку» и собственные географические представления автора³. Х. Гекенян и И. Зимони полагают, что в описании мира ислама автор опирался в основном на ал-Истахри (т.е. школу ал-Балхи), а в том, что касается немусульманских народов — на ал-Джайхани⁴.

Какие источники автор «Худуд» использовал при описании геофизических ориентиров, основных при работе с картой и неизменных во времени? Насколько связаны эти данные гузганского географа с традициями ал-Джайхани и ал-Балхи? В целом наш источник представлял себе Землю традиционно для арабской географии: в виде шара, состоящего из двух полушарий — видимого, четверть поверхности которого населена людьми, и невидимого, которое еще не исследовано, в силу недостаточного развития мореплавания⁵.

Известный представитель школы ал-Балхи Шамс ад-дин Абу Абдаллах Мухаммад ибн Ахмад ибн Абу Бакр ал-Банна аш-Шама Ал-Мукаддаси ал-Башшари, работавший в конце X в. и известный российским исследователям-русистам как ал-Мукаддаси, подчеркивал выдающиеся достижения ал-

---

¹ *Minorsky V.* Preface. P. XV.

² *Ibid.* P. XVI—XIX.

³ *Мишин Д.Е.* Географический свод «Худуд ал-алам». С. 54, 58.

⁴ *Göckenjan H., Zimonyi I.* Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter. S.35.

⁵ *Hudud al-‘Alam.* P. 50—51.

Джайхани в географической науке: если ал-Балхи указывает всего 3 моря, то ал-Джайхани знает 5 морей, добавив Хазарское море и Константинопольский залив¹. В том числе поэтому ал-Мукаддаси широко использовал информацию из книги ал-Джайхани в своем труде. Бросается в глаза, что Ибн Русте знает именно пять морей, но Константинопольский залив (т.е. Черное море) и Хазарское море (Каспийское) присутствуют в его перечне совсем под другими названиями: 1) море ал-Хинд, Фарис и ас-Син (Индийский океан и часть Тихого океана); 2) море ар-Рум, Ифрикийи и аш-Шам (Средиземное море); 3) море Укийанус (море Запада — *ал-магриб*, оно же «Зеленое море» — Атлантика); 4) *море Бунтус* (Черное); 5) *море Табаристана и Джурджана* (Каспийское)². Несовпадение названий у ал-Мукаддаси и Ибн Русте заставляет усомниться в том, что последний пользовался работой ал-Джайхани напрямую.

Если обратиться к «Худуд», то там возникает совершенно другая картина. Во-первых, морей 7: 1) Зеленое море (Восточный океан — современный Тихий океан, точнее — его часть, омывающая Юго-Восточную и Восточную Азию)³; 2) Западный океан (Атлантика); 3) Великое море (*бахр ал-А'зам* — Индийский океан); 4) море Рума, включая Константинопольский пролив, который ведет к морю Гурз (Средиземное море); 5) море ал-Хазар (Каспийское); 6) море Гурз (Черное море);

---

¹ Descriptio imperii moslemici auctore Schemso'd-din Abu Abdallah Mohammed ibn Ahmed abi Bekr al-Banna al-Basschari *al-Mocaddasi*. Ed. M.J. de Goeje. Leiden, 1906 (BGA. III). S.16.

² Kitab al-a'lak an-nafisa VII auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar *Ibn Rosteh*. P. 83.

³ Описание Зеленого моря в «Худуд» не позволяет согласиться с В.Ф. Минорским, который считает его «более или менее соответствующим» Зеленому морю Ибн Русте, т.к. море «Худуд» омывает земли Китая, тогузгузов и киргизов, а у Ибн Русте оно находится на крайнем западе, в нем располагается Британия. Интересно, что автор «Худуд» разделяет Западный океан и Восточный, в то время как традиционно в географии того времени и позже представляли единый Океан (*ал-бахр ал-мухит*), омывающий ойкумену как с востока, так и с запада (см., напр.: *Йакут ал-Хамави*. Му'джам ал-Булдан. Т.1. С.21). Гузганский географ (или его источник) знает об этой гипотезе, но не берет ее за основу, т.к. она не поддается верификации: слишком плохо развито мореплавание (Hudud al-'Alam. P.51).

7) море Хваризма (Аральское)¹. Уже по списку морей очевидно, что автор «Худуд» пользовался совершенно иным источником, чем Ибн Русте, и этот источник представлял себе моря и океаны ойкумены гораздо более адекватно, чем информатор Ибн Русте и ал-Джайхани, знавшие только 5 морей. Что это за произведение, одно или несколько — неизвестно. Достоверные параллели в более ранних текстах не прослеживаются. Из позднейших сочинений В.Ф. Минорский находит некоторые соответствия в системах конца XI—XII вв. ал-Бируни и ал-Идриси².

Описание рек и горных систем подтверждает вывод об использовании автором «Худуд» неизвестной оригинальной карты, которая, по крайней мере, в азиатской части, была для своего времени очень близка к действительности, много больше, чем, например, ал-Хваризми и Ибн Хаукаль³.

Описание жителей Восточной Европы в источнике идет по единому принципу *с запада на восток*, а не с востока на запад, как гласит заголовок произведения. Значит ли это, что в «Худуд», наряду с другими данными, включен единый пласт информации о западных евразийских степях, причем независимый от цикла о северных народах Азии? Если сопоставить текст «Худуд» с расположением стран и народов на общих картах полушария («круглых картах»), которые, например, имеются в трудах ал-Идриси и Йакута⁴, очевидно, что в целом система «Пределов мира» построена так: сначала круг «по часовой стрелке» по северной половине ойкумены, потом — южная часть. В начале текста, в разделе «О странах» автор «Худуд» перечисляет страны все страны ойкумены. Северные страны расположены именно по кругу, начиная с Китая и заканчивая границащими с Китаем тогузгузами и киргизами. Народы Восточной Европы и Центральной Азии перечислены здесь в таком

---

¹ Hudud al-'Alam. P. 51—53.

² Minorsky V. Commentaries. P. 180—186.

³ Ibid. P. 194—202.

⁴ См.: *Йакут ал-Хамави*. Му'джам ал-Булдан. Т.1. С.22; *Al-Idrisi*. Maps // La Géographie d'Idrisi / Collection Bibliothèque nationale de France — Sources. Paris, 2000 (CD).

порядке: Сарир (вслед за Румом), аланы, хазары, славяне (саклаб), хазарские печенеги, м.р.ват, внутренние булгары, русы, мадьяры, н.нд.р, тюркские печенеги, б.радас, бургасы, кипчаки, гузы, кимаки, чигиль, тухсы, карлуки, ягма, тогузгузы, киргизы¹. То есть европейская и азиатская степь здесь не разрываются, как и в цикле «О тюрках» Гардизи и ал-Марвази.

Но в основном разделе в северной части из этой логики выбивается описание народов Северной Евразии, которое у Гардизи и других соответствует циклу «О тюрках»: азиатская группа поставлена между Тибетом и Хорасаном, а европейская завершает рассказ о северной части ойкумены в целом. Таким образом «круг» оказывается искусственно разорванным. В подробном описании Восточной Европы упоминаются следующие народы: славяне — русы — внутренние булгары — мирват — хазарские печенеги — аланы — Сарир — хазары — бургасы и б.радасы — в.н.нд.р. После этого народа автор «Худуд» переходит к Зангистану (Занджану, части Иракского султаната) и Абиссинии².

Несоответствие во взаимном расположении этносов между кратким перечнем и подробным описанием, равно как и явно искусственное отделение Восточной Европы от Центральной Азии можно объяснить так. Вероятно, трактат «Пределы мира» являлся пояснением не к одной карте, а к атласу, аналогично произведению ал-Идриси, в начале которого имелась круглая карта мира. На такую карту обычно наносились названия народов, причем весьма кучно, в силу небольших размеров карты. Видимо, краткий перечень являлся комментарием к такой карте и составлялся исходя из ее содержания. То же можно сказать о горной и водной системе. А к подробным описаниям отдельных этносов и стран полагались свои карты, не по климатам, как в классическом направлении, а по географическим областям, систему которых восстановить вряд ли возможно. Во всяком случае, это не греческое представление о трех частях света³.

---

¹ Hudud al-‘Alam. P. 83.

² Ibid. P. 163

³ Ibid. P. 82—83.

Возможно, в основе были семь кешваров иранской традиции — по крайней мере, примерно совпадают смысловые блоки¹. Сам цикл «О тюрках», инкорпорированный в «Худуд», скорее всего, является описанием одного из семи кешваров — шестого. Совершенно очевидно, что цикл об азиатских тюрках разрывает повествование, в котором, как и на круглой карте, вслед за Индией и Тибетом должны идти Хорасан и Трансоксиана... По каким соображениям была разорвана нить единого повествования о северных народах — можно только догадываться. Автора могла подвигнуть и политическая актуальность темы восточных тюрков для его региона, в отличие от обитателей Восточной Европы, контакты с которыми во 2-й пол. X в. не являлись приоритетом. Но могло это быть и просто неправильное (с точки зрения авторского замысла анонима) расположение подробных карт в источнике. Итак, в «Пределах мира» обитатели лесостепи и степи Восточной Европы четко отделены от зауральских кочевников. Интересно, что нет самостоятельного параграфа о мадьярах в данном разделе. Они упоминаются в главе о зауральских кочевниках с подробным описанием территории и обычаев². Весь раздел о Восточной Европе, впрочем, как и другие, проникнут внутренней логикой, локализации в большинстве случаев четко и однозначно обозначены в системе геофизических ориентиров — горных цепей и рек.

Насколько хорошо знали арабские путешественники и географы периода до 930-х гг. племена Восточной Европы и протекающие через нее другие торговые пути, прежде всего можно понять из имевшейся у них информации о реках (помимо Атиля), а также другом важном для купцов ориентире — горных хребтах. Однако определить положение этих ориентиров на современной карте, а также локализовать упоминающиеся у восточных географов племена и государства реально лишь при использовании материалов смежных дисциплин — археологии, нумизматики, лингвистики. Помимо автора «Худуд», самые подробные описания горной системы мира дает ал-Идри-

---

¹ *Йакут ал-Хамави*. Му'джам ал-Булдан. Т.1. С.27; *Калинина Т.М.* Географический образ Восточной Европы в системе климатов арабской географии// ВЕДС. Вып. XVIII. М., 2006. С. 85—86.

² *Ibid.* P.101

си. «Худуд» является уникальным источником и потому, что в нем имеются географические описания, отсутствующие в других памятниках либо упоминающиеся там неясно. Прежде всего это река Рус — одна из трех (кроме Атиля и Руты) рек, помещаемая автором «Пределов мира» в Восточной Европе. В главе, посвященной природным ориентирам, даются следующие сведения: «Другая река (перед этим шел рассказ об Атиле. — *Е.Г.*) — Рус, которая вытекает из глубине страны славян и течет на восток, пока не достигнет границ русов. Далее она проходит границы Уртаб, Слаб и Куйафа, которые являются городами русов, и пределы Кифджак. Там она меняет направление и течет на юг к пределам печенегов и впадает в Атил»¹. Следом идет описание реки Руты: «Другая река — Рута, которая течет с горы, находящейся на границе между печенегами, мадьярами и русами. Потом она достигает пределов русов и течет к славянам. Там она достигает города Хурдаб, принадлежащего славянам, и используется на их поля и луга»².

Вокруг реки Рус сломано немало копий из-за этнической окраски ее названия. Давно признано, что происходили такие оронимы от названий племен, проживавших около данных водных артерий³. Кроме этого, река Рус служила в «Худуд ал-алам» ориентиром для локализации славян, русов, печенегов и кипчаков. В.Ф. Минорский осторожно отождествил реку Рус с Верхней Волгой⁴, хотя никаких следов печенегов на севере Восточной Европы никогда не было. В.В. Бартольд считал ее Доном⁵. А.П. Новосельцев в работе 1965 г. связывал Рус с искомленным «Ра»/ «Рас» — Волгой, возводя ее название к птолемеевской традиции⁶. Присутствие в источнике Атиля как знакомого арабам русла Волги он относил на счет ошибки гуз-

---

¹ Ibid. P.75.

² Ibid. P.76.

³ Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 192

⁴ В.Ф. Минорский вообще локализовал восточноевропейские ориентиры «Пределов мира» с крайней осторожностью, а на современную карту многие из них предпочитал не переносить (см.: *Minorsky V. Commentaries*. P.435).

⁵ Худуд ал-Алем. Рукопись Туманского. С. 29.

⁶ Кстати, в «Худуд» упоминается река Р.с, название которой восходит к античной географии. Она течет на севере в пределах гузов и впадает в Хазарское море (*Hudud al-‘Alam*. P. 75). Но средневековые авторы наполнили этот

ганского автора, не разобравшегося в источниках¹. В 1986 г. в ответе на разработки Б.А. Рыбакова А.П. Новосельцев уже признает, что «если у Истахри Русская река — Волга, то у ХАА — Ока и Дон»². Многие современные исследователи придерживаются точки зрения А.П. Новосельцева. Они даже объединяют информацию о реке Рус классической школы и традиции ал-Джайхани: нахр ар-Рус в X в. обозначает либо приток Ати-ла («Худуд ал-алам». — *Е.Г.*), либо весь Атил (Ибн Хаукаль. — *Е.Г.*)³. Таким образом, смешивается информация двух направлений, черпавших сведения из разновременных источников: Волга стала называться Русской рекой *после* путешествия Ибн Фадлана и его встречи с какими-то русами. Школа ал-Джайхани обладала более ранними сведениями. Б.А. Рыбаков же в своем разыскании об ориентирах «Худуд» отождествляет реку Рус с Днепром и Доном (академик принимает за основу конъектуру В.Ф. Минорского *Дуна*⁴), считая, что в отрывке соединены сведения о двух разных реках с похожими названиями.

В отношении р. Руты мнения расходятся еще больше. Река Рута — последняя из водных артерий, которые локализует в Восточной Европе гузганский географ (далее идет описание р. Тигр). С ней связаны взаимные координаты русов, тюркских печенегов, мадьяр, славян. Традиционно Руту через конъектуру отождествляли с Дунаем⁵, город Хурдаб — с искаженным названием южнославянского племени хорватов. Связано такое отождествление не только с очевидностью конъектур, но и кажущейся легкостью объяснения взаимных ориентиров. Так, славяне этого отрывка «Худуд» объявлялись западными и южными, а русами — соответственно, все восточнославянские

архаичный ороним новым содержанием. По территории гузов IX в. протекали впадающие в Каспийское море Урал и Эмба.

¹ Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX веков // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 379.

² Новосельцев А.П. «Худуд ал-Алам» как источник о странах и народах Восточной Европы // ИСССР. 1986. №5.

³ Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 192.

⁴ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1993. С. 215.

⁵ Худуд ал-Алем. Рукопись Туманского. С. 29.

племена. Однако славяне Центральной Европы фигурируют в «Худуд ал-алам» под названием «славяне-христиане»¹, а допущение конъектуры «хорват» дает возможность и локализации его в Прикарпатье². А.П. Новосельцев в 1960-е гг. также возводил данные о Руте к Птолемию (птолемеевский Рудон)³; позже он уже утверждал, что Руту «Пределов мира» невозможно нанести на современную карту, т.к. автор источника пользовался несопадающими данными (IX в. и современными ему)⁴. При этом скепсис данного заявления не оправдан: сам А.П. Новосельцев не приводит конкретных доказательств разновременности материала о Восточной Европе. Его аргумент — то, что рассказ «Пределов мира» о городе Итиль похож на данные ал-Масуди⁵. Однако ал-Масуди предоставляет новые, современные ему сведения о Северном Причерноморье, а не о Волго-Балтийском пути. Эту торговую магистраль автор «Промывален золота» представляет настолько плохо, что не видит разницы между волжскими булгарами и известными ему дунайскими, помещая вперемешку (!) пять фрагментов, одни из которых относятся к Волжской Булгарии, а другие — к Болгарии в низовьях Дуная⁶. Информация о столице хазар была заимствована ал-Масуди из более ранних источников, знакомых и «Худуд» и связанных с традицией ал-Джайхани⁷. Б.А. Рыбаков предложил свою интерпретацию: Рута «Худуд» — Ока, вытекающая со Среднерусской возвышенности, а Хурдаб — вятический г. Корьдно. При этом Б.А. Рыбаков сделал неверный перевод английского текста В.Ф. Минорского: «Потом она (Рута. — *Е.Г.*) входит в пределы Руси и течет к Славянам»⁸, как бы объединяя славян и русов. Между тем в тексте идет

---

¹ Hudud al-'Alam. P. 157.

² См. выше, а также: *Войтович Л.* Карпатські хорвати в етнополітичному розвитку Центральної-Східної Європи раннього середньовіччя // Україна в Центрально-Східній Європі. №4. 2004.

³ *Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX веков. С. 380.

⁴ *Новосельцев А.П.* «Худуд ал-Алам». С. 95.

⁵ Там же. С. 96.

⁶ *Ал-Мас'уди.* Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джавахар. Т.1. С. 181—182.

⁷ *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т.1. С. 225.

⁸ *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. С. 211.

речь о том, что Рута лишь достигает *границ* русов, не входя на их территорию, и, очевидно, поворачивая, течет к славянам.

Для локализации этих важных водных ориентиров целесообразно привлечь данные археологии и нумизматики, поскольку реки арабо-персидской географической литературы — это водные торговые магистрали. Их расположение определяется археологами по скоплению монетных кладов и предметов импорта. Для реки Рус имеется и важный ориентир: ее «нижнее течение» на юге впадает в Атил (т.е. в данном случае Волгу). Таких больших правых притоков Волга, конечно, не имеет, однако расстояние между Нижним Доном и Волгой в районе нынешнего Цимлянского водохранилища действительно очень невелико, и река, как и описывает источник, резко меняет направление в южную сторону. Поэтому можно согласиться с В.В. Бартольдом и Б.А. Рыбаковым в достаточно точном отождествлении нижнего течения р. Рус со средним и нижним течением Дона. Карты находок кладов арабских дирхемов и восточного импорта показывают начало и среднее течение этой «реки», а реально — торгового пути по верховьям Дона, Северского Донца и правым притокам Днепра (Псел, Ворскла, Сула)¹. Временные рамки этих кладов и импорта — VIII — 1-я пол. IX вв. Далее этот торговый путь теряет свое значение². Именно после прекращения торговли по этому пути представления восточных ученых о реке Рус должны были стать более смутными, а упоминания — редкими. Русская река (*нахр Русийа*) подробно описана у географа XII в. ал-Идриси, собиравшего сообщения о ней из разных источников, среди которых не было «Худуд». Уже этот факт дает основания утверждать, что река Рус «Пределов мира» — это не один из «фантомов» анонима, а реально существовавший торговый путь, информация о котором сохранилась в нескольких традициях. Описание реки ар-Рус/ Русийа у ал-Идриси «разорвано» по нескольким секциям разных климатов.

---

¹ Карты см.: Древняя Русь: город, замок, село. М., 1985. С. 400; Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956. С. 86

² Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. С.102.

В секции 7 климата 5, где речь идет о море Табаристана (Каспии), упоминается, что в него впадает «река ар-Рус, известная как Итил, выходящая из земли тюрок с востока, пока не достигнет Булгара, где разделяется на два рукава, один из которых течет в море ал-Баб ва-л-Абваб..., а второй течет на запад, пока не достигнет моря Бунтус»¹. Здесь, конечно, имеется в виду соединение низовий Волги с Доном.

В секции 5 климата 6, где описаны берега Черного моря, сообщается об устье Русской реки: «От Бутара (Феодосия. — Е.Г.) до устья Русской реки (нахр Русийа) 20 миль. От устья Русской реки до Матрахи (Тмутаракань. — Е.Г.) 20 миль»².

«В упомянутую Русскую реку впадают шесть больших рек, берущих свое начало в горе Кукайа³, и это большая гора, которая тянется от моря Мрака до края ойкумены. Эта гора простирается от страны Йаджудж и Маджудж на крайнем востоке и пересекает их, проходя в южном направлении до Мрачного Черного моря, известного как Смолистое⁴. Это очень высокая гора; никто не может подняться на нее из-за сильного холода и обилия вечного снега на ее вершине. В долинах этих рек живет народ, известный под именем ас-с.барина...»⁵.

В данном описании есть как отголоски книжной традиции, восходящей к античности (представления о горе Кукайа явно перекликаются с описанием Рипейских гор в античной

---

¹ *Al-Idrisi. Opus geographicum sive Liber ad eorum delectationem qui terras peragrarare studeant*. P. 831.

² *Ibid.* P. 909.

³ Эта гора — собирательный, полумифический образ, отражающий смутные представления арабских географов о севере Восточной Европы. Определить ее местонахождение невозможно.

⁴ Черное Смолистое море и море Мрака — один объект. О море Мрака ал-Идриси говорит еще в 5-й секции VII, более северного климата (*Ibid.* P.956). В одной из традиций средневековой арабской географии море Мрака олицетворяет часть Атлантического океана, омывающего Испанию, Северное и Балтийское моря. С одной стороны, море Мрака впадает в море ар-Рум (Средиземное), с другой, «у самого заката» — в Зеленое море (см. также: Абд ар-рашид ал-Бакуви. *Китаб талхис ал-асар ва'аджа'иб ал-малик ал-каххар*. М., 1971).

⁵ *Al-Idrisi. Opus geographicum sive Liber ad eorum delectationem qui terras peragrarare studeant*. P. 910. Еще один вариант написания этнонима — *ан-н.барийа*.

географии¹), так и «следы знакомства» с реальными реками². Очевидно, что устье Русской реки у Идриси точно соответствует Керченскому проливу, а сама река — Дону и притокам в его верховьях (реки Воронеж, Медведица, Иловля, Битюг, Хопер)³. Народ ас-с.барина (ан-н.барийа) — это угорские племена, обитавшие в верховьях левых притоков Дона. Маршрут по «реке Рус/ Русийа» как в «Худуд», так и у ал-Идриси не имеет истоков в античной географии, не несет в себе следы компиляции, а воспроизведен на основе реального водного торгового пути раннего Средневековья.

У реки Руты, видимо, в арабо-персидской книжности более сложная судьба. Название это встречается только в «Худуд» (روتا) и у ал-Марвази (روتا). У Гардизи отражена близкая форма *Дуба* (دوبا). Но в этих источниках река однозначно связывается с мадьярами (это одни из основных ориентиров в их локализации — между двумя реками) и больше нигде не упоминается. В «Худуд», напротив, место обитания мадьяр не связано с междуречьем, а Рута с запада отделяет мадьяр от русов. Кроме того, аноним упоминает еще одну реку с похожим названием (روتا), локализуя ее на юг от русов⁴. Несомненно, в атласе автор «Худуд» обозначил обе эти реки, но в протографе «южной Руты» не было — она не упомянута в разделе «О реках». Гузганский географ позаимствовал ее из другого источника.

Достоверно восстановить название реки невозможно — слишком мало известно рукописей, в которых она упоминается. Конъектура *Дуна* (دونا) действительно наиболее вероятна, исходя из распространенности оронимов с таким корнем в Восточной Европе. Но изначально это не Дунай, который из-

---

¹ О Рипейских горах: Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2002. С.29.

² Бейлис В.М. Ал-Идриси (XII в.) о Восточном Причерноморье и Юго-Восточной окраине русских земель.// ДГ. 1982. М., 1984. С. 212—213, 222—223; Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М.: Вост. лит., 1999. С. 99.

³ У географа Димашки (1256-1327) Дон обозначается уже как «река славян и русов» (Cosmographie... Dimichqui / Text, pub. Par A.F.Mehren. SPb., 1866. P. 106).

⁴ Hudud al-‘Alam. P. 159.

вестен в арабской географии под другим именем — *D.nw* (دنو) у ал-Идриси, *D.n.b.h* (دنبه) — у ал-Масуди¹. В североиранских языках *дон* — это любая река, вода, и назвать так могли носители этих языков любую водную артерию². Поэтому все зависит от информатора, через которого в Халифате стало известно это название. Им мог быть купец алано-сарматского происхождения.

Реку Руту, ориентируясь на монетные клады того же времени, реально отождествить в верхнем течении с Окой (действительно выходящей с гор — со Среднерусской возвышенности), но согласиться с распространенной трактовкой славян в «Худуд ал-алам» как вятичей нельзя. Поселения предков вятичей IX в. обнаружены на *Верхней* Оке в очень небольшом количестве, причем ареал ранних вятичей соответствует территории финно-угорской мощинской культуры³. В то время количество финно-угорского населения значительно превосходило пришлых славян, и для путешественников жители Верхней Оки скорее должны были быть финно-уграми. Но автор «Пределов мира» как раз не знает жителей Среднерусской возвышенности. Монетные же клады ведут вниз по Оке до других правых притоков Днепра — Десны и Сейма⁴.

Река Гардизи, ал-Марвази и «южная Рута» анонима, видимо, появилась в более позднее время. Сюжет о междуречье (*Ателькюзу*), как показано выше, датируется более поздним временем, чем пребывание мадьяр в Заволжье. «Южная

---

¹ Kitab at-tanbih wa'l-ischraf auctore *al-Masudi*. — P.67. Такая передача имени Дунай согласуется с его происхождением (кельто-латинское *Danuvius/ Danubius/ Danibis*; в славянские языки название заимствовано через готское *Donawi; старославянское звучание — Доунавъ (*Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 4-е изд., стер. М., 2003. Т.1. С. 553)). Географы Халифата могли узнать это слово либо от путешественника, попавшего на Дунай и слышавшего, как реку называют местные жители (в основном славяне и германцы), либо от купца-европейца, приехавшего из этих мест. Т.е. в любом случае в названии должна была сохраниться 3-я согласная, что и наблюдается у Ал-Мас'уди и ал-Идриси.

² *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т.1. С.528.

³ *Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 373

⁴ *Кропоткин В.В.* О топографии кладов куфических монет в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 111—117.

Рута» может иметь такое происхождение. Гузганский географ пользовался двумя источниками, один из которых — старая карта(ы), возможно, с комментарием, на которой были отображены мадьяры на Средней Волге и «северная Рута». В другом источнике, близком, но более позднем, уже упоминалось междуречье у Черного моря. Наш географ воздержался от нанесения на свою карту второго мадьярского анклава, который разрушал стройную систему взаимных координат народов Восточной Европы, но реку все же упомянул. Таким образом, главные речные ориентиры анонима для локализации племен Восточной Европы во времена создания протографа «О тюрках» таковы: р. Рус — торговый путь VIII — 1-й трети IX вв. от устья Волги по Нижнему и Среднему Дону, верховьям Северской Донца и правым притокам Днепра. Река Рута (северная) — менее важная, судя по количеству находок, торговая артерия, соединявшая Среднее Поднепровье со Среднерусской возвышенностью чрез Сейм, Десну и Верхнюю Оку.

Кроме рек, в «Худуд ал-алам» дается такой важный геофизический ориентир, как «горы». Конечно, это не горные хребты в современном понимании. Вполне можно согласиться с Б.А. Рыбаковым, что для торговых экспедиций были хорошо ощутимы возвышенности как водораздельные линии¹, тем более что «горы» анонима никак не были заимствованы из античной географии.

В начале описания «пределов мира» аноним рассказывает о горной системе от Сирии до страны славян (приводится отрывок о Восточной Европе): «... Горы тянутся строго на север между Арменией и Румом к началу территории Сарира... Тогда они поворачивают на восток, пересекая Сарир, Армению, Арран² и Кабк по соседству с Хазарским морем. Далее они меняют свое направление и поворачивают обратно, на запад, проходя между Сариром и Хазарией, и достигают начала земли алан. Потом они идут строго на север дальше, до конца страны хазар. Потом они пересекают стра-

---

¹ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. С. 213.

² Арран — название Кавказской Албании со времени захвата Закавказья Арабским халифатом, т.е. со 2-й четв. VIII в.

ну хазарских печенегов и отделяют внутренних болгар от русов, следуя к пределам славян. Тогда они избирают северное направление, пересекают славян, называемых *Khurdab*, после чего они достигают конца страны славян и там заканчиваются»¹. При анализе этого фрагмента важно учесть наблюдение В.Ф. Минорского: часто координаты «Худуд» показывают некую погрешность, как если бы автор принимал северо-восток или восток за север².

Конечно, не стоит ожидать от средневекового атласа точного соответствия современной физической карте. Это просто невозможно. Чтобы представить степень познания рельефа Северной Евразии в арабо-персидской науке той эпохи, достаточно взглянуть на карты ал-Идриси, на которых Каспийское море (!) почти полностью опоясано горным хребтом³. Представление о горах Малой Азии и Кавказа как о единой системе часто заставляет современных исследователей скептически относиться к сообщению «Худуд». Но еще В.Ф. Минорский показал, что основные хребты Кавказа находят точные соответствия в этом описании. Другое дело, что скепсис исследователя вызвало северное окончание этого сложносоставного хребта, где горы заканчиваются в конце страны славян, успев пересечь область хазарских печенегов и отделить внутренних болгар от русов. Происхождение этой фантастической горной цепи В.Ф. Минорский объяснял тем, что автор неправильно расположил земли народов м.р.ват и в.н.нд.р, а также ориентиров, с ними связанные⁴.

Б.А. Рыбаков сопоставил «горы» «Худуд» с крупными водоразделами Восточной Европы на основе собственного перевода текста Минорского и своей локализации упоминающихся при описании гор племен: упомянутая цепь включает у него Кавказ (соответствует фрагменту до территории алан включительно), Ставропольскую возвышенность (горы, идущие «строго на север» до конца страны хазар), Донецкий кряж

---

¹ Hudud al-‘Alam. P.67.

² *Minorsky V.* Preface. P.XV.

³ См.: *Al-Idrisi. Maps* // La Géographie d’Idrisi / Collection Bibliothèque nationale de France — Sources. Paris, 2000 (CD). Cl. 6. Sec. 5, 6, 7, 8.

⁴ *Minorsky V.* Commentaries. P. 203—204.

и Днепровско-Волынский водораздел (от хазарских печенегов до славян), Среднерусскую возвышенность (до конца страны славян). Горы, включенные в описание народов Восточной Европы, академик локализует *независимо* от этой цепи¹. Действительно, перенести «горы» анонима на современную карту нельзя, не локализовав основные этносы — это слишком взаимосвязанные ориентиры.

Но, принципиально принимая метод исследования, нельзя согласиться с частными выводами Б.А. Рыбакова. Прежде всего потому, что составитель свода о Восточной Европе и Заволжье в «Пределах мира» — не компилятор, а очень грамотный и дотошный ученый, как правило, не допускавший ни повторений, ни пропусков информации. Поэтому искать горные системы параграфов, посвященных этногеографии, нужно в разделе «О горах и рудниках, в них существующих»². Тем более что аноним, расписывая названия частей упомянутой горной цепи, пишет, что на области алан заканчивается часть «Кабк» (Кавказ), а дальше каждое место именуется по городу или области, которые к нему примыкают³.

Народам, живущим и кочующим между Волгой и правобережьем Днепра, аноним дает такие геофизические и взаимные ориентиры (с запада на восток).

Славяне: восток — внутренние булгары и некоторые из русов, юг — часть моря Гурз (здесь: Черное море. — *Е.Г.*) и некоторая часть Рума, запад и север — необитаемые пустыни севера.

Русы: в. — горы печенегов, ю. — река Рута⁴, з. — славяне, с. — необитаемые пустыни севера.

Внутренние булгары: в. — м.р.ват, ю. — море Гурз, з. — славяне, с. — гора Рус.

М.р.ват: в. — некоторые горы и некоторые из хазарских печенегов, ю. — некоторые из хазарских печенегов и море Гурз, з. — море Гурз и внутренние булгары, с. — некоторые из внутренних булгар и горы в.н.нд.р.

---

¹ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. С. 213—219.

² Hudud al-‘Alam. P. 67.

³ Ibid.

⁴ «Южная Рута». Речь, очевидно, идет о Нижнем Доне.

Хазарские печенеги: в. — горы хазар, ю. — аланы, з. — м.р.ват.

Аланы: в. и ю. — Сарир, з. — Рум, с. — хазарские печенеги.

Сарир: в. и ю. — границы Армении, з. — границы Рума, с. — аланы.

Хазары: в. — горы, море и р. Атил, ю. — Сарир, з. — горы, с. — буртасы и в.н.нд.р.

Буртасы: в. — гузы, з. — р. Атил, с. — тюркские печенеги.

Брадасы: в. — р. Атил, ю. — хазары, з. — в.н.нд.р, с. — тюркские печенеги.

В.н.нд.р: в. — буртасы, ю. — хазары, з. — горы, с. — мадьяры¹.

*Мадьяры*²: в. — гора, ю. — христиане в.н.нд.р, з. — некоторые русы (либо «какая-то область русов»).

Тюркские печенеги: в. — гузы, ю. — буртасы, з. — мадьяры и русы, с. — р. Рута (северная)³.

Выше, в разделе о морях, есть перечень народов, граничащих с Каспийским и Черным морями:

*«Еще одно море — море хазар. К востоку от него пустыня, граничащая с гузами и Хорезмом. Северная его сторона прилегает к гузам и некоторой части хазар. На западе от него города хазар и Азербайджана... Еще одно море — Гурзий-ан, и оно называется Бонтос. Его восточный предел — границы алан, северный — земли печенегов, хазар, м.р.ват, внутренних болгар и славян, западный предел — страна бурджан, а с юга — страна Рум...»*⁴

Исходя в данном случае из сведений источника и современной геофизической карты, не нарушая системы «Худуд ал-алам», а также учитывая, что расположение некоторых племен вполне точно известно по археологическим данным, перенесение взаимных ориентиров анонима дает следующий результат:

---

¹ Hudud al-‘Alam. P. 158—163

² Мадьяры и тюркские печенеги упоминаются среди заволжских кочевников.

³ Hudud al-‘Alam. P. 101—102

⁴ Ibid. P. 53.

на Атиле до среднего течения Волги с юга на север — хазары, бургасы (на восток от Волги) и б.радасы (на запад);

Заволжье: а) на юго-восток от верхнего течения Атила (Кама и Урал) — гузы; б) на запад от гузов — тюркские печенеги;

среднее течение современной Волги и Приволжская возвышенность, с юга на север — в.н.нд.р, мадьяры;

Кавказ и Предкавказье: хазары, хазарские печенеги, Сарир, аланы, м.р.ват;

Северное Причерноморье и Приазовье, Нижний Дон (с востока на запад): аланы; хазарские печенеги, хазары, м.р.ват, внутренние булгары, славяне;

верховья Дона, Северского Донца и правые притоки Днепра (река Рус) — область русов.

Одни племена из перечисленных практически не известны современным ученым. Это м.р.ват и в.н.нд.р. Для других этносов спорно их место жительства (внутренние болгары, хазарские печенеги, бургасы). Но упоминаются в «Пределах мира» и народы, чья территория не вызывает сомнений. Точно известна локализация в период с VIII по X вв. алан в Центральном Предкавказье, хазар в Нижнем Поволжье и прикаспийском Дагестане и государства Сарир на западе Дагестана (археологическая культура авар начиная с VIII в¹). Результаты современных археологических исследований этих районов *точно соответствуют для VIII—X вв.* ориентирам анонима. Поскольку информация «Худуд» о степной и лесостепной зоне составляет единый комплекс, нет оснований не доверять и положению в источнике других народов и государств этого региона.

Мадьяры

Новейшие разработки в археологии и лингвистике позволяют более точно датировать данные источника, которым пользовался автор этого свода. Прежде всего, это размещение мадьяр на Средней Волге, причем в Заволжье. Такая локали-

---

¹ Бейлис В.М. Из истории Дагестана VI—IX вв. (Сарир) // Исторические записки. Т. 78. М., 1963. С. 249—266.

зация уникальна в восточной географической литературе. Еще Б.Н. Заходер отметил сложность мадьярской тематики в различных арабо-персидских традициях: одна группа сведений говорит о мадьярах-кочевниках, другая — об оседлых племенах, контактирующих с Византией¹. Наиболее архаичная «кочевая» тематика развернута только школой ал-Джайхани, первоисточником которой, напомним, многие отечественные исследователи считают т.н. «Анонимную записку», благодаря главным образом информации о мадьярах датирующуюся не позже 880-х гг. Такая датировка появилась в связи с существованием научного мифа о переселении мадьяр в Центральную Европу только в 890-х гг. Миф возник из доверия к данным ПВЛ об «уграх», шедших мимо Киева в 898 г.² Легенда эта была развеяна еще К.Я. Гротом в кон. XIX в., указавшим, что угры-мадьяры в Центральной Европе упоминаются впервые в 30-е гг. IX в., причем в большом количестве³. Например, византийский источник — Продолжатель Георгия Амартола упоминает, что в 830-х гг. болгарский царь Крум, испытывая трудности в войне с Византией, обратился за помощью к уграм (венграм), находившимся по близости⁴. Это подтверждают и более современные исследования⁵. Однако будет интересно сравнить локализацию мадьяр в «Пределах мира» (Средняя Волга) с данным других представителей традиции ал-Джайхани. У них место жительства мадьяр, как демонстрировалось выше, весьма путаное: указывается и Поволжье, и Северное Причерноморье. Из этого следует, что составитель «Пределов мира» располагал источником, содержащим более ранние сведения и состоящим из карты и описания. Ведь появление мадьяр в Причерноморье датируется сейчас довольно точно данными археологии и косвенным подтверждением письменных ис-

---

¹ Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. С. 47.

² Лаврентьевская летопись. Стб. 25.

³ Грот К.Я. Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века. СПб., 1881. С. 225.

⁴ Шушарин В.П. Русско-венгерские отношения в IX в.// Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 134.

⁵ Дьерффи Д. Время составления анонимом «Деяний венгров» и степень достоверности этого сочинения // Летописи и хроники. 1973. М., 1974. С. 115—123.

точников — «Деяний венгров» и Константина Багрянородного началом IX в.

Локализация мадьяр *до кон. VIII в.* также в общих чертах известна современным исследователям, хотя вопрос о точном расположении дискутируется. Предки мадьяр жили в степях Зауралья и со 2-й половины VI в. по 1-ю половину VII в. находились в зависимости от Тюркского каганата. В 630-х гг. в Западном Тюркском каганате начались смуты и он начал быстро распадаться. Примерно в это время и началось формирование мадьярского этноса из кочевых племен, расселившихся по рекам Уфа, Белая, Кама. В венгерских преданиях, зафиксированных в «Деяниях венгров», упоминается где-то в Среднем Поволжье и Прикамье «Великая Венгрия»¹. Большинство археологов в настоящее время отождествляет с Великой Венгрией кушнаренковско-караякуповскую археологическую культуру, памятники которой расположены по берегам рек Белая, Уфа и Урал². Основные этнические признаки мадьяр по данным археологии — это подкурганные захоронения в ямах, головой на север или северо-запад, с остатками конской шкуры (череп и кости ног животного). Таким образом, гора, упоминающаяся в «Худуд ал-алам» как восточная граница мадьяр, — это хребты Урала. Но, судя по другим ориентирам, данным гузганским ученым, территория мадьяр³ должна охватывать и собственно Среднее Поволжье. На юг от мадьяр упоминаются «христиане в.н.нд.р», которых аноним локализует западнее Волги. Эта информация географа также находит подтверждение в археологических находках. С конца VIII в. на востоке территории будущей Волжской Булгарии известны памятники хусаиновского (позднекушнаренковского) типа, которые большинство ученых отождествляет с мадьярами⁴, а в 1-й четв. IX в.

---

¹ Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М., 1996. С.112.

² Иванов В.А. Magna Hungaria — археологическая реальность? // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988. С.53-66.

³ Размеры мадьярской земли, по данным «Пределов мира» — 150 на 100 фарсахов (Hudud al-'Alam. P. 101).

⁴ Халиков А.Х. Протоболгары и протовенгры в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990. С.11.

отдельные курганы с кушнаренковскими чертами встречаются в верховьях Дона, на Хопре и Медведице. Небольшая часть мадьяр осталась в этих местах и после того, как их соплеменники ушли в поисках родины на запад. Доминиканский монах Юлиан, венгр по происхождению, путешествовал на восток в 1235 и 1237 гг. Один из его приближенных оставил записки о путешествии, из которых известно, что в это время по левым притокам Средней Волги жили люди, понимавшие язык придунайских венгров и сохранившие предания об общем с ними происхождении. В начале XV в. францисканцы пытались (без успеха) обратить в католичество жителей Верхнего Дона, говоривших на мадьярском языке и остававшихся язычниками. Предприятие не удалось по причине вмешательства русского великого князя Василия II¹.

Волжские булгары и буртасы

Описание восточноевропейских земель у анонима крайне интересно еще одним фактом: в «Пределах мира» не упоминается Волжская Булгария, в отличие от всех других восточных сочинений. Эту непонятную «забывчивость» гузганского ученого обычно объясняют разновременностью его источников и путаностью сведений о Поволжье. Основанием к такому предположению, возможно, была фраза географа сразу после описания народов Восточной Европы о городах Булгар и Сувар. Эта информация действительно взята из труда какого-то представителя школы ал-Балхи, однако автор «Пределов мира» не счел возможным вставить ее в текст о евразийском севере, которым он пользовался, а лишь осторожно, не комментируя, дополнил его:

«Эти все страны, которые мы перечислили, ... — в северной части ойкумены. Булгар — город, которому принадлежит маленькая провинция на берегу Атиля. Жители все мусульмане... Сувар — город около Булгара...»².

---

¹ Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. С. 112, 157, 159.

² Hudud al-'Alam. P.163.

Однако возможна и другая интерпретация молчания о стране волжских булгар с учетом данных археологии данной территории (Среднее Поволжье и Прикамье). С самого начала исследований археологи связали собственно ранних булгар и близкие им племена с памятниками салтово-маяцкого облика. Появление их на Средней Волге датировали VIII — началом IX вв¹. либо даже не ранее середины IX в². Первую дату связывали с «арабо-хазарскими» войнами, вторую — с «гражданской войной» из-за принятия иудаизма верхушкой Хазарии. В обоих случаях исходным пунктом миграции являлись земли, входившие, по мнению исследователей, в состав Хазарского каганата — будь то Предкавказье, Приазовье или степное Подонье. Альтернативную гипотезу выдвинул в 1971 г.

А.Х. Халиков, опираясь на новые археологические открытия и предположив, что после распада Великой Булгарии в конце VII в. часть племен (котраги?) «сделала попытку прорваться» на Среднюю Волгу и в Приуралье. С этими племенами археолог связывал вновь открытые кочевнические погребения типа Новинки, Кайбелы, Арцыбашево³. В современной отечественной историографии продолжают разрабатываться обе эти гипотезы, сформулированные еще до начала масштабных раскопок на могильниках VII—IX вв.

Принято датировать появление булгарского объединения на Средней Волге либо концом VII в⁴., либо концом VIII—IX в.⁵. Основанием для той или иной датировки служит интерпрета-

---

¹ Смирнов А.П. Волжские булгары // Труды ГИМ. Вып. XIX. М., 1951; Геннинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964; Кузеев Р.Г., Иванов В.А. Дискуссионные проблемы этнической истории населения Южного Урала и Приуралья в эпоху средневековья // Проблемы средневековой истории Урала и Поволжья. Уфа, 1987.

² Плетнева С.А. Ранние болгары на Волге // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 77.

³ Халиков А.Х. Основные этапы истории и археологии ранних болгар в Среднем Поволжье и Приуралье // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, 1989. С. 20—21.

⁴ Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. С. 94—95; Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков татар Волго-Камья). Самара, 1999.

⁵ Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. С. 324 и др.

ция как болгарских тех или иных групп археологических памятников и попытки сопоставления их с более поздними письменными данными. Первая гипотеза получает распространение и в обобщающих работах по древней и средневековой истории Восточной Европы¹. Таким образом, проблема непосредственно связана с вопросом об этнической принадлежности подкурганных погребений степей Восточной Европы VI—VII вв., к которым относятся памятники «новинковского типа», приписываемые ранним булгарам.

Эти памятники не могут принадлежать собственно булгарам, а, скорее всего, относятся к уногундурам (оногурам) — племенному союзу, входившему в Великую Булгарию, но не утратившему идентичность и сохранившему самоназвание. Мигрировали номады не в неизвестность — переселение отдельных групп кочевников из Северного Причерноморья, Приазовья и, возможно, Предкавказья началось уже в 3-й четв. VI в.², что связано с аварским, а потом и тюркским нашествием в причерноморские степи.

Ранее основным аргументом тюрко-болгарской принадлежности могильников новинковского типа считались так называемые «курганы с ровиками» и обычай класть кости ног и череп коня в ноги умершего. Но те же самые признаки связывают и с протовенграми. В.Е. Флерова убедительно показала связь «курганов с ровиками» именно с позднесарматскими, а не тюркскими традициями³.

Сам по себе этот вывод не лишает «оногурскую» версию шансов, а лишь подтверждает мысль о том, что позднегуннские племена Восточной Европы не являлись тюрками в узком смысле этого слова, отделившись от древнетюркской общ-

---

¹ *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Знак, 2004. С. 229.

² *Богачев А.В.* Погребения VI в. на юго-западе Татарстана // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990; *Матвеева Г.И.* Могильники ранних болгар на Самарской Луке. С.93; *Казаков Е.П.* К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С. 40—57.

³ *Флерова В.Е.* Хазарские курганы с ровиками: Центральная Азия или Восточная Европа? // РА. 2001. №2. С. 71—82.

ности до образования союза племен, который возглавили бывшие вассалы жуаньжуаней.

Сопоставление же археологических материалов «курганов с ровиками» и письменных источников VI—VII вв. безусловно показывает, что происхождение этих памятников, так же как и курганов «сивашевского типа», связано с Великой Булгарией, где гунно-сарматский компонент был доминирующим, что подтверждает исследование В.Е. Флеровой. 1-й этап формирования культуры непосредственно Волжской Булгарии, которая расцвела к середине X в., датируется кон. VIII — 1-й пол. IX вв., когда на юге и юго-западе будущей территории этого государства появились весьма немногочисленные иммигранты, оставившие Кайбельский, 1-й и 2-й Большетарханские могильники. Аналогии первым булгаро-салтовским памятникам находятся на Северном Кавказе, в Приазовье, степном Подонье (в частности, Зливкинский, Волоконовский, Дроновский и другие могильники). Но географически ближайšie к ним аналоги — могильники Саратовского и Волгоградского Поволжья. Кроме того, в памятниках Средней Волги появляются черты, не характерные для памятников Юго-Восточной Европы: усложненные конструкции могил, массовое распространение обычая сопровождать покойного уложенными в кучу черепом и костями ног лошади. Эти новшества можно отнести к результатам длительных контактов с угорским населением Урало-Поволжья¹. А что касается Волжской Булгарии как влиятельной политической силы, государства, контролировавшего торговлю на Средней Волге, то ее появление датируется археологами концом IX — началом X в². и непосредственно связано с носителями культуры «булгаро-салтовского» типа.

Интересно, что другие географы ал-Джайхани в описании Восточной Европы достаточно подробно упоминают булгар, проживающих в трех днях пути от буртасов вверх по Волге, уже оседающих на землю и торгующих с хазарами и русами. Во многих ранних работах этой традиции арабо-персидской географии сохранилось следующее свидетельство:

---

¹ Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. С.41.

² Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984. С.14—39.

«Булгарская земля граничит с землей буртасов. Живут булгары на берегу реки, которая впадает в Хазарское море и называется Атил и она между хазарами и славянами. И царя их называют Алмуш, и он исповедует ислам... Они — трех разрядов. Один разряд называется б.р.сула, другой разряд — ас.к.л и третий — булгары. Средства существования каждого из них в одном месте. Хазары торгуют с ними, так же и русы привозят к ним товары. И все, кто из них был на берегах той реки, везут свои товары для торговли с ними...»¹

О кочевом племени Ас.к.л, обитающем, возможно, где-то в районе среднего течения р. Белой и подчиненном главе булгар, упоминает Ибн Фадлан. О барсилах же известно с VI в. н.э. как об обитателях северо-западного Прикаспия и низовий Волги. Кажется, этот рассказ можно датировать весьма точно. Общеизвестно, что владетель булгар по имени Алмуш, сын Шилки в 920 г. направил посольство в Багдад с просьбой о помощи против Хазарии, в составе которого приехал знаменитый Ибн Фадлан. Сам Алмуш был мусульманином, но вассалом Хазарии, его сын как заложник находился в Атиле.

Но реально нет достоверных сведений, когда именно правитель волжских булгар принял ислам. По крайней мере, известны монеты этого булгарского правителя, на которых он называет себя Джа'фар ибн Абдаллах и которые датируются между 902—907 гг.² Это заставляет исследователей предполагать, что мусульманином (суннитом ханафитского мазхаба, распространенного в Средней Азии) был еще отец Джа'фара³.

---

¹ Kitab al-a'lak an-nafisa VII auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar *Ibn Rosteh*. P. 141—142.

² См.: Мухамадиев А.Г. Древние монеты Поволжья. Казань, 1990. Наличие этих монет еще раз доказывает, что не следует слишком доверять записке Ибн Фадлана, по меньшей мере, в той части, где он отчитывается о своей «плодотворной» деятельности. Ведь багдадский посол утверждает, что имя Джа'фар булгарский владетель принял с его непосредственным участием и тогда же назвал своего отца Абдаллахом (Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Статьи, перевод и комментарии. Харьков, 1956. С. 132—133).

³ Очерки истории распространения исламской цивилизации. В 2-х тт. Т.1. От рождения исламской цивилизации до монгольского завоевания. М., 2002. С.46.

Что же касается имени «Алмуш, сын Шилки», если обратиться к текстам, то сохранившихся редакциях сочинения Ибн Фадлана именно такого сочетания слов нет — есть несколько вариаций, которые были восстановлены в данном виде не из сохранившихся фрагментов «Записки», а из труда Ибн Русте (!)¹.

Обращает на себя внимание факт, что в «Записке» царь болгар назван этим именем лишь дважды: 1) в заглавии; 2) в сюжете о гузах он упоминается как зять гузского военачальника². Когда Ибн Фадлан рассказывает непосредственно о пребывании у болгарского владыки, он ни разу (!) не называет его этим именем (описывая встречи с другими знатными особами мира тюрок, всех их он величает по имени не единожды).

Здесь надо учесть, что в период посольства Ибн Фадлана правитель болгар уже давно был мусульманином и предпочитал официально именовать себя исламским именем. Об этом свидетельствуют аутентичные нумизматические данные. И тем более в своем письме к повелителю правоверных ал-Муктадиду болгарский вождь должен был назвать себя исламским именем, а не языческим. Но Ибн Фадлан словно не знает об этом в своем отчете. Это может быть связано с тем, что чуть ли не главной целью посольства было введение в Булгарию багдадских мусульманских обрядов в противовес распространенным там среднеазиатским³. В 920-е гг. Аббасидский халифат распался, теряя одну территорию за другой, а государство Саманидов, напротив, в Средней Азии процветало. Формально признавая власть багдадского халифа как повелителя мусульман, политически Саманиды были независимы и конкурировали с Багдадом, в том числе и в сфере религиозного влияния⁴. Ибн Фадлан в отчете пытался показать, что то, что было распространено в Волжской Булгарии до его визита, — это по существу язычество, а не ислам. Это подчеркивается с помощью называния болгарского владетеля языческим именем. Вопрос о том, откуда могло это имя взяться, будет рассмотрен ниже.

---

¹ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. С.160.

² Там же. С.121, 129.

³ Там же. С.20.

⁴ Новосельцев А.П. Государства Саманидов и Газневидов // История Востока. Т.II. Восток в Средние века. М., 1995. С. 250—261.

В «Пределах мира» имеется такой же отрывок о «трех разрядах» с теми же названиями и с точным термином «живущие в одном месте», но по отношению к буртасам: «На восток и юг от них — гузы, на запад — река Атил, на север — страна печенегов. Жители мусульмане, но говорят на особенном языке. Царя называют Mus (?). У них есть палатки и войлочные хижины; они разделены на три орды: Б.р.зула, Аш.к.л, Б.лкар. Все они пребывают в войне друг с другом, но если появляется враг, они примиряются»¹.

Еще В.Ф. Минорский отнес этот отрывок на счет ошибок автора «Худуд», который вместо болгар в заголовке написал «Буртасы» и искусственно разделил надвое настоящих буртасов (буртас и б.радас), части из них приписав обычаям болгар, заимствованные частью у ал-Истахри, частью у географов традиции ал-Джайхани². Современные исследователи развивают эту точку зрения, полагая, что разница в написании: б.р.дас в традиции ал-Джайхани и б.ртас у Истахри — оказалась «непреодолимым препятствием» для гузганского географа, решившего, что это разные народы. А болгары якобы были спутаны с буртасами, т.к. абзац с информацией о болгарях начинается со слов «Буртас — название области». Там же утверждается, что часть сведений о буртасах-болгарах отсутствует в традиции ал-Джайхани, но есть у ал-Истахри в «Книге путей и стран». Это «упоминание о палатках и собственном, не похожем на другие, языке»³.

Но с этим комментарием согласиться нельзя. Во-первых, никаких «палаток» в тексте ал-Истахри не обнаруживается, а вместо них буртасы ал-Истахри проживают в домах из дерева. Во-вторых, о языке в источнике сказано следующее: «Язык болгар похож на язык хазар, и у буртасов другой язык, и также язык русов отличен от языка хазар и буртасов». Т.е. ал-Истахри говорит о различиях и сходстве языков конкретных народов Поволжья, между тем как в «Худуд» язык буртасов противопоставляется языку других мусульман. Во-вторых, если бы

---

¹ Hudud al-'Alam. P. 162.

² Minorsky V. Commentaries. P. 460.

³ Мишин Д.Е. Географический свод «Худуд ал-алам» и его сведения о Восточной Европе. С.57.

автор «Пределов мира» механически скопировал у ал-Истахри все, что следует после фразы «Буртас — название области», то в текст анонима обязан был войти фрагмент о башкирах, т.к. он следует сразу за этой фразой:

«Буртас — название области. Они — владельцы деревянных жилищ... И басджарт¹ — их два вида: вид, *живущий* в последних *пределах* гузов (*ал-гузийя*) вплоть до начала булгар. Говорят, что их количество достигает 2000 человек², укрепившихся в лесах *так, что никто* не в состоянии их *достать*. Они в подчинении булгар. Другие басджарты граничат³ с баджанакми, которые баджанакми-тюрки, граничащие с Румом»⁴.

Далее следует пассаж о языках народов Поволжья и описание городов Булгар и Сувар. Так вот, в «Худуд» вообще нет упоминания этноса под названием «басджарт». Отсутствует он и в сочинениях других географов традиции ал-Джайхани, а вот Гардизи упоминает его в теме о киргизах гораздо подробнее, предположительно, в том же написании, что у ал-Истахри⁵.

Показательно, что во всех рукописях сочинения Ибн Фадлана, также упоминавшего о башкирах, другая транскрипция этого этнонима — ал-башгр.т (ألباشغرد)⁶. Из этого следует: 1) ал-Истахри не использовал сочинение Ибн Фадлана в рассказе о Поволжье; 2) в тексте «Худуд» *нет никаких следов* использования исследуемого фрагмента труда ал-Истахри. Вообще, этот текст «Книги путей и стран» в издании BGA, помещенный в раздел «Море ал-Хазар» (!), в сравнении с циклом «О тюрках» производит впечатление компиляции типа «сборная солянка». Сразу после описания Сарира (!) идет многообещающая фраза «*Буртас — название области*, и также ар-Рус, ал-Хазар и ас-Сарир — название царства⁷, а не города и не на-

---

¹ بسجرت

² Мужчин (رجل).

³ متاخمون

⁴ Via Regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi *al-Istakhri*. P. 225.

⁵ *Gardizi. Zain al-Akhbar*. P.124—125.

⁶ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. С. 161.

⁷ Мамлака — владение независимого и влиятельного правителя.

рода»¹. После этого ал-Истахри о буртасах забывает, но они возникают две страницы спустя — в повторении того же самого предложения «*Буртас — название области*». Далее сообщается о жилищах буртасов, и на этом описание прерывается. Такие повторы — явление частое в средневековых компиляциях, вне зависимости от страны происхождения². Они являются верным признаком того, что автор несколько раз использовал один и тот же источник, разрывая его чужеродными сообщениями. В труде Ибн Хаукаля, который, как и ал-Истахри, представляет традицию ал-Балхи, буртас — это название народов (во множественном числе), которые соседят с хазарами и между ними «нет другого языка». Рассказ Ибн Хаукаля заканчивается словами, что Рус, Хазар и Сарир — это названия царства и области, а не людей или племен³.

Похожий текст находится у Йакута:

«...Они (буртасы. — Е.Г.) граничат с хазарами, и нет между ними другого народа. Они племя, кочующее по долинам побережья Итиля. Буртас: название области и города. И они мусульмане, у них есть соборная мечеть. Рядом — другой город, называемый Сувар, и в нем тоже соборная мечеть. У буртасов особенный язык — не тюркский, не хазарский и не булгарский. Сказал ал-Истахри: Сообщил мне тот, кто проносил там проповеди, что количество народа в этих двух городах около 10000 человек⁴ и у них деревянные постройки, в которых они живут зимой, а летом они кочуют. И сообщил мне хатиб этой мечети, что ночь у них летом такая, что человек не успевает пройти один фарсах. Из Итиля, города хазар, до буртасов расстояние в 20 дней пути, а из первого города буртасов до второго около 15 дней»⁵.

---

¹ Via Regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri. P. 223.

² Ср.: Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 302—305.

³ Opus geographicum auctore Ibn Haukal / Ed. J.H. Kramers. Leiden, 1967 (BGA. II2). P. 394.

⁴ Мужчин (رجل).

⁵ Йакут ал-Хамави. Му'джам ал-Булдан. Т.1. С. 384—385.

Характерно, что Йакут ссылается на ал-Истахри только в сюжете о проповеднике. Примерно тот же текст можно встретить у ал-Идриси¹. У Йакута и ал-Идриси явно утрачено название города первого города — Булгар. Но в целом текст является значительно более однородным, чем у ал-Истахри и, если сопоставить его с данными Ибн Хаукаля, очевидно, что он представляет собой действительно единый рассказ об *области* Бургас, в которой живут разные народы и, в частности, находятся города Булгар и Сувар. Этот рассказ был известен автору «Худуд», но его влияние на раздел о бургасах можно увидеть только в именовании их (точнее, их части) мусульманами и в самой форме «бургас», в отличие от б.р.дас традиции ал-Джайхани. Во всех других сохранившихся редакциях цикла «О тюрках» бургасы и булгары — разные народы, причем булгары более многочисленны и сильны, они часто нападают на бургасов². И три «разряда»-племени относятся именно к булгарам.

Во вводном разделе «Худуд» «Об областях мира» булгары тоже отсутствуют. Чуть выше, при описании Атиля, упоминается Булгар, но по смыслу это город, а не область или народ:

«Другая река — Атиль, которая стекает с той же горы к северу от Артуша; это огромная река, текущая через страну кимаков вниз до Чубина, потом она течет на запад вдоль границы между гузами и кимаками, пока не достигнет Булгара. Там она поворачивает на юг, протекая между тюркскими печенегами и бургасами, пересекает город Атиль, принадлежащий хазарам и впадает в Хазарское море»³.

Сходное сообщение сохранили географы школы ал-Балхи, в частности, Ибн Хаукаль:

«И река Атль выходит с восточной стороны страны хирхиз⁴ и течет между кимаками (аль-Кимакийя) и гузами; и она является границей между кимаками и гузами. Потом она (река) уходит на запад к началу булгар и потом возвращает-

---

¹ *Al-Idrisi. Opus geographicum sive Liber ad eorum delectationem qui terras peragrarare studeant.* P. 834—835, 919—920.

² Наиболее подробно: *Gardizi. Zain al-Akhbar.* P. 157—159.

³ *Hudud al-'Alam.* P. 83, 75.

⁴ Киргизы.

ся на восточное направление¹, пока не дойдет до места, где разделяет русов, потом — болгар, потом — буртасы, пока не впадает в море аль-Хазар»².

Очевидно, что Ибн Хаукаль дает вариант искаженный и не соответствующий историческим реалиям (мифический восточный поворот Итиля, разделяющий на две части русов). А в распоряжении автора «Худуд» было описание, соответствовавшее историческим реалиям, правда, не X в., а более ранним. Видимо, это описание и рассказ об области Буртас составляли единый источник. Итак, на старой карте, которую использовал гузганский географ, не было страны болгар, но имелись города Булгар и Сувар, расположенные на севере области буртасов (или севернее нее).

На этой карте в Среднем Поволжье располагались, кроме прочего, мадьяры. Не исключено, что в комментарии к ней болгары назывались «разрядом» буртасов, а потом, в более поздних редакциях цикла «О тюрках» они были выделены в особую главу. Но вероятнее, что данные цикла «О тюрках» и источника традиции ал-Балхи были все-таки скомпилированы. При этом автор компиляции мог руководствоваться такими мотивами: 1) в той редакции тюркского цикла, которой он пользовался, не раз подчеркивалось, что буртасы (*б.р.дас*) состоят из двух изолированных групп, одна из которых сжигает покойных, а другой свойственно трупоположение³; 2) описание дороги от буртасов к хазарам в разных источниках свидетельствует, что буртасы живут и на правом, и на левом берегу Волги⁴; 3) в другом источнике, который использовали в традиции ал-Балхи, описана область Буртас (написание иное — *бур-тас*), где есть мусульманские города. Сопоставив данные, компилятор пришел к вполне закономерному выводу, что группа *б.р.дас*, практикующая трупоположение, и есть мусульманские обитатели области Буртас — болгары.

---

¹ ويعود راجعا إلى ما يلي المشرق

² Opus geographicum auctore *Ibn Haukal*. Leiden, 1872 (BGA. II). P. 281—282.

³ Ср.: *Gardizi*. *Zain al-Akhbar*. P. 156.

⁴ *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 1. С. 238.

Понимание булгар как части бургасов в «Пределах мира» и его общем с традицией ал-Балхи источнике можно объяснить с привлечением археологических данных: народность волжских булгар формировалась по меньшей мере из трех основных этнических компонентов, представленных «булгаро-салтовским» компонентом, кушнаренковской и ломоватовской культурами¹. Бургасы анонима, так же как и упомянутые культуры, располагаются преимущественно на восток от Волги. По расчетам Б.А. Рыбакова, основанным на данных традиции ал-Джайхани и информации ал-Идриси, земля бургасов «начиналась несколько севернее Саратова и простиралась почти до волго-донской перемычки близ Волгограда»². Хотя Б.А. Рыбаков стремится поместить всех бургасов на запад от Волги (вразрез с источником), его расчеты по ориентиру север-юг совпадают с местом жительства одного из этносов, сформировавших народность волжских булгар.

Внутренние булгары

Следующий вопрос — это подробно описанные в «Пределах мира» *внутренние булгары*, которых аноним локализует в Приазовье и на Нижнем Дону. Это племя давно находится в центре внимания исследователей, ибо без определения его места жительства невозможно понять положение русов. Поэтому если ученый локализовал русов в Среднем Поднепровье, внутренние булгары поселялись на Дунае³ или в Западном Причерноморье⁴, если нет — объявлялось, что автор «Худуд» путает дунайских булгар с волжскими, имея в виду, конечно, последних⁵. Отсутствие внутренних булгар в других редакциях тюркского цикла и упоминание их в трудах ал-Истахри и Ибн Хаукаля в совершенно ином ракурсе заставляет некото-

---

¹ Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. С. 235—258.

² Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. С. 225.

³ Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадырах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Даста. С. 150—151.

⁴ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. С. 215.

⁵ Новосельцев А.П. «Худуд ал-Алам» как источник о странах и народах Восточной Европы. С.98.

рых исследователей думать, что автор «Худуд» позаимствовал у ал-Истахри данные о внутренних булгарах, искажил их по своему усмотрению, исходя из собственных представлений¹. Но внутренние булгары — воинственные степные кочевники, похожие на тюрок, живущих у страны хазар², — не следствие плохой информированности или «злого умысла» анонима, а совершенно реальный народ, о котором имеются и письменные, и археологические данные.

Византийский император Константин Багрянородный и Повесть временных лет знают (эти сообщения можно датировать до сер. X в.) в Восточном Приазовье, Западном Предкавказье и на Нижнем Дону, в непосредственной связи с Хазарией (у Константина Багрянородного) «черных булгар». Это заметил еще в XIX в. Н. Ламбин³. По словам Константина Багрянородного, из реки Днепр киевские русы попадают (вплавь) в Черную Булгарию, Хазарию и Сирию.

В Повести временных лет «черные булгары» упоминаются в договоре князя Игоря с Византией 944 г., среди обязательств русов по Корсунской стороне: «Если придут черные болгары и станут воевать в Корсунской стороне, то повелеваем русскому князю, дабы не пускал их, иначе причинят зло и его стране»⁴. Знает булгар в Приазовье и ал-Масуди, точнее, один из его источников, который он компилирует с двумя другими, рассказывающими о дунайских и волжских булгарах⁵. То есть черные булгары по другим источникам известны точно там, где располагаются внутренние булгары «Пределов мира». Археологические раскопки 2-й половины прошлого столетия показали, что сведения источников подтверждаются: именно в этом районе были найдены кочевья этнических булгар (их антропологический тип хорошо известен — круглоголовый, с монголоидной примесью), соответствующие так называемым приазовскому и

---

¹ Мишин Д.Е. Географический свод «Худуд ал-алам» и его сведения о Восточной Европе. С. 55.

² Hudud al-'Alam. P. 160.

³ Ламбин Н.О. О Тмутараканской Руси // Журнал Министерства народного просвещения. Т. LXXI. СПб., 1874. С. 60—61.

⁴ Лаврентьевская летопись. Стб. 51.

⁵ Ал-Мас'уди. Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джавахар. Т. I. С.181.

крымскому вариантам салтово-маяцкой археологической культуры VIII—X вв.¹. Грунтовые ямные погребения, традиционно называемые «булгаро-салтовскими», известны в прибрежной полосе Северного Приазовья и на территориях вдоль рек в Восточном Приазовье по меньшей мере со 2-й пол. VII в.². Материальная культура этого этноса полностью соответствует описанию «Худуд».

А вот картина, которую рисуют ал-Истахри и Ибн Хаукаль, гораздо более противоречива. Так единственный раз упоминает о внутренних булгарах ал-Истахри:

«...Эти русы торгуют с хазарами, торгуют с Румом и Булгаром Великим. Они граничат с Румом на севере. Они многочисленны и достигли такой силы, что обложили данью те <земли>, которые соседят с их страной из <числа земель> Рума. А внутренние булгары — христиане»³.

Согласно Ибн Хаукалю,

«Великий Булгар граничит с Румом с севера. Численность их велика, а их мощь, как рассказывают, такова, что в прежние времена они обложили данью тех из румийцев, которые жили поблизости от них. Что касается внутренних булгар, среди них есть и христиане, и мусульмане»⁴.

Т.е. внутренних булгар традиции ал-Балхи невозможно нигде локализовать, ибо в источник, которым пользовались ал-Истахри и Ибн Хаукаль, уже были вплетены сообщения, которые касались других булгар — дунайских и волжских (по тому же принципу, что и компиляция, созданная ал-Масуди). Не поможет даже сообщение о внешнем Булгаре в начале труда ал-Истахри, которому явно противопоставляются внутрен-

---

¹ Плетнева С.А. Хазары. М., 1986. С. 44—46.

² Гадло А.В. Кочевье хазарского времени у станицы Заплавской на Нижнем Дону // Проблемы археологии. Вып.2. Л., 1978. С.118—125; Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. С.135—139. Рис.58; Атавин А.Г. Погребения VII — начала VIII в. из Восточного Приазовья // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Самара, 1996. С. 208—264; Радомский Я.Л. Этнический состав Причерноморской Руси. С. 158.

³ Via Regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri. P. 226.

⁴ Opus geographicum auctore Ibn Haukal. Leiden, 1872 (BGA. II). P.286.

ние¹ — тема внешнего Булгара далее не развивается. Эти факты подтверждают предположение, сделанное выше: часть информации «Пределов мира» и традиции ал-Балхи восходит к одному источнику, но автор «Худуд» использовал более раннюю его редакцию.

На запад от внутренних болгар и на север от Черного моря и Крыма в низовьях р. Руты (северной), т.е. в Поднепровье в «Пределах мира» располагается земля славян, западнее и севернее которой автор источника помещает «необитаемые пустыни севера». Обычно славян «Худуд» помещают не восточнее Дуная². Но здесь очевидно имеются в виду славяне Восточно-европейской равнины, ибо западно- и южнославянские земли аноним описывает в главе, посвященной Руму. Фраза о «необитаемых пустынях севера» еще раз свидетельствует о том, что мусульманский мир раннего Средневековья не имел представления о севере Восточной Европы.

Такая локализация, похоже, подтверждается данными археологии: в VIII — IX вв. на левобережье Днепра известна славянская культура типа Луки-Райковецкой, на правом берегу — волынцевская для VIII в. и роменская для IX в. Подробное описание образа жизни славян, которое можно объяснить расположением волынцевской культуры в западной части торгового пути по «реке Рус», у автора «Худуд», как мы убедились, почти полностью совпадает с материалами традиции ал-Джайхани, даже выглядит несколько сокращенным. Наконец, восточными соседями славян «Пределы мира» называют русов — это единственный из арабо-персидских источников IX — X вв., который локализует этот этнос в системе взаимных координат. Восточный ориентир — «горы печенегов», северная граница анониму неизвестна, на западе — восточные славяне, на юге — некая река Рута (низовья Дона). По территории русов протекает река Рус — торговый путь, включаю-

---

¹ Via Regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi *al-Istakhri*. P.10.

² Это расположение связано с датировкой сведений «Пределов мира» не ранее сер. X в. и неверным представлением о русах анонима как о Киевской Руси (локализовать русов «Худуд» на севере Восточной Европы действительно невозможно).

ший среднее и верхнее течение Дона, Северский Донец и правые притоки Днепра. Кроме того, «некоторые русы» названы западными соседями мадьяр и тюркских печенегов¹. Тюркские печенеги, согласно анониму, проживали по обе стороны Атиля: к востоку от них названы гузы, к югу — буртасы (племена Заволжья) и б.радас (указаны к западу от Атиля). Из других источников известно, что гузы (огузы) после распада Великого тюркского каганата жили в бассейне Урала.

Печенеги и их разновидности

О печенегах информации меньше. Но они нам более интересны, учитывая, что наш аноним знает и «хазарских печенегов» в Восточной Европе (в Предкавказье). Самоназванием главного печенежского племени было «кенгересы» или «кангары». Конечно, эти кангары имели крайне опосредованное отношение к великому североиранскому государству Кангюй, существовавшему в Приаралье в последних веках до н.э. — начале I тысячелетия н.э. После проникновения в Туран гунно-угорских орд там начался процесс тюркизации местных жителей иранского происхождения. И в VI—VII вв. этноним «кангары» обозначает тюркоязычных кочевников. Об этом говорят рунические надписи, сделанные на тюркском языке. В начале VIII в. в Восточном Приаралье из тюрков, угров, сармат и других северных иранцев — кочевников уже оформилась печенежская этническая общность, говорившая на западно-тюркском диалекте². К IX в. печенеги продвинулись к северному берегу Каспийского моря и в заволжские степи. Севернее и восточнее, в степях Зауралья, обитали другие тюрки-кочевники, кипчаки. Отсюда знаменитое средневековое название степной зоны Казахстана — Дешт-и-Кипчак («Кыпчакская степь»). Позднее кипчаки смешались с кангарами, образовав народ, известный на Руси под именем половцев.

Упоминание анонимом «хазарских печенегов» стало для некоторых исследователей основанием для предположения,

---

¹ Hudud al-'Alam. P. 101.

² Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. VII в. до н.э. VIII в. н.э. М., 1999. С. 306.

что он пользовался неким несохранившимся источником, написанным в его время или в сер. X в., о печенегах в Восточной Европе. Это сомнительно, потому что хазарские печенеги находятся в очевидной взаимосвязи с тюркскими печенегами Заволжья. А название «печенеги-тюрки» известно и ал-Истахри¹. Видимо, восходит оно к тому же источнику, что и рассказ об «области Бургас». Но этот источник попал к ал-Истахри в виде, изрядно испорченном редакторами и переписчиками, поэтому «печенеги-тюрки» оказались у него на границе с Румом с одной стороны и с башкирами — с другой.

В пользу того, что хазарские печенеги изначально относятся не к X в., свидетельствует и содержание раздела о них, где они являются вассалами хазар, чего нельзя сказать о волне печенегов X в., которая фактически уничтожила Хазарию. Есть и некоторые археологические материалы в пользу присутствия некоей группы печенегов на территории Хазарии во 2-й пол. VIII—IX вв. К этому периоду относятся характерные погребения в Северо-Западном Прикаспии. Это основные подкурганные захоронения в могилах с подбоями и простых ямах. Погребенные лежат вытянуто на спине, головами на запад, юго-запад, северо-запад, север, редко на восток. В могилах встречаются части и шкуры коней, загробная пища, с сосудом у головы погребенного. Для погребений характерен богатый инвентарь. Черепа некоторых погребенных деформированы. Все эти признаки являются этномаркирующими для печенегов, что признают и авторы раскопок². «Горам печенегов», если учитывать расположение мадьяр и печенегов, соответствует Приволжская возвышенность.

В таком случае река, на которой мадьяры стоят зимой и которая «отделяет их от русов», — Средний Дон и его притоки — Хопер и Медведица. Как мы говорили раньше, на этих реках еще в XV в. сохранялись мадьяры. Это и есть восточная граница русов, упоминаемых в «Пределах мира». Юж-

---

¹ *Via Regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri*. P. 225.

² *Васюткин С.М.* Периодизация этнической истории средневековых кочевников северо-западного Прикаспия // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. — Махачкала, 1988. С.73—74.

ная граница также известна — это низовья Дона и Донецкий кряж («Русская гора», отделяющая внутренних булгар от русов). О северных пределах русов источник свода о Восточной Европе «Худуд» не знал, как и о северных и северо-западных районах Восточной Европы в целом. Описание же страны русов у анонима заставляет искать их за пределами восточнославянского мира.

Русы в арабо-персидских географических традициях раннего Средневековья

Как известно, один из ярко окрашенных этнических признаков археологической культуры славян-язычников — трупопожжение; ингумация никогда не была характерна для восточных славян I тыс. н.э. Это очень серьезное свидетельство в пользу неславянского происхождения русов нашего источника.

Текст о русах в значительно более подробном виде содержится в работах практически всех ученых школы ал-Джайхани с одним расхождением: у Ибн Русте, Гардизи, ал-Марвази и др. рассказ о русах с хаканом во главе начинается с описания лесистого и болотистого «острова русов» в три дня пути длиной, окруженного озером или морем. Причем если остальные народы Восточной Европы даны в системе взаимных координат, то русы их не имеют. Единственное, что можно отметить: «остров русов» в изложении с востока на запад следует за славянами.

Обычно исследователями отсутствие «острова» рассматривается как сознательная редакция автора «Пределов мира», при локализации народов Восточной Европы якобы опиравшегося на сведения X в. Аргументы приводятся следующие: «соседями русов названы печенеги и совсем не упомянуты венгры, бывшие в то время уже в Паннонии»¹. Нам уже представился случай убедиться, что мадьяры *в это время* были не на Дунае, а в Среднем Поволжье, поскольку сведения «Худуд» о степных и лесостепных племенах к западу и к востоку от Вол-

---

¹ Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX веков. С. 379.

ги одновременны. Печенеги указаны как соседи с востока, а не с юга (как это было бы логично для X в.).

Сравнение же сообщений о мадьярах у гузганского географа и в традиции ал-Джайхани дает возможность определить взаимную датировку сведений о степи и, следовательно, о славянах и русах. Последователи ал-Джайхани не только локализируют мадьяр между Кубанью и Доном — они компилятивно вставляют эту информацию в источник, которым пользовался автор «Худуд». Уже по этим сведениям можно осторожно предположить, что во времена того, кто привнес в цикл «О тюрках» сведения кон. IX — нач. X в., локализация русов представляла затруднение для восточных географов. Надо вспомнить, что торговая магистраль по реке Рус, судя по данным археологии, перестала существовать во 2-й трети IX в. Значит, арабы уже не были экономически связаны с этим регионом.

Само описание «острова русов» дает возможность немало-го простора при переводе с арабского, начиная со слова *джазира*, которое может обозначать как остров, так и полуостров (например, Аравия), и даже междуречье (ал-Джазира — северная часть Месопотамии, а также междуречье Белого и Голубого Нила) и вообще «пространство, ограниченное хотя бы с двух сторон водами, морскими или речными или обеими» (Закавказская Албания — «джазира» между Каспием и Араксом)¹.

В самой старой из сохранившихся редакций сообщений об «острове», у Ибн Русте, указано не море (*бахр*), а озеро или маленькое море (*бухайра*). Более поздние географы говорят либо об озере, либо о море. В сочинение Марвази попало как море, так и озеро². Обычно это место переводят так: «А что касается русов, то они живут на острове в море ... там деревья и леса, вокруг них — озеро»³. В таком виде сообщение выглядит явно нелогично. Это дало возможность В.Ф. Минорскому, переводившему и комментировавшему текст, отметить воз-

---

¹ Поляк А.Н. Восточная Европа IX—X веков в представлении Востока // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Вып. 10. М., 2001. С. 90.

² Ал-Марвази. Таба'и' ал-хайаван. Р. *23.

³ Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т.2. С. 79.

мжность другого перевода: «... около¹ них — озеро»². То есть «остров русов» может быть не только островом, но и полуостровом, и не в море, а в озере (маленьком море) или около него. Но текст допускает и следующий вариант перевода:

«А что касается русов, то они живут на острове в море... И на нем леса и деревья, и около него («острова». — Е.Г.) маленькое море (или озеро. — Е.Г.).»

Если верить ал-Марвази, то получается, что земля русов разделяет море и маленькое море или озеро. А по Ибн Русте, русы живут просто на маленьком море или озере. Таким образом, определить расположение «острова русов» на основании только восточных источников невозможно. Чем позднее, свежее сведения о Восточной Европе в арабо-персидской литературе X—XII вв., тем сложнее и запутаннее становится сообщение о народе русов. У ученых классической школы (традиция ал-Балхи) появляется рассказ о «трех группах русов» — один из самых известных и неясных сюжетов восточной географической литературы. Надо отметить, что сюжет пользовался не только популярностью, но и доверием ученых, т.к. его посчитал нужным вставить в свое сочинение гузганский аноним (именно в части характеристики трех групп русов, которые он считал городами, стоящими на одной реке Рус недалеко друг от друга)³. Вот как выглядят русы и их «группы» у географа X в. ал-Истахри:

«Русы. Их три рода⁴. <Один> род: они ближайшие к Булгару, их царь пребывает в городе, называемом Куйаба, и он (город) больше Булгара. Наиболее отдаленный род из них называется ас-Салавийа. И <третий> род, называемый ал-Арсанийа, и резиденция их царя в Арса⁵. И люди с торговлей дос-

---

¹ يلاوح в значении «около» употребляется намного чаще.

² Minorsky V. Sharaf ai-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. L., 1942. P. 36.

³ Эту краткую вставку (если это вставка) аноним, возможно, позволил себе сделать, ознакомившись с каким-то новейшим и подробным исследованием автора, знавшего о походе русов на Бердаа в 943 г. (поход на Бердаа в «Худуд» находится в главе, посвященной арабскому миру).

⁴ Употребленное в данном случае слово *синф* употребляется также как «сорт», «категория», «разновидность», т.е. не имеет явной этнической окраски.

⁵ Несклоняемая форма.

тигают Куйабы. Что касается <города> Арса, то неизвестно, чтобы кто-либо из иностранцев проникал в нее, так как они убивают всякого из иностранцев, кто ступает на их землю. И лишь они спускаются по воде для торговли и не сообщают ничего о своих делах и товарах и не позволяют никому сопровождать их и вступать в их страну. Они доставляют из Арса черных соболей и свинец. И русы — народ, сжигающий тела своих <мертвых>. Если умрут, то сжигается¹ вместе с близкими им вещами женщина, которая им нравилась... И некоторые из них бреют бороды, а некоторые их завивают... И их одежда — короткие куртки, а одежда хазар, болгар и баджанак — полные куртки. И эти русы торгуют с хазарами, торгуют с Румом и Булгаром Великим. Они граничат с Румом на севере. Они многочисленны и достигли такой силы, что обложили данью те <земли>, которые соседят с их страной из <числа земель> Рума².

В «Книге путей и государств» ал-Истахри сохранилась наиболее ранняя и, по мнению Б.Н. Заходера, полная редакция этого сообщения³. Составление этого дорожника датируется 930-931 гг., т.е. после знаменитого путешествия Ибн Фадлана на Волгу. Прямых текстологических параллелей между сочинениями ал-Истахри и Ибн Фадлана нет. Но, как было показано выше, не сама «Записка» напрямую, а какие-то данные этого посольства или другой экспедиции в Волжскую Булгарию начала X в. начали активно использоваться в арабо-персидской литературе. К «булгарским» сведениям относится и описание русов, сжигающих своих покойных. Наиболее ярко и подробно они описаны Ибн Фадланом⁴. Русы «Пределов мира» и ал-Джайхани, с одной стороны, и русы ал-Балхи и Ибн Фадлана — с другой представляют совершенно разные народы. Об

---

¹ Не исключено, что Истахри подразумевает самосожжение (в основном варианте рукописи, по которой печатался данный текст, фраза перед этим: «Русы — народ, сжигающий себя»).

² Via Regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri. P. 225—226.

³ Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. С. 102.

⁴ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. С. 141—146.

этом свидетельствует описание сожжения мертвого руса в ладье у Ибн Фадлана и позаимствовавших эти сведения классической школы и ал-Масуди. Очевидно, что и впечатления от внешнего вида русов у Ибн Фадлана и у школы ал-Джайхани разные. Известие о появлении этих русов на Атиле датируется началом X в. И эти русы сжигают мертвых, торгуют с Румом и граничат с северными пределами Рума. Красочно описанное трупосожжение, а также торговые партнеры и границы свидетельствуют о том, что это совершенно другое племя.

Однако вернемся к трем группам русов. И ал-Истахри, и Ибн Хаукаль вплетали эти данные в старую канву Ибн Хордадбеха, ал-Джайхани, ал-Басри. Сведения о трех группах русов датируются сейчас востоковедами не позднее второй половины IX в¹. и, значит, не имеют отношения к русам Ибн Фадлана с их специфическим представлением о гигиене и сожжении трупов. С начала XIX в. этот рассказ пытались интерпретировать и востоковеды, и историки-слависты и археологи. В результате выявилось два принципиальных подхода.

Одни ученые пытались локализовать эти «виды» на огромной территории в границах Киевской Руси XI в. Аргументация этой линии строится на неоднозначности арабского *синф* (صنف — вид, группа, племя, род). Куйаба и Славийа были объявлены Новгородом и Киевом: «локализация первых двух групп русов — Куйабы в Киеве, Славии в центре, находившемся на месте будущего Новгорода или рядом с ним, не вызывает особых разногласий у исследователей»². Что касается Арсы, то здесь среди представителей первого направления разгорелись жаркие споры. Ведь, несмотря на то, что жители Арсы страдают ксеноктонией, т.е. так не любят иноземцев, сведений о них больше всего.

Например, А.П. Новосельцев видел в Арсе Белоозеро³, а представитель «роксоланского» направления Д.И. Иловайский — Тмутаракань⁴. Другой подход — это локализация в

---

¹ Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 218.

² Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. С. 145.

³ Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX веков. С. 414—418.

⁴ Иловайский Д. Начало Руси. М., 1996. С. 189.

одном месте. Опорой ему служат данные «Пределов мира» и карты ал-Идриси, где «группы» обозначены как города на реке Рус. Эти три города располагали то в Поволжье, то на Днепре или даже в Балтийской Славонии. В настоящее время большинство ученых, занимающихся этой проблемой, придерживается первого подхода. Но рассказ о видах русов, перемещающихся во времени и пространстве от Гузгана до Кордовы с IX по XV век, подвергался историческим изменениям. Несмотря на трепетное отношение средневековых географов к предшественникам, они проецировали на древние тексты свое современное отношение к тем же русам, свои представления о них.

Описания видов русов крайне разнородны. Если ал-Истахри говорит о Куйабе как о *роде*, ближайшем к *булгарам*, то в «Худуд ал-алам» это *город*, «ближайший к мусульманским землям». Как было показано выше, основа свода данных о Восточной Европе «Пределов мира» может датироваться не позднее 1-й пол. IX в., когда булгары не входили в понятие «мира ислама», ибо приняли эту религию только в начале X в. Таким образом, можно предположить, что замена «мусульманские земли» на «булгары» была произведена под впечатлением событий вокруг Волжской Булгарии начала X в. В отношении «самого загадочного» центра русов — Арсы (Уртаба) гузганский ученый приводит вообще уникальные данные о производстве там «очень ценных клинков для мечей и мечей, которые можно согнуть вдвое, но как только отводится рука, они принимают прежнюю форму»¹. Понятно, что это описание противоречит сообщению Ибн Фадлана о «плоских, бороздчатых, франкских» мечах².

Свойствами, описанными анонимом, обладает только один вид стали — булат. Секрет изготовления булата, давно (со времен Аристотеля) известный на востоке, в частности в Персии, был открыт в Европе (кстати, в России) лишь в нач. XIX в. В традиции ал-Джайхани, очевидно, описание русских мечей «Худуд ал-алам» трансформировалось в «соломоновы мечи»

---

¹ Hudud al-‘Alam. P. 159.

² Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. С. 141.

русов. Еще И. Хаммер сделал предположение, что эпитет «соломоновы» может быть приложим к булатным мечам, изготовлявшимся в Хорасане. Очевидно, это противоречие заставило ал-Истахри и его последователей исключить из рассказа о группах русов сюжет о мече. Интересна и транслитерация названия третьей области русов в «Худуд ал-алам». В трудах географов классической школы написание варьируется в рамках «Арсанийя» — «Артанийя», которые не связаны ни с одним топонимом или этнонимом, что значительно затрудняет этническую интерпретацию и локализацию упоминаемых ими русов. В то же время аноним использует написание «Уртаб». С позиций арабской графики, здесь допустима конъектура *Уртаб* → *Артаз* (ارتاب → ارتاز).

Прямые аналогии этому названию обнаруживаются в сочинениях древнеармянских историков, начиная с Мовсеса Хоренаци. Они выделяют две общности алан, одна из которых, восточная, именуется «Артаз»¹. Это название восходит к иранскому «поляна»². Артаз не раз упоминался в армянских источниках благодаря жестокой борьбе за власть между аланскими вождями, которая проходила в этой области³. Конечно, отождествлять Уртаб «Худуд» и Артаз древнеармянских источников нельзя: речь идет о разных периодах и разных этносах. Но логично предположить североиранское происхождение названия этой группы русов. Сейчас нам важно не выявление первоначального варианта: были в тексте IX в., который использовался в «Пределах мира», три города русов или это вставка, сделанная под влиянием текста, сходного с источником географов классической школы. Вполне допустимо, что в нач. IX в. на торговой артерии «Рус» существовали такие города. Наиболее значимо понимание этих данных географами, начиная, очевидно, с X в., когда действительно под «группами» подразумевались крупные и очень разные территориальные образования (схема интерпретации сведений первоисточника о бул-

---

¹ Мовсес Хоренаци. История Армении. С. 146.

² Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. IV—X вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. С. 165.

³ Гутнов Ф.Х. Страна АРТАЗ/АРДОЗ закавказских памятников // ВЕДС. Вып. XVIII. М., 2006. С. 38—43.

гарах). Особенно ярко это видно на карте ал-Идриси и в его сочинении «Нузхат ал-муштак», где соединяются разные традиции арабо-персидской географии:

«(6-я секция VI климата)

Русов два рода¹. Один из них — это тот, о котором мы говорим в этом месте («Внешняя Русь». — Е.Г.). А другой их род («наиболее отдаленная Русь». — Е.Г.) живет по соседству со страной Ункарийа (Венгрия. — Е.Г.) и Макдунийа (Македония. — Е.Г.)²... От города Салав до города Куйаба из земли болгар 8 переходов, а Куйаба — это город тюрок, называемых Руса. И русов три рода. Первый вид из них³ называется равас, и правитель ее живет в городе Куйаба. Другой называется ас-Салавийа, и правитель ее живет в городе Салава. И это город на вершине горы. Третий вид называется ал-Арсанийа, и правитель ее пребывает в городе Арса. Город Арса — красивый город на неприступной горе, и местонахождение его — между Салавой и Куйабой. От Куйабы до Арсы четыре перехода, а от Арсы до Салавы четыре дня. Купцы-мусульмане из Арминийи достигают Куйабы. Что касается Арсы, то шейх ал-Хаукали сообщает, что никто из чужеземцев туда не проникает, так как они обязательно убивают всякого чужестранца, проникшего к ним, и никто не осмеливается войти в их землю. От них вывозят шкуры черных леопардов, черных лисиц и свинец. Все это вывозят от них купцы Куйаба»⁴.

В тексте у Идриси в качестве одной из «Русий» имеется в виду Киевское государство. Описание его городов: Киева, Смоленска, Канева и других — находится в 5-й секции VI климата⁵. А вот на карте и в приведенной 6-й секции восточнославянские земли находятся вне классификации русов. Да и расположены эти русы восточнее городов Поднепровья, известных Идриси по рассказам современников (XII в.). Русов и на карте, и в тексте два вида: Русийа-тюрок, иначе «внешняя

---

¹ Везде — صنف.

² *Al-Idrisi. Opus geographicum sive Liber ad eorum delectationem qui terras peragrarare studeant.* — P.920.

³ قبيل منهم.

⁴ Ibid. P.917.

⁵ Ibid. P.912—913.

Русийа», которой и принадлежат города Кукийнана, Салав и Арса, и «другой их род» — это те, что по соседству с Венгрией и Македонией. Этот «другой род» Идриси называет «наиболее отдаленной Русийей». О двух видах русов говорит в восточной литературе только ал-Идриси. Это свидетельствует о его стремлении создать непротиворечивую картину из сведений о разнородных племенах русов, данные о которых он почерпнул из различных источников.

В данном случае он разделяет Русию-Тюрк, располагавшуюся на пространстве от Русской реки, где на карте обозначены города русов, до Атила¹, и Прикарпатскую Русь. Города Поднепровья в своем комментарии к 6-й секции ал-Идриси к какой-либо Руси не относит. Важно упоминание о *русах-тюрках*. Идриси специально выделяет их, остальные виды русов тюрками не считая. Очевидно, рассказ о них Идриси взял из древней, возможно, IX в., рукописи, в которой сведения о трех городах русов помещались в главе о тюрках (NB: именно так в «Пределах мира»). В данном случае пока нет смысла братья за локализацию *видов/ родов* русов. Главное — что арабopersидские географы X — XII вв. знают их несколько, причем разноэтничных.

Народы-фантомы на средневековой карте?

В «Худуд» есть два загадочных народа, идентификация которых с известными этносами Средневековья давно находится под вопросом. Более того, само присутствие этих народов в «Пределах мира» и особенно их локализация являются порой главным аргументом при попытках доказать ничтожность этого трактата как исторического источника. Описание этих этносов взаимосвязано и встречается только в «Худуд» и у Гардизи. Вот что сообщает о них гузганский географ:

«М.рват. На восток от них — некоторые горы и некоторые из хазарских печенегов, на юг от них некоторые из хазарских печенегов и море Гурз, на запад — некоторая часть последнего и внутренние булгары. На север от них — некоторая

---

¹ См.: *Al-Idrisi. Maps. Cl. 6. Sec. 6.*

часть последних и горы в.н.нд.р. Они христиане и говорят на двух языках — арабском и румском. Они одеваются как арабы. Они дружески настроены и к тюркам, и к румийцам. У них есть палатки и войлочные хижины... В.н.нд.р. На восток от нее — брадас, на юг — хазары, на запад — горы, на север — мадьяры. Они трусливы, слабы, бедны, имущество их немногочисленно»¹.

В отличие от автора «Худуд», Гардизи рассказывает об этих народах не в отдельных разделах, а в рамках повествования о мадьярах:

«На реке, которая слева от них (мадьяр. — Е.Г.), по направлению к сакалиба, живут люди, принадлежащие к румам, которые все исповедуют христианство. Они называются н.нд.р. Они более многочисленны, чем мадьяры, но они слабее. Что касается тех двух рек, то одна из них называется Атил, а другая — Дуба. Когда мадьяры находятся на берегу Дубы, они берут в плен н.нд.р. Над мадьярами² вдоль берегов реки есть огромная гора. За горой есть народ, принадлежащий к христианам. Они называются м.р.дат. Между ними и н.нд.р 10 дней пути. Они многочисленны. Их одежда близка к арабской и состоит из чалмы, рубахи и джуббы (верхней одежды с широкими рукавами. — Е.Г.). У них есть пашни и вино, которое они используют из-за недостатка воды. Их вода течет над землей, у них нет подземных каналов. Говорят, что их число больше, чем румов. Они разделены на две части, и большая часть из них — арабы»³.

Еще во времена В.Ф. Минорского все попытки идентифицировать м.р.ват, исходя из их локализации в «Худуд», провалились⁴. Поэтому исследователь взял за основу рассказ Гардизи и стал искать исторические соответствия его содержанию, а также этнос с похожим названием, обитавший в IX—X вв. в Восточной Европе или поблизости. Следуя этой методике, В.Ф. Минорский отождествил м.р.ват/ м.р.дат с обитателями

---

¹ Hudud al-‘Alam. P. 160, 162.

² Т.е. южнее, ибо карта традиционно ориентирована на юг.

³ Gardizi. Zain al-Akhbar. P. 160—161.

⁴ Minorsky V. Commentaries. P. 440.

Великой Моравии конца IX в¹. Интересно, что в.н.нд.р, в обоих повествованиях непосредственно связанных с м.р.ват, ученый не стал однозначно связывать с дунайскими болгарами, очертив эту версию как наиболее вероятную, но оставив вопрос открытым до пополнения источниковой базы². Со временем авторитетное предположение приняло характер аксиомы, и исследователи нового столетия уже не сомневаются в том, что м.р.ват — это моравы, а в.н.нд.р — дунайские болгары³.

Надо заметить, что локализация м.р.ват была установлена В.Ф. Минорским на основе ряда допущений. Во-первых, он допускает, что мадьяры цикла «О тюрках» были зафиксированы в эпоху Ателькюзу. Хотя выше мы видели, что это не совсем так: в рассказе о мадьярах в большинстве сохранившихся редакций отражены, по крайней мере, два периода — заволжский и Ателькюзу, а в «Худуд» описан только заволжский. Во-вторых, исследователь фактически не рассматривал этнографические сведения о м.р.ват/ м.р.дат, даже у Гардизи, ибо они совершенно не согласуются с тем, что известно о Великой Моравии. Опирается он только на взаимные координаты мадьяр, н.нд.р и м.р.дат у Гардизи. И последнее — В.Ф. Минорский а *gr̥og̥i* принял как верную форму м.р.ват, а не м.р.дат, хотя источников лишь два, и из них он считал более достоверным Гардизи.

Тем более что близкое к м.р.дат «Мордия» дважды встречается у Константина Багрянородного в качестве названия страны/ области в 10 днях пути от печенегов⁴. Рядом с Мордией упоминаются Черная Булгария и Хазария в одном случае, в другом — с Гузией, Хазарией и Аланией. Путь в Мордию для киевских росов лежит вниз по Днепру. От печенегов до Мордии 10 дней пути, т.е. максимум 500 км.

В комментариях к изданию трактата Константина воспроизведено отождествление Д. Моравчика Мордии с мордой⁵,

---

¹ Ibid. P. 441.

² Ibid. P. 466—471.

³ *Göckenjan H., Zimonyi I. Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter. S. 175—176; Мишин Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. С. 55—56.*

⁴ *Константин Багрянородный. Об управлении империей. С.157, 175.*

⁵ *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Berlin, 1958. Bd. II. S.132.*

причем отмечено, что это «единственное раннесредневековое свидетельство о названии территории расселения финского племени — мордвы»¹. Каким образом лесные племена Волго-Окского междуречья, земля которых не имела никакого стратегического значения, заслужили честь быть упомянутыми византийским императором в числе народов Северо-Восточного Причерноморья и Предкавказья — не понятно совершенно. Еще интереснее, что мордва — это не самоназвание данных племен (эрзи и мокши). В этнонимах «мордва», «мари» содержится древнеиранское слово *mard* (человек, мужчина)². То есть Мордия — м.р.дат может быть связано и с именем какой-то ираноязычной этнической группы, которых много было в Волго-Донском междуречье и в Предкавказье.

Теперь небольшой исторический комментарий к теме м.р.ват — мораване (моравы). Этникон «мораване» обозначал в западных источниках славян, живших в бассейне р. Моравы, левого притока Дуная, и образовался от названия этой реки. Впервые он упоминается под 822 г., когда послы мораван, аваров, ободритов, вильцев, чехов и сербов-лужичан во Франкфурте признали свою зависимость от Людовика Благочестивого³. С этим временем связывается завершение эпохи становления особого этносоциального организма мораван. Практически все упоминания мораван в западных источниках связаны с борьбой Великой Моравии за независимость.

События внутренней истории Моравии известны крайне фрагментарно, о представлениях о социальной структуре могут дать только археологические источники. Этноним «Моравы» упоминается дважды в этнографическом введении ПВЛ: один раз в сюжете о расселении славян, второй — в Сказании о славянской грамоте⁴. Важное свидетельство об этническом самосознании жителей Моравии сохранилось в Житии Мефодия: князь Ростислав от имени подданных говорит: «Мы, *славя-*

---

¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 391.

² Лыткин В.И. Пермско-иранские языковые контакты // ВЯ. 1975. №3. С. 84—97.

³ Magna Moraviae Fontes Historici. V.1 (Annales et chronicae). Pragae-Brunae, 1966. P. 50.

⁴ Лаврентьевская летопись. Стб.6, 28.

не...», да и от лица автора в Житии Ростислав называется славянским (а не моравским) князем¹. Это свидетельствует о восприятии жителей Великоморавской державы *прежде всего как славян*. Арабы же знакомились с германскими народами Западной Европы посредством славян (отсюда восприятие этноним *Намджин* у ал-Масуди, *ан-Нимса* — название Австрии и др.), а не наоборот². Славяне же не отделяли моравов, как это происходит у Гардизи и в «Худуд», а считали их неотъемлемой частью славянской общности. Тот же ал-Масуди, единственный арабский географ того времени, достоверно упоминавший моравов, пишет:

«Другие большие реки — Д.н.б.х³ и М.лава, и это название по-славянски тоже. За ней (М.лавой) — области Намджин и ал-М.рава из ас-Сакалиба (sic! — Е.Г.). На ней давно поселилось множество ал-Баргар, которые приняли христианство. Говорят, что из нее берет начало река тюрок⁴»⁵.

Если же согласиться с отождествлением м.р.ват с моравами, окажется: 1) Моравы не являются славянами и не идентифицируют себя так (что идет вразрез со всеми другими источниками); славяне находятся западнее, т.е. это могут быть только балтийские славяне, но географические и этнографические особенности славян, описанные в «тюркском цикле», соответствуют не южному берегу Балтики, а только Юго-Восточной Европе; 2) за славянами у Гардизи следуют русы (в «Худуд» наоборот), а потом народы Кавказа, что исключено в случае описания балтийских славян и т.д.

Относительно в.н.нд.р В.Ф. Минорский не зря остерегался окончательно решать этот вопрос. Что это оногуры/ унногундуры, сомнений не вызывает. Но дело в том, что группа оногуров, мигрировавшая в VII в. на Дунай, уже ко 2-й пол. IX в. была ассимилирована славянами, да и раньше в болгарском эт-

---

¹ Житие Мефодия // *Флоря Б.Н.* Сказания о начале славянской письменности. СПб.: Алетейя, 2004. С.186.

² См.: *Ал-Мас'уди*. Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джавхар. Т.2. С. 32—33.

³ В другом варианте — *مجر*

⁴ *Нахр ат-турк*. Вероятнее всего, речь идет о венграх и среднем течении Дуная, где они обосновались в конце IX — начале X вв.

⁵ *Kitab at-tanbih wa'l-ischraf auctore al-Masudi*. P. 67.

ническом и государственном строительстве серьезной роли не играла¹. В источниках, реально связанных с Дунайской Болгарией IX—X вв., этот этноним практически не встречается. Зато он весьма часто встречается в тот период в Восточной Европе, а именно в Предкавказье и Поволжье².

В целом, описание этих народов в «Худуд» больше соответствует реалиям IX—X вв., чем фантастичный рассказ Гардизи о христианах, которые похожи на арабов и которых больше, чем византийцев. Этнографические особенности м.р.ват/м.р.дат, описанные гузганским анонимом, соответствуют каким-то группам Кавказа и Предкавказья, полиэтническим и мультикультурным, где уживались христианство и ислам, обычаи тюрок и арабов (которые, кстати, действительно жили на Кавказе в то время), а владение греческим и арабским языками было нормой³.

Картина Восточной Европы: степень достоверности

Главный итог этого экскурса в арабо-персидскую средневековую географию — что эти материалы можно использовать в качестве источников по этносоциальной и политической истории степной и лесостепной полосы Западной Евразии. Несмотря на «многослойность» каждого из упомянутых сочинений, несмотря на сложное переплетение эпох и даже регионов почти в каждом сообщении, в настоящее время мы обладаем достаточным инструментарием, чтобы определить хронологию и степень достоверности большей части информации. При этом арабо-персидская литература является основным,

---

¹ Свердлов М.Б. Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997. С. 54—62.

² См. ниже, §1, гл. 4, §1, гл. 5.

³ См., напр.: *Ал-Мас'уди*. Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джавхар. Т.1. С. 192. Там же об арабских анклавах на Северном Кавказе: «Между царством Джидан и аль-Баб ва-ль-Абваб живут люди из мусульман — арабы, не владеющие языками, кроме арабского, и там, где они живут в селах, леса, долины, большие реки. Они переселились в ту местность с того времени, когда эти места были завоеваны арабскими кочевниками». В XI—XII вв. в окрестностях Дербента сохранялись племена, говорившие по-арабски (см.: *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI веков. М., 1963. С. 222—225).

системообразующим источником в отношении Восточной Европы VIII—IX вв., когда западные и византийские сведения отрывочны и часто не поддаются внятной интерпретации.

Так называемая «Анонимная записка» является одним из ценнейших источников. Но это цикл не о Восточной Европе, как принято считать в отечественной историографии, а «о тюрках» — т.е. о степной и лесостепной полосе Восточной Европы и Центральной Азии. Составлена она была между 818 и 840 гг., скорее всего, как описание к карте. Сам цикл, возможно, представляет собой описание шестого кешвара, согласно делению мира в иранской географической традиции. Этими материалами как основными пользовался неизвестный географ при составлении «Худуд ал-алам».

Сведения о народах Центральной Азии и Восточной Европы, которых можно достоверно идентифицировать, указывают, скорее всего, на датировку большей части информации «Худуд» не позднее 1-й трети IX в. Косвенным подтверждением такой датировки корпуса сведений «Пределов мира» служит то, что автор, упоминая о знаменитых ученых Халифата VIII в., не знает о выдающихся географах кон IX—X вв., труды которых были известны во всем арабском мире.

Анализ общих представлений арабских географов IX—X вв. о Восточной Европе показывает, что «ойкумена» для них ограничивалась бассейном Волги вплоть до среднего ее течения, а также степью и лесостепью. Соответственно, все народы, упоминаемые в цикле «О тюрках» традиции ал-Джайхани, располагались именно в указанных пределах. Сопоставление данных с другими письменными источниками и с археологическими материалами показывает, что общий источник традиции ал-Джайхани в отношении как Восточной Европы, так и Центральной Азии, можно датировать не позднее 1-й половины IX в. В таком виде этот цикл сохранился только в «Худуд ал-алам», и то с некоторыми изменениями. В дальнейшем авторы инкорпорировали современные им сведения в общую канву протографа и удаляли из него очевидно устаревшую информацию, как это было с мадьярами, булгарами, печенегами. Важно для дальнейшего исследования и выделение в составе «Худуд» и сочинений традиции ал-Балхи общего источника, также от-

носящегося к IX в. Этот источник включает сюжеты об области Бургас и трех городах русов, которые позднее, в связи с влени-ем времени, трансформировались в «три вида русов».

Таким образом, сравнение сообщений о широко извест-ных по другим источникам кочевых народах не только дает возможность определить взаимную датировку корпуса сведе-ний о Восточной Европе, но и предоставляет данные для лока-лизации тех народов и политических образований региона, чье местонахождение является дискуссионным — хазар и русов. И о двух каганатах, чьи судьбы, видимо, были переплетены.

Часть 2

«АЛАНСКАЯ» РУСЬ И ХАЗАРИЯ: ДВА КАГАНАТА

Глава 1

ХАЗАРСКИЙ КАГАНАТ: ОТ СОЮЗА ПЛЕМЕН К ГОСУДАРСТВУ

Среди всей пестроты позднегуннских и тюркских племен Восточной Европы эпохи раннего Средневековья хазары были удостоены наиболее пристального внимания исследователей. Этому способствовало как относительно немалое количество письменных источников о хазарах, так и неоднозначность, а порой и противоречивость приводимых в этих источниках данных.

Именование правителя хазар «каганом», их активное участие в политической истории Северного Причерноморья и Кавказа, арабо-хазарские войны, «хазарская дань» славян в Повести временных лет — все это дает ряду исследователей возможность говорить о Хазарии как о самом сильном *государстве* Восточной Европы VII—IX вв¹, «степной империи», сравнимой по могуществу с державой хунну, Первым Тюркским каганатом и Золотой Ордой². Хазарский каганат оценивается как «спаситель» Восточной Европы от арабской экспансии³ и кочевых племен Заволжья.

---

¹ Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории западной Евразии // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Вып.10. М., 2001. С. 59—72; Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. Смоленск, 1995. С. 83—97.

² Крадин Н.Н. Империя хунну (структура общества и власти). — Автореф. ... докт. ист.наук. СПб., 1999.

³ Dunlop D.M. The History of the Jewish Khazars. New Jersey, 1954; Pritsak O. Khazars // Dictionary of the Middle Ages. Vol.7. N.Y., 1986. P.240-242; *Idem*.

С другой стороны, до сих пор не выделена археологическая культура хазарского этноса, ни один арабо-персидский или византийский источник не сообщает о зависимости славян или русов от хазар, а также о подвластности степей Восточной Европы Хазарскому каганату. Соответственно, противоположным историографическим «полюсом» стала оценка Хазарии как незначительного паразитического протогосударства в низовьях Волги, получившего известность благодаря расположению в начале Волго-Балтийского торгового пути¹.

При этом в исследовании Хазарского каганата практически всегда чувствуется некоторая тенденциозность. В первую очередь, это касается таких вопросов, как степень влияния хазар на восточных славян и культово-религиозный аспект истории хазар².

Проблема формирования Хазарского каганата включает два наиболее спорных вопроса: время приобретения Хазарией статуса каганата и стадия политогенеза, на которой находился этот каганат. По одной из наиболее распространенных точек зрения, образование Хазарского каганата находится в непосредственной зависимости от истории Западного Тюркского каганата, а именно с обретением хазарами независимости от тюрок в результате смуты 630-х гг. в Западном каганате либо после окончательного падения Западнотюркского раннего государства под ударами китайских войск в конце 650-х гг.³. Эта версия аргументируется фактом борьбы между тюркскими коалициями дулу и нушиби, причем хазарам приписывается «верность нушиби», благодаря которой они не имели поводов для разры-

---

Khazaria // The Oxford Dictionary of Byzantium. N.Y., 1991. P. 1126—1127; Плетнева С.А. Хазары. М., 1986. С.40.

¹ Рыбаков Б.А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси // Советская археология. Вып. XVIII. М., 1953; Федоров Г.С. Некоторые вопросы осмысления хазарского этноса и хазарской культуры в Дагестане // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М., 1996. С. 149—151.

² Наиболее полный историографический анализ см.: Голден П. Достижения и перспективы хазарских исследований // Хазары / Евреи и славяне. Т.16. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2005. С. 27—68.

³ Golden P. Khazar Studies. V.1. Budapest, 1980. P. 51; Артамонов М.И. История хазар. 2-е изд. СПб.: Издательство «Лань», 2001. С. 241.

ва с Западным Тюркским каганатом. Хазары представляются как проводники политики нушиби на Кавказе, в то время как булгары должны были поддерживать «партию» дулу, ибо были возглавляемы династией Дуло¹.

Другой точки зрения придерживался А.П. Новосельцев, а вслед за ним — и многие современные исследователи. По его мнению, «образование Хазарского государства» датируется «приблизительно первой четвертью VII в.». При этом исследователь исходит из практически самостоятельной политики хазар на Кавказе в 20-е гг. VII в. Указания на это он находит в ряде раннесредневековых источников, в том числе византийских, армянских, арабских². Обе приведенные гипотезы близки как в хронологическом плане, так и в подходе к проблеме. Дата возникновения независимого Хазарского объединения считается временем образования государства. Между тем, Хазария переживала в своем развитии различные этапы, определить сущность и хронологические рамки которых вполне возможно на существующей ныне источниковой базе.

Ранние хазары в Предкавказье

Этноним «хазары», в отличие от булгар, оногур и других, до сих пор не нашел удовлетворительного объяснения ни в одном языке. Версий до сих пор очень много: хазар вводят из гуннского племенного союза акацир³, от савир — тюркизированных угров⁴, от уйгуров⁵, считают полиэтническим союзом в основном гуннских племен во главе с тюрками из Западного Тюркского каганата⁶ или с эфталитами, переселившимися на Кавказ в конце V — начале VI вв.⁷, либо полагают,

---

¹ См., напр.: Артамонов М.И. История хазар. С. 239.

² Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С.88.

³ Henning W.B. A Farewell to the Khagan of the Aq-Aqataran // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. XIV. 1952. P. 501—522; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. IV—X вв. С. 59—66.

⁴ Артамонов М.И. История хазар. С. 178—180.

⁵ Dunlop D.M. The History of the Jewish Khazars. P. 35—40.

⁶ Golden P.B. Khazar Studies. V.1. Budapest, 1980. P. 53.

⁷ Ludwig D. Struktur und Gesellschaft des Chazaren-Reiches im Licht der schriftlichen Quellen. Münster, 1982. S. 24—68.

что ядром собственно хазарской территории в VI в. стало царство хонов — конгломерат из иранских, связанных с эфталитами, и нахско-дагестанских этнических групп¹. Но наиболее распространенным является отождествление восточноевропейских хазар с тюркским «поколением» к'о-са, упоминаемым китайскими источниками как северный сосед Персии и Византии². Предполагается, что это племя появилось в Предкавказье в VI в. с потоком других тюрков³.

Однако в большинстве стран, непосредственно соприкасавшихся с хазарами, четко различают этнически тюрков и хазар, да и сами китайские источники не дают основания говорить о понимании к'о-са как тюрков. Этот же этноним (к'о-са) другие исследователи сближают с наименованием шести из девяти уйгурских племен «кэса» и на этом основании делают вывод об уйгурском или угорском происхождении хазар⁴. Но отождествление хазар с уйгурами или уграми нигде не встречается. Проверить эту гипотезу на археологическом и антропологическом материале пока не представляется возможным.

В «алтайских» версиях происхождения ранних хазар много допущений. Как заметил Д.Б. Буянер, в укоренении этого мнения значительную роль сыграла тенденциозная идея известного пантюркиста А. Зеки Валиди Тогана, давно опровергнутая В.Ф. Минорским⁵, о принадлежности династии хазарских каганов к тюркскому роду Ашина⁶.

---

¹ Буянер Д.Б. К этимологии некоторых раннехазарских топонимов (к вопросу о происхождении дагестанских хонов) // *Proceedings of the Conference: «Iran: cultural-historical tradition and the dynamics of development»*. Moscow, RSUH, 14—15 February 2006 (forthcoming); Буянер Д.Б. О средневековом кавказском топониме ВАРСАН и его предварительной локализации // ВЯ. 1998. №4. С. 124—127.

² Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. 1. С. 326, 329.

³ Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 83.

⁴ Dunlop D.M. The History of the Jewish Khazars. P.35.

⁵ Minorsky V. Addenda to the Hudud al-'Alam // BSOAS. 1955. 17. P. 260—261.

⁶ Хотелось бы выразить искреннюю признательность Д.Б. Буянеру (Институт Азии и Африки, Иерусалимский университет) за возможность ознакомиться с его статьей, которая вскоре должна выйти из печати: Буянер Д.Б.

А.П. Новосельцев предположил также и иранскую этимологию, от «хазар» («тысяча»), исходя из отмеченного ал-Масуди названия хазар «хазаран» («тысячи»). Как отмечает исследователь, «хазар» — общеиранское слово, вошедшее также в армянский и венгерский языки, потому этноним «хазары» мог возникнуть в ираноязычной среде Восточной Европы¹. Но сам А.П. Новосельцев считал «тюркскую» версию более предпочтительной. Таким образом, этимология этнонима «хазар» остается неразрешенной проблемой, потому привлекать ее в качестве аргумента в исследовании этногенеза хазар невозможно.

Не располагая мы и данными о месте первоначального формирования хазар. Наиболее ранние достоверные упоминания хазар относятся уже к кавказскому периоду, сведения о возможной азиатской истории хазар фрагментарны и в большинстве своем являются поздними. Самое же важное, что историческая память хазар, запечатленная в письме хазарского царя Иосифа испанскому еврею Хасдаи ибн Шафруту, не выходит за рамки VI—VII вв. Согласно этому документу, хазары считали родственными племенами огузов, авар, савир, булгар и барсил², т.е. позднегуннские племена Восточной Европы и Приуралья, формировавшиеся в урало-казахстанских степях.

Этнос *хазирь*³ часто упоминается ранними армянскими историками, начиная с Мовсеса Хоренаци (кон. V в.). Хазирь считались «горцами», что в понимании армян значило «жители Большого Кавказа». По мнению Мовсеса Хоренаци, первое столкновение армян с хазирами и барсилами произошло на ру-

---

К этимологии некоторых раннехазарских топонимов (к вопросу о происхождении дагестанских хонов) // Proceedings of the Conference: «Iran: cultural-historical tradition and the dynamics of development». Moscow, RSUH, 14—15 February 2006 (forthcoming).

¹ Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 97.

² Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. С. 72. Всего в письме Иосифа перечисляется 10 сыновей Тогармы. отождествление остальных 4 имен-эпонимов затруднительно.

³ Такая транскрипция — хазИры — встречается и в «Космографии» Равеннского Анонима (2-я пол. VII — нач. VIII вв.). См.: Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 191.

беже II—III вв.¹. В рассказе об этом событии Мовсес называет имя царя хазир — Внасеп Сурхап (Гушнасп Сухраб). Имя это скорее иранского происхождения². Также хазары известны и некоторым другим армянским источникам в хронологии III—IV вв.³. Рубеж II—III вв. — дата, противоречащая этнической истории региона, где гуннские орды появились лишь в IV в. Достоверность приведенных данных ставит под сомнение и сам Мовсес Хоренаци, подчеркивая, что это лишь его личное предположение, а точных данных нет.

Датировка IV в. уже не противоречит историческим реалиям, когда Предкавказье уже было наводнено гунно-сарматами. Не является удивительным и иранское имя предводителя хазир, так как доля поздних сармат и североиранских племен Кавказа была сравнительно велика в массе «гуннов», да и иранское воздействие на хуннов во время их пребывания в Средней Азии переоценить трудно. В изложении событий начиная с VII в. «хазирь» армянских источников — несомненно хазары, уже широко известные арабам, византийцам, сирийцам.

В «Армянской географии» Анании Ширакаци (кон. VII в.) хазирь и булгары являются участниками событий, происходивших в низовьях Атля (Волги): туда эти племена приходили «зимовать» после сезонных перекочевок⁴. Здесь речь идет уже о VII в., когда хазары и булгары являлись наиболее одними из самых заметных племенных объединений Предкавказья.

Весьма важные данные о происхождении хазар имеются в достаточно поздней (XII в.) хронике Михаила Сирийца. Там приводится такая легенда: в правление императора Маврикия из «внутренней Скифии», со стороны «Имеонских гор», вы-

---

¹ Мовсес Хоренаци. История Армении. С. 53, 114.

² Гадло А.В. Этническая общность *БАРСИЛЫ* // Проблемы археологии и этнографии. Вып. II. Историческая этнография: традиции и современность. Л., 1983. С. 82.

³ Меликсет-Бек Л.М. Хазары по древнеармянским источникам в связи с проблемой Моисея Хоренского // Исследования по истории культуры народов Востока. М.-Л., 1960. С. 112—114.

⁴ Армянская география VII в. // Патканов П.К. Из нового списка армянской географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП. 1883. №3. С. 27—29.

шли скифы, во главе которых были три брата — Хазарик, Булгар и третий брат, имя которого не указано. Часть скифов, возглавляемая Булгаром, перейдя Танаис и выйдя к Дунаю, испросила у Маврикия землю, чтобы жить в мире с византийцами. Император предоставил скифам Булгара Верхнюю и Нижнюю Мизию и Дакию. Два других брата пришли в «страну алан, называемую Берсилия, в которой римлянами были построены города Каспия, называвшиеся вратами Тугае. Булгары и пугуры — их жители — были некогда христианами. Когда над той страной стал господствовать чужой народ, они были названы хазарами...»¹.

Это распространенная форма поздних легенд средневековья, когда этнические группы искусственно персонифицируются в «прародителях». Подобная форма снимает с рассказчика ответственность за достоверность приводимых сведений. Как правило, в таких «преданиях» соединялись, прежде всего, разные книжные традиции². Датировущим признаком может служить информация о том, что «булгары и пугуры», жившие у Каспийских ворот, «были некогда христианами». Не зная о булгарах на Кавказе и о факте принятия ими христианства, исследователь этого источника Ф. Альтгейм считает, что речь идет о дунайских булгарах³. С ним соглашается и М.И. Артамонов, относя к булгарам и пугуров⁴.

Однако известно сирийское раннее сочинение, которое могло служить источником данных о принятии христианства некоторыми народами к северу от Дербента. Это дополнения к хронике Захарии Ритора, называемые также Хроникой Псевдо-Захарии и датируемые 2-й пол. VI в. Именно там впервые упоминается народ Hros по соседству с амазонками, там же находится и первое бесспорное свидетельство о хазарах на Кавказе⁵. Хазары упомянуты среди 13 «гуннских» на-

---

¹ Артамонов М.И. История хазар. С. 180—181.

² Таков, к примеру, рассказ о Русе, Славянине и Хазаре в «Муджмал ат-Таварих» (XII в.).

³ Altheim F. Geschichte der Hunnen. S. 91.

⁴ Артамонов М.И. История хазар. С. 182.

⁵ Пигулевская Н.В. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа // ВДИ. 1939. №1. С. 107—115.

родов. Показательно, что в этом источнике вообще не упоминаются тюрки, чье появление как значительной политической силы произвело столь сильное впечатление на раннесредневековых хронистов и географов, что произведения такого рода не обходились без слова об этом этносе. В то же время источник содержит упоминание в этом регионе авар. Это свидетельствует о написании дополнений к Хронике Захарии Ритора до появления тюрок на Северном Кавказе, но после проникновения в Восточную Европу авар, которое датируется правлением Юстиниана I Великого. Поскольку последние описанные в Хронике события относятся к 555 г., время появления этого источника — между 555 и 565 гг.

Каспийское море и его порты находятся «у гуннов», которые живут за дербентским проходом. Псевдо-Захария упоминает, что «20 лет назад или немногим более у гуннов появилось Писание на их языке» и рассказывает подробности просвещения варваров. Н.В. Пигулевская датирует эти события 1-й четв. VI в¹. Это объясняет и выражение «были некогда», что совершенно бессмысленно в отношении дунайских булгар. Дунайские булгары, приняв в IX в. христианство, не возвращались более к язычеству, ибо мировая религия отвечала потребностям формирующегося Болгарского государства. Позднегуннские же племенные союзы Кавказа меняли формальную религиозную принадлежность в зависимости от политической конъюнктуры, реально оставаясь язычниками². Кроме того, этноним «пугуры», упоминаемый Михаилом Сирийцем, явно содержит корень «угур», характерный для племен с угорской основой. Его логично связать с «огурами», известными Псевдо-Захарии по соседству с оногурами, савирами, булгарами, хазарами и другими племенами Предкавказья³. Это племя под

---

¹ Пигулевская Н.В. Заметка об отношениях между Византией и гуннами в VI в. // Пигулевская Н.В. Ближний Восток, Византия, славяне. Л., 1976.

² Это положение хорошо иллюстрируют арабо-персидские источники, повествующие о принятии теми же хазарами по несколько раз ислама, христианства, иудаизма; сведения о нескольких крещениях русов по византийским источникам и обращения их в ислам по арабским данным и т.п.

³ Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. С. 165.

названием «огор» знает и Феофилакт Симокатта, упоминая его в пересказе письма кагана Дяньгу императору Маврикию¹.

Сообщение Михаила Сирийца ценно также информацией о миграции хазар и болгар и их первоначальном месте жительства. «Имеонские горы», или Имай (Imaon, Imaus, санскр. Himavat) — это известные в античной и средневековой традиции горы, отождествляемые с Гималаями или их частью².

Внутренняя Скифия Михаила Сирийца обоснованно сопоставляется Т.М. Калининой с внутренней Скифией Птолемея и Скифией раннего арабского географа ал-Хваризми (30-е гг. IX в.). При этом у ал-Хваризми на границах Скифии, населенной тюрками, упоминается город ал-Хазар с координатами 93°0' долготы и 45°0' широты. Мимо него протекает река Длинная (Тавил), в которую впадают три реки, берущие начало на горе Аскасийа³. Т.М. Калинина отождествляет реку Длинная с Сырдарьей⁴. Между тем, название реки, истоки которой находятся в горе Аскасийа, в арабской географии претерпело изменения. Сухраб (I-я пол. X в.), следовавший ал-Хваризми при описании этой реки, называет ее рекой хазар. При этом географ, как и ал-Хваризми, знает и о существовании европейских хазар к северу от Дербента⁵.

Показательна трансформация описания реки с тремя истоками на горе Аскаска у ал-Идриси. Если для авторов IX в. это Сырдарья, то ал-Идриси в XII в. подразумевает под ней Атил⁶. Ученый-книжник сделал этот вывод на основании сопоставления источников, имевшихся в его распоряжении: с одной стороны, хазары как этнос уже нигде не упоминались в Средней и Центральной Азии, с другой — ал-Хваризми знает на этой реке город ал-Хазар. Таким образом, ал-Идриси, пересматри-

---

¹ Феофилакт Симокатта. История. С. 188.

² Пьянков И.В. Средняя Азия в античной географической традиции: Источниковедческий анализ. М., 1997. С.283.

³ Das Kitab Surat al-Ard des Abu Ga'far Muhammed Ibn Musa al-Huwarizmi. S. 32.

⁴ Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского Халифата. С. 74—75, 100—101.

⁵ Das Kitab 'aga'ib al-aqalim as-sab'a des *Suhra*b. Hrsg. V.H. M'zik. Vienna, 1929. S. 146.

⁶ *Al-Idrisi*. Opus geographicum sive Liber ad eorum delectationem qui terras peragrarare studeant. P. 928—929.

вая традиционную точку зрения на истоки Атила, меняет название реки с «Тавил» на «Атил». История этой реки у ал-Идриси свидетельствует о значительной древности источника ал-Хваризми о городе ал-Хазар.

Об азиатских хазарах знал и Ибн Хордадбех. Кибла для мусульман Хазарии, по Ибн Хордадбеху, та же, что и для народов от Армении до индийского Кашмира, однако вызывает удивление расположение упоминания о хазарах: перечисление местностей идет с запада на восток, а хазары помещены между Хорасаном и Кашмиром¹. Как видно, столь скудные сведения, которые не могут быть пока подкреплены археологическими данными (прежде всего, из-за отсутствия четких этномаркирующих признаков хазар), не дают возможности говорить о локализации азиатской прародины хазар. Можно лишь констатировать бытование в Средней Азии эпохи раннего Средневековья этого этнонима. Причем средневековые хазары Средней Азии по сути могли быть этносом, принадлежащим даже к иной языковой семье, чем европейские хазары (как, например, волжские и дунайские болгары к XII—XIII вв.).

На основании этих источников и некоторых позднейших легенд, исследователь этногеографии Турана Б.И. Вайнберг предложила гипотезу о «восточной группе» хазар, которую она локализует на средней Сырдарье и далее на восток, связывая «первоначальную родину хазар» с территорией тюркского союза нушиби. В состав племенного объединения хазар того времени, как полагает Б.И. Вайнберг, входили «тюркюты и, очевидно, угры». Соответственно, этнос хазар оформился на северо-востоке Средней Азии во 2-й пол. VI в. Появление хазар в Восточной Европе Б.И. Вайнберг относит ко времени экспансии Первого Тюркского каганата². Но такой вывод на основании приведенных исследователем данных сделать вряд ли возможно. Ни один ранний источник, оставленный народами, непосредственно знакомыми и с тюрками, и с хазарами, не причисляет хазар к тюркам. В упомянутом китайском источнике «Таншу» обозначение хазар (к'о-са) как «дулгасского поко-

---

¹ Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l Kasim Obaidallah Ibn Abdallah *Ibn Khordadbeh* et Excerpta e Kitab al-Kharadj auctore *Kodama Ibn Dja'far*. P.14.

² Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. С. 286—292.

ления» несет в себе несколько иной смысл, чем причисление хазар к этническим тюркам. Так китайцы называли племена, добровольно, без сопротивления, подчинившиеся Тюркскому каганату, в отличие, например, от киданей¹.

Ценные свидетельства о ранних хазарах сохранились в «Истории» ат-Табари, черпавшего сведения из иранских хроник. Там упоминается о реформе Хосрова Ануширвана, по восшествии на престол в 531 г. учредившего вместо одной должности военачальника четыре, по сторонам света. Военачальнику севера поручался Азербайджан и земли, к нему прилегающие: страна хазар и соседние с ней территории². Причем в то время алтайские тюрки еще не появились в Предкавказье и Нижнем Поволжье. Далее, описывая правление Хосрова уже после появления тюрков в Восточной Европе, ат-Табари, следуя за своим источником, не смешивает хазар с подданными и союзниками хакана тюрков Синджибу, к которым относит абхазов, банджаров³ и баланджаров⁴. Против хазар была направлена отдельная «акция возмездия» за разорения, причиненные во время какого-то набега, данные о котором не сохранились⁵. Арабы даже в самых ранних произведениях разделяют тюрков и хазар, хотя часто особо подчеркивают их близость⁶.

Согласно одному из ранних пророчеств⁷, «тюрки захватят Куфу, хазары — ал-Джазиру, а византийцы — аш-Шам»⁸. Здесь

---

¹ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 160.

² Та'рих ат-Табари. Та'рих ал-умам ва-л-мулук ли-Аби Джа'фар бин Джарир ат-Табари. В 6-ти тт. Бейрут: Дар Садир, 2003. Т. 1. С. 251.

³ Этот этнос упоминается в «Истории пророков и царей» лишь однажды. Это явно искажение или повтор, вызванный использованием историком двух параллельных текстов с разным написанием.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 252.

⁶ Калинина Т.М. Ал-хазар и ат-турк в произведениях средневековых арабо-персидских ученых // Хазары / Евреи и славяне. Т.16. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2005. С.251—258.

⁷ Пророчество Ибн ал-Факих приписывает Хузайфе ибн ал-Йаману, сподвижнику и личному секретарю Мухаммада. Куфа — одна из двух основных баз арабского войска в Ираке, под ал-Джазира здесь имеется в виду Северный Ирак. Аш-Шам — историческая область, включавшая современную Сирию, Иорданию, Палестину и Ливан.

⁸ Асадов Ф.М. Введение // Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. — Баку: Элм, 1993. С. 43.

отражена политическая ситуация 2-й пол. VII — нач. VIII вв., когда Иран уже сошел с исторической арены. Остатки Сасанидской империи были завоеваны арабами к 652 г. Тогда арабы вышли к Амударье, а в Закавказье захватили Дербент. Соответственно, их северными соседями оказались тюрки и хазары. Однако об их родстве в приведенном высказывании не упоминается. В одной из распространенных в арабской литературе легенд о происхождении тюрков, они являются потомками четырех сыновей Авраама, рожденных ему Кантурой, дочерью Мафтуна. Далее потомки Кантуры вступают в союз с хазарами, скрепленный династическими браками¹. Таким образом, в VII—VIII вв. в представлении арабов тюрки и хазары не смешивались и не являлись родственными народами, хотя и происходили оба от Иафета, сына Ноя². В легенде же о Кантуре естественно видеть воцарение на хазарском престоле тюркской династии. Это свидетельствует о том, что население Хазарии изначально относилось не к тюркам, а к позднесарматским и угорским племенам, пришедшим на Северный Кавказ вместе с гуннами.

К этим выводам приводит и анализ сообщений о языке хазар, сохранившихся в трудах географов школы ал-Балхи. Ал-Истахри отмечает, что язык хазар не похож ни на тюркский язык, ни на иранский³. Та же информация проходит у Ибн Хаукаля⁴. При аргументации тюркского происхождения хазар приводится обычно указание того же ал-Истахри на сходство хазарского и болгарского языка, который на ситуацию X—XIV вв. являлся одним из тюркских языков⁵.

Но, во-первых, болгары изначально относились не к тюркским, а к «гуннским» этносам. Во-вторых, язык болгар относился к тюркской семье, в которую входят и *прототюркские* языки. Наиболее близким к болгарскому признается современный чувашский язык, который имеет столь глубокие отличия

---

¹ Там же. С. 23.

² Там же. С. 49.

³ Via Regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi *al-Istakhri*. P. 222.

⁴ Opus geographicum auctore *Ibn Haukal*. — Leiden, 1872 (BGA. II). P.281.

⁵ См., напр.: *Хакимзянов Ф.С.* Язык эпитафий волжских болгар. М., 1978.

от других языков тюркской семьи, что выделяется в особую группу¹. Все это свидетельствует в пользу предположения о выделении болгар и хазар из среды прототюрков в период до образования Первого Тюркского каганата, т.е. еще в гунно-сарматское время. Это подтверждается и письменными данными, которые приводились выше. Так что говорить о хазарах 2-й пол. VI в. как о тюркском населении в Восточной Европе, что имеет место в некоторых новейших исследованиях², весомых оснований нет. Но бесспорно участие тюрков в формировании Хазарского государства, причем на самом раннем его этапе, и этноса средневековых хазар. В поддержании власти в Предкавказье каган Западного тюркского каганата мог опираться не на местное население, а на воинов, пришедших с ним.

Ряд арабо-персидских географов: ал-Истахри, Ибн Хаукаль, Казвини и др. — делит хазар на два «разряда» (рода, категории), одни из которых (кара-хазары) отличаются смуглотой, в то время как другие белые, красивы и совершенны по внешнему виду³. Б.Н. Заходер обращает внимание на противоречие у ал-Истахри, который несколькими страницами выше категорически отрицал принадлежность хазар к тюркам, а здесь употребляет тюркское *кара* («черный»)⁴.

Существуют разные трактовки этих сообщений, но, по-видимому, разделение хазар на два «рода» имеет не социальную, а этническую или племенную основу. По сравнению с гунно-сарматскими племенами тюрки отличались большей монголоидной примесью и более сильной пигментацией. Но вряд ли есть возможность говорить о социальных различиях между «белыми» и кара-хазарами, ибо ни один источник не сообщает о каких-либо кастовых или полукастовых структурах в Хазарии. Скорее всего, изначально завоеватели-тюрки пыта-

---

¹ Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1986.

² Комар А.В. Ранние хазары в Северном Причерноморье // Восточноевропейский археологический журнал. №3(4), май-июнь 2000, <http://archaeology.kiev.ua/journal/030500/komar.htm>.

³ См.: *Via Regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri*. P. 223; *Opus geographicum auctore Ibn Haukal*. Leiden, 1872. P.283.

⁴ Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. I. С. 138.

лись сохранить этническую чистоту, составляя этнос-страту, но к IX—X вв. уже, возможно, их потомки отличались лишь по внешнему виду¹.

Процесс смешения позднегуннских племен Северного Кавказа и тюрок хорошо иллюстрирует Житие епископа Израэля (кон. VII в.), сохраненное в «Истории агван» Мовсеса Каланкатваца. Там описан языческий пантеон «гуннов» Предкавказья, в котором соседствуют иранские и тюркские божества: бог «молний и эфирных огней» Куар (от среднеперсидского *xwar* — «солнце»²) и верховный бог тюрок Тенгри, которому приводится персидский синоним Аспандеат³. Приняли участие в формировании этноса средневековых хазар и такие позднегуннские племена Северного Кавказа, как савиры и барсилы. Согласно ал-Масуди, тюрки называли хазар савирами⁴. О связи хазар с барсилами сообщает гораздо большее число источников: подобные упоминания есть в «Хронографии» Феофана Исповедника, в «Бревиарии» Никифора⁵, в Армянской географии VII в. Участие некоторых групп иранского населения Северного Кавказа подтверждает иранская лексика в названиях некоторых хазарских городов⁶.

---

¹ Ибн ал-Факих упоминает о двух «городах» тюрок, которые расположены по соседству с хазарами (один из них — Дани — между хазарами и византийцами). Их жители совершают набеги на хазар, а тюрки Дани даже «имеют силу над хазарами, но не справляются с византийцами» (*Compendium libri Kitab al-Boldan auctore Ibn al-Fakih al-Hamadani*. Ed. M.J. de Goeje. — Leiden, 1885 (BGA. V). С. 289). Источником этой информации, по всей вероятности, является несохранившийся труд ал-Джахиза, написанный в I-й пол. IX в. (*Аскадов Ф.М.* Введение. С. 27). Но о каких тюрках здесь идет речь — не ясно. Во всяком случае, они представляют по отношению к хазарам внешнюю силу, вторгающуюся в пределы Хазарской страны.

² *Кляшторный С.Г.* «Народ Аспаруха», гунны Кавказа и древнетюркский Олимп. С. 123. Впрочем, другие исследователи проводят аналогии громовика Куара с дагестанским «земледельческим» божеством *Квара* (*Буянер Д.Б.* К этимологии некоторых раннехазарских топонимов (к вопросу о происхождении дагестанских хонов)).

³ [*Моисей Каланкатвацц.*] История агван Моисея Каганкатваца, писателя X в. / Пер. К. Патканова. СПб., 1861. С. 193, 200—202.

⁴ *Kitab at-tanbih wa'l-ischraf auctore al-Masudi*. P. 83.

⁵ *Феофан Исповедник.* Хронография. С. 61; *Никифор, патриарх.* Бревиарий. С. 162.

⁶ *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории западной Евразии. С. 63; *Буянер Д.Б.* К этимологии некоторых раннехазарских топонимов.

*Тюрки и хазары в период ирано-византийских
войн конца VI — начала VII в.*

Одной из постоянных арен противостояния великих держав древности и Средневековья было Закавказье. Римская империя и Парфия, Византия и Сасанидский Иран, Арабский халифат боролись за обладание этими стратегически важными землями, по которым проходил Великий Шелковый путь. Союзников в своей борьбе державы искали среди «варварских» племен севера, которые не претендовали на владение Закавказьем, но могли собрать сильное наемное войско. Роль «варваров» в исходе борьбы на этой территории была по сути решающей. Как правило, чем большую коалицию племен к северу от Кавказа удавалось привлечь стороне, чем более организована была такая коалиция, тем больше было шансов на общую победу. В качестве северных союзников великих держав выступали в разное время сарматы и аланы, гунны и позднегуннские племена, тюрки и хазары.

Наиболее масштабные события, получившие широкое освещение в источниках, происходили в VII—VIII вв., в период ирано-византийских войн и экспансии Арабского халифата. Основной «варварской» силой той эпохи на Кавказе предстают в источниках хазары, которые упоминаются чаще других племен. На основании этих свидетельств большинство исследователей видит в хазарах VII—VIII вв. самостоятельную политическую силу, полноценное государство, которое стремилось к расширению своего влияния и проводило на международной арене сложные многоходовые комбинации. При этом если одни считают Хазарское государство существовавшим уже в период ирано-византийских войн 1-й четверти VII в., то другие относят образование этой политической силы к 640—650-м гг. В остальном оценка роли Хазарии и характера хазарской политики остается неизменной. Но период, наиболее подробно освещенный источниками, составляет два весьма беспокойных века, за которые ситуация в регионе много раз менялась, и само Хазарское постетарное образование претерпевало изменения.

мов (к вопросу о происхождении дагестанских хонов.

В конце VI в. в Северо-Восточном Предкавказье, на землях позднегуннских и автохтонных кавказских племен, после захватнических рейдов Западнотюркского каганата оставался значительный тюркский «контингент» во главе с представителем верховного правителя тюрков. Этот представитель, согласно сообщению Феофана Исповедника, византийского автора начала IX в., был «вторым человеком по достоинству после хагана» и во главе хазарского войска участвовал в ирано-византийском конфликте на Кавказе в 620-х гг¹. Феофан называет и его имя — Зиевил (Ζιέβηλ). С другой стороны, в армянской «Истории страны Алуанк» Мовсеса Каланкатуаци упоминается Джебу-каган, действующий на Северном Кавказе в то же время. Джебу-каган (ябгу-каган) — это известный по многим источникам титул правителя западных территорий Первого Тюркского каганата², изначально второго по статусу после кагана восточных земель³. Поэтому большинство исследователей обоснованно отождествляет военачальника хазар Зиевила с Джебу-каганом⁴. Эти письменные свидетельства и дали основания сделать вывод о самостоятельной политике хазарского племенного союза в ирано-византийском противостоянии начала VII в. А.П. Новосельцев сделал на этом основании вывод о фактической независимости хазар от Тюркского каганата⁵. Однако может быть предложена и иная интерпретация.

Эти события напрямую связаны с византийско-иранским противостоянием, достигшим к началу последнего десятиле-

---

¹ Феофан Исповедник. Хронография. С. 59.

² См.: Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. С. 97

³ Зуев Ю.А. Древнетюркская социальная терминология в китайском тексте VIII в. // Вопросы археологии Казахстана. Вып.2. Алматы; М., 1998. С. 159.

⁴ Сводку литературы см.: Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 100—102.

⁵ «Хазарский правитель был фактически самостоятелен, и присоединение к титулу «джебу» титула «хакан» это демонстрировало» (Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 87). Исследователь не учитывает, что титул в Первом тюркском каганате звучал именно как «ябгу-каган» (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. С. 97).

тия VI в. большого накала. В то время византийский император Маврикий активно использовал помощь тюрок и племен Предкавказья, а на южных рубежах — арабских племен¹. С такими союзниками ему удалось нанести Ирану несколько болезненных ударов. По сообщению ат-Табари, вслед за крупными антииранскими операциями тюрок и Византии в 11-й год правления шаханшаха Хормизда IV, властитель хазар выступил на ал-Баб ва-л-Абвab (Дербент) и разорил его². В Иране вспыхнуло восстание, в результате которого Хормизд IV был убит, а шаханшахом провозглашен Бахрам Чубин, руководитель повстанцев и бывший полководец Хормизда. Бахрам также использовал силы тюрок и подвластных им народов³. Законный же наследник Хосров II бежал в Византию просить о помощи. Маврикий воспользовался этим, принудив Хосрова заключить мир на невыгодных условиях, по которым, в частности, Иран передавал под власть Византии большую часть Иранской Армении⁴. После этого в отношениях двух держав наступило относительное затишье, вплоть до переворота 602 г., в результате которого власть в Византии захватил Фока, гекатонарх (сотник) имперских войск на Дунае. Император Маврикий и его семья были убиты, а Хосров II начал войну с Византией под благородным предлогом мести за своего благодетеля⁵. Эта война, длившаяся более четверти века, не прекратилась и после того, как виновник смерти Маврикия был свергнут, и на трон взошел Ираклий, экзарх Африки армянского происхождения.

С 604 г. до 620-х гг. военные предприятия Ирана были столь успешны, что Византия потеряла все свои восточные

---

¹ Добрые отношения Византии с тюрками установились еще во времена Юстина II, после того как император принял посольство от тюрок в 568 г. (Феофан Исповедник. Хронография. С. 54; Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т.1. Период I (до 527 г.). Период II (516—610 гг.). М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2001. С. 584—589).

² Та'рих ат-Табари. Т.1. С.280

³ Та'рих ат-Табари. Т.1. С.280; История Востока. Т.2. Восток в Средние века. М.: Восточная литература, 1995. С.31

⁴ Успенский Ф.И. Указ. соч. Т.1. С.590; Арутюнова-Фиданян В.А. «Повествование о делах армянских» (VII в.). Источник и время. М.: Индрик, 2004. С. 71.

⁵ Кулаковский Ю.А. История Византии. В 3 тт. Т. 3. 602—717 годы. СПб.: Алетей, 1996. С. 6

провинции. Однако ко второй половине своего правления Ираклию удалось резко переломить ситуацию, прежде всего благодаря военным реформам, а также привлечению к сотрудничеству элиты закавказских владений, на землях которых в основном и проходило византийско-иранское противостояние¹. Помимо армян, союзниками Ираклия на время стали лазы, абасги и ивиры. В 624 г. эта коалиция повела борьбу за Кавказскую Албанию, однако Хосров на тот момент имел явное преимущество в военной силе. Новые союзники покинули Ираклия, а сам он, по сообщению «Хронографии» Феофана, отступил «в земли гуннов и их теснины по гористым, непроходимым местам»². Подразумевается ли в этом случае «Царство гуннов» на северо-западе Прикаспия, известное по армянским источникам, или какую-то другую территорию — неизвестно. Но ясно, что отступил он на Северный Кавказ³.

Из «гуннских теснин» Ираклий вернулся невредимым и сохранил костяк армии, на основе которого в Армении было собрано новое войско, разбившее потом три иранские армии во главе с лучшими полководцами⁴. Следовательно, эти гунны не были враждебно настроены к Ираклию, а, скорее всего, стали его союзниками (иначе бы путешествия по горам закончились для императора плачевно). Эту гипотезу подтверждает позднейшее сообщение ал-Масуди, который упоминает среди союзников Ираклия племенные союзы Северного Кавказа и Прикаспия: алан, хазар, ас-сарир⁵. Следующий год стал также успешным для Византии: Ираклий совершил свой знаменитый переход в Месопотамию и вновь одержал победу над иранцами. Ответным ходом Хосрова стал союз с западными соседями Византии: аварами, славянами, булгарами и какими-то еще

---

¹ См.: *Усачева И.М.* Страны Закавказья в системе международной политики Византии (560—620-е гг.). Автореферат диссертации ... канд. ист. наук. Ереван, 1990. С. 19—21.

² *Феофан Исповедник.* Хронография. С. 58.

³ *Чичуров И.С.* О кавказском походе императора Ираклия // *Восточная Европа в древности и средневековье.* М., 1978. С. 261—266.

⁴ *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т.3. С. 88; *Успенский Ф.И.* Указ. соч. Т.2. Период III (610—716). Иконоборческий период (717—867). С. 45.

⁵ *Kitab at-tanbih wa'l-ischraf auctore al-Masudi.* С.157

племенами Северного Причерноморья¹. Коалиция в 626 г. осадила Константинополь, однако Ираклий тем временем нашел себе более могущественного союзника среди варваров. О данном союзе сохранилось немало источников, но если М.И. Артамонов, а вслед за ним современные тюркологи², однозначно полагают, что это был Западный Тюркский каганат³, то другие исследователи считают новых товарищей Ираклия хазарами⁴.

Согласно «Хронографии» Феофана, в 625/626 г. Ираклий направился в Лазику и оттуда «призвал к союзу восточных ту-рок, которых называют хазарами»⁵. Патриарх Никифор, использовавший тот же источник, о хазарах ничего не упоминает, хотя и описывает процесс заключения союза гораздо подробнее⁶.

«Бревиарий» Никифора был написан в 70—80-х гг. VIII в⁷. Феофан работал еще позднее, между 810 и 814 гг.⁸. Поэтому можно предположить, что в этих источниках имеются комментарии, целью которых было сделать описание событий давних лет более понятным для современников. Часто для это-

---

¹ *Феофан Исповедник*. Хронография. С. 58—59. Феофан называет гепидов, однако об участии этого этноса в последующей осаде Константинополя больше нигде не упоминается. Георгий Писида упоминает гуннов (*Георгий Писида*. Аварская война // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II (VII—IX вв.). М.: Восточная литература, 1995. С. 67), Константин Манассия — тавроскифов (*Лихачев Д.С.* Введение. // Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах. София, 1988. С. 5—10.). Участие в аварской коалиции обитателей Северного Причерноморья и Приазовья представляется вероятным: племена этого региона всегда играли значительную роль в политике Византии. Это была обычная практика еще с античных времен, когда Римская империя и полисы Причерноморья выясняли отношения силами скифских и сарматских племен.

² *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей. С. 102; *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. С. 157—159.

³ *Артамонов М.И.* История хазар. С. 204—206.

⁴ *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 87—88; *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения. С. 170—171; *Шагинян А.К.* Армения накануне арабского завоевания. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. С. 41—45.

⁵ *Феофан Исповедник*. Хронография. С.59.

⁶ *Никифор, патриарх*. Бревиарий. С.159—160.

⁷ Там же. С.147.

⁸ *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения. С.18.

го модернизировались неясные читателю этнонимы. Именно к вставкам такого рода может относиться приведенная выше фраза Феофана, написанная в то время, когда тюрки давно перестали принимать участие в закавказской и восточноевропейской политике, а Хазария, напротив, стала одной из заметных сил в регионе.

В пользу предположения о вставке говорит и словосочетание «*восточные турки*», лишенное смысла в данном случае: реальные восточные тюрки (Восточнотюркский каганат в Центральной Азии) в этих событиях участвовать не могли. На запад от Византии не было народа, который Феофан именовал бы «турками». Однако чуть раньше, рассказывая о союзниках Хосрова, упоминаются «западные гунны, которых называют аvaraми»¹.

Скорее всего, источник Феофана противопоставлял западных гуннов — авар восточным гуннам — тюркам. Автор «Хронографии» назвал этих тюрков хазарами, тем более что они упоминаются далее в качестве войска Зиевила, посланного против персов каганом тюрков². По данным Мовсеса Каланкатуаци, переговоры о союзе велись не с хазарами, а с неким «преемником царя севера, вторым человеком в его царстве, по имени Джебу-хакан», который находился в земле гуннов³ (а не хазар). Так же определяет Феофан статус Зиевила. В пользу отождествления этих двух лиц свидетельствует и дата их смерти — около 629—630 г.⁴. После заключения союза в 626 г., по Феофану, войска хазар под руководством Зиевила нападают на Адраиг (Иранский Азербайджан).

Армянские источники говорят в данной связи о «хазирах». Это свидетельствует в пользу большой роли хазар в тюркском войске, предоставленном в помощь Византии. Но руководство

---

¹ *Феофан Исповедник*. Хронография. С. 58.

² К. Цукерман, сопоставив «Хронографию» с более ранними армянскими источниками, также пришел к выводу о том, что использование Феофаном этнонима «хазары» по отношению к союзникам Ираклия является интерполяцией (*Цукерман К.* Хазары и Византия: первые контакты // МАИЭТ. Вып. VIII. Симферополь, 2001. С. 315—320).

³ *Мовсес Каланкатуаци*. С. 78.

⁴ Там же. С. 92—93. Повествование об этих событиях Каланкатуаци начинается с 629 г.

операцией осуществлялось не хазарами, а Джебу-хаканом, который на следующий год собрал полиэтническое воинство — всех, «кто находился под его властью, все племена и роды... бреющие головы или носящие косы»¹. В другом месте Джебу-хакан именуется властителем «звериных нравов народа косоносцев»². Рать Джебу-хакана выглядела как «множество людей безобразных и широкоскулых, без ресниц, которые с длинными, распущенными, как у женщин, волосами, мчались верхом на конях...»³ Сами хазары не производили такого впечатления на албанцев⁴. Подобные эмоции говорят о встрече с этносом совершенно чуждым, незнакомым (похожие описания сохранились о встрече жителей Европы с гуннами Аттилы).

Эти этнографические сведения подробно проанализированы еще М.И. Артамоновым, который на сопоставлении с китайскими и византийскими источниками выявил в составе войска тюрок азиатских степей (для них были характерны распущенные длинные волосы), «гуннские» и булгарские племена (косы и бритые головы соответственно)⁵. При этом тюркский авангард, судя по описаниям, был монголоидным. Так начался знаменитый поход Ираклия. Итогом его стал разгром персов и закат Сасанидского Ирана, точку в истории которого шестнадцать лет спустя поставили арабы. Этот поход много раз исследовался, но до сих пор его подробности остаются неясными⁶. Однако несомненно, что «варварский» союзник Ираклия сыграл в этом походе огромную роль. Именно тюрки и подвластные им племена Предкавказья, в первую очередь хазары, нанесли основной удар по Кавказской Албании и Иранскому Азербайджану, где находился Ганзак (Шиз) — важнейший религиозный центр иранцев.

Помимо Джебу-хакана (ябгу-кагана), в источниках упоминаются и другие должности в системе иерархии тюркских ка-

---

¹ Там же. С.78.

² Там же.

³ Там же.

⁴ О хазарских набегах Каланкатуаци упоминает еще под 551 г. (Там же. С. 71).

⁵ Артамонов М.И. История хазар. С. 218—219.

⁶ Фрай Р. Наследие Ирана. М.: Вост. лит., 2002. С. 326

ганатов: шад и тудун¹, известные впоследствии в Хазарском каганате. Но наибольший интерес представляет в данном случае титул ябгу-кагана, который был традиционным для правителей Западного каганата. Этот изначально военный титул был заимствован тюрками из кушанской политической иерархии через посредничество эфталитов². Ябгу-каганы западной ветви династии Ашина считались младшими по отношению к каганам восточной ветви и действительно являлись следующими по чину, только после правителя сначала единого, а потом Восточного Тюркского каганата, которого упоминает Каланкатуаци как «царя севера». Поход Ираклия в Закавказье, в связи с которым упоминается ябгу-каган, совпадает по времени с правлением Тон-ябгу-кагана (618—630 гг.), которое стало периодом максимальной территориальной экспансии Западного Тюркского каганата.

Именно Тон-ябгу установил строгий политический контроль каганата в тех землях, которые лишь номинально считались подчиненными. Поэтому вряд ли есть основания утверждать, что хазары вели самостоятельную политику, и именно их правитель носил титул ябгу-кагана. Ни одно сообщение источников не исключает личного участия Тон-ябгу в войне Ираклия против персов. Все сообщения, в которых ябгу-каган назван правителем хазар, являются поздними и (или) написаны в отдаленных от места событий областях³. Присвоение же титула «ябгу-кагана» одним из подчиненных (пусть формально) правителей в период расцвета Западного каганата было крайне рискованно. Учитывая то, что известно о стиле правления Тон-ябгу в Средней Азии, можно предположить, что последствия для главы хазар были бы крайне печальны.

В источниках фигурирует и некий Шад, который был племянником «царя севера» (очевидно, кагана восточных тюрков,

---

¹ Мовсес Каланкатуаци. С. 81, 90, 92 и др.

² Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. С. 86, 113.

³ Трудность интерпретации этнонимов хорошо показывает сопоставление «Хронографии» Феофана и «Бревиария» Никифора. Последний называет союзников Ираклия в Закавказье тюрками, хотя и знает как отдельный этнос хазар (Чичуров И.С. Указ. соч. С. 159—160, 165).

который продолжал занимать верхнюю строчку в тюркской иерархической системе) и сыном ябгу-кагана¹. Шад известен в иерархии Первого Тюркского каганата как верховный предводитель «стрелы» десятистрельного союза и командующий туменом, который выставляла каждая «стрела» в случае войны. «Стрела» фактически являлась племенным союзом, возглавляемым шадом, подчинявшимся ябгу-кагану². Поскольку в источниках о событиях византийско-иранской войны упоминаются не только хазары, но также тюрки и «гунны», есть основания предполагать, что этот шад стоял во главе объединения, включавшего территории северо-восточного Предкавказья и северо-западного Прикаспия. Такими полномочиями данный представитель обладал лишь в пределах того надплеменного подразделения, в которое входили хазары и, вероятно, ряд других племен Северного Прикаспия и Предкавказья. Практика такого «наместничества» известна у кочевников со времен империи хунну до номадов Нового времени³. В полиэтнической степной империи, как правило, власть принадлежала одному племени. В отношениях с остальными племенами глава империи опирался на своих соплеменников, которых ставил наместниками над несколькими племенами-вассалами. При этом местные вожди сохраняли свою власть и были относительно автономны. Именно отсюда происходят и корни хазарского «двоевластия», известного по более поздним источникам. Титул

---

¹ Мовсес Каланкатуаци. С. 81, 93.

² Впоследствии титул «ябгу» использовался правителями таких тюркских племенных союзов, как карлуки и гузы (Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l Kasim Obaidallah Ibn Abdallah Ibn Khordadbeh et Excertpta e Kitab al-Kharadj auctore Kodama Ibn Dja'far. С. 16; *Al-Katib al-Khowarezmi*. Abu Abdallah Mohammed ibn Ahmed ibn Jusof, Liber A'afatih al-Olum explicans Vocabula technica scientiarum/Ed. J. Van Vioten. Lugduni Batavorum, 1895. Р. 120; Та'рих *ам-Табари*. Т.4. С.1289, 1293, 1397 и др.). Но эти данные относятся ко времени много позже падения Западного Тюркского каганата.

³ Бичурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб.: Типография Мед. Департамента МВД, 1834. С. 132—133; Чернышев А.И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М.: Наука, 1990. С. 62; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. — Алма-Ата: Рауан, 1992. С. 95—96; Крадин Н.Н. Империя Хунну. С.192.

шада позже был сохранен во властной иерархии хазар, уже после образования Хазарского каганата. Тогда шад стал вторым лицом в потестарном образовании, а правитель хазар принял титул хакана.

Упоминание Каланкатуаци *тудуна* также показывает, что Северо-Западный Прикаспий находился в зависимости от Западнотюркского каганата. По китайским источникам известно, что в рамках усиления контроля над подвластными территориями Тон-ябгу-каган направил во все владения тудунов, которые должны были ревизовать сбор податей и отправление дани в ставку кагана¹.

Таким образом, нет достаточных оснований для датировки образования независимого Хазарского объединения 20—30-ми гг. VII в. Напротив, есть сведения, которые могут указывать на включенность хазар в структуру Западного Тюркского каганата, в рамках которого начинала формироваться та система власти в Хазарии.

Но подчинение в рамках «степной империи» не противоречило автономии ее отдельных частей. Согласно Мовсесу Каланкатуаци, шад вел переговоры с шаханшахом Хосровом II, имел полномочия направлять к нему посольства и принимать ответные². Становлению хазарского потестарного объединения способствовало и участие хазар в «большой политике», которое всегда оборачивалось для небольших кочевых союзов крупными денежными поступлениями. Последние, в свою очередь, давали толчок процессу укрепления властных структур в условиях «престижной экономики» кочевого вожества³.

Дорогу же к формированию Хазарского каганата открыл распад Великой Булгарии, которая в течение полувека контролировала северо-восточное Причерноморье. Это событие произошло, по данным источников, в 670-х гг. Только после исчез-

---

¹ *Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux* // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып. VI. СПб., 1903. С. 24.

² *Мовсес Каланкатуаци*. С. 84—90.

³ *Крадин Н.Н.* Особенности классовобразования и политогенеза у кочевников // Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития. М., 1991. С. 306—320; История первобытного общества. Эпоха классовобразования. М.: Наука, 1988. С. 121—123.

новения этого могущественного политического образования хазары начали «безнаказанно»¹ совершать набеги на византийские владения в Крыму. Термин «безнаказанно», примененный патриархом Никифором, дает основания говорить о дружественных отношениях между Византией и Великой Булгарией, не позволявшей проникать к византийским рубежам. Хазары подчинили себе булгарскую орду Батбаяна, кочевавшую на территории между Нижним Доном и Кубанью, и заставили этих булгар выплачивать дань².

Согласно «Армянской географии», черпавшей сведения из хазарских источников (в отличие от византийцев, записавших булгарскую версию), это была орда Аспаруха. Интересна ее локализация: эта орда занимала Гиппийские, или Болгарские, горы, которые находились возле Итиля, где эта река поворачивает к востоку и образует дельту с семьюдесятью рукавами. Как показал М.И. Артамонов, Гиппийские горы соответствуют Ергеням вместе со Ставропольской возвышенностью³, т.е. речь фактически идет о той же орде Батбаяна. Орда Батбаяна была первым «приобретением» хазар, зафиксированным источниками. Вообще, военные действия против территорий с кочевым населением характерны для всех кочевников на любой стадии развития общественных структур. Первые шаги всех кочевых империй Евразии были направлены именно против соседей с аналогичным укладом. Их грабили во время набегов, захватывали скот и пастбища, вытесняли с территорий⁴. Если подчинение осуществляло потестарное объединение со сложившейся управленческой структурой, на зависимых кочевников налагалась всеобщая воинская повинность, взимался налог-дань, а во главе нового улуса ставился наместник из рода вождя победителей. Поэтому важно, что Батбаян был оставлен во главе племенного союза, хотя, судя по источникам, оказал сопротивление. Это свидетельствует о том, что механизмы эксплуатации в Хазарском племенном союзе находились на ранней стадии раз-

---

¹ Никифор, патриарх. Бревиарий. С.162.

² Феофан Исповедник. Хронография. С.62.

³ Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936. С. 45—48.

⁴ Васютин С.А. Типология потестарных и политических систем кочевников // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002. С. 88.

вития и еще не прошли этап оформления. Условия в таком случае не могли быть слишком жесткими: сильное давление на кочевников могло привести к откочевке или к применению ответного насилия, поскольку каждый номад был одновременно и воином¹. Но захват соседней территории, вызванный благоприятными внешними обстоятельствами, не являлся решающим в образовании степной империи. Более значительную роль в этом процессе сыграли арабские войны VII–VIII вв. на Кавказе.

Арабская экспансия на Кавказе и возвышение Хазарии

Появление арабов в Закавказье относится к начальному периоду завоеваний, когда мусульманские армии в борьбе с Византией и Сасанидским Ираном захватили Сирию, Палестину, Месопотамию и шла борьба за Египет. Слабость двух великих держав позволила арабам уже в 640 г. проникнуть в Закавказье, где ими была взята столица Армении Двин. При халифе Усмани волна завоеваний хлынула далеко на восток и запад. К 653 г. были завоеваны остатки Сасанидской империи: последний Сасанид Йездигерд III погиб под Мервом, а в Закавказье арабы захватили город-крепость Дербент. Согласно ат-Табари, далее завоеватель Дербента, полководец Абд ар-Рахман, направился от Дербента в поход на тюрок (*ат-турк*), к городу Баланджару, причем арабский полководец прямо обозначил именно эту цель в разговоре с Шахрваразом, персидским комендантом Дербента. Город был захвачен, после чего арабы дошли до ал-Байда' в земле тюрок в 200 фарсах от Баланджара, по пути обращая местное население в ислам, и благополучно вернулись в Дербент². Поход датируется ат-Табари

---

¹ См.: *Khazanov A.M.* Nomads and the Outside World. Cambridge, 1984; *Barfield T.* The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757. Cambridge, 1992; *Крадин Н.Н.* Кочевые общества. Владивосток, 1992. Ярким примером может служить откочевка племени каваров из Хазарского каганата в IX в. (*Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989. С. 163).

² Та'рих *ат-Табари*. Т.2. С. 722—723. Ат-Табари не определяет четко ал-Байда' как город или местность. 200 фарсахов (около 1200 км) — цифра скорее умозрительная, аллегория очень далекого пути (пройдя реальные 200 фарсахов, арабы должны были оказаться на Средней Волге или на Дону, встретив по пути множество племен, о которых, однако, ничего не упоминается).

22 г.х. (642/643 г.), и это не противоречит историческим реалиям. Арабские войска после захвата Армении, а также Азербайджана и Мукана¹ могли совершать и более глубокие вылазки, неожиданность которых определяла их успех.

В 653/654 г. Абд ар-Рахман (по другим источникам, его брат Салман)² совершил второй поход на Баланджар, где арабы были разбиты баланджарами и тюрками, а их предводитель убит, причем тело его после гибели было помещено местными жителями в корзину/ ларец (*сафат*)³ как обладающее магическими свойствами⁴. Эта легенда, по оценке исследователей,

---

¹ Бунятов З.М. Азербайджан в VII—IX вв. Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1965. С.81.

² Liber expugnationis regionum auctore Imamo Ahmed ibn Jahja ibn Djabir *al-Beladsori* / Ed. M.J. de Goeje. — Leiden: Brill, 1865. С.204; Ал-Куфи. Ал-Футух. Т. 2. Ч. 3—4. Бейрут: Дар ал-Кутуб ал-‘Илмийа, 1406/1986.

³ Л.М. Гмыря находит подтверждение этому сообщению в материалах Верхнечирюртовского комплекса, который отождествляют с Баланджаром. В катакомбных погребениях курганного могильника VII в. выявлены остатки 22 гробов, изготовленных из камышовых жгутов, скрепленных древесными прутьями, т.е. имеющих характер «корзины» (Гмыря Л.Б. Обряд вызова дождя в стране гуннов Прикаспия в VII в. н.э. по данным армянских и арабских источников // Древнетюркский мир: история и традиции. Материалы научной конференции. Казань, 24—25 января 2001 г. Казань, 2002. С. 36).

⁴ Та’рих *ат-Табари*. Т. 2. С. 723, 779. Ат-Табари помещает эту легенду сначала под 22 г.х. в сокращенном виде, потом описывает и второй поход на Баланджар под руководством Абд ар-Рахмана в 32 г.х., приводя более подробно легенду о поклонении телу уже по другому источнику (Та’рих *ат-Табари*. Т. 2. С. 778). Ал-Куфи (Ал-Куфи. Ал-Футух. Т.2. Ч. 3—4) упоминает при описании этих событий хакана хазар во главе 300-тысячного войска, а легенду о телах заменяет кратким сообщением о том, что могилы Салмана и «всех, кто был с ним» известны в Баланджаре как «могилы мучеников». О хазарах и их хакане говорит и ал-Балазури (*Al-Beladsori*. С. 203—204). У ат-Табари хакан отсутствует, вместо хазар — тюрки. Однако ряд деталей похода Салмана в трактовке ал-Куфи и ал-Балазури фактологически и даже текстологически совпадают с описанием похода на хазар ал-Джарраха, который состоялся в 722/723 г.: после перехода арабским войском Куры полководец останавливается у р. Рубас и заручается поддержкой «владык гор», а прибыв в Дербент, не застает там «ни одного человека из хазар» (*Al-Beladsori*. С. 203—204; Ал-Куфи. Ал-Футух. Т.2. Ч. 3—4; Т. 4. Ч. 7—8. С. 260). Кроме того, в походах Салмана и ал-Джарраха ал-Куфи упоминает один и тот же хазарский город (в разном написании — Бар’уфа, Йаргу), который известен другим авторам только в походе ал-Джарраха (*Ibn-el Athire chronicon, quod perfectissimum inscribitur* / Ed. C.T. Tornberg. — 14 Bde. Lundunum Batavorum, 1851—1876. V.5. С. 84). Та-

«немусульманская» по характеру и заимствована из рассказов попавших в Дагестан арабских воинов или из каких-то местных фольклорных источников¹. Бытование у местных жителей подобных легенд подтверждает в определенной степени достоверность описанных событий, в том числе и неудачу арабов в походе на Баланджар. По данным Бал'ами, чье сочинение является переработкой несохранившейся полной редакции труда ат-Табари, в этой войне против арабов выступила коалиция племен Северного Кавказа, среди которых упоминаются хазары, аланы и тюрки².

Ат-Табари приводит несколько вариантов рассказа о поражении под Баланджаром. По двум из них, арабы вообще воевали с тюрками. Когда осада Баланджара закончилась для арабов бегством, одна часть отступала к Дербенту, преследуемая тюрками, а другая группа — через землю хазар до Гиляна и Джурджана³. Т.е. один отряд шел на юг, второй — на север и далее морем до южного побережья Каспия. Арабам удалось не только пройти невредимыми через незнакомые территории, но и сесть на корабль! Подобный маршрут возможен, только если хазары не принимали участия в битве на стороне тюрков и жителей Баланджара. В третьем варианте утверждается, что события относятся ко времени, «когда шли чередой походы на хазар». Далее имя народа, с которым воевали арабы при Баланджаре, не упоминается, но также приводится путь отступления через хазарскую землю⁴. О подчинении Баланджара хазарам ат-Табари ничего не упоминает.

ким образом, в рассказе о походе Салмана у этих авторов прослеживаются две части: одна заимствована из похода ал-Джарраха, другая в целом совпадает с ат-Табари (о смерти полководца). На позднее происхождение версии ал-Куфи указывает и нереальное соотношение численности сил хазар и арабов — триста тысяч против десяти.

¹ *Шихсаидов А.Р.* Об источниках «Дербенд-Наме» // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып.2. М., 1994. С. 154.

² *Дорн Б.* Известия о хазарах восточного историка Табари // ЖМНП. 1844. Ч. XLIII. №7—8. С. 14.

³ Та'рих ат-Табари. Т. 2. С. 779.

⁴ Там же.

Составитель знаменитого «Словаря стран» Йакут ал-Хамави (XIII в.), ссылаясь на ал-Балазури и другие (неназванные) источники, определяет Баланджар как город в стране хазар, но в рассказе об этих трагических для арабов событиях тоже упоминает лишь тюрок¹. Хазары рядом с тюрками вообще упоминаются ат-Табари только под 752—753 г². Не знают хазар в качестве главных действующих лиц событий на Кавказе в VII — начале VIII в. и другие ранние арабские авторы. Например, в сочинении Халифы ибн Хаййата ал-‘Усфури «Та’рих» в VII в. противниками мусульман являются тюрки, а в VIII в. на Кавказе вместе с тюрками действуют хазары³. Таким образом, в рассказе о событиях под Баланджаром упоминание некоторыми авторами хазар во главе с каганом является поздней интерполяцией. Кроме того, необходимо обратить внимание, что военные действия разворачивались на северо-востоке Предкавказья, т.е. арабы вторгались на земли хазар, а не алан. Поэтому естественно, что хазары были одними из наиболее активных участников событий.

Обычно доминирование хазар в Предкавказье к началу арабо-хазарских войн аргументируется более частыми упоминаниями этого племенного союза по сравнению с другими. Но в источниках VII в. главными действующими лицами на кавказской политической сцене называются тюрки и гунны. Так, Каланкатуаци, помимо хазар, продолжавших набеги на Албанию, упоминает царя гуннов (называемого «царем туркестанским»), который в середине VII в. заключил договор с албанским князем Джуаншером⁴. Мовсес Каланкатуаци, подробно описывая нападение варваров на Албанию, называет их гуннами и повествует о взаимоотношениях правителя гуннов Алп Илитвера с наместником Кавказской Албании⁵.

---

¹ Йакут ал-Хамави. Му‘джам ал-Булдан. Т. 1. С. 489—490.

² Та’рих ат-Табари. Т. 4. С. 1540, 1542.

³ Бейлис В.М. Сообщения Халифы ибн Хаййата ал-‘Усфури об арабо-хазарских войнах в VII — первой половине VIII в.// ДГ. 1998. М., 2000. С. 35—43.

⁴ Мовсес Каланкатуаци. С.100, 102—103.

⁵ Мовсес Каланкатуаци. С. 122—127.

Начиная с М.И. Артамонова, многие исследователи считают Алп Илитвера вассалом хазарского *кагана*, которого отождествляют с «каганом туркестанцев» и «царем севера», которого упоминает Каланкатуаци¹. Имя предводителя гуннов — это титул, известный у центральноазиатских племен (из древнетюркского *alp elteber / iltavar*; в буквальном переводе «герой-эльтебер»). Титул *эльтебер* не был «царским». Он был обычен для Центральной Азии тюркского времени применительно к вождям крупных племен и племенных союзов, *сохранивших полную независимость*. Среди огузских племен *иркин* лишь самые могущественные вожди уйгуров были эльтеберами². Соответственно, титул эльтебера у главы гуннов Кавказа свидетельствует не о его зависимости от какого-либо верховного правителя, но лишь о признании им большей силы и влияния соседних с ним племенных союзов, таких как, например, Великая Булгария или Хазария³.

О самостоятельной политике Алп Илитвера говорит и принятие племенной верхушкой гуннов христианства, после чего вождь обратился к князьям и епископам Армении и Албании с просьбой об установлении в царстве гуннов епископства⁴. С другой стороны, уже после крещения и политического союза с Албанией Алп Илитвер «снискал себе великолепное имя доблестное, совершив многие подвиги храбрости в Туркестане при хакане хазиров, он снискал любовь хакана, и тот выдал за него свою дочь»⁵.

---

¹ Артамонов М.И. История хазар. С. 256—260; Плетнева С.А. Хазары. М., 1986. С. 34—35.

² Кляшторный С.Г. «Народ Аспаруха», гунны Кавказа и древнетюркский Олимп // ДГ. 1998. М., 2000. С. 122.

³ Ср., например, в Европе соотношение титулов «король» и «император».

⁴ Мовсес Каланкатуаци. С. 122—127, 133—135. Посольство к гуннам епископа Исразла, после которого началась христианизация гуннов, датируется Каланкатуаци 62 г.х., т.е. 681/682 гг. Перенос даты на 684—685 гг., сделанный С.Т.Еремянном на основе сообщений армянских источников о набегах хазар, представляется некорректным (Еремян С.Т. Моисей Каланкатуйский о посольстве к хазарскому хакану Алп-Илитверу // Записки ИВ АН СССР. — Вып. VII. М.-Л., 1939. С. 137).

⁵ Мовсес Каланкатуаци. С. 199. Ранее это сообщение переводилось иначе, что давало основание говорить о зависимости царства гуннов от хазар: Алп

Таким образом, хазарский правитель все же обладал большим политическим весом на Кавказе и заполучить его дочь в жены, видимо, считалось за честь. Кстати, важно, что не хахан женился на дочери Алп Илитвера (тогда можно было рассматривать этот брак как взятие знатной заложницы), а наоборот. В кочевом мире браки такого рода являлись договором о мире, а не признанием зависимости одной общности от другой¹. Хазарского правителя начинают воспринимать как преемника кагана тюрок в регионе именно в это время. «Подвиги» же в Туркестане Алп Илитвер имел возможность совершить, будучи союзником хазар в антибулгарской кампании после развала Великой Булгарии.

Царство гуннов и связанные с ним города, Самандар и Варачан, настолько подробно описаны в армянских и арабских источниках, что это дало возможность исследователям уверенно локализовать этот этнополитическое образование в районе Терско-Сулакского междуречья². На этом пространстве были обнаружены многочисленные археологические памятники, включая обширные поселения, крепости и могильники VII—VIII вв.

Облик материальной культуры полиэтничного Царства гуннов свидетельствует в пользу его независимости в VII в. и относительной самостоятельности в VIII в. Об этом говорит хотя бы существование обособленной высшей страты, хронившей в подкуранных катакомбах. Основным населени-

---

Илитвер «показал много подвигов храбрости в Туркестане хазарскому хану. Он успел снискать его любовь и **принужден** (выделено мною. — Е.Г.) был дать ему дочь свою в супружество, а сам, достигши почетной старости, прославлен был в трех странах» ([*Моисей Каганкатвацци*]. История агван Моисея Каганкатвацци, писателя X в. / Пер. К. Патканова. СПб., 1861. С. 207—213). «Три страны» — это царство гуннов, Албания и «Туркестан», под которым автор уже явно подразумевал не далекие страны тюрок в Средней и Центральной Азии, а территории северо-западного Прикаспия.

¹ Васютин С.А. Указ. соч. С.93.

² Некоторые исследователи включают также узкую полосу побережья Каспийского моря от Терека на юг, почти до Дербента. Подробнее об этом см.: Гмыря Л.Б. Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала, 1995; Артамонов М.И. История хазар. С. 253—268; Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI—XII вв.). М.: Вост. лит., 2003. С.151—157 и др.

ем царства были этнические аланы и позднегуннские племена, близкие булгарам. Что касается социальной верхушки, то она представляла собой результат миксации местных иранцев (вероятно, маскутов) с пришлыми «гуннами». На это же указывает и пантеон гуннов, зафиксированный Каланкатуаци: два основных божества имеют иранское и тюркское происхождение¹. Обнаружены и следы христианизации гуннов Алп Илитвера — две небольшие церкви, которые были, вероятно, разрушены арабами в начале VIII в.²

Но в конце VII в. арабская экспансия на Кавказе была приостановлена, поскольку внутри халифата началась смута. По смерти Му'авии в 680 г. потомки Али заявили свои претензии на престол. Политический кризис в Халифате продолжался до 692 г., когда халифу Абд ал-Малику удалось уничтожить основные силы оппозиции и восстановить единство империи. Естественно, в эти 12 лет арабам было не до завоевательных походов. Этим воспользовались хазары, напав в 684 г. на значительно ослабленные (но не разграбленные до конца) страны Закавказья. Тогда степняки захватили громадную добычу, увели массу пленных³. Этот поход позволил хазарам принудить правителя Албании Вараз-Трдата выплачивать дань (помимо хазар, «подать» с Албании получали арабы и Византия). После этого на краткий период Византия восстанавливает господство над Арменией и Албанией, но очередная борьба за власть в византийской элите не дала возможности удержать данный регион. Уже в 692/693 г. источники упоминают арабского правителя Армении, который распространяет свою власть до Дербента включительно⁴. В 701/702 г. арабы окончательно покорили Армению и установили там жесткий оккупационный режим, вызвавший несколько восстаний, которые были поддержаны Византией, но окончились неудачно⁵. Дербент еще несколько раз

---

¹ См. об этом: *Кляшторный С.Г.* «Народ Аспаруха», гунны Кавказа и древнетюркский Олимп.

² *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. С. 184.

³ [*Вардан Великий.*] Всеобщая история *Вардана Великого*. М., 1861. С. 90; [*Гевонд.*] История халифов вардапета *Гевонда*, писателя VIII в. / Пер. с армянского К. Патканьяна. СПб., 1862. С. 10.

⁴ *Мовсес Каланкатуаци.* С. 160.

⁵ *Тер-Гевондян А.Н.* Армения и Арабский халифат. Ереван, 1977. С. 72—77.

переходил из рук арабов к местным племенам и наоборот, ибо арабские источники по крайней мере трижды за двадцать лет сообщают о взятии Дербента.

К концу VII — началу VIII вв. относятся события в другом регионе, которые в немалой степени, видимо, повлияли на расстановку сил среди племенных союзов Предкавказья. После распада Великой Булгарии и захвата хазарами в последней четверти VII в. части территории этого политического объединения¹, хазары оказались в кон. VII — нач. VIII в. в центре внутривизантийских событий в Византии.

В 695 г. в Херсон был сослан свергнутый император Юстиниан II. Находясь в далекой провинции, опальный политический деятель продолжал вести интриги в целях возвращения престола. Жители Херсона, опасаясь репрессий со стороны Константинополя, решили сдать Юстиниана византийскому василевсу или убить его. Узнав о грозящей опасности, Юстиниан бежал в столицу Крымской Готии Дорос и попросил «политического убежища» в Хазарии. Хазарский хакан удовлетворил просьбу и дал Юстиниану в жены свою сестру, нареченную в христианстве Феодорой. После этого из Константинополя явился к хакану посол, предлагавший множество даров за выдачу или убийство Юстиниана. Предупрежденный своей женой, политик бежал в Дунайскую Болгарию, вступил в союз с болгарским ханом Тервелем и с помощью его воинов в 705 г. вернул себе императорский трон. После этого, очевидно, Херсон отложился от Византии и передан под защиту хазар, т.к. под 711 г. в византийских источниках упоминается «тудун — архонт Херсона, бывший там от лица хагана»².

---

¹ *Пиоро И.С.* Крымская Готия. (Очерки этнической истории населения Крыма в позднеримский период и раннесредневековое время). Киев: Лыбидь, 1990. С. 62—64.

² *Феофан Исповедник.* Хронография. С. 64. И.А. Баранов и В.Е. Науменко полагают, что в 705—711 гг. в Херсоне существовал режим византийско-хазарского «двоевластия» (*Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990. С. 146—148; *Науменко В.Е.* Хазарский «тудун» в Херсоне в начале VIII в.: византийская версия // МАИЭТ. Вып. X. Симферополь, 2003. С. 427—439). Однако хазары совершенно явно приняли сторону херсонитов в их конфликте с Константинополем. Если и можно говорить о «двоевластии», то это скорее было сотрудничество верхушки общины Херсона с хазарами, чем и

Юстиниан организовал карательный поход на мятежный город, в ходе которого Херсон был разграблен и сожжен, «знатные мужи» изощренно казнены, а хазарская администрация пленена и отправлена к василевсу. Однако вскоре херсониты подняли новое восстание против Юстиниана. Возглавить восстание пригласили опального столичного вельможу армянского происхождения Вардана, который был направлен в ссылку в Херсон. Граждане Херсона провозгласили Вардана, принявшего имя Филиппика, императором. Флот Вардана-Филиппика со значительным хазарским подкреплением двинулся на Константинополь. Юстиниан, бывший тогда в Малой Азии, отдал приказ освободить пленных хазар, принести извинения хакану и начать мирные переговоры с Херсоном. Охранять тудуна и его свиту были направлены 300 греческих воинов. Но жители Херсона отказались от переговоров, а хазарских пленников вместе с византийской охраной выдали хазарам и отослали хакану¹.

Очередная смута в Византии принесла хазарам немалые «дивиденды» — был установлен контакт с главной политической силой на Черном море. Для Византии была очевидна выгода традиционного использования кочевников в решении внутренних проблем, и хазары для этого подходили не хуже сарматов, оногуров и булгар в прежние времена. После захвата престола Варданом-Филиппиком в 711 г. Херсон вернулся в лоно империи, а хазары могли не опасаться за свои боспорские и кубанские владения. Особенно пригодились Византии новые союзники в борьбе с Арабским халифатом в Закавказье, когда действия «тюрок», несомненно, подпитывались и направлялись Византийской империей. Византийские источники проявляют поразительную осведомленность о набегах хазар, причем повествование идет в панегирическом по отношению к последним стиле².

объясняется упоминание в источниках и хазарского «тудуна», и традиционно византийских названий должностных лиц.

¹ Там же. С. 64—65.

² Феофан *Исповедник*. Хронография. С. 66—68; Никифор, *патриарх*. Бревиарий. С. 166—167). Таким финансовым влиянием, был, несомненно, известный по источникам акт женитьбы сына императора Льва Исавра на се-

Как раз в это время возобновляются завоевательные походы арабов на Византию и в других направлениях. При сыне Абд ал-Малика, ал-Валиде (705—715), были завоеваны территории Средней Азии, в том числе и земли между Амударьей и Сырдарьей, почти полностью покорен Пиренейский полуостров. В 715 г. сын Абд ал-Малика, Маслама начал осаду Константинополя, длившуюся до 717 г. Второе десятилетие VIII в. без преувеличения можно назвать апогеем политического могущества Халифата. Кавказское направление являлось одним из приоритетных во внешней политике Халифата, поскольку напрямую было связано с наступлением на Византию. События в этом регионе восстанавливаются с привлечением арабских и армянских источников, часто противоречащих друг другу, особенно в хронологии.

Маслама, в 709—732 гг. почти непрерывно бывший наместником севера, попеременно совершал походы на Византию и на Кавказ. Причем во время византийских походов племена Кавказа, именуемые в источниках тюрками, гуннами и хазарами, возвращали себе захваченные арабами территории. Эти племена к 89 г.х. (708—709 гг.) сумели не только вернуть позиции в Закавказье, завоеванные в свое время тюрками, но и расширить влияние. Мовсес Каланкатуаци сообщает, что в 158 г. армянского летоисчисления (709 г.) «князь хазиров» с 80-тысячным войском захватил Кавказскую Албанию¹. В ответ на эту акцию Маслама пошел в поход «на тюрков», воюя с ними, пока не достиг Дербента со стороны Азербайджана, после чего «завоевал там крепости и города»². Очевидно, речь идет о многочисленных крепостях и городищах Приморского Дагестана. Однако эти завоевания на деле были лишь набегам, после которых все возвращалось на круги своя.

В 713/714 г. Маслама, в очередной раз взяв Дербент, приказал разрушить крепостные стены Баб ал-Абваба, не надеясь удержать за собой этот город. Однако как только Маслама «с большими трофеями» покинул Дербент, хазары вернулись в

стре кагана в 732 г. (в то время выкуп за невесту достигал фантастических размеров, см. ниже).

¹ Мовсес Каланкатуаци. С. 161.

² Та'рих ат-Табари. Т. 4. С. 1287.

город. Ал-Куфи в рассказе о взятии Масламой Дербента и изгнании оттуда хазар также определяет численность хазар — 80 тыс., добавляя, что в Дербенте жили еще их жены и дети¹. Очевидно, за эти годы в Баб ал-Абвабе появился уже постоянный гарнизон, тюрко-гунно-хазарский². Причем они не завоевывали Дербент силой. Во-первых, об этом не сообщают источники. Во-вторых, жители города всегда имели возможность просить о помощи южных соседей, так желавших заполучить эту стратегическую точку. Но этого сделано не было. Поэтому логично предположить, что гарнизон был приглашен для защиты города именно от мусульманской экспансии. После этого набегов тюрков на южное побережье Каспия, принадлежащее Халифату, продолжались с завидной регулярностью, благо плацдарм для походов был на границе с владениями арабов³.

Возможно, эти регулярные рейды дали основание географу IX в. Ибн Хордадбеку утверждать, что Кавказской Албанией, Джурзаном и Сисаджаном до арабов владели хазары⁴. Хотя нападения были отбиты, обстановка требовала принятия кардинальных мер, ибо кавказские провинции не являлись благонадежными и могли когда-нибудь воспользоваться помощью кочевников в борьбе за независимость.

В 722/723 г. временно заменивший Масламу ал-Джаррах ибн Абдаллах ал-Хакими отправился в Азербайджан. Узнав, что движется большое войско, хазары «стали убегать, пока не достигли города Баб ал-Абваб»⁵. Из этого сообщения ал-Куфи

---

¹ Абу Мухаммад Ахмад ибн А'сам *ал-Куфи*. Ал-Футух. Т. 3. Ч. 5—6. Бейрут: Дар ал-Кутуб ал-'Илмийа, 1406/1986

² Если ат-Табари называет тюрков, то ал-Куфи и Каланкатуаци — хазар, а Левонд — гуннов (История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII в. / Пер. с армянского К. Патканьяна. СПб., 1862. С. 27—28). Левонд вообще подробнее описывает события, чем другие авторы, упоминая один из титулов этого племенного союза — *тархан*, которого ожидал каган с военным подкреплением для борьбы с Масламой.

³ Та'рих *ат-Табари*. Т. 4. С. 1322—1325, 1330

⁴ Джурзан — территории, заселенные грузинами, Сисаджан — область между р. Аракс и оз. Севан (Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l Kasim Obaidallah Ibn Abdallah *Ibn Khordadbeh*. С. 122).

⁵ *Ал-Куфи*. Указ. соч. Т. 4. Ч. 7—8. С. 260.

можно заключить, что за время отсутствия арабов хазары продвинулись вниз по Прикаспийской низменности, до Дербента, где находился их гарнизон. Таким образом, они захватили самые выгодные с экономической точки зрения территории — выход к морю и путь на юг в Халифат. Так в их руках оказались рычаги давления на горские племенные союзы Восточного Кавказа. Но горцы в то время были независимы от хазар. Добравшись до р. Рубас в двух фарсах от ал-Баба, ал-Джаррах связался с «владыками гор» (*мулук ал-джибал*), которые вскоре прибыли к нему с подкреплением¹. До этого момента вожди горцев — Лакза, Табарсарана, Филана — очень редко фигурировали в рассказах о приморских территориях. Отныне они становятся активными участниками событий. Это указывает на расширение притязаний Халифата на Кавказе, а также на то, что горцы были недовольны хазарским контролем над «Каспийскими воротами». Ал-Джаррах продвинулся на север до города Баланджар. Еще в кон. VII в. этот пункт, построенный, по легенде, Ануширваном², возможно, был столицей царства гуннов³. В 20-х гг. VIII в. Баланджар уже воспринимается источниками как хазарская крепость. Это свидетельствует об усилении влияния хазар в регионе и о подчинении им гуннов Кавказа. Кроме того, источники знают и другие *хазарские города* — Хасин и Бар‘уфа (Йаргу)⁴. Именно с кон. VII — нач. VIII в. хазары вытесняют тюрок и гуннов с исторической арены на Кавказе, а в аутентичных источниках начинает применяться титул «каган» непосредственно по отношению к главе Хазарии.

Баланджар был взят, причем действия хазар представляли собой классику кочевой обороны, когда крепость была окружена повозками. Разумеется, линия обороны была весьма быстро устранена, и Баланджар был взят. Действия хазарских стратегов свидетельствуют о том, что им, возможно, приходилось брать города, а не защищать их. Основной силой баланджар-

---

¹ Там же.

² *Ibn Khordadbeh*. Op.cit. С. 123.

³ *Кляшторный С.Г.* «Народ Аспаруха», гунны Кавказа и древнетюркский Олимп. С. 123; *Мовсес Каланкатуаци*. С. 124, 130, 132.

⁴ *Ал-Куфи*. Указ. соч. Т. 4. Ч. 7—8. С. 262.

цев было войско кочевников, явно не проживавших ранее в городе. Поэтому если и находился Баланджар в хазарской земле, то недавно, и хазары еще не успели освоиться.

Однако плененная жена владыки Баланджара, которую на торгах после победы купил себе ал-Джаррах, была хазаркой, причем столь знатного рода, что арабы потом спорили, что привлекло полководца в женщине — ее красота или происхождение¹. Не исключено, что она была дочерью хакана, т.е. мирный договор между гуннами и хазарами подтверждался династическими браками, как и во времена Алп Илитвера. Это предположение, как и следующую из него относительную самостоятельность гуннов в рамках хазарской «конфедерации», подтверждают последующие действия ал-Джарраха. Он вернул владыке Баланджара супругу и детей в обмен на капитуляцию (*аман*) и обеспечил себе таким образом надежный тыл в дальнейших военных действиях.

Дальнейший маршрут ал-Джарраха показывает, что представляла собой хазарская «конфедерация» на тот момент. Покинув землю Баланджара, он направился дальше, пока не достиг земли ал-Вабандар, где было около 40 тыс. жилищ. Испугавшись мусульман, обитатели этой земли запросили мира и выплатили контрибуцию². Некоторые исследователи отождествляют ал-Вабандар с Варачаном армянских источников, столицей Царства гуннов³. Однако ал-Вабандар — это *земля*, а Варачан — *город*.

В то же время небольшая и допустимая с точки зрения графики конъектура: Вабандар — Ванандар — позволяет взглянуть на локализацию этой территории по-другому. Землю и народ с таким или очень похожим названием знают другие восточные источники. В письме царя Иосифа хазары побеждают племя в.н.н.т.р⁴. Народ в.н.н.д.р известен анониму X в.

---

¹ Там же. С. 263.

² Там же.

³ Котович В.Г. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу // Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 191; Ахмад ибн А'сам ал-Куфи. Книга завоеваний / Перевод и комментарии З.М. Бунятова. Баку, 1981. С. 20, комм. 34.

⁴ Коковцов П.К. Указ. соч. С. 74, 75.

«Худуд ал-алам» и Гардизи (в искаженной форме н.н.д.р: первую букву *vav* Гардизи принял за союз «и»)¹.

Во всех трех случаях речь идет об унногундурах, входивших ранее в состав Великой Булгарии и потом частично вошедших в хазарский союз. Локализация их в степях Прикубанья и на Ставропольской возвышенности хорошо известна. Таким образом, ал-Джаррах прошел Прикаспийскую низменность и по степям добрался до болгарских племен. Показательно, что и они обладали полномочиями заключить с арабами сепаратный мир. Но хазары, тюрки и гунны общими усилиями все же сумели собрать значительное войско для обороны от дальнейшей агрессии. И ал-Джаррах, думавший было идти до Самандара, был вынужден вернуться с добычей в Албанию, так не закрепившись в Баб ал-Абвабе и к северу от него. Хазары и «другие неверные» в ответ на действия ал-Джарраха несколько лет вели опустошительные набеги на Азербайджан и Арран.

Попытки расправиться с хазарами и тюрками в пределах Халифата удачи не принесли: противник отступал «в свою землю» и через некоторое время возвращался грабить. Ар-Джаррах, а после него вновь заступивший в должность Маслама совершали ответные вылазки². Эти действия ничуть не решали «хазарской» проблемы, но только спланивали племена севернее Дербента. К 112 г.х. (730/731 гг.) хазарам удалось собрать огромное войско — около 300 тыс., которое под руководством Барсбека, сына хакана, прошла огнем и мечом по Азербайджану, погубив ал-Джарраха и его армию³. В связи с этим ал-Куфи сообщает, что хакан хазар, собирая войско, «послал ко всем видам неверных, бывших с ним одной веры и происхождения, призывая на борьбу с мусульманами, и они [неверные. — Е.Г.] дали согласие на это»⁴. Под «видами неверных» здесь следует

¹ Hudud al-'Alam. С. 159; Gardizi. Zain al-Akhbar. P. 160).

² *Al-Ja'qubi*. Historiae. Т. 2. С. 315; *Ibn-el Athire* chronicon. V.5. С. 108, 115; Та'рих *ам-Табари*. Т.4. С. 1374—1379.

³ *Ал-Куфи*. Указ. соч. Т.4. Ч. 7—8. С. 266—270; Та'рих *ам-Табари*. Т. 4. С. 1380—1381; *Ibn-el Athire* chronicon. V.5. С. 118. Имя сына хакана в разных источниках передается очень вариативно, но наиболее предпочтительным является «Барсбек» ([*Бунятов З.М.*] *Ал-Куфи*, Ахмад ибн А'сам. Книга завоеваний. С. 18. Прим. 26).

⁴ *Ал-Куфи*. Указ. соч. Т. 4. Ч. 7—8. С. 266.

понимать тюрок и родственные хазарам позднегуннские племена Кавказа, которые действительно исповедовали сходные языческие культы. Интересно, что каган спрашивал согласия племенных союзов, входивших в каганат. Как и действия правителя Баланджара и народа Ванандара, это свидетельствует о значительной самостоятельности таких союзов в рамках хазарского потестарного образования. В первой половине VIII в. в Хазарском каганате только формировалась военно-иерархическая структура, этническая и родоплеменная стратификация еще не была настолько прочной, чтобы этнополитическая элита могла собрать войска в приказном порядке. Но процесс объединения позднегуннских и тюркских племен уже шел, и возглавили его хазары.

Есть версия, что в состав Хазарии вошли тогда и аланские племена. Однако причислять алан к вассалам каганата вряд ли стоит. Ни один источник, кроме царя Иосифа, не знает о подчинении алан хазарам. Судя по сохранившимся данным, отношения этих соседей переживали разные этапы. Вошедшие в Хазарское объединение булгарские племена Прикубанья были давними соперниками алан в Западном Предкавказье¹.

Очевидно, территориальная проблема не была решена и позже. Под 103 г.х. (721/722 гг.) ат-Табари сообщает о конфликте между аланами и «тюрками»². А в 105 г.х., на следующий год после похода на Баланджар, ал-Джаррах совершил поход на алан, в котором прошел через их территорию до городов и крепостей, находившихся за Баланджаром и разграбил некоторые из них³. Заметим, что поход на алан совершался отдельно; в войне против хазар аланы не упоминались. Но контроль над аланскими территориями давал возможность атаки на хазар с тыла. Поэтому в 106 г.х. уже другой полководец, ал-Хаджадж б. 'Абд ал-Малик, воевал с аланами, заключил с ними мирный договор, по которому они обязались выплачивать джизью (подушную подать, взимавшуюся с большей части немусульманского населения земель, подвластных Халифа-

---

¹ Под именем враждебного народа «агуров» память о булгарах сохранил осетинский вариант Нартского эпоса (Кузнецов В.А. Очерки истории алан. С. 150).

² Та'рих *ат-Табари*. Т. 4. С. 1355.

³ Там же. С. 1362.

ту)¹. Упоминание этого налога² означает, что аланы признали сюзеренитет Халифата. Данный успех позволил Масламе б. 'Абд ал-Малику через несколько лет, в 110 г.х. (729/730 гг.), напасть на хазар со стороны Дарьяля и опустошать земли хакана в течение месяца³. Но уже в следующем году ситуация изменилась. Ат-Табари сообщает, что в 730/731 гг. тюрки напали на Азербайджан с аланской стороны⁴. Сами аланы не участвовали в военных действиях на стороне Барсбека. Но «покровительство» арабов не пришлось им по вкусу, и они пропустили тюрко-хазарское ополчение через свою территорию. Сторону хазар приняли и грузины, один из князей которых сообщил хазарам расположение армии ал-Джарраха⁵.

Окончательно взять Дербент арабам удалось только в 732/733 г. По приказу Масламы крепость была перестроена, организовано ее снабжение оружием и продовольствием. После этого Маслама сдал руководство областью будущему халифу Марвану ибн Мухаммаду⁶. Талантливый полководец, Марван начал завоевание областей севернее ал-Баба, тем более что хазары и другие жители Северо-Восточного Предкавказья были изрядно потрепаны многолетними войнами и вряд ли могли оказать достойный отпор. Разделив армию на две части, одной Марван приказал идти через завоеванный Дербент, а сам выступил к Дарьялю. Аланы оказали активное сопротивление, которое Марван жестоко подавил и прошел через «врата алан» до Самандара, где арабские войска воссоединились⁷.

Кульминацией кавказских войн Халифата стал знаменитый поход Марвана 737 г., когда будущий халиф, пройдя Баланджар и Самандар, достиг дальнего города хазар ал-Байда,

---

¹ Там же. С. 1365.

² За очень редким исключением, джизья вводилась арабами на всех завоеванных или капитулировавших территориях (см.: *Большаков О.Г.* Средневековый город Ближнего Востока. VII — середина XIII в.: Социально-экономические отношения. Изд. 2-е, дополненное. М.: Вост. лит., 2001. С. 33—34, 37).

³ Та'рих *ат-Табари*. Т. 4. С. 1374.

⁴ Там же. С. 1380.

⁵ *Бунятов З.М.* Азербайджан в VII—IX вв. С. 111.

⁶ *Ал-Куфи*. Указ. соч. Т. 4. Ч. 7—8. С. 282—289.

⁷ Там же. С. 289.

где находился хазарский каган¹. Правитель Хазарии обратился в бегство. Однако Марван не бросился за ним в погоню, а принялся опустошать Прикаспийскую низменность, в чем преуспел и даже добрался, по сообщениям ал-Балазури и ал-Куфи, до земель, расположенных «за страной хазар». Там Марван совершил поход на неких ас-сакалиба и других язычников, захватил в плен 20 тыс. семей и достиг реки ас-сакалиба. За этой рекой было разбито вновь собранное хазарское войско во главе с тарханом, а хакан хазар и многие из его рода и страны вынуждены принять мусульманство². Фактически это означало подчинение Халифату. Анализ источников, проведенный В.В. Бартольд, Й. Марквартом, С.Г. Кляшторным и др., показывает, что речь идет о действиях в низовьях Волги³. Разбив хазар, Марван с богатой добычей вернулся в Закавказье. После этого арабские источники надолго забывают о хазарах. В том же году Марван взял Баланджар и покорил ряд горных территорий, в частности, владения «сахиба ас-Сарир», Лакза, Тумана⁴, т.е. земли, непосредственно примыкающие к стране хазар с юга и юго-запада, но независимые. Следующие семь лет были про-

---

¹ Ряд исследователей отождествляет Самандар и ал-Байда (см.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С.201), другие вообще отождествляют Баланджар, Самандар и ал-Байда (*Заходер Б.Н.* Каспийский свод. Т. 1. С. 183). Фактически это отождествление основано на сообщениях Ал-Мас'уди, в которых он называет Баланджар и Самандар древними столицами хазар, и рассказывает о перенесении столицы из Самандара в Итиль в результате похода Марвана (*Ал-Мас'уди*. Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джавхар. Дж. 2. Бейрут, 1987. С. 37; *Kitab at-tanbih wa'l-ischraf* auctore *al-Masudi* / M.J. de Goeje. Leiden, 1894 (Bibliotheca geographorum arabicorum. VIII). С. 62). Но во всех ранних источниках эти три пункта никогда не смешиваются. (NB: Археологам еще не удалось аргументированно отождествить известные городища Северного Кавказа с упоминаемыми городами).

² *Al-Beladsori*. Op.cit. С. 207—208; *Ал-Куфи*. Указ. соч. Т. 4. Ч. 7—8. С. 289. По ал-Балазури, ас-сакалиба, которых захватил в плен Марван, обитали в стране хазар. Ибн ал-Асир и ат-Табари использовали при рассказе об этой войне другие источники и не знают ни о реке ас-сакалиба, ни о принятии хазарами ислама.

³ *Marquart J.* Osteuropdische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903. S. 198—199; *Кляшторный С.Г.* Древнейшее упоминание славян в Нижнем Поволжье // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964. Т. 1. С. 16—18.

⁴ *Ibn-el Athire* chronicon. V. 5. С. 132.

ведены в подавлении восстаний «владык гор», не желавших смириться со своей участью.

Вряд ли верно утверждение, что в ходе этих войн хазары потеряли большую часть своих территорий. Перенесение «столицы», о котором сообщает ал-Масуди, из беспокойной пограничной зоны потерей считать нельзя. Тем более что столицей Хазарского каганата в полном смысле слова ни Баланджар, ни Самандар никогда не были.

Само явление *столицы* в предгосударственный период характерно для земледельческих обществ. У кочевников роль столицы заменяла ставка вождя, дислокация которой менялось вместе с перекочевками. Даже на «имперской» стадии развития «столицы» кочевников легко перемещались, хотя и не так часто, как раньше. Вообще для образования постоянного политического центра в кочевом сообществе необходим долгий опыт взаимодействия с земледельцами и наличие четкой по-тестарной структуры.

Хазарский каганат сер. VIII в. только начинал свой путь от конфедерации номадов к раннему государству и не имел ни подобного опыта, ни даже стройной иерархической структуры. Помимо хакана, арабские источники упоминают только один титул — *тархан*. Оба титула имеют несомненно тюркское происхождение и были заимствованы еще во времена Западного Тюркского каганата¹. «Тархан» у тюркских кочевников средневековья — представитель военной элиты². Источники фиксируют расслоение общества Хазарии только на две страты: военную аристократию и простых общинников-воинов³. Другие титулы и должности в Хазарии VIII в. по восточным источни-

---

¹ Голден П.Б. Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов // Феномен восточного деспотизма: структура власти и управления. М., 1993. С. 219.

² Позднее, в XIV—XVIII вв., у тюрков Поволжья и Средней Азии тарханство означало освобождение от повинностей, возведение в дворянство (*Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Соч. В 9-ти тт. Т. V. М., 1968. С. 182).

³ Эти группы четко разделяет ал-Куфи, сообщая в одном из эпизодов, как к хакану подошло подкрепление из огромного количества «тарханов и всадников» (*Ал-Куфи*. Указ. соч. Т. 4. Ч. 7—8. С. 278). Тарханы считались более грозной силой (их количество ал-Куфи указывает специально) и обычно ру-

кам неизвестны. Судя по отдельным упоминаниям, тарханы не только являлись отборным воинским подразделением, но были и свитой хакана, к которой он обращался прежде всего, выполняли административные функции на приобретенных землях, и все это делали без наличия четкой специализации, по мере поступления задач. Феномен такой «дружины» широко известен у других кочевников и определяется как «эмбриональный» аппарат управления. Критерием отбора в этот «аппарат» везде были личные качества кандидата; знатность его рода не имела значения¹. В 1-й пол. VIII в. социально-политическая структура Хазарии только начинала формироваться, так же как и границы этого объединения.

Территориальные потери Хазарии после войн с арабами не были значимы: Дербент и Самандар никогда подолгу не принадлежали хазарам. Согласно Ибн Хордадбеку, на сер. IX в. хазары владели землями к северу от Самандара, а городами хазар считаются Хамлидж, Баланджар и ал-Байда². Именно с арабо-хазарских войн 1-й пол. VIII в. эти города становятся хазарскими. Это находит и археологические подтверждения. Процесс образования раннегородских центров начался на территории Дагестана еще в 1-е вв. н.э.³. Но в 1-й пол. VIII в. в населенных пунктах Приморского Дагестана произошли серьезные изменения. Сначала городища и крепости пережили какую-то катастрофу: остались следы пожаров, разрушения жи-

---

ководили воинскими подразделениями, состоявшими из простых наездников (Там же. С. 283—292 и др.).

¹ Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // Работы по истории и этнографии монгольских народов / Б.Я. Владимирцов. М.: Вост. лит., 2002. С. 388—392; Рейснер И.М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 220; Першиц А.И. Хозяйство и общественный строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в. Историко-этнографические очерки. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 155—156; Хазанов А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. — С. 186; Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. С. 193—196; Крадин Н.Н. Империя Хунну. С. 152—153.

² Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l Kasim Obaidallah Ibn Abdallah Ibn Khordadbeh. С. 123.

³ Гаджиев М.С. Древний город Дагестана: Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа. М.: Вост. лит., 2002. С. 210

лиц и укреплений, человеческие жертвы. После проведения нивелировочных работ — ликвидации последствий катастрофы — культурный слой начинает снова нарастать. Возводятся новые укрепления, появляются новые поселения на примыкающих к ним селищах, представленные юртами. Появляется керамика т.н. «зливкинского типа». Эти поселения связаны с волной миграции новых этнических групп из северных степных районов. С этого времени меняется и хозяйственный уклад — повышается роль отгонного скотоводства¹. Катастрофа — это, конечно, арабские набеги. А вот новое кочевое население логично будет связать с хазарами. Таким образом, территория гуннов стала частью хазарского потестарного образования. Путь присоединения был, очевидно, мирным, и был вызван необходимостью совместной борьбы против арабской экспансии. Для охраны же беспокойного района в города были переселены хазарские воины со своими семьями. Такое тесное взаимодействие с оседлым населением было хорошим экономическим стимулом процесса политогенеза в хазарском обществе: города Приморского Дагестана были очень богатыми, с развитыми торговыми связями².

Помогло развитию Хазарии и относительное спокойствие на юге: Халифат сотрясали внутренние неурядицы, которые заставили арабов забыть о покорении Северного Кавказа. В 744 г. Марван стал халифом — последним в династии Умайядов. Его правление прошло в сплошной борьбе с хариджитами, шиитами, местными сепаратистами и основными противниками в борьбе за власть — потомками дяди Пророка, Аббаса. Продолжать наступление не хватило сил. В 750 г. войска Марвана были разбиты у Дамаска, а сам он и члены семьи Умайядов вскоре были убиты. Началось правление новой династии, сопровождавшееся внутренними реформами, направленными, в том числе, на удержание завоеванных территорий. На окраинах постоянно вспыхивали мятежи.

---

¹ Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. X—XIII вв. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. С. 39—40.

² Об этом свидетельствует хотя бы размер вознаграждения, выплаченный воинам ал-Джарраха после взятия Баланджара. Каждый из 30 тысяч получил по 300 динаров! (*Ibn-el Athire chronicon*. V. 5. С. 84).

Для Халифата стало необходимо обеспечить безопасность существующих границ от внешних вторжений, в том числе и набегов кочевников. Именно на сохранение status quo была направлена женитьба нового закавказского наместника Йазида ас-Сулами на дочери хазарского хакана, за которую, по словам ал-Куфи, был уплачен невероятный калым в 100 000 дирхемов¹. Конечно, за невестой хакан дал огромное приданое, но стоило оно гораздо меньше. Таким образом, основанный на брачном союзе мирный договор с кочевниками был подкреплён огромным откупом, которым арабы рассчитывали себя обезопасить на много лет вперед. Но через два года дочь хакана и родившиеся у нее дети умерли при неясных обстоятельствах, что было трактовано хаканом как намеренное убийство. В 763 г. коалиция предкавказских кочевников во главе с хазарами (ат-Табари называет войско тюркским) вышла из-за Дербента, разграбила Армению и вернулась к себе². Йазид не смог оказать достойного сопротивления по причине малочисленности войск (арабы, очевидно, не предполагали такого развития событий и держали небольшой гарнизон). В следующем году вылазка повторилась, только в отношении Грузии. Тогда количество войск позволило Йазиду гнать противника до Дербента. В 799/800 г. состоялся набег хазар на Арран, который стал их последним предприятием в Закавказье. Тогда хазар призвали жители Дербента, недовольные высокими налогами, обещав хакану «страну ислама» на разорение. Выполнив свою задачу, хазары с богатыми трофеями ушли, не дожидаясь встречи с арабскими войсками, а восстание в Дербенте было подавлено³. Хазария более не тревожила этот регион.

Ранний Хазарский каганат: характеристика

Итак, до конца VII в. Хазария не являлась самостоятельной и значимой политической силой в Восточной Европе.

---

¹ Ал-Куфи. Указ. соч. Т. 4. Ч. 7—8. С. 393; Та'рих *ат-Табари*. Т. 4. С. 1618.

² Там же. С. 394—395; Та'рих *ат-Табари*. Т. 4. С. 1615; Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 68.

³ Ал-Куфи. Указ. соч. Т. 4. Ч. 7—8. С. 410—413; Та'рих *ат-Табари*. Т. 4. С. 1720.

В ирано-византийском противостоянии хазары занимали подчиненное положение по отношению к Западному Тюркскому каганату. В первых столкновениях арабов с племенами Кавказа и Прикаспия вплоть до конца VII в. действовала коалиция тюрок, хазар и гуннов. Но подчинение хазарами остатков Великой Булгарии усилило позиции хазар.

Выгодное географическое положение, по сравнению с другими прикаспийскими объединениями, больше подвергавшимися нападениям арабов, позволило хазарам сосредоточить военные и материальные ресурсы, стать центром объединения в борьбе с арабским натиском. В ходе кавказских войн с арабами Хазарское протогосударство значительно расширило свои границы и получило статус каганата, стало вести самостоятельную международную политику, основным вектором которой был союз с Византийской империей. Набеги хазар и их союзников на Закавказье отвлекали силы Халифата и делали для него невозможным решающий удар по Византии.

Территория влияния Хазарского каганата к сер. VIII в. ограничивается на северо-востоке низовьями Волги, на юге — степями Приморского Дагестана рядом с владениями сахиба ас-Сарир, на западе Прикубаньем до Черного моря, включая некоторые области восточного Крыма. Но и во второй половине VIII в. Хазария еще являлась полукучевой «федерацией», в которой номады жили сбором дани с жителей существовавших до их прихода городов и с полуоседлого населения.

К сожалению, до сих пор остается открытым вопрос об археологической культуре этноса хазар, что существенно затрудняет исследование социальных и политических структур хазарской общности. Но из информации письменных источников можно заключить, что как в свое время гунны пытались воссоздать структуры власти империи хуннов, так и хазары делали попытку заимствовать, насколько это было возможно на сравнительно небольшой территории в совершенно иной исторической ситуации, традиции Западного Тюркского каганата, под властью которого они находились ранее. В начале VIII в. хазары употребляют характерную терминологию: шад, тудун, тархан. Причем титулы и должности по смыслу соответствовали тюркским. Но жесткой, военизированной общественной

структуры, подобной Тюркским каганатам, в Хазарии не наблюдается. Хазары пока не являются в этом обществе этносом-стратой на вершине социальной пирамиды и не воспринимаются так полиэтническим конгломератом довольно прочных, давно существующих племенных союзов, вступивших в хазарскую конфедерацию на волне борьбы с арабской экспансией.

Вместе с тем, в VIII в. в новом каганате появляется и своя столица — Итиль, расположенная в очень выгодном месте, на пересечении древних торговых путей. Сильной предпосылкой дальнейшей эволюции хазарского объединения было и наличие на его территории старых торговых и ремесленных центров Приморского Дагестана, которые продолжали функционировать.

Эти факторы, а также жесткая линия Византии и особенно Халифата в вопросе грабительских набегов дали возможность Хазарии переориентироваться с традиционной для кочевников удаленной эксплуатации, т.е. паразитирования на соседних оседло-земледельческих цивилизациях, на торговое посредничество, контроль над торговыми путями и постоянное взимание дани с племен близкого уровня развития, живших вблизи от этих магистралей. С этим связано и исчезновение Хазарии из хроник пограничных областей Халифата. Перед каганатом, превратившимся в настоящее суперсложное вожжество, открылись перспективы ранней государственности.

Письменные источники конца IX — X вв. свидетельствуют, что впереди каганат ждала эпоха расцвета и стремительного падения. На этот период приходится большинство сообщений о хазарах и Хазарском государстве. Но чего конкретно достигла Хазария — мнения имеются самые разные, а главное — нет решения, *каким образом* она этого достигла. С этим вопросом неразрывно связана проблема границ Хазарского каганата и властных структур в данном образовании.

Письмо царя Иосифа: проблемы интерпретации

Вопрос о землях, подвластных Хазарскому каганату, не один раз был предметом дискуссий в исторической литературе. Мнения варьировались от огромной территории, включая

Заволжье и Среднее Поднепровье¹ до скромных земель в низовьях Волги и Предкавказье, в западном направлении едва доходивших до низовий Дона². В современной археологической литературе преобладает гипотеза о совпадении границ Хазарского каганата с областью распространения в Восточной Европе пяти вариантов салтово-маяцкой археологической культуры, т.е. от бассейна Северского Донца и Дона до Крыма, Предкавказья и Поволжья³. При определении территории Хазарии используется метод, который предполагает отождествление археологической культуры (точнее, определенной группы памятников⁴) с этнополитическими наименованиями, упоминаемыми в письменных источниках, и соответствующей территории их распространения⁵.

Попытка аргументировать иную точку зрения была предпринята Б.А. Рыбаковым⁶. Используя доступные в переводах арабо-персидские источники, он отметил, что ни в одном из них не говорится о зависимости славян и русов от хазар, а также рассмотрел границы Хазарии по данным письма царя Иосифа⁷.

---

¹ Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X в. М.; Иерусалим, 1997. С. 66; Комар А.В. Ранние хазары в Северном Причерноморье; Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. С. 205—206; и др.

² Рыбаков Б.А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси; Рыбаков Б.А. Начало Русского государства (представления летописцев о Руси VI—IX вв.) // Вест. МГУ. 1955. №4—5. С. 57—77; Федоров Г.С. Некоторые вопросы осмысления хазарского этноса и хазарской культуры в Дагестане. С. 149—151; Федоров-Гусейнов Г.С. Государственное образование Сувар-Жидан и его роль в истории Юго-Восточной Европы // Кавказ и степной мир в древности и Средние века. Махачкала, 1999.

³ Артамонов М.И. История хазар. С. 419—432; Плетнева С.А. Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. МИА. №142. М., 1967. С. 186.

⁴ Сам термин «салтово-маяцкая культура» спорен и не совсем удачен (см.: Афанасьев Г.Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? С. 43—55).

⁵ Арутюнов С.А., Хазанов А.М. Проблема археологических критериев этнической специфики // СЭ. 1979. №6. С. 87.

⁶ Рыбаков Б.А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси. С. 128—150; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. С. 225—227.

⁷ Рыбаков Б.А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси. С. 133.

Согласившись в целом с определенной Б.А. Рыбаковым территорией, его оппоненты называли ее «землей, занятой собственнo хазарами и бывшей, по-видимому, доменом хазарского кагана». Земли Донецко-Донского междуречья, по их мнению, не были знакомы арабам, в отличие от более западных и северных славян — вятичей и северян, и не назывались в источниках никак, несмотря на то, что население этих земель этнически не было хазарским¹.

Историк и источниковед А.П. Новосельцев при включении данной территории в состав Хазарского каганата ссыался на археологические раскопки², хотя археологический материал по Хазарии очень сложен и противоречив, однозначной интерпретации на данном этапе не поддается³. В свою очередь, современные археологи базируются на общеисторических и источниковедческих работах. Таким образом, в отечественной историографии данная проблема оказалась заключена в своеобразный замкнутый круг гипотез и догадок, которые успели приобрести характер мифологем.

Действительно, вопрос весьма запутан. Во-первых, источники о владениях Хазарии имеют ряд особенностей. Достаточно четко границы этого раннего государства очерчены *только в одном документе* — в так называемой Еврейско-хазарской переписке X в., точнее, в письме хазарского царя Иосифа испанскому еврею Хасдаи ибн Шафруту. Письмо существует в краткой и пространной редакциях, причем пространная считается восходящей к более древнему протографу. Однако и та, и другая версия письма отражают реальное послание царя со значительными искажениями и изменениями, внесенными переписчиками. Остальные источники, в основном арабские и византийские, отличаются фрагментарностью и «многослойностью», т.е. присутствием в источнике нескольких разновременных пластов.

---

¹ Плетнева С.А. От кочевий к городам. С. 186.

² Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 108—109.

³ Афанасьев Г.Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? С. 43—45.

Первая версия базируется именно на письме Иосифа. При этом преобладает подход к территории каганата как к некоей вневременной категории или неизменной на протяжении почти трехсот лет величине. Однако граница — категория историческая, изменяемая во времени и пространстве. Тем более граница раннего государства или потестарного образования поздней первобытности, имеющего кочевую основу. Эти противоречия между подходом исследователей и историческими реалиями отметил в свое время А.П. Новосельцев, который попытался выявить границы Хазарии в исторической динамике¹.

В ответе Иосифа Хасдаи ибн Шафруту, датированном серединой X в.², действительно перечисляется огромное количество племен — данников Хазарии. Это перечисление царя Иосифа А.П. Новосельцев считает в целом соответствующим действительности, но не для середины X в., времени упадка Хазарии, а для «периода расцвета» этого *государства*, т.е. VIII—IX вв.³. В итоге Новосельцев предложил тот же статичный вариант, в основном следуя Иосифу, но расширив каганат 70-х гг. VII—VIII вв. «до Дуная» (это время также было названо «периодом расцвета»)⁴. Интересно, что когда ученый имел возможность сделать вывод о какой-либо территории на основании письменных данных, территория Хазарии «сужалась» по сравнению с письмом Иосифа. Так произошло с Аланией, касогами и горными народами Дагестана (исследователь пишет, что эти этносы «были связаны с Хазарией, хотя говорить об их прямом подчинении каганату оснований нет»)⁵. Когда же приходилось опираться на «готовые» выводы археологов и историков, границы Хазарии существенно расширялись (речь идет о западных пределах каганата).

Но поскольку тезис о единстве «салтово-маяцкой культуры» и ее государственной принадлежности Хазарии аргумен-

---

¹ Там же. С.100—112.

² *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. С. VII.

³ При этом А.П. Новосельцев уверенно называет Хазарию государством (*Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 100, 154).

⁴ Там же. С.111. Откуда появились два «периода расцвета» Хазарии, автор монографии, к сожалению, не пояснил.

⁵ Там же. С. 105—106, 111.

тировано поставлен под сомнение¹, имеет смысл попытаться найти подходы к решению проблемы хазарских владений, не учитывая данное положение. Это обстоятельство также заставляет вновь обратиться к еврейско-хазарской переписке, используя при этом и другие источники.

Хазария и народы Поволжья

В пространной редакции письма Иосифа список начинается с народов, живущих к северу от устья Волги, где находилась хазарская столица: *«У (этой) реки (Атил. — Е.Г.) расположены многочисленные народы... Вот их имена: Бур.т.с, Бул. г.р, С.вар, Арису, Ц.р.мис, В.н.н.тит, С.в.р, С.л.виюн. Каждый народ не поддается (точному) расследованию и им нет числа². Все они мне служат и платят дань»³*. В краткой редакции, более поздней, но сохранившей ряд сведений, опущенных или искаженных в пространном варианте, вместо названий племен упоминаются *«девять народов, которые не поддаются точному распознаванию и которым нет числа»⁴*.

А.П. Новосельцев, вслед за семитологом XIX в. А.Я. Гаркави⁵, сопоставил это сообщение с указанием Константина Багрянородного на девять «климатов» Хазарии, прилегающих к Алании. Из этого исследователь делает вывод о том, что перечисленные Иосифом народы находились на запад от Волги⁶. Основой для такого сравнения является число «девять».

Однако все данные византийского императора говорят в пользу классического расположения «климатов» в Восточном

---

¹ *Афанасьев Г.Е.* Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? С. 43—45.

² Эта фраза может свидетельствовать о характере эксплуатации хазарами зависимых территорий — отсутствовало регулярное налогообложение, фиксированное в зависимости от количества населения.

³ Ответ хазарского царя *Иосифа* к Хасдаи ибн Шафруту // Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С.98.

⁴ Там же. С. 81.

⁵ *Гаркави А.Я.* Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском государстве. СПб., 1874. — С. 148.

⁶ *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 108.

Крым¹ и в Среднем и Нижнем Прикубанье². В книге 11 Константин сообщает о постоянных нападениях, которые совершали аланы на хазар при переходах их к Саркелу, Климатам и к Херсону³. Из этого сообщения следует, во-первых, что «климаты» находились в Крыму или в Восточном Приазовье, а во-вторых — что между Хазарией и ее приазовско-крымскими владениями находились независимые аланские племена. Севернее же и западнее, где помещает «климаты» А.П. Новосельцев, по мнению Порфириогенета, жили черные булгары и печенеги⁴. В то же время последний царь Хазарии прямо указывает на расположение даннических племен — по реке Итиль, а не западнее ее. Буртасы (бур.т.с), булгары (бул.г.р), савиры (с.вар), арису (эрзя?⁵), черемисы (ц.р.мис) — народы, локализуемые именно в Поволжье. Под последними тремя народами обычно понимаются восточнославянские племена⁶, что вроде бы подтверждается известным сообщением Повести временных лет о полянах, северянах и вятичах, плативших дань хазарам⁷.

Но, во-первых, Иосиф считает истоки Итиля обращенными к востоку на протяжении 4 месяцев пути⁸. Это традиционно для арабо-персидской географической традиции X—XII вв., в которой за основное русло верхнего Итиля принимали реку Каму, причем истоки Итиля искали далеко на востоке: в земле киргизов между гузами и кимаками⁹, в «северных горах» где-то на севере Алтая¹⁰ и т.п. Подтверждается это представление Иосифа и указанием на то, что потом «граница поворачивает по пути к Хуварезму». Реки средневековых источников — это всегда торговые магистрали, а не реальные русла строго

---

¹ Там же. С. 107.

² Кузнецов В.А. Алания в X—XIII вв. С. 15—17.

³ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 53.

⁴ Там же. С. 53, 316.

⁵ Ответ хазарского царя Иосифа к Хасдаи ибн Шафруту. С. 99.

⁶ Гаркави А.Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском государстве. СПб., 1874. С. 52.

⁷ Лаврентьевская летопись. Стб.19.

⁸ Ответ хазарского царя Иосифа к Хасдаи ибн Шафруту. С.98.

⁹ Via Regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri. P. 222; Opus geographicum auctore Ibn Haukal. Leiden, 1872. P. 281—282.

¹⁰ Hudud al-'Alam. P. 75.

от истока к устью. Археологические материалы — скопления монетных кладов и предметов импорта подтверждают, что по Каме в 1-й пол. IX в. велась оживленная торговля¹. Итиль формировался в представлении ранних ученых Халифата как торговый путь из Каспия в Прикамье и остался таковым после того, как стали поступать сведения о западном ответвлении пути — на Балтику². Соответствует ли этой логике перечисление народов предполагаемого бассейна Итиля? Иосиф начинает его от устья Волги и ведет от наиболее близких к Хазарии (буртасы) до самых отдаленных, коими оказываются с.л.виюны. Из других источников известно, что в конце IX — начале X в. буртасы, болгары и сувары болгарского Поволжья платили хазарам дань. При этом, согласно арабо-персидским данным, буртасы жили в 15 днях пути от хазар, т.е. в районе Саратовского Поволжья, и были ближайшими соседями болгар³. И если подчинение хазарам волжских болгар и суваров — явление временное⁴, то буртасы — это этнос, о зависимости которого

---

¹ Измайлов И.Л. Балтийско-Волжский путь в системе торговых магистралей и его роль в раннесредневековой истории Восточной Европы // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного Семинара «Историко-культурное наследие Великого Волжского пути». Казань, 28—29 августа 2000 г. Казань, 2001. С.73.

² Арабо-персидские ученые IX — начала X вв. не представляли себе обитателей ни севера Восточно-Европейской равнины, ни Балтийского побережья, несмотря на то, что в Циркумбалтийском регионе обнаружено большое количество куфических дирхемов и восточного импорта, особенно в VIII — 1-й половине IX в. Связан этот удивительный факт был, во-первых, с тем, что торговля в западном направлении велась через посредников из местного населения — хазар, болгар, позже — русов. Но и с Предуральем торговали через посредников-болгар, которые очень ревниво охраняли свое «исключительное право» и пытались мистифицировать в глазах арабов процесс товарообмена с соседями. Объяснение можно найти, только предположив, что для связи с Прибалтикой многие купцы Халифата пользовались другим торговым путем (подробнее об этом см. гл.5).

³ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. С.140—141; Kitab al-a'lak an-nafisa VII auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh. С. 140.

⁴ Правитель Булгарии Алмуш сообщает Ибн Фадлану о намерении построить крепость, которая защитила бы его от иудеев (т.е. хазарского правительства), *поработивших его* (Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана. С.

от хазар говорят практически все восточные источники IX—X вв., буртасов упоминающие¹.

Арису и ц-р-мис как этнонимы впервые упоминаются письменными источниками именно в письме Иосифа. Не подлежит сомнению отождествление ц.р.мис с черемисами древнерусских памятников — этноса, формирование которого происходило в I тыс. н.э. в Волго-Вятском междуречье². Если под арису понимать эрзю, то этот этнос обычно локализуется в Волго-Окско-Сурском междуречье³. Кажется, что в этом случае — касательно эрзи — Иосиф уже перечисляет народы реального бассейна Средней и Верхней Волги, а не того Итиля, который сам описал чуть выше.

Но, по археологическим данным, финно-угорские племена Волго-Окского междуречья составляли одну этнокультурную область с племенами Западного Приуралья⁴, имели связи с Волжской Болгарией, которые особенно упрочились к середине X в⁵., и некоторые анклавы действительно располагались

---

133). Из этого следует, что булгары Поволжья попали под власть хазар в правление Алмуша. Другим источникам такое предположение не противоречит.

¹ См., напр.: *Kitab al-a'lak an-nafisa* VII auctore *Abu Ali Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh*. С. 141; *Ал-Марвази*. Таба'и' ал-хайаван. С. *21—22; и др.

² См.: *Козлова К.И.* Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978. С. 10—48. В ПВЛ имеется известие, которое трактуется как расположение черемис на Оке: «А по Оце реце где потече в Волгу же Мурوما языкъ свои и Черемиси свои языкъ Мордва свои языкъ» (Лаврентьевская летопись. Стб.11; *Кузьмин А.Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. С.105). Но археологических подтверждений этим данным нет. В основном ареале черемисов — по Волге, в устье Ветлуги и до Вятки — сохраняется культурная преемственность с VI по XIII в. и нет достаточных аналогий с памятниками района, где Ока «потече в Волгу». Черемисы в ПВЛ упоминаются лишь два раза в одном и том же рассказе о племенах, дающих дань Руси, где славяне противопоставляются «иным языцем». Возможно, локализация племен дана в этом источнике приблизительно, причем черемисы и мордва расположены в обратном порядке (обозначено направление — от Оки на Волгу и далее). Это подтверждается дальнейшим перечислением иноэтничных данников: сразу за мордвой следуют пермь и печера (т.е. от Вятки до Камы и далее на север).

³ См.: *Мокишин Н.Ф.* Мордовский этнос. Саранск, 1989. С. 25—34.

⁴ *Горюнова Е.А.* Этническая история Волго-Окского междуречья. // МИА. №94. М., 1961. С.44.

⁵ История татар. Т.1. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002. С. 186—216; *Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии. (Этапы этнокультурной истории). М., 1992. С. 314—318.

в ее пределах, восточнее и южнее (волны миграций традиционно проходили через Саратовское Поволжье)¹. Некоторые данные археологии помогут датировать информацию письма Иосифа, если речь идет об анклавах в Среднем Поволжье и Приуралье. Согласно исследованиям Е.П. Казакова, в VIII—IX вв. памятники финно-угров отсутствовали на Средней Волге; первые их следы датируются концом IX в., а к середине X в., т.е. во времена Иосифа, начинается переселение окских финнов в Булгарию². Только о зависимости эрзи и черемисов от хазар в этот период речи быть не может.

Территории восточнославянских племен располагались на запад от русла этого Итиля. Сопоставление в.н.н.тит с названием города славян Вантит (варианты: Вабнит, Ва-и- и т.д.) в арабо-персидских источниках — «Худуд ал-алам», Ибн Русте и Гардизи³, а этих этнонима и топонима вместе — со славянским племенным союзом вятичей — лишь весьма спорная гипотеза⁴. Тем более что этот город в сочинениях «традиции ал-Джайхани» арабо-персидской географии называется пограничным с землями печенегов (Ибн Русте), мадьяр (Гардизи) или «некоторых из русов» (Худуд ал-алам), но никак не на восток от Волги рядом с эрзей и черемисами⁵.

---

¹ В «Слове о погибели Русской земли» черемисы и мордва расположены дальше болгар и буртасов (может быть, южнее, но не исключено, что просто на восток от основной водной артерии — Волги):

«...и за Дышючимь моремъ.
От моря до Болгарь,
от Болгарь до Буртась,
от Буртась до Черемись,
от Черемись до Морьдвн...»

(Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели Русской земли». М.-Л., 1965. С. 155—156).

² Казаков Е.П. Проблемы взаимодействия волжских болгар с волго-окскими финнами в IX—XII вв. // Уваровские чтения. V. К 1140-летию города Муром. Муром, 14—16 мая 2002 г. Муром, 2003. С. 38—43.

³ Hudud al-'Alam. P. 158; Kitab al-a'lak an-nafisa VII auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh. C. 146; Gardizi. Zain al-Akhbar. P. 162.

⁴ Ответ хазарского царя Иосифа к Хасдаи ибн Шафруту. С. 99; Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX веков. С. 394.

⁵ Т.М. Калинина в недавней статье отметила принципиальную некорректность сопоставления города славян у географов Халифата с этнонимом из письма Иосифа. В-н-н-тит — это *народ, племя*, а в арабо-персидской лите-

Если следовать логике источника, в.н.н.тит следует искать среди тюркского и угорского населения Поволжья и Приуралья. А.Я. Гаркави в свое время предлагал сопоставить этот этноним с вотяками (удмуртами), но потом отказался от этой версии, сочтя вятичей — «вентичей» фонетически более подходящей аналогией¹. Конечно, самоназвание удмуртов *одо* весьма далеко от этнонима в письме Иосифа. Но и вятичи не намного ближе, поскольку, во-первых, в X в. явно располагались на запад и северо-запад как от Итиля царя Иосифа, так и от русла Волги, — на Верхней Оке. Распространение славянской культуры семилучевых височных колец, которую связывают с вятичами, в Подмоскovie и Рязанское Поочье произошло только в XI—XII вв².

Традиционная локализация «ядра» племенного союза вятичей на Верхней Оке вызывает ряд вопросов. В ПВЛ неоднократно упоминается данническая зависимость вятичей от хазар, вплоть до разгрома последних Святославом. По данным аутентичных источников, в середине X в. Хазария находилась в состоянии упадка; во власти каганата оставался лишь Северный Прикаспий, Саркел и низовьях Дона и «девять климатов» в Причерноморье³. На Средней Волге находилась в то время уже независимая и недружелюбная Волжская Булгария.

В такой ситуации земли в верховьях Оки не могли оставаться во власти хазар, даже если предположить, что ранее были отношения зависимости. Но с другой стороны, Сред-

---

ратуре речь идет о *городе*, между тем как ни одного названия славянского города, произведенного от племени, неизвестно (Калинина Т.М. Интерпретация некоторых известий о славянах в «Анонимной записке» // ДГ. 2001. М., 2003. С. 212—213). Добавим, что «этнонимическое» название населенного пункта имеет смысл только в иноэтничной среде, когда какой-то анклав окружен со всех сторон чуждым населением (например, «Русская марка» в средневековой Германии (Назаренко А.В. Имя «фрусь» и его производные в немецких средневековых актах (IX—XIV вв.) // ДГ. 1982. М., 1984. С. 86—129)).

¹ Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 264.

² Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 366—367; Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период / В.Д. Баран, Б.В. Магомедов, и др. Киев: Наук. думка, 1990. С. 318.

³ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 51, 53.

ний и Верхний Дон, а также Рязанское Поочье в VIII—X вв. были населены носителями бесспорно славянской боршевской археологической культуры, о которых ПВЛ, кажется, никогда не упоминает. В конце X в. под давлением печенегов боршевцы Подонья покинули эти места и переселились на Оку, где и произошло их смешение с племенами, женщины которых носили семилучевые височные кольца. В этой связи можно предположить, что подчинены Хазарии были именно боршевцы — «донские славяне», а после смешения их с вятичами историческая память «перенесла» давние события на весь новый племенной союз (первые летописные записи появились спустя многие десятилетия после этих событий). Кроме того, никак невозможно объяснить присутствие подряд двух букв *нун* в этнониме В.н.н.тит в случае, если это вятичи. Как в арабском, так и в древнееврейском письме наличие двух подряд одинаковых согласных означает не удвоение, а напротив, присутствие между этими согласными краткой гласной.

Более перспективным представляется сопоставление В.н.н.тит с народом В.н.н.т.р, тем более что такая конъектура возможна с точки зрения графики. Упоминание этого этноса имеется в начале письма Иосифа: он рассказывает об изгнании хазарами из страны, которую хазары занимали в X в., народа В.н.н.т.р, который бежал на реку «Дуна»¹. Это бесспорно ун-ногундуры (оногуры)², племенной союз которых входил в Великую Булгарию. После распада этого политического объединения в 660—670-х гг. часть составлявших его племен («орда Аспаруха») откочевала на Дунай, где впоследствии образовала Первое Болгарское царство. После распада Великой Булгарии хазары завоевали лишь Восточное Причерноморье и заставили платить дань оставшуюся там орду Батбаяна. Именно в эту орду и входили оногуры, которых знает как обитателей Восточного Приазовья «Космография» Равеннского Анонима кон. VII в.³. Арабские средневековые хронисты, описывая события

---

¹ Ответ хазарского царя *Иосифа* к Хасдаи ибн Шафруту. С. 74, 75.

² *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. С. 135—137.

³ *Подосинов А.В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. С. 192.

1-й пол. VIII в., упоминают землю ал-в.н.н.д.р где-то в Северо-Восточном Причерноморье¹.

Конец же VIII в. знаменуется масштабной миграцией племен Юго-Восточной Европы в Среднее Поволжье². С этого переселения и берет начало Волжская *Булгария* — потестарное образование под руководством болгарского союза племен, включавшее как тюрко-позднегуннские племена переселенцев (савир, барсил, баланджар, ас.к.л и др.), так и местное финно-угорское население. Среди мигрантов на Среднюю Волгу были и оногуры — в.н.н.д.р. Этот этнос упоминает в Среднем Поволжье «Худуд ал-алам», правда, в несколько другом «окружении», чем царь Иосиф (на восток от них располагаются буртасы, на юг — хазары, на север — мадьяры)³, что обусловлено более ранней датировкой протографа персидского источника. Далее в письме Иосифа следует этнос с.в.р (суур), который А.П. Новосельцев, в отличие от сторонников «славянской» версии, считал не северянами, а вариантом савир-сувар⁴. Обычно согласиться с этой трактовкой мешает тот факт, что этноним встречается в перечне дважды и в разных написаниях: с.вар и с.в.р/ суур. Однако объяснение этому находится в событиях начала X в., которые упоминает Ибн Фадлан. В результате межплеменных противоречий этнос сувар разделился на две части, одна из которых осталась в подчинении Алмуша, главы Волжской Булгарии, впоследствии приняла ислам и ассимилировалась булгарами, а вторая откочевала на западный берег Волги и составила основу этноса чувашей⁵.

Таким образом, группа этносов, открывающая список «данников» царя Иосифа, расположена в пределах бассейна Волги, причем семь из них (кроме буртасов) весьма компактно помещаются на берегах Средней Волги и Волго-Вятского

---

¹ Ал-Куфи. Ал-Футух. Т. 3. Ч. 5—6. С. 263.

² Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. (Этапы этнокультурной истории). М., 1992. С. 272.

³ Hudud al-‘Alam. P. 162.

⁴ Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 157.

⁵ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. С. 139, 35.

междуречья. Далее следует народ С.л.виюн (цлавиун), за которым «граница поворачивает по путик Хуварезму». В отношении племени С.л.виюн, которое считается «несомненно, той частью славян, которая и согласно ПВЛ платила дань хазарам»¹, не все так ясно, даже если предположить тождество с.л-виюн и славян. В письме Иосифа этот народ безусловно локализуется в Среднем Поволжье. Предположить, что описание заканчивается вятичами или донскими славянами, невозможно, т.к. ближайшие их поселения находились на расстоянии в 300—500 км от Средней Волги *по прямой*, то есть через знаменитые вятические леса. И даже если пройти этот путь, нельзя повернуть от р. Воронеж или Верхней Оки прямо к Хорезму. Но если это Среднее Поволжье, то к какому периоду относятся данные сведения хазарского правителя? Этноним С-л-виюн уже давно однозначно рассматривается востоковедами как арабизм². Но источник его определить не удастся. Общепринятое наименование славян в арабо-персидской литературе средневековья — ас-сакалиба (множественное число от *саклаб* — заимствование греческого σκλάβος)³.

Единственной аналогией этнониму Иосифа может быть ас-Салавийа — название одного из «видов» русов географами школы ал-Балхи⁴. Но книжное заимствование в данном случае исключается. Передача этнонимов в этих источниках разная, и различия не могут быть объяснены текстологически. Устное заимствование от арабских купцов тоже сомнительно: Иосиф знает жителей Поволжья явно лучше арабов, упоминает этнонимы и специфику, которая в Халифате не была известна. С-л-виюн скорее не арабское заимствование, а эндоэтноним, непосредственно перенятый от одного из народов Поволжья. Многолетние исследования Среднего Поволжья показали, что в V—VII вв. там существовала именьевская археологическая культура, но-

---

¹ Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 157

² См. сводку: Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка. С. 152.

³ См.: Мишин Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье.

⁴ Via Regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri. С. 225—226.

сители которой были славянами¹. В кон. VII в. большая часть именьковцев покинула Поволжье, но некоторые остались, влившись в состав населения Волжской Булгарии². Уровень материальной культуры именьковцев был выше, чем славян Поднепровья. Многие остались и постепенно были ассимилированы булгарами. При этом роль славян в оседании булгар, освоении ими земледелия была огромной³. С другой стороны, существует немало арабо-персидских источников об ас-сакалиба, которые можно связать только с бассейном Волги.

«Рекой ас-Сакалиба» («Славянской рекой») называют нижнее течение Волги Ибн Хордадбех и ал-Куфи, Бал'ами и ал-Балазури упоминают ас-сакалиба в связи с походами Марвана в 1-й пол. VIII в. в земли, расположенные «за страной хазар»⁴. При этом в этих походах арабами было пленено множество ас-сакалиба, которые были потом расселены в крепо-

---

¹ Богачев А.В. О верхней хронологической границе именьковской культуры // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995. С. 16; Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков Самарского Поволжья. Куйбышев, 1986. С. 150; Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. С. 193, и др. Славянская принадлежность именьковской культуры находит подтверждения как в археологии, так и в лингвистических материалах — праславянских лексических заимствованиях в пермских языках не позднее сер. I тыс. н.э. (Napolskih V.V. Die Vorslaven im unteren Kamagebiet in der Mitte des I. Jahrtausend unserer Zeitrechnung: Permische Sprachmaterial // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. Bd. 18/19. Hamburg, 1996. S. 97—106; Седов В.В. Славяне: Историко-археологическое исследование. С. 253), в то время как балтская (Халиков А.Х. Узловые проблемы средневековой археологии Среднего Поволжья и Приуралья // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1987) и хионитская (Сунгатов Ф. Волго-Уральский регион в эпоху тюркских каганатов // Древнетюркский мир: история и традиции. Материалы научной конференции. Казань, 24-25 января 2001 г. Казань, 2002. С. 27—28) гипотезы не имеют такой доказательной базы.

² Казаков Е.П. К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С. 40—57.

³ Седов В.В. К этногенезу волжских болгар // РА. 2001. №2. С. 5—15.

⁴ Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l Kasim Obaidallah Ibn Abdallah Ibn Khordadbeh et Excerpta e Kitab al-Kharadj auctore Kodama Ibn Dja'far. P. 124, 154; Ал-Куфи. Ал-Футух. Т. 4, ч. 7—8. С. 289; Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX веков. С. 362; Liber expugnationis regionum, auctore Imamo Ahmed ibn Jahja ibn Djabir al-Beladsori. С. 149—150.

стях по северной границе Халифата¹. Эти подробности свидетельствуют о существовании реальных ас-сакалиба еще в 1-й пол. VIII в. Неизвестно, были ли это этнические славяне или племена, смешавшиеся с ними и перенявшие самоназвание. В пользу того, что под «Славянской рекой» и в хрониках походов Марвана, и в труде Ибн Хордадбеха понималась Волга или ее часть, свидетельствует именование Алмуша, верховного правителя Волжской Булгарии начала X в., *малик ас-сакалиба* на протяжении всей «Записки» Ибн Фадлана². Таким образом, титул *малик ас-сакалиба*, который носил Алмуш, был скорее воспоминанием о значительной роли славян-именьковцев в этом регионе.

Письмо царя Иосифа показывает, что сохранилась и форма эндонтонима — славяне (С.л.виюн). Но С.л.виюн в письме — это последний народ в поволжско-приуральской части, после чего «граница поворачивает по пути к Хуварезму, (доходя) до Г.р.гана». То есть территориально Иосиф связывает славян не с основным пространством именьковской культуры, давно канувшей в Лету, а с ее «башкирским» продолжением в Закамье. Упомянул же Иосиф народ С.л.виюн по соображениям широкой известности его как народа Поволжья, а также в связи с сохранением титула *малик ас-сакалиба* правителем Волжской Булгарии, который был известен и за пределами региона, в том числе на территориях, подвластных арабам (Хасдаи ибн Шафрут, адресат письма Иосифа, проживал в ал-Андалус — арабской Испании).

Маршрут Иосифа пролегал по средневековому Итилю — реальным рекам Волге и Каме, после чего действительно поворачивал на юг по р. Белой. При этом список и расположение народов объясняется ситуацией, современной Иосифу. Нереально в нем только одно — то, что эти народы в середине X в. были подвластны хазарам. Все перечисленные этносы так или иначе связаны с Волжской Булгарией, в это время условно независимой от Хазарии, но ранее, на рубеже IX—

---

¹ *al-Beladsori*. С. 149—150.

² Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. С. 121—148.

X вв. платившей хазарам дань (этот факт неоднократно упоминается Ибн Фадланом). После этого было принятие болгарским лидером ислама и вступление под покровительство Халифата, утверждение независимости от хазар собственной чеканкой монет и т.п. Естественно, на арабских землях имелаась информация о делах в Среднем Поволжье, и прежде всего из мусульманских болгарских источников. Надо вспомнить, что Хасдаи ибн Шафрут был не просто любознательным иудеем, а министром финансов омейядского халифа в Испании Абд ар-Рахмана III. О Волжской Булгарии он знал и, вероятно, представлял ее огромной страной, простирающейся от крайних пределов севера до Черного моря¹. По крайней мере, об этом свидетельствует маршрут до Хазарии, указанный в письме Хасдаи, — через страны венгров, русов и *булгар*². Иосиф же с помощью северного списка пытается предложить свою версию событий в Среднем Поволжье высокому арабскому чиновнику, а через него — и халифу. В этой версии булгары, а также подвластные им и соседние племена, — лишь данники могущественной Хазарии.

Южные и западные границы каганата в письме хазарского царя

Далее граница Хазарии, по словам Иосифа, поворачивала по пути к Хорезму, доходя до Гургана — области на юго-востоке Каспийского моря. В этом направлении, по данным хазарского владыки, на берегу моря на протяжении одного месяца пути жили народы, также платившие ему дань. Расстояние, указанное Иосифом, охватывает почти весь восточный берег Каспия, однако он не упоминает названия ни одного племени, обитавшего в этих землях. Это неудивительно: к востоку от Каспия (за исключением Прикаспийской низменности) располагаются пустынные территории, на которых никто посто-

---

¹ Так видел Волжскую Булгарию современник ибн Шафрута, выдающийся и популярный в свое время ученый Ал-Мас'уди (*Ал-Мас'уди*. Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джавахир. Т. 1. Бейрут, 1987. С. 120, 124 и др.). Хасдаи черпал сведения из современной арабской географии.

² *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. С. 69.

янно не жил, да и кочевники появлялись редко. Если же они появлялись, то во времена Иосифа без проблем преодолевали не только закаспийские пустыни, но и территории от Волги до Дона, даже часто останавливались там на зимовку, кормясь нападениями на хазар¹. Иосиф же приписывает этот район к своему владению, рассчитывая на то, что в далекой Испании эти геофизические особенности неизвестны.

Далее Иосиф изменяет направление, оказываясь на западной берегу Каспийского моря:

«А еще на южной стороне — С.м.н.д.р в конце (страны) Т.д.лу, пока (граница) не поворачивает к «Воротам», то есть Баб ал-Абвабу, а он расположен на берегу моря»².

Из текста неясно, являются ли Самандар и Дербент хазарскими городами или первыми пунктами чужих территорий. Оба города хорошо известны по мусульманским аутентичным и более ранним источникам (в особенности это касается Дербента). И эти источники свидетельствуют, что Дербент и Самандар никогда подолгу не принадлежали хазарам, а со 2-й пол. VIII в., по окончании арабо-хазарских войн, более не становились хазарскими³. Согласно Ибн Хордадбеку, на сер. IX в. хазары владели землями *к северу от Самандара*, а городами хазар считаются Хамлидж, Баланджар и ал-Байда⁴. Т.д.лу — название страны, в конце которой находится Самандар, — в других источниках не встречается и точной идентификации не поддается. Но сам город весьма точно локализуется в Терско-

---

¹ *Ал-Мас'уди*. Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джавахар. Т. 1. Бейрут, 1987. С. 185. Ал-Мас'уди рассказывает о набегах гузов.

² Ответ хазарского царя *Иосифа* к Хасдаи ибн Шафруту. С. 101.

³ В подтверждение принадлежности Самандара хазарам в X в. обычно ссылаются на данные ал-Истахри, которые цитирует Йакут: владетель города был «из иудеев» и являлся родственником хазарского царя (*Йакут ал-Хамави*. Т.3. С. 253). Но употребленный в источнике термин *караба* (родство) не несет оттенка зависимости, а иудаизм был распространен на Кавказе не только среди хазар и задолго до их обращения (Горские евреи. История, этнография, культура / Под общей ред. И. Бегуна. Иерусалим; М., 1999. С. 32—34). А родственные, матримониальные связи между правящими кланами соседних территорий — явление обычное для средневековья.

⁴ *Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik (Liber viarum et regnorum)* auctore Abu'l Kasim Obaidallah Ibn Abdallah *Ibn Khordadbeh*. С.123.

Сулакском междуречье¹. Таким образом, Иосиф утверждает, что ему принадлежит вся Прикаспийская низменность вплоть до Дербента, однако, не перечисляя, какие этносы проживают в этом благодатном густонаселенном крае.

В то же время его современник ал-Масуди рассказывает о землях между Самандаром и Бал ал-Аббабом очень подробно, помещая там совершенно независимые и никогда не принадлежавшие хазарам страну ас-Сарир (частично), царство Джидан (Хайтак), общины арабов, появившиеся там после кавказских войн Халифата². Более того, известно, что коалиция во главе с ас-Сариром в этот период успешно воевала с хазарами³.

После этого странного экскурса Иосиф предлагает читателю переместиться западнее:

«Оттуда граница поворачивает к горам. Азур, в конце (страны) Б.г.да, С.риди, Китун, Ар.ку, Шаула, С.г.с.р.т, Ал.бус.р, Ухус.р, Киарус.р, Циг.л.г, Зуних, расположенные на очень высоких горах, все аланы до границы Аф-кана, все живущие в стране Каса и все (племена) Киял, Т.к.т, Г.бул, до границы моря Кустандины, на протяжении двух месяцев пути, все платят мне дань».

Первая часть топонимов, распложенных «на очень высоких горах», в основном достоверно не локализована. Это связано с этнолингвистической пестротой Северного Кавказа, где и сейчас многие селения имеют несколько названий. Из этой группы почти несомненно лишь отождествление Зуних — Гумик (княжество в горном Дагестане с центром в совр. Кумухе, образовавшееся в IX в.). Далее действительно простиралось царство алан, занимавшее все Центральное Предкавказье («до границы Аф-кана», т.е. до абхазов). Во времена Иосифа Алания была сильным объединением, независимым и враждебным хазарам, и это не вызывает сомнения⁴. Но и ранее при-

---

¹ Гмыря Л.Б. Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала, 1995; Артамонов М.И. История хазар. — С.253-268; Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI—XII вв.). М.: Вост. лит., 2003. С. 151—157 и др.

² Ал-Мас'уди. Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джавхар. Т. 1. С. 187—190.

³ Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе. С.177—178.

⁴ Ал-Мас'уди. Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джавхар. Т. 1. С. 193; Кон-стантин Багрянородный. С. 51, 53.

числять алан к вассалам каганата не стоит. Ни один источник, кроме царя Иосифа, не знает о подчинении алан хазарам. Судя по сохранившимся данным, отношения этих соседей переживали разные этапы, но и в период арабо-хазарских войн, и позже аланы и хазары выступали как равноправные союзы, проводившие самостоятельную политику. Что касается касогов («страна Каса»), то во времена Иосифа они были скорее в какой-то форме зависимости от алан (фразу ал-Масуди об отношениях алан и касогов можно перевести по-разному: «аланы более мощны, чем касоги» или «аланы господствуют над этим народом»¹). Другой современник Иосифа, византийский император Константин Багрянородный, упомянув «Касахию» лишь в одной главе, не упоминает о ее подчинении кому-либо, но помещает вместе с Зихией, Аланией и Абасгией². Этнонимы Киял, Т.к.т, Г.бул, к сожалению, не поддаются идентификации.

Интересно, что далее Иосиф перечисляет уже не народы, а местности:

«С западной стороны — Ш.р.кил, С.м.к.р.ц, К.р.ц, Суграй, Алус, Л.м.б.т, Б.р.т.нит, Алубиха, Кут, Манк.т, Бурк, Ал.ма, Грузи. Эти (местности) расположены на берегу моря Кустандины, к западной (его) стороне».

Если ранее описание шло практически непрерывно (за исключением естественной преграды — Каспийского моря), то здесь он делает резкий, на 600 км переход на север: первой названа крепость Саркел, находившаяся в районе современного Цимлянского водохранилища. После Саркела Иосиф спускается более чем на 400 км по Дону, не упоминая ни одного «владения». Следующим пунктом становится С.м.к.р.ц, в котором видят Таматарху византийских источников³ или «верхний город» Керчи⁴, потом Керчь — и с северо-востока на юго-запад перечисляются в большинстве своем хорошо известные по другим источникам крепости побережья Крыма.

---

¹ Ал-Мас'уди. Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джавахар. Т. 1. С. 196.

² Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 75.

³ Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. С. 118, прим. 4.

⁴ Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 141.

Хазарское присутствие на восточном и частично южном берегах полуострова безусловно подтверждается археологическими и письменными источниками. Упомянутые выше «девяять Климатов» Хазарии у Константина Багрянородного нужно связывать именно с перечисленными Иосифом топонимами. Но, по верному замечанию А.В. Гадло, «перечень городов Крыма — самое сомнительное место в источнике»¹. Фрагмент производит впечатление глоссы. И прежде всего, потому что нарушается логика повествования — и пространственная, и предметная (ранее речь шла о народах, в этом отрывке — о крепостях). Далее принципы рассказа восстанавливаются, и Иосиф вновь возвращается на север к реке Ва-г-з, около которой кочуют печенеги (Б.ц.ра):

«Оттуда граница поворачивает по направлению к северной стороне, (к стране) по имени Б.ц.ра. Они расположены у реки по имени Ва.г.з. Они живут в открытых местностях, которые не имеют стен. Они кочуют и располагаются в степи, пока не доходят до границы (области) Х.г.рим (венгров. — Е.Г.). Они многочисленны, как песок, который на берегу моря во множестве. Все они служат (мне) и платят мне дань. Место расположения их и место жительства их простирается на протяжении четырех месяцев пути».

Описание печенегов «многочисленными как песок», достигающими границ венгров безусловно «свежее» и относится к X в., когда печенеги уже окончательно вытеснили мадьяр из Северного Причерноморья. В гидрониме Вар-г-з даже можно узнать печенежское название Днепра — Варух². В это время печенеги представляли в Восточной Европе внушительную силу и дань хазарам, естественно, не платили. Ранее история сталкивала печенегов и хазар (операция гузов по изгнанию печенегов из Заволжья прошла при активной хазарской поддержке)³. Персидский аноним «Пределы мира» упоминает даже «хазарских печенегов», из страны которых происходит большинство рабов, поставляемых хазарами на междуна-

---

¹ Там же. С. 141.

² Константин Багрянородный. Об управлении империей. С.161.

³ Там же. С. 157.

родный рынок (информация датируется IX в.)¹. Но к середине X в. это отношения не имеет.

В целом, список Иосифа имеет одну большую странность. В хазарские данники «записаны» многие народы и земли, никогда не испытывавшие зависимость от хазар (аланы, касоги, ас-Сарир и т.д.). Но в то же время этнические группы, многие годы находившиеся под властью *Хазарии*, не упомянуты совсем. Это прежде всего приазовские булгары, восточнославянские племена, крымские готы. Такое несоответствие можно объяснить только конъюнктурными целями автора письма. С некоторыми из мнимых «данников» — Булгарией и ас-Сариром — Хазария находилась в конфликте, и это имело международную огласку (ситуация вокруг посольства Ибн Фадлана). Эти объединения много лет поддерживались Халифатом Аббасидов и государством Саманидов, соответственно. В середине X в. Багдадский халифат переживал не лучшие времена — властью завладели горцы-наемники, в стране царила смута, а владельцы окраинных провинций провозглашали свою самостоятельность². Такими были и испанские Омейяды, которым служил адресат Иосифа Хасдаи ибн Шафрут. Не исключено, что Иосиф надеялся заполучить халифа Абд ар-Рахмана в союзники и своим списком хотел снять вопросы, которые у того могли возникнуть после ознакомления с другими источниками.

Иосиф действительно сильно преувеличил размеры своих владений, но не путем механического перечисления племен, которые в давние времена платили дань Хазарии. Список этносов, стран и городов не переписан из более древних рукописей, а составлен в X в., соответствует этногеографическим реалиям того времени и рассчитан на восприятие просвещенного и влиятельного современника, проживающего, однако, в отдаленной стране. Поэтому вряд ли корректно брать за основу письмо Иосифа при реконструкции владений Хазарии. Это может привести лишь к противоречиям с другими источниками и искажению исторических реалий.

---

¹ Hudud al-'Alam. P. 160.

² Фильштинский И.М. История арабов и халифата (750—1517 гг.). М., 2001. С. 164—165.

Итак, при поиске государственной археологической культуры Хазарии, если таковую возможно определить, необходимо исходить из границ *собственно Хазарии*, указанных в письме Иосифа и арабо-персидских географических сочинениях. В краткой редакции письма сообщается, что в западную сторону, интересующую в исследовании данной проблемы, Хазария простирается на 40 фарсахов, т.е. менее чем на 300 км¹. Пространная редакция, восходящая к более древнему протографу² оценивает границы еще скромнее — ок. 200 км³. В пространной редакции, кроме того, в числе пограничных пунктов с запада называется Ш-р-кил⁴, т.е. Саркел. Такова территория Хазарского государства с запада по данным еврейско-хазарских источников. Следовательно, судя по указанному расстоянию, основная область салтовской культуры (лесостепной и степной варианты) — междуречье Дона и Северского Донца — в постоянный состав Хазарии не входила. С.А. Плетнева соглашается с такими границами, но датирует их «временем упадка Хазарии», X в. (т.е. аутентично переписке)⁵. К тому же периоду она относит и информацию арабо-персидских источников. Однако в традиции ал-Джайхани, а также в анонимном сочинении «Худуд ал-алам» Хазарский каганат локализуется даже в меньших пределах, чем указанные Иосифом⁶. Анонимом границы Хазарии обозначены так: «На восток от нее — стена, тянущаяся между горой и морем, и наконец море и некоторая часть реки Атил; на юг Сарир, на запад горы, на север б.радас и н.нд.р (то же, что и в.н.нд.р. — *Е.Г.*)»⁷. Западными соседями хазар здесь являются хазарские печенеги, обитавшие в Западном Предкавказье⁸. О существовании Саркела, пограничного города на западе Хазарии, персидский аноним ничего не говорит. Из этого сообщения следует, что Хазария не выходи-

---

¹ Ответ хазарского царя *Иосифа* к Хасдаи ибн Шафруту. С. 81—83.

² *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. С. XVIII.

³ Ответ хазарского царя *Иосифа* к Хасдаи ибн Шафруту. С. 99.

⁴ Там же. С.102.

⁵ *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. С. 186.

⁶ *Hudud al-'Alam.* P. 161;

⁷ *Ibid.* P.161.

⁸ *Ibid.* P.160.

ла за пределы Предкавказья и низовий Волги. В тех же источниках упоминаются и зависимые от Хазарии народы: бургасы и хазарские печенеги. Плохо представлявшие Северо-Западное Причерноморье и Приазовье географы школы ал-Джайхани не знали о хазарских владениях в этом регионе. Осведомленность в этом вопросе проявляют византийские современники. Борьба за Таврику между Хазарией и Византией была основным содержанием истории этого полуострова в VIII — нач. X в.¹. Однако, кроме крымских владений, Феофан Исповедник и патриарх Никифор упоминают лишь приазовских булгар как хазарских данников². А Константин Багрянородный сообщает о враждебности «черных булгар» к хазарам³.

То есть в источниках территория Хазарии предстает в динамике, и максимум этой динамики представляет собой степную полосу от Прикаспийской низменности и Предкавказья до Приазовья и Восточного Крыма. Обращает на себя внимание и тот поразительный, на первый взгляд, факт, что нигде в иностранных письменных памятниках не упоминается о зависимости от хазар славян Юго-Восточной Европы, о чем определенно свидетельствует ПВЛ не только в этнографическом введении, но и в датированной части — в повествовании о X в. Этот парадокс будет рассмотрен чуть ниже, после анализа археологических памятников Юго-Восточной Европы эпохи расцвета Хазарского каганата, а также данных о его социально-политическом устройстве.

Хазарский каганат и салтово-маяцкая культура

Археологической культурой Хазарского каганата большинством исследователей сейчас признается салтово-маяцкая культура. Исследование проблемы этнической и государственной принадлежности салтовской культуры, а также ее территории и хронологии ведет свою историю с 1900 г., когда были откры-

---

¹ Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990. С. 146—154.

² Феофан Исповедник. Хронография. С. 61; Никифор, патриарх. Бrevиарий. С. 162.

³ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 53.

ты первые ее памятники: катакомбный могильник у с. Верхнее Салтово на Северском Донце и Маяцкое городище у Дивногорского монастыря на Дону. Одним из первых исследователей салтовской культуры А.А. Спицыным было высказано предположение о связи Салтовского могильника с аланами. На основе письменных и вещественных источников он пытался доказать, что с половины I тыс. н.э. и вплоть до монгольского нашествия бассейн Дона занимал ираноязычный народ, именовавшийся: сарматы, аланы, роксоланы, ясы¹. Бросающаяся в глаза близость Салтовского могильника к аланским памятникам Северного Кавказа привела к той же точке зрения Ю.В. Готье².

Однако уже в нач. XX в. было очевидно, что эта культура является, возможно, самой высокоразвитой в Восточной Европе. В письменных же источниках аланы-ясы таковыми не назывались, да и не локализовались в VIII — X вв. в большинстве случаев в Подонье. Поэтому практически сразу начались поиски одного из «народов-господ», принесших цивилизацию славянам Поднепровья. Попытка шведских археологов Т. Арне и Арендта доказать скандинавскую принадлежность салтовцев не получила поддержки по причине очевидного отсутствия каких-либо аналогий в материальной культуре Подонья и Скандинавии³. Однако «господский этнос» вскоре был найден. Еще в дореволюционной историографии был сформирован взгляд на Хазарское государство как на самое могущественное в Европе, в подчинении которого находились все народы, населявшие ее в VIII—IX вв. Степной характер культуры подтолкнул Д.И. Самоквасова и Д.Я. Багалея к гипотезе о хазарской принадлежности и подонских могильников, и близких им северокавказских катакомб⁴. Но ни одна из этих точек зрения не могла еще быть достаточно обоснована фактическим материалом.

---

¹ *Спицын А.А.* Историко-археологические розыскания. 1. Исконные обитатели Дона и Донца // ЖМНП. Нов. сер. Ч. XIX. 1909. Январь. С. 67—98.

² *Готье Ю.В.* Кто были обитатели древнего Салтова? // ИГАИМК. Вып. 5. М., 1927. С. 65—84.

³ *Мерперт Н.Я.* «Верхнее Салтово» (Салтовская культура). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. — М.-Л., 1949. С. 3

⁴ *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. МИА. № 142. М., 1967. С. 3—4.

Новый этап в интерпретации памятников связан с именем М.И. Артамонова, под руководством которого проводились обширные раскопки памятников салтово-маяцкой культуры. В 1930-х гг. он исследовал проблемы развития салтовской культуры, социально-экономического строя ее носителей и поставил вопрос о разделении салтовской культуры на различные варианты. В один из них автор включил район между средним течением Дона и Северским Донцом (памятники у с. Салтовское, Ютановка, Покровка, х. Зливки). Именно эту группу Артамонов объединил под понятием «салтово-маяцкая культура».

Другую группу, в которую входили кочевые стоянки и захоронения, он выделял под названием «поселения хазарской эпохи на Нижнем Дону»¹. Эту градацию археолог сохранил и в своей обобщающей работе «История хазар»², где он на основании своих представлений о размерах Хазарского каганата и его определяющей роли в истории Восточной Европы того периода включил салтовскую культуру в Хазарию. Но все же М.И. Артамонов, исходя из теоретического положения о тождестве археологической культуры и этноса³, лишь отметил, что к салтовской культуре тяготеют (по разным признакам) болгарская культура Дуная и Среднего Поволжья, культура болгаро-хазарского населения Таманского и Керченского полуострова и культура хазарского времени в Дагестане⁴. Объединять эти варианты он не стал. Артамонов объединил все же в салтовскую культуру разноэтничные катакомбные захоронения с долихокраным типом черепов (близкие к ираноязычным аламам) и брахикранные погребения в грунтовых ямах (связываются с прабогларами)⁵, т.к. было очевидно взаимопроникновение этих вариантов⁶.

---

¹ Артамонов М.И. Саркел и некоторые другие укрепления северо-западной Хазарии // СА. Вып. VI. М., 1940. С. 157—158.

² Артамонов М.И. История хазар. СПб., 2001.

³ Артамонов М.И. Археологическая культура и этнос. С. 18—19.

⁴ Артамонов М.И. История хазар. С. 309—310.

⁵ Вопрос об этнической принадлежности погребений в грунтовых ямах, как показали исследования последних лет, далеко не так ясен (Афанасьев Г.Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? С. 46).

⁶ Артамонов М.И. Саркел и некоторые другие укрепления северо-западной Хазарии.

Иной подход к дифференциации памятников салтовской культуры и определения ее государственной принадлежности применил И.И. Ляпушкин. Он формулирует проблему очевидной неоднородности этой культуры, полагая, что существуют две самостоятельные культуры: салтовская (катакомбы, долихокранный антропологический тип, прямоугольные полуземлянки) и зливинская (ямные погребения, брахикраны с монголоидной примесью, округлые жилища — юрты)¹. Кроме того, Ляпушкин, квалифицированно используя восточные источники, в том числе и знаменитую еврейско-хазарскую переписку, впервые убедительно доказал, что «область междуречья Дона и Донца... в состав Хазарии в ее узком значении никогда не входила»². Однако если методика разделения салтово-маяцкой культуры на салтовскую и зливинскую группы получила продолжение и поддержку у всех исследователей этой культуры, то главный его вывод о самостоятельности племен салтовской культуры по отношению к Хазарии был просто проигнорирован.

Другой исследователь археологии салтовцев, Н.Я. Мерперт еще в 1949 г. обратил внимание на отсутствие этнического и культурного единства у населения Донецко-Донского междуречья³. Н.Я. Мерперт провел разделение фактически по тому же принципу, что и И.И. Ляпушкин, но более последовательно методологически и с более яркой этнической окраской. По этой причине в одну группу попали памятники разных географических зон, но объединенные общностью погребального обряда и антропологической характеристикой. В методологическом плане концепция Н.Я. Мерперта оказалась очень перспективной.

Именно в этом направлении шел археолог Д.Т. Березовец, предложивший в статье 1970 г. версию этнической принадлежности салтовцев, кардинально отличающуюся от предшественников. Березовец впервые высказал мысль об отождеств-

---

¹ Ляпушкин И.И. Памятники салтовской культуры в бассейне р. Дона // МИА, №62. М., 1958. С. 142—146.

² Там же. С. 140.

³ Мерперт Н.Я. «Верхнее Салтово».

лении салтовцев с русами арабо-персидских источников¹. Но дальнейшего развития его тезис не получил².

Очень ценный материал был собран и опубликован за эти годы С.А. Плетневой, ученицей М.И. Артамонова. С.А. Плетнева уже в первой заметной монографии попыталась снять самое ошутимое слабое место гипотезы своего учителя: она значительно расширила территориально салтовскую культуру. Те районы, которые М.И. Артамонов считал самостоятельными *культурами*, близкими салтовской, она предлагает считать локальными *вариантами*: 1) лесостепной (салтовский) в верховьях Северского Донца, Оскола и Дона; наиболее развитый и относительно ранний, он основан населением, антропологически близким к сарматам, жившим в том регионе в нач. н.э., и к кавказским аланам; 2) степная зона Подонья, населенная праболгарами; 3) приазовский и 4) крымский варианты, в целом сходные с подонским; 5) дагестанский и 6) нижневолжский, где до сего дня продолжают поиски *собственно хазар*³. Работы С.А. Плетневой получили широкий резонанс в науке и с 1970-х гг. ее гипотеза стала использоваться многими историками⁴. В этом ключе написано и большинство новейших археологических трудов, концептуально остающихся на тех же позициях, но давших ценный фактический материал по социальной и этнической структуре этих «вариантов».

Однако В.С. Флеров еще в начале 1980-х гг. напоминал о дискуссионности версии С.А. Плетневой. Не решая прямо вопрос о территориальном определении салтовской культуры, он

---

¹ *Березовець Д.Т.* Про ім'я носіїв салтівської культури // Археологія. Вип. XXIV. Київ, 1970. С. 59—74.

² См., напр.: *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. С. 232—234.

³ *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. С. 5—6, 112; *Плетнева С.А.* Хазары. С. 42—46.

⁴ См., напр.: *Новосельцев А.П.* К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // ИСССР. 1982. №4. С. 150—159; *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 108—109; *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. С. 203—222. Попытки переосмысления образа Хазарии, созданного С.А. Плетневой, начинаются только сейчас: *Голден П.* Достижения и перспективы хазарских исследований. С. 42—43, 45.

отмечал равноправное существование трех точек зрения: 1) восточно-европейская культура, возникшая на алано-болгарской основе и распространившаяся от Средней Волги до Нижнего Дуная; 2) государственная культура Хазарского каганата; 3) культура населения бассейна Дона — Северского Донца — Приазовья. Главный собственный вывод о понимании салтово-маяцкой культуры был сделан им на материале и только в отношении лощеной керамики этой культуры. В керамическом материале выявлено *наименьшее* сходство между керамикой «лесостепного» и «степного» вариантов, с одной стороны, и керамикой областей, точно непосредственно входивших в Хазарский каганат — с другой стороны¹.

Обобщения фактов, отмеченных В.С. Флеровым и рядом других археологов, сделаны в статье Г.Е. Афанасьева, вышедшей в 2001 г. Ученый заметил, что выделение М.И. Артамоновым ниже-донского варианта салтовской культуры было осторожным предположением, которое его учениками не было доказано. Г.Е. Афанасьев полагает, что «если исходить из современных требований, предъявляемых к выделению археологической культуры и ее локальных вариантов, ... то станет очевидным, что эти признаки (выделенные С.А. Плетневой. — *Е.Г.*) вообще не могут быть использованы для выделения какой-либо культурно-территориально-хронологической группы археологических памятников». О современном состоянии проблемы он замечает: «Завершился процесс смысловой трансформации данного научного термина («салтово-маяцкая культура». — *Е.Г.*) априорной формулой: салтовская культура = археологическая культура Хазарии». Однако, сделав такие неутожительные для общепринятой концепции выводы, Г.Е. Афанасьев считает, что археологические признаки существования на данной территории Хазарского государства все же имеются. В качестве таковых он рассматривает белокаменные и кирпич-

---

¹ Флеров В.С. Лощеная керамика салтово-маяцкой культуры как исторический источник. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1981; Флеров В.С. О хронологии салтово-маяцкой культуры // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983. С. 103—109.

ные крепости в верховья Северского Донца, Оскола, на среднем течении и в низовьях Дона¹.

Таким образом, на данный момент наиболее признанным является понимание салтовской культуры как государственной культуры Хазарского каганата. При этом были выделены следующие признаки единства салтовской культуры: 1) бесфундаментная кладка стен городищ; отмечается, что этот строительный антисейсмический прием, необходимый в горных и предгорных районах (Дагестане и Крыму), прослежен и в остальных вариантах; 2) стационарные неукрепленные поселения, основным типом на которых были полуземлянки с очагом; 3) столовая лощеная посуда, конские сбруи, воинские пояса, богатая женская бижутерия; 4) попадающиеся в пределах распространения культуры надписи, выполненные руническим письмом². Указанные аргументы традиционно подтверждаются данными восточных источников о Хазарии, в первую очередь, перечнем данников Хазарии в письме царя Хазарии Иосифа испанскому еврею Хасдаи ибн Шафруту³. Однако эта аргументация весьма спорна. Очевидно, что основная территория салтовской культуры с учетом этих известий не может быть признана входящей в Хазарский каганат, и соответственно сама археологическая культура — государственной для Хазарии.

Археологические аргументы единства салтовской культуры также могут быть оспорены. Построенный при участии византийского архитектора Петроны⁴, Саркел, по мнению М.И. Артамонова, не имеет общих черт в форме и технике построения с укреплениями лесостепного варианта⁵. Население же Саркела включало две большие этнические группы: 1) оседлое земледельческое население, жившее в землянках с земляными очагами в западной, самой доступной части крепости⁶ и хоронившее умерших по «зливкинскому обряду» (групп-

---

¹ *Афанасьев Г.Е.* Где же археологические свидетельства... С. 43, 45, 50—55.

² *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. С. 46; *Винников А.З., Плетнева С.А.* На северных рубежах Хазарского каганата. С. 22—27.

³ *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. С. 186—187.

⁴ Там же. С. 171—173.

⁵ *Артамонов М.И.* История хазар. С. 302.

⁶ Там же. С. 308.

товые ямы); 2) жившее в цитадели население с яркими признаками кочевого быта, составлявшее гарнизон¹. В отношении гарнизона М.И. Артамонов отмечает, что их культура не сходна с салтово-маяцкой (в узком смысле), параллели можно провести с кочевническими памятниками Средней Азии, Казахстана, отдельными погребениями Заволжья, Кубани и Приазовья (т.е. 3—6-м вариантами салтово-маяцкой культуры по классификации С.А. Плетневой)². Необходимо отметить, что население раннего Саркела — периода постройки крепости — было уже антропологически разнородным, хотя 2-й группы еще не было³. Все мужчины и часть женщин раннего Саркела по краниологическому типу идентичны черепным показателям Зливкинского могильника и Правобережного Цимлянского городища (далее — ПЦГ) — «праболгарам». Краниологический показатель остальных женщин идентичен тому, что был обнаружен в Верхнем Салтове, т.е. долихокранному аланскому. А вот мужские долихокренные черепа в ПЦГ встречались, в Саркеле же — нет⁴. Этот факт особенно знаменателен, поскольку в могильниках верховий Северского Донца захоронения зливкинского типа часто располагаются по окраинам катакомбных могильников, почти не имеют инвентаря и резонно трактуются как захоронения зависимого населения⁵. Обратных примеров нет. Исходя из этих посылок, можно предположить, что строители Саркела были настроены весьма враждебно к салтовцам; женщины-долихокраны, скорее всего, пленницы (ведь мужские долихокренные серии в раннем Саркеле не обнаружены).

Другим важным доказательством единства «шести вариантов салтовской культуры» является бесфундаментная кладка стен⁶. Такой вывод делается за счет того, что этот строи-

---

¹ Артамонов М.И. Саркел — Белая Вежа. С. 34.

² Там же. С. 35—36.

³ Гинзбург В.В. Антропологический состав населения Саркела — Белой Вежи и его происхождение // МИА. №109. С. 263.

⁴ Гинзбург В.В. Краниологические материалы из Правобережного Цимлянского городища // МИА. №109. С. 306.

⁵ Плетнева С.А. От кочевий к городам. С. 94—95.

⁶ Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. С. 22.

тельный антисейсмический прием, необходимый в предгорных районах, распространен в степи и лесостепи, не подвергавшихся землетрясениям. Однако приемы такой кладки в хазарском Предкавказье (городище у с. Чири-Юрт и др.) были заимствованы у аланского населения Северного Кавказа, родственного носителям лесостепного варианта салтовской культуры, и местных жителей Дагестана (государства Сарир)¹ — не менее сейсмоопасных районов с гораздо более древними традициями домостроительства (хазары и в X в. оставались кочевниками). Общность принципов строительства городищ является одним из культурообразующих признаков не для археологической культуры, а для *культурно-исторической общности*, который может быть полностью перенят у одного народа другим. Общие черты в строительстве крепостей прослеживаются на огромной территории, никогда не объединенной политически, — от Средней Азии до Византии включительно до такой степени, что исследователи не могут определить, к какой традиции восходит тот или иной комплекс². То же можно сказать и о полуземлянках с очагами, распространенных по всему югу Восточной Европы. Полуземлянка вообще является традиционным жилищем оседлого населения, и заимствуется при оседании кочевниками у соседних народов. Установлено, что восточноевропейская полуземлянка берет начало в славянском жилище. Эта конструкция была, возможно, в VII—VIII вв. заимствована населением лесостепного варианта салтовской культуры³ и уже в IX в. воспринята у них праболгарами и другими тюрками, вступившими в стадию оседания⁴. Первоначальным же типом для зливкинского варианта

---

¹ Магомедов М.Г. Хазарские поселения в Дагестане // СА. 1975. №2. С. 202—203.

² Артамонов М.И. История хазар. С. 308; Раннопорт П.А. Оборонительные сооружения Древней Руси // ВИ. 1970. №11. С. 58-59; Афанасьев Г.Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-асского населения бассейна Среднего Дона. М., 1993. С. 131.

³ Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989. С. 86; Флеров В.С. Поселение VIII-IX вв. у ст. Богоявленской // СА. 1971. №2. С. 265.

⁴ Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. С. 84—86.

являлось юртообразное жилище с очагом в центре пола¹. Схожесть бытового инвентаря, как сельскохозяйственного, так и керамики, также связана с оседлым образом жизни, который гораздо раньше был свойственен лесостепному, чем зливкинскому варианту, носители которого в VIII в. проходили еще процесс оседания. Жители степи почти век после своего появления в Подонье имели стойбища почти без культурного слоя. Многие принципы изготовления сельскохозяйственных орудий труда также были заимствованы оседающими кочевниками у изначально земледельческих славян².

Столовая серолощенная посуда, сделанная великолепными мастерами на гончарном круге, действительно была широко известна на всем юге Восточной Европы. Большинство ученых возводили традиции ее изготовления еще к черняховской культуре. Своим зарождением серолощенная керамика обязана сармато-аланским мастерам Крыма и Приазовья еще догуннского времени³. Очень долгое время лишь сармато-аланы знали секрет ее изготовления. Праболгары, кочевавшие в Приазовье в VI—VII вв., именно тогда познакомились с лощеной керамикой; некоторые североиранские племена жили в составе Великой Булгарии, что подтверждает присутствие в ее памятниках серолощенной посуды. После гуннского нашествия, когда часть алан отошла на Северный Кавказ, это ремесло появилось и там, быстро приобретая популярность. В VI—VII вв. с ней познакомились на территории современного Дагестана — в Сарире и дагестанской Хазарии⁴. Такое быстрое ее распространение естественно: гончарное дело у сармато-алан имело почти промышленные масштабы, везде, где ни появлялись они, сразу же возникали огромные по тем временам гончарные мастерские, где керамика изготавливалась на продажу.

Конские сбруи и пояса тем более не могут служить признаком для объявления салтовской культуры «государственной

---

¹ Плетнева С.А. Хазары. С. 44.

² Михеев В.К. Техника и технология изготовления сельскохозяйственных орудий салтовской культуры // Археологические памятники Юго-Восточной Европы. Курск, 1985. С. 93—97.

³ Пиоро И.С. Крымская Готия. С. 113-126.

⁴ Флеров В.С. Лощеная керамика салтово-маяцкой культуры как исторический источник. С.12.

хазарской». Издавна, со скифских времен и до рубежа II тыс. н.э. существовала в степи воинская «мода», сочетающая в себе элементы практически всех народов, обитавших на юге Восточной Европы, и не только. Например, сабли очень близки в VII—IX вв. на территории от Поднепровья и Подонья до Прикамья, а пряжки идентичны в салтовской культуре, в новинковской культуре, у тюрок Заволжья и на горном Алтае¹. Погребение нельзя относить к какой-либо культуре по данному признаку².

Таким образом, очевидно, что ни один из предложенных аргументов в пользу хазарской государственной принадлежности всех шести *вариантов* салтовской культуры не подтверждает этого тезиса. Все они характерны для историко-культурной общности, в которую с таким же основанием могут быть включены памятники алан Северного Кавказа и болгар Нижнего Дуная и Средней Волги³. Для обоснования государственной принадлежности культуры необходимы неоспоримые факты взаимопроникновения локальных вариантов на гораздо более глубоком уровне: культуры, идеологии, письменности, хотя бы администрации. Такое единство видят в рунической письменности⁴.

Однако в последние десятилетия, несмотря на принципиальные разногласия в подходах к тюркской рунологии, все крупнейшие отечественные специалисты современности по тюркской рунике стали значительно более осторожны в вопросе происхождения восточноевропейских рун. А.М. Щербак, не подвергая сомнению тюркское происхождение рун Восточной Европы и признав при этом, что «ни одно из чтений не яв-

---

¹ Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. С. 63—67.

² См.: Михеев В.К. Две раннесредневековые находки на Харьковщине // СА. 1983. №3. С. 212—214; Айбабин А.И. Погребение хазарского воина // СА. 1985. №3. С. 199—200; Айбабин А.И. Салтовские поясные наборы из Крыма // СА. 1977. №1. С. 255.

³ Ср.: Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. С. 135; Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964; Афанасьев Г.Е. Муравьевский клад (к проблеме оногуро-булгаро-хазарских миграций в лесостепь) // СА. 1987. №1. С. 193—202.

⁴ Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. С. 26—27.

ляется обнадеживающим», решил, что многие из них «имеют мало общего с обычными памятниками письменности» и, скорее всего, не являются содержательными текстами. Более того, хазары и булгары, согласно А.М. Щербак, не могли заимствовать тюркское письмо, т.к. мигрировали в Восточную Европу много ранее формирования рунической письменности в азиатских степях. Поэтому исследователь предполагает, что надписи принадлежат той части печенегов, которая сравнительно поздно пришла в южнорусские степи из Средней Азии¹.

С.Г. Кляшторный вообще отошел от попыток их дешифровки².

И.Л. Кызласов, продолжающий исследования, пришел к следующим важнейшим выводам: 1) восточноевропейские руны сходны не с достоверно тюркскими орхоно-енисейско-таласскими письменами, а с тремя другими системами письма, не поддающимися пока дешифровке (классификация И.Л. Кызласова): южноенисейским (Сибирь), ачикташским и исфаринским (Средняя Азия); 2) эти неведомые пока алфавиты генетически не связаны с орхоно-енисейско-таласскими; 3) история тюркоязычного рунического письма в Средней и Центральной Азии восходит, по крайней мере, к гунно-сарматской эпохе; 4) изначальная природа рунической письменности евразийских степей — *не тюркская, а была лишь заимствована тюрками*; на это указывают система отражения гласных, правосторонность письма и парность размещения знаков в азбуке³.

Совсем иное прочтение этих надписей давно было предложено лингвистом Г.Ф. Турчаниновым. Саму систему письма лингвист идентифицировал как средневековую осетинскую — аланскую, уходящую корнями в скифо-сарматское письмо армейского дукта⁴.

---

¹ Щербак А.М. Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрков, границы ее распространения и особенности использования. СПб.: Наука, 2001.

² См.: Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003.

³ Кызласов И.Л. Новые основы тюркской рунологии // КСИА. Вып.217. М.: Наука, 2004. С.15—17.

⁴ Турчанинов Г.Ф. Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка. Владикавказ, 1990. С. 78. Игнорирование выводов Г.Ф. Тур-

Но если единство салтовской культуры как государственной культуры Хазарского каганата эфемерно, то существенные различия между вариантами проявляются очень ярко. Более всего очевидны различия между лесостепным вариантом и всеми остальными. Для него выделяются следующие типичные признаки: 1) в строительстве городищ: белокаменные и бесфундаментные стены (преобладающий признак), сырцовые и земляные стены (встречаются не часто); 2) в приемах домостроительства: полуземлянки с очагами и с печами (преобл.), юртообразные полуземлянки; 3) в характере поселений: стационарные поселения (преобл.), кочевья; 4) погребальный обряд: катакомбные погребения и трупосожжения (преобл.), ямные погребения; 5) краниологический тип: долихокраны (преобл.) и брахикраны. В других вариантах из перечисленных признаков отсутствуют: белокаменные городища (кроме степного Подонского варианта), земляные (глиняные) стены (так же), полуземлянки с печами (так же), трупосожжения (больше нет нигде). В то же время в лесостепном и степном вариантах нет характерных для Дагестана и Нижнего Поволжья сырцово-каменных и каменных построек, жилищ на каменных цоколях¹.

Из этнообразующих признаков важно то, что определяющим для лесостепного варианта являются катакомбные захоронения и встречающиеся только здесь трупосожжения. В чис-

---

чанинова другими исследователями в отношении восточноевропейской средневековой руники еще в советскую эпоху были вызваны, похоже, не столько научными соображениями (ибо критического разбора данных дешифровок пока нет), сколько политическими событиями вокруг датировки и прочтения Г.Ф. Турчаниновым знаменитой Майкопской надписи. Интерпретацию тех событий заинтересованными сторонами см.: *Джемакулова Б.* О Георгии Федоровиче Турчанинове // Абхазия.ORG/ <http://www.abkhaziya.org/server-articles/article-27868e5762c72b33619ac8e3adc45e96.html>; *Хоштария-Броссе Э.В.* Абхазская проблема в конфликтологическом аспекте. История и современность // Абхазия. История Абхазии, Грузии / <http://www.abkhazeti.ru/pub/print.php?articleid=266>. Только в последнее время исследователи начинают использовать его прочтения (*Флеров В.С., Флерова В.Е.* Иудаизм в степной и лесостепной Хазарии: проблема идентификации археологических источников // Хазары / Евреи и славяне. Т.16. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2005. С.188).

¹ *Винников А.З., Плетнева С.А.* На северных рубежах Хазарского каганата. С. 20—23.

ло этнообразующих признаков в данном случае может быть включена и лепная столовая посуда¹. На поселениях лесостепного варианта одним из основных типов лепной посуды были большие толстостенные горшки, сделанные из глиняного теста с примесью шамота. Также попадались кухонные горшки из грубого теста, сделанные на гончарном круге. Горшки эти правильной яйцевидной формы, обжиг ровный гончарный, имеет линейный орнамент, нанесенный штампом. Аналогии таким сосудам имеются в синхронных аланских памятниках Северного Кавказа². Столовая посуда степного варианта резко отличается, прежде всего, менее качественным составом теста³, что свидетельствует о попытке заимствования степняками самой технологии.

Таким образом, по состоянию на VIII — нач. IX в. ни данные аутентичных письменных источников, ни археологические материалы не подтверждают существования огромного Хазарского каганата, якобы простиравшегося от Нижней Волги до Днепра. Еврейско-хазарская переписка и арабо-персидские географы локализуют Хазарию в восточном Предкавказье и в дельте Волги, причем крайним пограничным пунктом с запада в письме Иосифа называется крепость Саркел (Левобережное Цимлянское городище), а до 30-х гг. IX в. и низовья Дона не входили в Хазарский каганат. Данные археологии полностью подтверждают такое расположение Хазарии. Салтово-маяцкая культура представляет собой историко-культурная общность, сложившуюся у нескольких разных и не связанных единым государством этносов вследствие сходных природных условий обитания и общих в целом видов хозяйственной деятельности. Археологические признаки хазарского этноса в «чистом виде» достоверно еще не выявлены (подкурганные погребения

---

¹ *Генинг В.Ф.* Проблема соотношения археологической культуры и этноса. — С. 12; *Кудрявцева О.М.* К вопросу об определении понятия «археологическая культура» в современной советской археологии. С. 86.

² *Абрамова М.П.* О некоторых критериях выделения памятников алан на Северном Кавказе // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М., 1996. С. 5—6; *Ковалевская В.Б.* Западное Предкавказье. С. 91—92.

³ *Винников А.З., Плетнева С.А.* На северных рубежах Хазарского каганата. С. 25.

с ровиками могут трактоваться не яснее, чем «тюркские»), до сих пор не обнаружены города Итиль, Самандар, Баланджар. Это весьма сложная задача: основные исследования этого вопроса должны проводиться в сложных условиях Кавказа, где на протяжении тысячелетий было характерно образование небольших племенных союзов в этнической чересполосице. Это связано с природно-климатическими особенностями региона, рельефом местности. Материальная культура позднегуннских этносов Кавказа, тем более близких по происхождению, различается незначительно. Достаточно серьезные отличия наблюдаются между большими группами — «гуннской» (или гунно-сарматской), «аланской» и «автохтонной», хотя наблюдались и взаимные проникновения. Хазары относились к первой группе, как и племена Великой Булгарии, вошедшие в состав Хазарской конфедерации. Культура булгар VIII—X вв. более или менее известна, благодаря Волжской Булгарии. Поэтому основное направление должно идти по линии размежевания хазарских и булгарских памятников. Это должно быть осуществимо, поскольку из письменных источников известно, что булгары, входившие в состав Хазарии, к X в. сумели сохранить этнокультурную идентичность и социальную организацию, став потом известными как «черные булгары».

Общество и власть в Хазарском каганате

Систематизированные данные о социально-политическом устройстве хазар имеются также исключительно в арабо-персидских средневековых сочинениях. Поскольку Хазария являлась соседом Халифата, торговым партнером его прикаспийских и, в меньшей степени, среднеазиатских областей, сведений сохранилось немало. Некоторые из них явно мифологичны, что неизбежно в средневековых описаниях варварского мира, но большинство вполне адекватно тому, что известно о реалиях той эпохи.

В арабо-персидских памятниках «каспийского свода» основное место жительства хазар определяется как «равнина» (سهل), как и земли бургасов и славян. Степи (مفاوز، صحارى), куда хазары уходят весной на летовку, упоминаются только геогра-

фами «школы ал-Джайхани»¹. Зимой, по данным арабо-персидских географов, население Хазарии пребывает в неких двух городах². Царь Иосиф так описывает основной способ хозяйствования хазар: «С месяца Нисана мы выходим из города и идем каждый к своему винограднику и своему полю и к своей (полевой) работе. Каждый из (наших) родов³ имеет еще (наследственное) владение, (полученное от) своих предков, место, где они располагаются; они отправляются (туда) и располагаются в его пределах»⁴.

У хазар были распространены и овцы, и крупный рогатый скот. С одной стороны, на арабском Востоке славилась хазарская овца, способная приносить приплод дважды в год⁵. С другой — автор «Худуд ал-алам» упоминает о вывозе из Хазарии коров, причем ставит эту «статью экспорта» на первое место⁶. Дополняют картину независимые данные Гардизи и традиции ал-Балхи о наличии у хазар пахотных полей, фруктовых садов и виноградников⁷. Последователи ал-Балхи, а за ними и поздние арабские географы, повествуют о развитом рыболовстве в Хазарии⁸. Этот факт подтверждает и царь Иосиф⁹. Для предго-

---

¹ Захoder Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. В 2-х тт. Т.1. М., 1962. С. 96.

² Kitab al-a'lak an-nafisa VII auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar *Ibn Rosteh*. P. 139—140; *Ал-Марвази*. Таба'и' ал-хайаван. С. *21; *Gardizi*. Zain al-Akhbar. P.153.

³ Речь, конечно же, идет не о родах, а о племенах — т.е. более крупных этносоциальных единицах, между которыми обычно распределялась земля в кочевых сообществах. Выделенной землей каждое племя распоряжалось сообществом, включая временное распределение пастбищ и пашен в соответствии с коллективными нуждами племени, а также земельные переделы (*Марков Г.Е.* Кочевники Азии. С. 291—297).

⁴ Ответ хазарского царя *Иосифа* к Хасдаи ибн Шафруту. С.99.

⁵ *Ал-Бакри*. Китаб ал-масалик ва-л-мамалик. С.43.

⁶ *Hudud al-'Alam*. P.161.

⁷ *Gardizi*. Zain al-Akhbar. P. 155; *Via Regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri*. P. 222; *Opus geographicum auctore Ibn Haukal*. Leiden, 1872. P. 281.

⁸ *Via Regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri*. P. 221; *Opus geographicum auctore Ibn Haukal*. Leiden, 1872. P.281; *Descriptio imperii moslemici auctore Schemso'd-din Abu Abdallah Mohammed ibn Ahmed abi Bekr al-Banna al-Basschari al-Mocaddasi*. Ed. M.J. de Goeje. Leiden, 1906 (BGA. III). P. 361; *Йакут ал-Хамави*. Му'дjam ал-Булдан. Т. 2. С. 368.

⁹ Ответ хазарского царя *Иосифа* к Хасдаи ибн Шафруту. С. 87.

рий и приморской низменности это совершенно непротиворечивая информация.

Обитатели Юго-Восточной Европы I тыс. н.э. по своим традициям большей частью принадлежали не к «чистым»номадам, а к полукочевым скотоводам. Постоянные перекочевки свойственны им были лишь в экстремальных условиях войны и великих переселений. Структура животноводства, указанная в источниках, также свидетельствует о полукочевом или даже полуоседлом образе жизни, когда зиму проводят в стационарном жилище: крупный рогатый скот в зимний период требует наличия специальных помещений, а также серьезных предварительных заготовок корма для стойлового содержания¹. В такой хозяйственно-экономической модели, как правило, применялось и земледелие, носившее изначально вспомогательный характер. Почвы в Предкавказье и Прикаспии известны своей высокой плодородностью, и мотыжное земледелие, обычное для полукочевников, могло приносить ощутимые результаты.

Отмечена в источниках и роль приморских городов в экономике Хазарии: «Khamlikh, Balanjar, Bayda, Savghar, Kh.tl.gh, L.kn, Swr, Ms..t² — города хазар, все с мощными стенами. Основной источник благополучия и богатства царя хазар — из приморских городов»³. Многочисленные городища Приморского Дагестана хорошо известны и исследованы археологами⁴. Там действительно процветало виноградарство, развивались многочисленные ремесла⁵. Другое дело, что в археологии

---

¹ Цалкин В.И. Животноводство и охота племен восточноевропейской лесостепи в раннем железном веке / МИА. №135. М., 1966. С.81—82; Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ, 1976. С. 209. «Чистые» кочевники могли содержать только крупный рогатый скот, но в очень небольшом количестве и особо выносливых пород, которые отличались от стойловых животных очень низким уровнем надоя, меньшим весом, замедленным циклом воспроизводства, т.е. об успешном экспорте подобных животных не могло быть и речи (Крадин Н.Н. Империя Хунну. С.68).

² Местонахождение этих городов неизвестно.

³ Hudud al-'Alam. P. 162.

⁴ См.: Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата (по материалам археологических исследований и письменным данным). М.: Наука, 1983. Монография полностью посвящена культуре населения этих городищ.

⁵ Там же. С.95—120.

Северного Кавказа еще слишком много «белых пятен», чтобы определенно говорить о вхождении того или иного городища в Хазарский каганат, а не в соседние «царства» и «владения» позднегуннского происхождения — Сарир, Хайтак («Джидан»), Маскат и т.п.¹. Те же знатные воины, погребенные в Верхнечирюртовском могильнике, к хазарам этнически отношения не имели, как, вероятно, и сама крепость, а принадлежали к силам антиарабской коалиции². Но появление в этих укрепленных поселениях в нач. VIII в. этнических групп с кочевыми традициями несомненно, равно как их дальнейшая интеграция с оседлыми аборигенами³.

Этническая структура ядра Хазарии VIII в. (без болгар, оногуров, «царства гуннов», населения прикаспийских городов) включала потомков тюрок Западнотюркского каганата и ранних хазар гунно-сарматского происхождения. Изначально тюрки, как завоеватели, должны были иметь более высокий социальный статус. Но сохранение тюркским «центром» хазарской племенной верхушки, практика «двоевластия», со временем превратившаяся в связку *шад* — *каган*, крушение каганата западных тюрок — все это вело к установлению равенства между тюрками и хазарами в Предкавказье и Прикаспии, а в дальнейшем — неизбежному смешению.

От тюркского гарнизона сохранились лишь два небольших анклава в предгорьях, впрочем, сумевшие сберечь свои воинские традиции. Согласно ал-Марвази, «что касается хазар, то их страна обширна и соприкасается одной своей стороной с великой горой. На краю этой горы живут *два народа* из тюрок. Называется один из них двоих Тулас, а другой — Л.в ‘ар»⁴.

---

¹ См., напр., локализацию этнополитических объединений Северо-Восточного Дагестана: Федоров Г.С. Этническая история Северо-Восточного Дагестана (проблема происхождения кумыков). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Махачкала, 1995

² Атаев Д.М. Основные итоги историко-археологического изучения средневековой Аварии // Ученые записки НИИ ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. Т.11. 1963. С. 191—192; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. IV—X вв. С.203.

³ Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. С. 121—124.

⁴ Ал-Марвази. Таба’и’ ал-хайаван. С.*21. Ибн ал-Факих, с сочинением которого составитель протографа знаком не был, упоминает о двух «городах»

У Ибн Русте отрывок от «страна обширна» до «Тафлис» почти тождественен, за исключением *аль-хайл* («сила») вместо *аль-джабал* и отсутствия слов «из тюрок, называется один из них двоих... и другой»¹. Ал-Марвази использовал, очевидно, текст, в этой части более близкий к протографу. В результате искажения первоначального текста в источнике Ибн Русте Тулас и Л.в Г.р превратились из тюркских народов на окраине (северной, наиболее отдаленной от арабского мира) Кавказа в «силу» хазар, которая простирается до Тифлиса. Автор «Худуд» пишет, что «Тулас, Л.в Г.р — две области хазар. Люди воинственные и обладают большим числом оружия»². Возможно, этих тюрок на Кавказе упоминает Ибн ал-Факих, информация которого восходит к несохранившемуся труду ал-Джахиза, написанному в 1-й пол. IX в.³. Интересно, что в источниках нет сообщений о явных этнических различиях между этим родом и остальными хазарами. Это наводит на мысль о том, что каган происходил из хазарской знати, в отличие от шада, изначально представлявшего тюркскую дружину.

В наиболее ранней («Худуд») и полной (Гардизи) редакциях цикла «О тюрках» даются такие описания хазарского общества и власти:

1) *«Атил — город, разделенный рекой Атил. Это столица хазар и место пребывания царя, который называется Тархан Хакан и является одним из прямых потомков Анса (انس). Он живет со своей дружиной в западной части города, отгороженной стеной»⁴. В другой части живут мусульмане и огне-*

тюрок, которые расположены по соседству с хазарами (один из них — Дани — между хазарами и византийцами). Их жители совершают набеги на хазар, а тюрки Дани даже «имеют силу над хазарами, но не справляются с византийцами» (Арабские источники о тюрках. С. 54—55). Источником этой информации, по всей вероятности, является несохранившийся труд ал-Джахиза, написанный в 1-й пол. IX в. (там же. С.27). Но о каких тюрках здесь идет речь — не ясно. Во всяком случае, они представляют по отношению к хазарам внешнюю силу, вторгающуюся в пределы Хазарской страны.

¹ Kitab al-a'lak an-nafisa VII auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar *Ibn Rosteh*. P. 139.

² Hudud al-'Alam. P. 162.

³ Асадов Ф.М. Введение. С. 27.

⁴ Отсутствует упоминание об иудаизме как религии хазарского правителя и его окружения.

поклонники. У этого царя в городе семь наместников (судей), принадлежащих к семи различным верам. Если возникает более серьезная тяжба, они спрашивают у царя, как поступить, или сообщают о решении, принятом в отношении этой тяжбы»¹;

2) «У них есть царь, которого зовут иша, и есть еще верховный царь. Этот верховный царь называется у них «хазар хакан». Хазар хакан имеет титул старшего царя, и ничего более. Что касается всех государственных дел и власти, то они у иша, и никто из них не обладает большей властью, чем иша.

Верховный правитель и иша — иудей. Также иудеи все принадлежащие к его роду из военных вождей и других значимых людей. Остальные исповедуют религию, похожую на религию гузов-тюрок. У них есть два великих города... В этих двух городах есть мусульманские общины. У них имеются мечети, имамы, муэдзины и школы. И с этих мусульман хазары собирают (дань) в соответствии с величиной (богатства) каждого из (мусульман). Этот иша взимает дань сам или делится с войском... Когда царь хазар поднимается на войну, 10 тысяч всадников поднимаются вместе с ним. Некоторые из них состоят на жаловании, в то время как другие являются вассалами (слугами) и клиентами знатных людей, кто идет вместе с царем с собственным вооружением и обмундированием»².

Протограф «Худуд» в месте о хакане хазар сильно искажен. Об этом свидетельствует возникновение вместо иша, т.е. шада, некоего Анса (انسا), а также появление вместо титула «хазар хакан» совершенно нелогичного «Тархан хакан», которое явно восходит к рассказу о «тархане, владыке хазар», известному по книге Ибн Хордадбеха³. Если в рассказе Саллама о путешествии к стене Йаджудж и Маджудж, который воспроизводит Ибн Хордадбех, титул «тархан» употреблен в верном историческом контексте и относится к военачальнику, командующему приграничной области⁴, то здесь это очевидная

---

¹ Hudud al-‘Alam. P. 162.

² Gardizi. Zain al-Akhbar. P. 152—154.

³ Ср.: Kitab al-Masalik wa’l-Mamalik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu’l Kasim Obaidallah Ibn Abdallah Ibn Khordadbeh. P.164.

⁴ О значении титула *тархан* см. §1, гл.4.

ошибка. Вызвана она, видимо, попыткой очередного редактора восстановить смысл утраченного текста по имевшейся в его библиотеке литературе. В остальном тексты цикла, восходящие к 1-й пол. IX в., дают краткую, но яркую картину социально-политической структуры Хазарии (точнее, ее верхушки и городского населения).

Уже в это время существует система двоевластия, и статус хакана уже сведен к сакральному. Судя по приведенным источникам, за шадом все время с эпохи Тюркского каганата сохранялись военно-административные функции, которые ему удалось расширить, и свести к минимуму роль местного вождя (кагана). Процесс сбора войска в Хазарии говорит о существовании т.н. стратифицированной сегментарной системы, известной у других кочевых народов. Каждым племенем в племенном союзе управляет свой аристократический род, причем в рамках рода эта должность была, как правило, выборной. Соответственно, в союзе существует весьма сложная иерархия этих правящих родов¹. Верховным правителем такой политики, примеры которой известны с эпохи хунну, мог стать только человек, принадлежащий к священному роду, представители которого обладали особыми магическими способностями. В том, что претендент обладает особой благодатью, харизмой, которая проявлялась в специфическом обряде инаугурации². Этот обряд в разных модификациях известен и в Тюркском каганате, и в Уйгурском, и у других тюрко-монгольских правителей Средневековья и нового времени³. В Хазарии, как и в Тюркском каганате, этот обряд происходил с помощью символического удушения хакана куском шелка⁴. Ал-Масуди дополняет эту картину красочным описанием сакральной роли хакана в жизни Хазарии:

---

¹ *Khazanov A.M.* Nomads and the Outside World. Cambridge, 1984. P. 145.

² *Крадин Н.Н.* Империя Хунну. С. 141.

³ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — С.229, 333; *Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М.: Наука, 1993. С. 69—70.

⁴ *Via Regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri.* P. 224.

«Когда мы говорим о царе (малик) хазар, то не имеем в виду хакана. Это потому что у хазар есть один царь, которого называют хакан, и по правилу он находится в подчинении другого царя. И хакан находится в глубине своего дворца и не знает езды верхом и появления перед знатью и народом, и нет выхода ему из его жилища, и с ним его жены. Он ничего не приказывает и не решает, не управляет в делах царства ничем. Но царство хазар не подчиняется должным образом¹ их царю без хакана, который находится с ним в столице царства и в его резиденции. Если случается засуха в земле хазар или чрезвычайная ситуация, или на них напали другие народы, или какой-либо неожиданный случай, тогда свита и народ обращаются к царю хазар и говорят ему: «Мы считаем злоедами этого хакана и его время, таким образом, нам послан знак; так убей его или передай его нам и мы убьем его». Иногда он его передает им и они его убивают, иногда сам его убивает, иногда он его пожалеет и защитит, потому что невозможно его убийство, если тот не совершил преступления и на нем нет вины (это порядок у хазар в настоящее время). Я не знаю, это с древних времен или новое. Однако сан хакана — из определенного знатного рода. Я считаю, что управление это было у них с древности², но Бог лучше знает»³.

Ибн Фадлан и цитирующий его Йакут называют реально-го правителя Хазарии не шадом, а беком⁴. Это перекликается с сообщением Константина Багрянородного, в котором он упоминает хакана и бека (пеха) хазар в связи с постройкой византийцами крепости Саркел в 830-х гг⁵. В тюркских языках иранское заимствование *бак* (бек) стало означать «правитель, господин, вождь, князь»⁶. При этом шад перестает упоминать-

---

¹ *Ля тастакыму*, т.е. «не держится».

² Речь идет в данном случае именно о древности системы власти в Хазарии (вариант: о царе), а не рода хакана.

³ *Ал-Мас'уди*. Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джавхар. Т.1. С.180.

⁴ *Йакут ал-Хамави*. Му'джам ал-Булдан. Т. 2. С. 368; Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. С. 146.

⁵ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 170—173.

⁶ *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С.140.

ся, а все его функции относятся к беку. Из этого следует, что произошла просто смена титула, символизировавшая повышение общественно-политического статуса шада.

Хазарское двоевластие давно является объектом пристального внимания исследователей. Исчерпывающее исследование религиозной семантики этих обрядов было проведено П.Б. Голденем¹. Основной особенностью хазарской политической структуры П.Б. Голден считает *сакрализованную* систему двоевластия, в таком виде больше нигде не известную, в том числе и у тюрков Евразии. Механизм возникновения такой уникальной системы пытался рассмотреть в свое время А.П. Новосельцев, поставив вопрос об этапах перехода реальной власти от хакана к шаду/ беку². Но его схема, в которой изначально вся полнота власти принадлежала хакану, в конце VIII в. в связи с поражением от арабов его «оттеснил» бек и наступило «двоевластие», которое в X в. сменилось единовластием бека, — такая схема представляется не совсем верной. Как было показано ранее, «двоевластие» в Хазарии существовало с момента подчинения ее Тюркскому каганату и сохранялось после образования Хазарского каганата. Но в VIII в. источники представляют хакана как реально действующего политика, а уже в сер. IX в. он становится сакральным символом. Принятие «заместителем хакана» нового титула относится, очевидно, тоже к концу 1-й пол. IX в., поскольку цикл «О тюрках» упоминает шада, а практически современный ему хронографический источник Константина Багрянородного — уже бека. Но с чем это было связано? «Поражение» от арабов здесь ни при чем, ибо благодаря сопротивлению арабам Хазарский каганат и возник. Каких-то крупных международных событий с участием Хазарии в кон. VIII — начале IX в. не было. Значит, причина во внутренних социальных и политических изменениях. В то время Хазария переориентировалась с экзотексплуатации в форме военного грабежа оседлых цивилизаций на тор-

---

¹ Голден П.Б. Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов // Феномен восточного деспотизма: структура власти и управления. М., 1993. С. 211—233. Там же см. историографию вопроса.

² Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. — С. 134—144.

говлю (скотом, рабами, пушниной) и контроль над торговыми путями, а также эксплуатацию данников, от которых и поступала большая часть экспортируемых товаров. Этими данниками, по свидетельствам источников, были буртасы и хазарские печенег. На каких условиях вошла в каганат часть болгарских и оногурских племен — неизвестно.

Но археологические материалы свидетельствуют, что во 2-й пол. VIII в. из Предкавказья происходит массовая эмиграция этих племен¹. Часть из мигрантов потом осваивается на Дону и Северском Донце, часть уходит на Среднюю Волгу. Другие носители той же материальной культуры начинают «победное шествие» по Ставропольской возвышенности и предгорьям, тесня аборигенов в горы². Эти события явно разворачивались на территории хазарской «конфедерации» и были связаны с консолидацией власти, образованием общей для каганата высшей аристократии. Те, кто имел иное видение проблемы, чем правящий род, но был в меньшинстве, по давней традиции номадов³ отделились от Хазарии и откочевали.

Включение в систему международной торговли, применение новых форм эксплуатации неизбежно вызвали изменение политики правящего рода в распределении доходов от этих видов деятельности, которые сосредоточились именно в его рамках. Итогом было недовольство некоторых племенных вождей. Следующим шагом правящей элиты должны были стать: консолидация власти, появление единого для всего каганата аппарата принуждения, возникновение военно-территориального деления и прочие признаки, характерные для раннего государства или «имперской политики»⁴. И изменения эти обязаны были получить идеологическое оправдание. События не заставили себя ждать.

---

¹ Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. IV—X вв. С. 47.

² Там же. С. 45.

³ См., напр.: Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. С. 118. О конфликте у южных хунну.

⁴ Першиц А.И. Некоторые особенности классовообразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов // Становление классов и государства. М., 1976. С. 280—313; Крадин Н.Н. Структура власти в государственных образованиях кочевников // Феномен восточного деспотизма: структура власти и управления. М., 1993. С. 192—210.

«Иудейский переворот». Расцвет и закат Хазарии

Как сообщает ал-Масуди, в эпоху халифа Харуна ар-Рашида в Итиле, столице Хазарии, произошли большие политические перемены, а именно принятие хазарским каганом иудаизма¹. В отечественном хазароведении это событие известно как т.н. иудейский переворот царя Обадии². Как этот акт проходил конкретно — вопрос неразрешенный и даже практически неисследованный. Слишком мало письменных источников, более или менее подробно повествующих о данном событии, точнее, источник один — переписка испанского еврея Хасдаи ибн Шафрута с хазарским царем Иосифом (не ранее середины X века). Хазарский иудаизм уже не одно десятилетие является предметом научных и околонучных дискуссий, исследований, далеко не всегда беспристрастных. И это действительно явление, которое заслуживает самого серьезного изучения.

Практически все источники, упоминающие Хазарию IX—X вв. (в том числе и Житие Константина Философа, и Повесть временных лет, и арабские авторы), говорят о распространении иудейской религии. Но в то же время этнические евреи не составляли в Хазарском каганате сколько-нибудь значительной социальной группы. Случай почти уникальный. Особенно если вспомнить, что традиционный иудаизм не только не стремится к распространению своей веры на другие народы, но и всячески ограждает себя от этого процесса. Известно, что последовательные талмудисты называют иноплеменников, исповедующих иудаизм, «проказой Израиля». Тема эта включает очень широкую проблематику, практически каждому аспекту которой посвящены многочисленные исследования³. Поэтому

---

¹ Ал-Мас'уди. Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джавхар. Т. 1. С. 178.

² Артамонов М.И. История хазар. С. 359—384; Плетнева С.А. Хазары. С. 62—65; Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. С. 219.

³ См., напр., специальные исследования: Golden P.B. Khazaria and Judaism // АЕМАе. Т. 3. Wiesbaden, 1983; Гольдельман М. Евреи в этнической истории Хазарии. // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. №1(8); Brook K.A. The Jews of Khazaria. Northvale; New Jersey; Jerusalem, 1999; Мухеев В.К., Тортика А.А. Евреи и иудаизм в Хазарском каганате: к вопросу о формули-

му здесь следует остановиться лишь на тех моментах, которые непосредственно связаны с эволюцией этносоциальной и политической структуры Хазарии.

Средневековые евреи, наслышанные о хазарском феномене, например, Эльдад га-Дани, пытались представить хазарских иудеев евреями колена Симеонова и половиной колена Манассии, позабывшими веру своих предков¹. Таким образом, они хотели приписать заслугу создания Хазарского каганата ортодоксальным иудеям. А вот хазарский царь Иосиф приводит свой народ от тюрок. Это значит, что хазарские иудеи закрытой сектой не были, иудейская религия здесь была прозелитической, принимающей желающих независимо от их этнического происхождения. Потому возник спор о характере хазарского иудаизма. Одни, ссылаясь на упоминание в письме Иосифа раввинистической литературы, склонялись к талмудизму, закрывая глаза на открытость хазарской веры. Другие настаивали на караимстве или библизме (течение в иудейской религии, не знающее Талмуд).

Судя по словам Иосифа, первоначально верхушка хазарского общества при «царе» Булане приняла какой-то неортодоксальный вариант. Как рассказывает Иосиф, Булан получил божественное откровение, предписывающее ему обратиться в истинную — иудейскую веру. Но, по обычаю раннего Средневековья (так поступил и киевский князь Владимир), Булан устроил диспут, в котором принимали участие мусульманский и христианский проповедники. Каждый из них хулил веру соперника, но оба согласились, что «вера Израиля — лучшая вера и вся она — истина». Вообще царский статус этого Булана находится под большим вопросом. События, описанные в легенде, явно происходили на Кавказе.

В письме Хасдаи ибн Шафрута и в трактате Абу-л-Хасана Йегуды га-Леви обращение некоего хазарского вождя в иу-

---

ровке современной научной концепции хазарской истории // Хазары / Евреи и славяне. Т.16. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2005; Флеров В.С., Флерова В.Е. Иудаизм в степной и лесостепной Хазарии: проблема идентификации археологических источников // Там же. С. 185—206; и др.

¹ [Эльдад га-Дани.] Книга Эльдада Данита // Три еврейских путешественника. Иерусалим — М., 2004. С. 33.

даизм связывается с горой Варсан/ Сеир, которая находилась южнее Ардебил¹. Соответственно, событие можно предположительно датировать около сер. VIII в. Но известно, что глава Хазарской конфедерации в это время иудаизм точно не принимал. Ничего подобного источники не сообщают и о его окружении. Естественно, что если бы это имело место в отношении весомого в Хазарии лица, это не могло остаться незамеченным в Халифате. Следовательно, если легенда и имеет историческую основу, то относится она к одному из многочисленных племенных вождей антиарабской коалиции.

В письме неизвестного хазарского еврея X в., которое называют по месту находки «Кембриджским анонимом», имеется иная версия этих событий. Некие евреи бежали из Армении в Хазарию и «породнились путем браков с жителями этой страны ... и они стали одним народом». Смешавшись с язычниками, евреи забыли свои обычаи, сохранив только обрезание и частично соблюдение субботы². В пространной редакции письма Иосифа говорится, что обращение в иудаизм произошло за 340 лет до Иосифа, то есть в самом начале VIII в. Еврейский ученый Иегуда га-Леви, писавший около 1140 г., ссылаясь на неизвестные источники, утверждал, что хазары приняли иудейство за 400 лет до него, то есть около 740 г. Скорее всего, иудаизм был занесен в Хазарию из соседних кавказских областей. Еврейские общины в Дагестане, а также принявшие иудаизм местные жители упоминаются задолго до VIII в³.

Но на обращении Булана история иудаизма у хазарской аристократии не закончилась. О продолжении известно как по арабским источникам, так и по переписке царя Иосифа. Правление халифа Харуна ар-Рашида — это 786—809 гг. В еврейско-хазарской переписке говорится о некоей произведенной царем Обадией религиозной реформе, в результате которой хазарские иудеи были ознакомлены с Мишной и Талмудом, то есть основами классического раввинистического иудаизма (раньше в Ха-

---

¹ Буянер Д.Б. О средневековом кавказском топониме ВАРСАН и его предварительной локализации // ВЯ. 1998. №4. С. 124—127.

² Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим, 1997. С.138.

³ Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе. С. 113—125.

зари́и был какой-то другой вариант этой религии). В результате царь Обадия «укрепил веру согласно закону и правилу»:

«Он (Обадия. — Е.Г.) был человек праведный и справедливый. Он поправил (обновил) царство и укрепил веру согласно закону и правилу. Он выстроил дома собрания (синагоги) и дома ученых (школы) и собрал множество мудрецов израильских, дав им много серебра и золота, и они объяснили ему 24 книги (Священного Писания), Мишну, Талмуд и весь порядок молитв, (принятых) у хаззанов. Он боялся Бога и любил закон и заповеди»¹.

Эти слова свидетельствуют против мнений о караимстве хазар. Караимская религия полностью построена на отрицании Талмуда и борьбе с ним. Если бы Обадия предложил такие перемены караимам, «укреплять веру» ему пришлось бы огнем и мечом, и сомнительно, что он вышел бы победителем. Сопоставление еврейских источников с информацией ал-Масуди привело в свое время М.И. Артамонова к выводу, что в конце VIII — начале IX в. часть хазарской верхушки не приняла иудаизм, а сменила доталмудическую религию на раввинизм². Эта идея до сих пор является частью «образа Хазарии» в российской исторической науке. Но уже сравнительно давно П.Б. Голден убедительно продемонстрировал, что связывать эти материалы нельзя. При нынешнем состоянии источниковой базы совершенно невозможно определить, когда жил Обадия и в чем конкретно заключались его реформы³. Сведения, похожие на рассказ Иосифа, но на легендарном уровне, сообщает и Кембриджский аноним, не называя имен: некий храбрый военачальник, полухазарин-полуеврей, под влиянием жены и тестя начал интересоваться религией, ревностно выполнять предписания. Греки и арабы попытались прекратить распространение иудейства среди хазарской знати, и послали миссионеров. В диспуте ни один из проповедников трех вер не добился успеха. И тут иудеям помогло чудо. Из некоей пещеры были извлечены «книги закона Моисеева», содержание которых мгновенно убедило хазар вернуться к иудаизму «полностью»⁴. По-

---

¹ Ответ хазарского царя *Иосифа* к Хасдаи ибн Шафруту. С. 80, 97.

² *Артамонов М.И.* История хазар. С. 381—382.

³ *Golden P.B.* Khazaria and Judaism. P. 144—156.

⁴ *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века. С.139.

вод для перемен указали арабские авторы: миграция евреев из Византии, где их заставляли принимать христианство или уезжать. Настоящей причиной изгнания, видимо, были активные контакты византийских евреев с Халифатом.

Принятие иудаизма сулило хазарской знати другой уровень торговли на всех дорогах Евразии, а также еще большее возвышение правящего рода над племенной аристократией. Но ни в конце VIII в., ни позже, ни в самом конце существования Хазарии — в X в. — иудаизм не был единственной и даже наиболее распространенной религией этого каганата. Византийские источники в связи с борьбой за Крым нередко упоминают хазар. Так ни ко времени женитьбы ссыльного императора Константина Копронима на дочери хазарского хакана, ни при антихазарском восстании Иоанна Готского в конце VIII в. *ни один византиец не упоминает о том, что хазарские хаканы были иудеями*. Самых хазар автор Жития Иоанна Готского определяет как язычников¹. Св. Кирилл (Константин Философ) был в Хазарии с проповедью в 860—861 гг. и успешно участвовал в религиозном диспуте с иудеями, о чем сообщается в его Житии².

Этот источник, датирующийся концом IX — началом X в., оценивается как достоверный в отношении многих реалий эпохи св. Кирилла³. В нем послы кагана (sic!) просят византийского императора прислать «мужа книжного» из христиан, ибо иудеи побуждают их принять свою веру, а мусульмане — свою. Каган же представлен в Житии как реальный глава Хазарии и активный политик. Из подробного описания диспута все же следует, что каган «прославлял Бога единого, как учат книги»⁴, но иудеем он ни разу не назван, в отличие от участников дискуссии — оппонентов св. Кирилла. Согласно Житию, в результате деятельности проповедника крестилось двести представителей хазарской элиты, чему каган не

---

¹ Житие преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готии // Записки Одесского общества истории и древностей. 1883. Т. 13.

² Житие Константина // *Флоря Б.Н.* Сказания о начале славянской письменности. — СПб.: Алетейя, 2004. С.150—164.

³ См.: *Флоря Б.Н.* Сказания о начале славянской письменности. С. 6—120.

⁴ Житие Константина. С. 151.

препятствовал¹. В средневековой арабской литературе есть свидетельство, что хазары в 868 г. приняли ислам в обмен на помощь мусульман против нашествия неких тюрок (возможно, печенегов)². Попытки найти археологические свидетельства распространения иудаизма в Хазарии³ пока терпят крах⁴. Все это демонстрирует, что принятие иудаизма было прежде всего политическим актом, направленным, с одной стороны, на расположение торговых партнеров, а с другой — на решение внутренних проблем. Правящая верхушка приняла религию, которая не только способствовала замыканию власти внутри одного рода, но еще имела «встроенный» и непростой механизм пополнения элиты. То есть иудаизм был вариантом идеологического оформления институционализации власти и давал возможность племенным вождям «встроиться» в него с помощью браков, а их потомкам со временем — стать легитимными и равноправными членами единой общехазарской элиты.

Но превращение должности шада в бека должно было произойти раньше. Идеологическому обрамлению политические реформы все-таки должны предшествовать. Интересно, что в начале IX в. с просьбой о строительстве Саркела обращаются к византийцам хакан и бек вместе. А еврейские источники вообще не представляют хакана как реального правителя (и Булан, и Обадия, и Иосиф — «цари», то есть беки). Хакану вроде бы остается только сакральная функция. Бек командует войском, взимает налоги, является верховным судьей. А хакан, хотя и считается выше бека, назначается оным из лиц «известного рода». Если же хакан, проправив указанное количе-

---

¹ Там же. С.163—164.

² *Cosmographie de Chems-ed-din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimichqui*. P. 263.

³ *Плетнева С.А.* Саркел и «Шелковый путь». С. 29; *Майко В.В.* Хазари у Криму в другій половині Х ст. // *Археологія*. 1999. №2. С. 40—49; *Майко В.В.* Иудейские элементы в материальной культуре населения юго-восточной Таври второй половины X в. // *Проблемы истории и археологии Украины*. Харьков, 1999.

⁴ *Флеров В.С.* Коллоквиум «Хазары» (Иерусалим, 1999) и «Краткая еврейская энциклопедия» о хазарах // *РА*. 2000. №3. С. 229—234; *Флеров В.С., Флерова В.Е.* Иудаизм в степной и лесостепной Хазарии: проблема идентификации археологических источников.

ство лет, не собирается на тот свет, его убивают, так же как и в случае мора, голода и других несчастий и стихийных бедствий. Таким образом, иудейская реформа помогла беку заполучить власть в свои руки. Можно предполагать, что переворот обошелся малой кровью, поскольку мобильное и дискретное кочевое общество решает подобные проблемы с помощью откочевков.

Насколько поддерживало бека хазарское общество, продолжавшее оставаться языческим и полукочевым и объективно все более оттесняемое от распределения торговых доходов, — неизвестно. Возможно, показателем такой «поддержки» является появление в хазарском войске иноэтничных наемников — мусульман *ал-ларисийа*¹, которые переселились в Хазарию из Хорезма, когда там свирепствовали голод и чума, стали основным войском каганата и впоследствии проводили самостоятельную политику, шедшую вразрез с интересами хазарской верхушки (знаменитое истребление русов в 912/913 г.)². В принципе, у кочевников существовала практика, когда на территорию политии пускали жить кочевые роды/ племена, попавшие на своей родине в бедственное положение³. Но это единственный случай, когда наемники стали основой вооруженных сил. Причем служилая знать у хазар существовала еще в начале VIII в. В 1-й пол. IX в., когда составлялся протограф цикла «О тюрках», наемной была часть десяти тысячного войска, но такая, что на этом явлении арабы заострили внимание. А в начале X в., по данным ал-Масуди, наемники являются уже «опорой» хазарского владыки, и численность их достигает 7 тыс. воинов⁴. Куда же исчезла дружина кагана, ополчение племен?

Более подробно о событиях в Хазарии узнать нельзя: письменные источники исчерпаны, археология бессильна (пока не исследована собственно хазарская культура). Только можно сказать с уверенностью, что после этих событий политика Ха-

---

¹ *Ал-Мас`уди*. Мурудж аз-захаб ва ма`адин ал-джавхар. Т. 1. С. 179.

² Там же. С. 183—185.

³ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. С. 92—93.

⁴ *Ал-Мас`уди*. Мурудж аз-захаб ва ма`адин ал-джавхар. Т. 1. С. 179.

зари резко изменилась, а звезда этого каганата ярко вспыхнула и начала медленно затухать.

Период наибольшего расцвета Хазарского каганата можно датировать 840—880-ми гг. Тогда хазары смогли максимально расширить пределы подвластных земель, в которые включались теперь славянские племена Левобережья Днепра, а также ряд владений в Крыму, оставшихся у хазар по соглашению с Византией¹. Именно крымские территории хазарские властители считали самыми приоритетными. Царь Иосиф очень подробно описывает пределы Хазарии в Крыму (в восточной его части) и в Прикубанье². В 880—890-е гг. Хазария так же стремительно теряет Среднее Поднепровье (походы Олега), а в степи Предкавказья и Северного Причерноморья вторгаются печенежские орды, с которыми хазарам не удалось установить дружественные отношения. В нач. X в. выходит из-под власти хазар владетель Волжской Булгарии. К сер. X в. в описании Константина Багрянородного положение Хазарии кажется совсем незавидным. Хазарские «климаты», являвшиеся «источником жизни и изобилия» хазар, постоянно грабились соседями — аланами, а также черными булгарами, тоже освободившимися от хазар³. Последний удар был нанесен Хазарии уже Киевской Русью, князьями Святославом и Владимиром, после чего Хазария как политическая сила в Предкавказье перестала существовать.

Глава 2

РУССКИЙ КАГНАТ: ОПЫТ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Примерная датировка различных фрагментов известий о русах арабских и персидских авторов возможна, только исходя из сопоставления текста с этнокультурной археологической картой, а также данными других письменных памятников. Ис-

---

¹ См. §2 Гл.5.

² Ответ хазарского царя *Иосифа* к Хасдаи ибн Шафруту. С. 98—102.

³ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 51—53.

следование арабо-персидских географических источников показало, что наиболее ранние из них помещают русов с каганом во главе где-то в междуречье Дона и Северского Донца. Восходит эта информация к нач. IX вв. Однако при наложении этих данных на этнокультурную археологическую карту Восточной Европы того периода оказывается, что эту территорию занимают памятники одного из вариантов салтово-маяцкой археологической культуры VIII — нач. X вв.¹, давно почти безоговорочно определенной как государственная культура Хазарского каганата. Источники же говорят о независимом и сильном государстве русов, не находившемся в хазарском подчинении. Поэтому для исследователя проблемы Русского каганата остается два пути: либо объявить сведения восточных географов недостоверными именно в отношении русов и искать каганат в другом месте, либо обратиться к рассмотрению салтово-маяцкой культуры. Прежде всего необходимо выяснить, как соотносятся описания Русского каганата письменных источников с данными археологии по различным вариантам салтовской культуры, тем более что ареал распространения культуры огромен и большинством исследователей связывается с Хазарским каганатом. Археологический же материал может пролить свет на события этнической и государственной истории лишь при его отождествлении с культурой народов и государств, известных по письменным источникам. И основным методологическим вопросом здесь снова является проблема соотношения археологической культуры, этноса и государства.

«Салтовские аланы»: поиск этноса.

Проблема отождествления жителей верховьев Северского Донца, Оскола и Дона VIII — IX вв. с данными современных письменных источников всегда была одной из самых трудных в исследовании салтовской культуры. Материалы антропологии однозначно свидетельствовали об их аланской этнической

---

¹ Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тысячелетии н.э. Киев, 1985. С. 110.

принадлежности¹, а близость их археологической культуры к аланам Северного Кавказа была отмечена еще в нач. XX в.

Однако письменные источники времени существования салтовской культуры не упоминают алан среди народов, обитающих в степях и лесостепях между Доном и Днепром. Арабо-персидские географы и путешественники знают в этом регионе только хазар, болгар, бургасов, угров, печенегов, русов и славян. Попытки найти имя салтовских алан продолжаются до сих пор. В поисках данного этникона историки неоднократно обращались к русским летописям, упоминающим ясов-алан на Дону и несколько их городов — Галин, Чешуев, Сургов². Б.А. Рыбаков в свое время отождествил эти города с белокаменными крепостями салтовской культуры, разместив их на Северском Донце³. Действительно, Дон русских летописей — это современный Северский Донец⁴. Это предположение подтверждается еще разысканиями ираниста В.Ф. Миллера, логично объяснившего название одного из этих городов — Сургов — из осетинского *сурх хъае еу* («красное село»)⁵. Т.М. Минаева подкрепила эту версию сообщениями восточных источников XIII — XV вв., размещавших асов между Волжской Булгарией и Русью⁶. Эта интерпретация является наиболее распространенной и сейчас, подкрепленная многочисленными топонимами с корнем *яс* в Волго-Донье⁷.

Однако трудность сопоставления этих ясов-асов с носителями лесостепного варианта салтовской культуры заключается

---

¹ Зиневич Г.П. Очерки палеоантропологии Украины. С. 152; Кондукторова Т.С. Палеоантропологический материал из Маяцкого могильника // Маяцкое городище. М., 1984. С. 200—234.

² Лаврентьевская летопись. Стб.291.

³ Рыбаков Б.А. Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси 1154 г.// КСИИМК. Вып.XLIII. М.-Л., 1953. С. 24—25.

⁴ Карсанов А.Н. Об одном известии Ипатьевской летописи // Аланы: история и культура. Алапса. III. Владикавказ, 1995. С. 389—402.

⁵ Миллер В.Ф. Кавказско-русские параллели. Приложение к: Экскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892. С. 67—68.

⁶ Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971. С. 195.

⁷ Бубенок О.Б. Аланы-асы в Золотой Орде (XIII — XV вв.). Киев: Истина, 2004. С.140—155.

в том, что все источники, упоминающие этот этноним на Дону и Донце, относятся к тому времени, когда поселения салтовцев в бассейнах этих рек пришли в запустение и расцвет культуры давно миновал. На это обращали внимание еще А.А. Спицын и Ю.В. Готье¹. Конечно, остатки аланского населения в этом районе сохранялись весьма долго. Но если письменные источники упоминают и это незначительное население, то не оставить сообщения об аланах Подонья VIII — IX вв. они просто не могли. Более того, интересно, что в источниках XII—XV вв. аланы/ асы действительно упоминаются в Подонье, а также в Поднепровье, но в степи, а не в лесостепи, и археологические их памятники сходны с материалами «зливкинского», а не лесостепного варианта СМК². Верное направление в решении этой проблемы предложила С.А. Плетнева: «Что же касается... аланского варианта салтово-маяцкой культуры Подонья, то о нем не сохранилось никаких сведений в литературе того времени. Богатый, развитый и воинственный народ как будто совершенно не участвовал в общеевропейской жизни. Это наводит на мысль, что *имя аланов скрыто* (выделено С.А. Плетневой. — *Е.Г.*) в источниках под каким-то другим... названием»³. Но сама Плетнева ответила на поставленный ею вопрос так: «аланы верхнего Дона слились с основным населением Хазарского каганата — болгарами — и вошли в состав этого государства»⁴. Но, как было показано выше, вряд ли эта интерпретация согласуется с письменными источниками.

Априорное положение о зависимости территории верхнего Подонья от Хазарского каганата заставляло исследователей искать этноним донских алан среди упоминаемых в источниках вассалов Хазарии, локализация и этническая принадлежность которых еще не определена. В постоянной зависимости от Хазарии, по данным восточных источников, находились

---

¹ Спицын А.А. Историко-археологические разыскания. 1. Исконные обитатели Дона и Донца // ЖМНП. Нов. сер. Ч. XIX. 1909. Январь. С.72—74; Готье Ю.В. Кто были обитатели древнего Салтова? // ИГАИМК. Вып.5. М., 1927. С.83.

² Бубенок О.Б. Аланы-асы в Золотой Орде. С.168—189.

³ Плетнева С.А. От кочевий к городам. С. 186.

⁴ Там же.

волжские булгары и буртасы. Поскольку локализация волжских булгар не подлежит сомнению, исследователи обратились к племени буртасов¹. Основной аргумент — иранское происхождение этнонима буртас (*furt as* — «асы, живущие у большой реки»)². Однако этой версии противоречат однозначные сообщения восточных источников, локализирующие буртасов в среднем и нижнем течении р. Атил, т.е. на Волге, между хазарами и волжскими булгарами. Кроме этого, скромное этнографическое описание буртасов — особенно «палатки и войлочные хижины»³ совершенно не соответствует лесостепному варианту салтовской культуры, представляющему самую развитую культуру Восточной Европы изучаемого времени. Более того, погребальный обряд буртасов в большинстве источников — трупосожжение⁴ (у алан Подонья — трупоположение в катакомбах).

Принципиально отличную позицию в поиске имени носителей лесостепного варианта занял Д.Т. Березовец. Рассматривая информацию арабо-персидской средневековой литературы о славянах и русах, он справедливо полагал, что сообщения восточных источников дают возможность трактовать славян и русов как два разных этноса. При этом русы локализируются в районе Северского Донца, Оскола и Дона⁵, а этнографические

---

¹ Афанасьев Г.Е. Буртасы и лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры // СЭ. 1985. №3. С. 169; Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. С. 167.

² Варианты «алано-асской» этимологии буртасов см.: Lewicki T. Ze studiów nad źródłami arabskimi Cześć Siedrby i pochodzenie Burtasów // *Slavia Antiqua*. 1965. No12; Pritsak O. The Khazar Kingdom conversion to Judaism // HUS. Vol.II. №3. P.264; Добродомов И.Г. Из аланского пласта иранских заимствований чувашского языка // Советская тюркология. 1980. №2.

³ Gardizi. Zain al-Akhbar. С. 155—157; Ал-Марвази. Таба'и' ал-хайаван. С.*21—22; и др.

⁴ Там же. У Гардизи и в «Худуд ал-алам» упоминается два вида буртасовского погребального обряда — и трупосожжение, и трупоположение (Hudud al-'Alam. P. 161). На этом основании можно было бы провести параллели с лесостепью салтовской культуры, однако локализация буртасов современниками на Волге и «войлочные хижины» (у салтовцев — полуземлянки) не позволяют сделать этого.

⁵ Березовец Д.Т. Про ім'я носіїв салтівської культури // Археологія. Т.ХХІV. Київ, 1970. 74—86.

особенности русов, подмеченные арабскими путешественниками, удивительно точно соответствуют археологии лесостепного варианта (большие богатые города, активная внутренняя и внешняя торговля, соответствие катакомбного обряда погребения похоронам в «могиле наподобие большого дома» у школы ал-Джайхани¹). Однако общая концепция Д.Т. Березовца, построенная на этих выводах, не выглядела слишком убедительной: он признавал единство салтовской культуры как государственной культуры Хазарского каганата, считая, что хазары, которым платили дань летописные поляне, северяне, вятичи, — салтовские русы, вассалы Хазарии². Кроме того, Д.Т. Березовец не смог развить свою идею о Донской Руси на основе византийских и латиноязычных источников. Д.Т. Березовец писал, и его воспринимали, исходя из посылки о существовании одной руси, а, имея такую установку, вообще невозможно объяснить весь комплекс источников о русах. Потому тезис археолога получил очень слабое дальнейшее развитие. Тогда его поддержал лишь Д.Л. Талис, пытавшийся на материалах приазовского и крымского вариантов безуспешно доказать, что и в Крыму росами называли алан³.

После этого версия Д.Т. Березовца долго игнорировалась в научном мире, и лишь в 1991 г. в п. Волоконовка Воронежской обл. вышла небольшая работа местного краеведа А.Г. Николаенко, активно участвовавшего в раскопках поселений донских алан вместе с С.А. Плетневой и Г.Е. Афанасьевым. Придерживаясь точки зрения о тюркском происхождении племени русь и отождествляя его с пеньковской археологической культурой, А.Г. Николаенко попытался соединить ее с локализацией русов Д.Т. Березовца. В «Донской Руси» он видит местное

---

¹ Свойственные североиранским этносам еще с середины I тыс. до н.э., погребения с дромосами, к которым относятся и катакомбы СМК, семантически связаны с идеей «домов мертвых». Наиболее ранние формы погребальных сооружений с дромосами, связанные с культурой саков Приаралья, напоминали в плане полуземлянки, в которых жили носители этой культуры (Яблонский Л.Т. Некрополи древнего Хорезма (археология и антропология могильников). — М.: Вост. лит., 1999. — С.46-47).

² Березовець Д.Т. Про ім'я носіїв салтівської культури. С.86.

³ Талис Д.Л. Росы в Крыму // СА. 1974. №3. С. 87—99.

тюркское население — носителей пеньковской культуры¹, к которым в кон. VII в. присоединился «большой массив» праболгарского и аланского происхождения². При этом белгородский краевед считает, что жителей Донской Руси восточные славяне «путали» с хазарами³.

Система городищ-крепостей салтовской лесостепи.

Ни один из источников не говорит о зависимости русов ни от Хазарского каганата, ни от какого-либо другого политического образования. Более того, титул хакана, который носил «царь» русов, у кочевых народов и в потестарных образованиях с оседло-кочевым населением означал правителя, подобного европейскому императору⁴. Принятие этого титула свидетельствует не только о независимости государства, но и о его претензиях на господство в регионе, в данном случае в Восточной Европе кон. VIII — нач. IX вв. Показательна и терминология, которую используют арабо-персидские авторы в отношении правителя русов. Если, например, глава славян называется часто *раис ар-ру'аса'* («глава глав») или *сахиб* («правитель», «владелец»), то русами правит *малик* (царь, полновластный собственник, хозяин земли), который называется *хакан*⁵.

Отражением раннего государства в памятниках материальной культуры являются центры власти — городища, для постройки которых требовалась административная организация, обособленные поселки ремесленников-профессионалов (в особенности металлургов⁶), ярко выраженное социальное неравенство (хорошо прослеживается в погребальном инвентаре).

---

¹ Николаенко А. Северо-Западная Хазария или Донская Русь?.. Волоковка, 1991. С. 62.

² Там же. С. 88—90.

³ Там же. С. 94—95.

⁴ Галкина Е. С. «Хакан рус» в средневековой арабской географической литературе // Глобализация и мультикультурализм: Доклады и выступления. VII Международная философская конференция «Диалог цивилизаций: Восток — Запад», 14—16 апреля 2003 г., Москва. М.: Изд-во РУДН, 2004. С. 289—295.

⁵ Kitab al-a'lak an-nafisa VII auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh. С. 145—146.

⁶ Проблемная ситуация в современной археологии. Киев, 1988. С. 182—190.

Главным признаком государственности являются административно-торговые центры, упоминаемые в цикле «О тюрках» при описании экономики Русского каганата: «У них (у русов. — *Е.Г.*) большие богатые города...»¹. Еще Д.Т. Березовец счел возможным отождествить их с белокаменными городищами лесостепного варианта². Однако в историографии основными трактовками этих крепостей является либо точка зрения М.И. Артамонова и С.А. Плетневой, рассматривающих их как замки хазарских феодалов и центры сбора дани³, либо версия Г.Е. Афанасьева — сторожевые крепости, опорные пункты хазарских «военизированных колонистов», направленные против восточных славян⁴. Позднее Г.Е. Афанасьев модернизировал свою точку зрения, считая белокаменные и кирпичные крепости бассейнов Северского Донца и Дона доказательством существования на этой территории Хазарского государства⁵. С направленностью этих крепостей против славян Поднепровья согласен В.В. Седов, видящий в славянской волынецвской культуре Русский каганат письменных источников⁶.

Действительно, ни в одном регионе Восточной Европы нет такого большого скопления каменных городищ, как на территории лесостепного варианта. По верховьям Северского Донца, Оскола и среднему течению Дона насчитывается 25 сохранившихся белокаменных крепостей, не считая не дошедших до нашего времени, но упомянутых в Книге Большому Чертежу. Из них наибольшее количество находится на Северском Донце. К этому же типу относятся Хумаринское городище в Предкавказье и Правобережное Цимлянское городище в низовьях Дона. Г.Е. Афанасьев по принципу построения раз-

---

¹ Kitab al-a'lak an-nafisa VII auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar *Ibn Rosteh*. P. 146; Hudud al-'Alam. P.159.

² *Березовец Д.Т.* Про ім'я носіїв салтівської культури. С. 74.

³ *Артамонов М.И.* Саркел и некоторые другие укрепления северо-западной Хазарии. С. 158; *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. С. 42.

⁴ *Афанасьев Г.Е.* Донские аланы. С. 148-149.

⁵ *Афанасьев Г.Е.* Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? С. 50—51.

⁶ *Седов В.В.* Русский каганат IX века. С. 6; *Седов В.В.* Древнерусская народность. С. 72.

делил крепости на 4 типа¹, которые по большому счету можно объединить в два: 1) городища, которые могли быть построены силами сельской округи без применения новейших достижений архитектурной мысли по давним местным традициям; в системе укрепления этих крепостей главную роль играли природные особенности места; 2) крепости, для возведения которых требовалось государственное вмешательство, большое количество рабочей силы и опытные архитекторы; в организации обороны этих городищ природные факторы играли второстепенную роль, крепости имели правильную геометрическую планировку, а их стены сложены из обработанного камня. К первому типу относятся 10 из 11 городищ на Северском Донце, все на Осколе и 2 из 8 на Среднем Дону, в том числе знаменитые ремесленные центры у с. Ютановское, Дмитриевское, Мохнач, Сухая Гомольша, Кабаново. Относительная слабость их укреплений свидетельствует о том, что они построены не для обороны от сильного врага, а скорее являются центрами ремесла и торговли, а также общинными убежищами от редких нападений кочевников.

В пользу данного предположения говорит их четкое расположение по торговому пути «река Рус», описанному в «Худуд ал-алам» и других восточных источниках. Второй тип представляют Верхнесалтовское городище на Северском Донце, 6 крепостей по левому притоку Среднего Дона — р. Тихая Сосна, в том числе Маяцкое, и Правобережное Цимлянское городище на Нижнем Дону. Эти фортификационные сооружения были возведены прежде всего для обороны от сильного противника. Для их постройки требовалось не менее 20 000 человеко-часов², следовательно, их невозможно было соорудить силами общины, требовалось вмешательство организованной администрации, способной доставить рабочих из других мест и мастеров-архитекторов. Городища этого типа не имеют даже отдаленно близких по уровню аналогий на установленной нами реальной территории Хазарского каганата, за исключением Саркела и Семикаракоровского городища³. На Нижней Волге

---

¹ Афанасьев Г.Е. Донские аланы. С. 129—141.

² Там же. С. 143.

³ Флеров В.С. «Семикаракоры» — крепость Хазарского каганата на Нижнем Дону // РА. 2001. №2. С. 5—7.

и Кавказе обработанные блоки применялись лишь при возведении Дербента при Сасанидах¹. Отсутствует такой тип и в хазарской колонии в Крыму. Огромные (до 90 га) крепости — Мангуп, Чуфут-Кале, Кыз-Кермен и др. — были в постройке полностью подчинены рельефу местности². Поэтому по сравнению с городищами Подонья крымские хазарские укрепления, построенные, кстати, также в 1-й пол. IX в³, нельзя назвать вершиной архитектурной мысли. Отдаленное сходство (а не прямые аналогии) в строительных приемах наблюдается в Крыму лишь в крепостях, возведенных при византийском участии⁴. Все эти городища датируются по культурному слою 1-й пол. IX в. — нет вещей ни более раннего, ни позднейшего времени⁵. Все перечисленные крепости были возведены в одно время и под руководством одних мастеров, причем иностранных (в планировке этих городищ не прослеживаются местные традиции⁶).

Дискуссии о генезисе данной архитектуры продолжают-ся до сих пор. Прежде всего это связано с ошибочным отношением к тому же типу хазарского Саркела (Левобережного Цимлянского городища). Потому существует две основных версии: византийская традиция (Д. Овчаров, Г.Е. Афанасьев) и сасанидская (М.И. Артамонов, П.А. Рапппорт). Однако еще М.И. Артамонов различал строительные приемы при сооружении городищ Донецко-Донского междуречья и Правобережного Цимлянского городища, с одной стороны, и Саркела — с другой, хотя и признавал наличие многих общих черт⁷. Некоторые черты в технике строительства Саркела действительно подтверждают сообщения Константина Багрянородного и Про-

---

¹ Артамонов М.И. Древний Дербенд. С. 121—144; Афанасьев Г.Е. Донские аланы. С. 138.

² Афанасьев Г.Е. Донские аланы. С.138.

³ Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. С.58.

⁴ Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики. МИА. №168. С. 175—177.

⁵ Толмачева М.М. Кузнечные изделия Маяцкого комплекса // Маяцкий археологический комплекс. Материалы советско-болгарско-венгерской экспедиции. М., 1990. С.213.

⁶ Афанасьев Г.Е. Донские аланы. С.136.

⁷ Артамонов М.И. Саркел — Белая Вежа. С. 25.

должателя Феофана об участии византийских архитекторов¹ — в планировке крепости, рецептах замеса глины для кирпичей и извести, хотя основную работу выполняли строители салтовских крепостей². В технике строительства лесостепных крепостей и Правобережного Цимлянского городища местные традиции преобладают. Что касается планировки, то Г.Е. Афанасьев, объединяя их с Саркелом, настаивает на византийской традиции, ссылаясь на аналогии в планировке крепостей поздней Римской империи и византийских провинций в Северной Африке³.

Была высказана и точка зрения М.И. Артамонова и П.А. Раппопорта о влиянии архитектуры Закавказья и Сасанидского Ирана, которые так же, как и Византийская империя, восприняли античные традиции планировки оборонительных сооружений. Прямые аналогии иранской технике обнаруживаются в размерах кирпичей, общем характере кладки⁴. Это влияние легко объяснить прочными связями сармато-алан Подонья с этнически родственным им Ираном через продолжение Шелкового пути и северокавказских алан. Причем интересно, что жилища и хозяйственные постройки в данных крепостях возводились усилиями местных и северокавказских мастеров⁵. Ясность в решение вопроса должно внести выяснение, против кого строились упомянутые крепости. Наиболее величественной из них является Правобережное Цимлянское городище (ПЦГ). По сложности планировки ему нет равных ни в салтовской культуре, ни вообще в Восточной Европе того периода. Эта крепость весьма хорошо изучена, ее основание датируется 1-й четв. IX в., а уже во 2-й четв. IX в. она была до основания разрушена и сожжена, очевидно, теми врагами, для защиты от которых ее построили. Планировка и рас-

---

¹ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 170—173; *Продолжатель Феофана*. Жизнеописание византийских царей. М., 1992. С. 56—57.

² *Артамонов М.И.* Саркел — Белая Вежа. С. 25—25; *Плетнева С.А.* Саркел и «Шелковый путь». С. 19—21.

³ *Афанасьев Г.Е.* Донские аланы. С. 129-141.

⁴ *Артамонов М.И.* Саркел — Белая Вежа. С. 25—26; *Раппопорт П.А.* Оборонительные сооружения Древней Руси // ВИ. 1970. №11. С. 56—64.

⁵ *Афанасьев Г.Е.* Новые находки в Мокрой Балке близ Кисловодска // СА. 1979. №3. С. 175; Ковалевская В.Б. Центральное Предкавказье. С. 84—86.

положение ПЦГ — на правом берегу реки — показывает, что строилось городище против врага с востока, с левого берега¹. Интересно, что около ПЦГ нет поселения². Это свидетельствует как о краткости существования крепости, так и о постоянной опасности, подстерегавшей ее обитателей. ПЦГ возникло раньше Саркела и было захвачено и разрушено сразу перед его построением или в то же время³. Саркел же был возведен против врага с запада. Наиболее очевидным противником, следовательно, были именно те, кто строил ПЦГ. Причем в то же время на левом берегу р. Сал было построено Семикаракорское городище. Это городище по своей мощи и размерам даже превосходит Саркел. Семикаракоры, как и Саркел, построены с использованием обожженного кирпича. Наиболее мощно была выполнена кладка северной и западной стен Семикаракор, а в восточной стене был положен сырцовый кирпич самого низкого качества⁴. Очевидно, что и здесь противника ожидали с северо-запада. Так и случилось. Не прошло и 10—20 лет после построения, крепость была уничтожена, причем западная стена разрушена полностью, а гарнизон перебит. Произошло это примерно в тот период, когда была разгромлена Правобережная Цимлянская крепость. Вполне возможно, что Семикаракоры и Саркел строили хазары, то ПЦГ было опорным пунктом их врага. Причем враг этот — не славяне, а носители степного и лесостепного вариантов салтовской культуры. Кстати, недавно около ПЦГ обнаружены остатки еще одного белокаменного городища⁵.

Относительно 7 городищ на территории лесостепного варианта также нет оснований делать выводы об их направленности против славян. 6 крепостей: Красное, Алексеевское, Колтуновское, Мухоудеровское, Верхнеольшанское и Маяцкое — все

---

¹ Флеров В.С. Правобережная Цимлянская крепость. С. 110—113.

² Флерова В.Е., Флеров В.С. К проблеме стратиграфии и хронологии Правобережного Цимлянского городища // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С. 265.

³ Артамонов М.И. Саркел — Белая Вежа. С. 27; Флеров В.С. Правобережная Цимлянская крепость. С. 112.

⁴ Флеров В.С. «Семикаракоры». С. 66.

⁵ Флеров В.С. «Семикаракоры». С. 69.

они, насколько показывает современное состояние археологических раскопок, наиболее сильно укреплены с северо-востока¹. Г.Е. Афанасьев считает, что крепости были сооружены от вторжений славян роменской и боршевской культур². Но, например, раскопки крайне западного Красного городища показали весьма слабые оборонительные данные его стен³. На северо-востоке же от салтовских крепостей в 1-й пол. IX в. славянских поселений обнаружено немного⁴, поселения эти не были укреплены, а отношения салтовцев и славян Подонья носили крайне мирный характер — салтовцы и славяне прекрасно уживались в рамках одного поселения, заимствовали друг у друга элементы быта⁵. Интересно, что на всех городищах практически отсутствует культурный слой, в то время как вокруг практически каждой из крепостей или недалеко от нее имели селища с богатым культурным слоем начиная с VIII в.⁶. Эти поселения изначально были расположены на торговом пути по реке Рус.

Г.Е. Афанасьев выявил, что одним из трех наиболее транспортно доступных городищ является Маяцкое — на крайнем востоке⁷. Т.е. крепости создавались для защиты и этих населенных пунктов. Опасность, от которой приходилось защищаться, пришла вместе с южной: ПЦГ и городища лесостепи построенны одновременно⁸. Верхнесалтовское городище было возведе-

---

¹ Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны... С. 114—128.

² Афанасьев Г.Е. Донские аланы. С. 148—149.

³ Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. С.38.

⁴ Седов В.В. Славяне в раннем средневековья. С. 204.

⁵ Винников А.З. Керамика донских славян конца I тыс. н.э. // СА. 1982. №3. С. 174—177; Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье. Воронеж, 1995. С.106; Москаленко А.Н. Городище Титчиха. Из истории древнерусского поселения на Дону. — Воронеж, 1965. С. 161—162; Любичев М.В. Контакты славян Днепро-Донецкого междуречья и населения Северо-Западной Хазарии в конце VII — начале VIII в.// Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. 1994. Харьков, 1994; и др.

⁶ Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII-X вв. С. 115—125.

⁷ Афанасьев Г.Е. Топологическое исследование степени доступности салтово-маяцких городищ. С. 92—93.

⁸ Афанасьев Г.Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? С. 50—51.

но тогда же, но эти стены охраняли не границу. Вокруг крепости, и с северо-востока, и с юго-запада, по обоим берегам Северского Донца находилось огромное (для Восточной Европы того времени) поселение. В могильниках, прилегающих к этому поселению, покоятся более 100 000 человек. Верхнесалтовский комплекс — самый крупный памятник салтово-маяцкой КИО в целом¹ и один из древнейших². Не без основания Г.Е. Афанасьев и А.В. Крыганов считают Верхний Салтов *центром салтовской земли*³.

Таким образом, возникает следующая картина: возведение крепостей такого рода ясно свидетельствует о существовании раннего государства с весьма сильной верхушкой. В 1-й пол. IX в. перед администрацией этого раннего государства, в своих границах совпадающего с территорией лесостепного и степного варианта салтовской культуры, встала срочная задача защиты своих границ от противника с северо-востока и юго-востока. Это государство в своей основе было этнически сармато-аланским, ибо именно этот этнос составляет гарнизоны большинства крепостей. *Границы этого государства по данным письменных источников совпадают с местожительством русов и, возможно, внутренних булгар.*

Ремесло и торговля в Подонье VIII—IX вв.

О степени развития государства свидетельствует также уровень торговли и ремесла. Русский каганат (русов с хаканом во главе) как торговое государство знали арабо-персидские географы школы ал-Джайхани. Эти известия показывают, что

---

¹ Крыганов А.В. Нетайловский могильник на фоне праболгарских некрополей Европы // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (Вопросы хронологии). Самара, 1998. С. 358—359; Крыганов А.В. Крупнейший пункт (город) Хазарии // Восточноевропейский археологический журнал. — 1(8), январь-февраль 2001 (<http://archaeology.kiev.ua/journal/010101/kryganov.htm>).

² Флеров В.С. Погребальные обряды на севере Хазарии. (Маяцкий могильник). Волгоград, 1993. С.25.

³ Крыганов А.В. Крупнейший пункт (город) Хазарии; Афанасьев Г.Е. Топологическое исследование степени доступности салтово-маяцких городищ. С. 93.

территория Русского каганата должна ярко прослеживаться по нумизматическим данным. И если верна локализация этого государственного образования на территории лесостепного варианта, топография расположения куфического дирхема (всеобщего эквивалента в Восточной Европе VIII—IX вв.) должна показать обилие находок по течению Северского Донца, Оскола и Среднему Дону, где локализуются «большие богатые города» русов, находятся белокаменные крепости и локализуется «река Рус».

Согласно карте распространения дирхема, составленной В.Л. Яниным¹ и дополненной В.В. Кропоткиным², в начальный период распространения дирхема по классификации Р.Р. Фасмера³ — до 833 г. условно — оно охватывает все течение Северского Донца, верховья этой реки, Оскола и Среднее течение Дона, в меньшей степени — Среднее и Верхнее Поднепровье, далее проходит по финно-угорским землям к Балтике⁴. Интересно, что в данный период в славянские земли дирхем почти не проникал. Клады куфических монет отсутствуют: на левобережье Среднего Днепра, в Побужье, Поднестровье (т.е. земли летописных древлян, волынян, белых хорватов, уличей, тиверцев)⁵. Исключение составляют территории, наиболее близкие к салтовской культуре и имевшие непосредственный контакт с лесостепным ее вариантом: пеньковская, волынцевская, боршевская и роменская культуры, т.е. именно те племенные союзы, которые, согласно Повести временных лет, платили дань Хазарии⁶. Между тем, до 833 г. Хазарский каганат имел весьма скромные размеры. Кроме того, соглас-

---

¹ Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. С. 102.

² Кропоткин В.В. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // Нумизматика и эпиграфика. Т.9. М., 1971. С.76—97 (каталог); Кропоткин В.В. О топографии кладов куфических монет в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 111—117.

³ Фасмер Р.Р. Об издании новых топографических находок куфических монет в Восточной Европе // Известия АН СССР. Общественные науки. 1933. №6—7. С. 473—484.

⁴ Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. С. 86.

⁵ Кропоткин В.В. О топографии кладов куфических монет в Восточной Европе. С. 113.

⁶ Лаврентьевская летопись. Стб. 17, 21.

но топографии В.Л. Янина, территория собственно Хазарии не входит в ареал выпадения дирхема в Восточной Европе. Данные других исследователей подтверждают, с одной стороны, отсутствие кладов в Нижнем Поволжье и с другой — скопление находок кон. VIII — нач. IX вв. на территории степного и особенно лесостепного вариантов: в Ростовской и Воронежской областях, на ПЦГ, в Верхнем Салтове, на Донецком городище. Именно на территории Русского каганата оседали и немногие византийские монеты VIII — нач. IX вв.¹, приходившие «окольными путями» через Шелковый путь и Волго-Балтийскую магистраль (с кон. VII в. до сер. IX в. Византия не имела влияния в Восточной Европе в связи с нестабильностью внутривосточной ситуации²).

В VIII — 1-й пол. IX в. исследователи выделяют два самостоятельных монетных потока, обслуживавших соответственно восточные и северо-западные районы Европы: 1) из Ирана через Каспий на Волгу и далее в Прибалтику; 2) из западных частей Халифата, отсюда через Сирию и Закавказье на Дон и Северский Донец³. Соответственно, эти пути обслуживались продукцией разных монетных центров Халифата: на Волго-Балтийском пути всего 3% монет африканской чеканки, в Восточной Европе на «реке Рус» — около 40%⁴. Причем если Волго-Балтийский путь был транзитом (известен лишь один клад на Волге) и монеты оседали на Балтике, то на «реке Рус» они оседали в виде обильных кладов у местного населения⁵. Из этого А.В. Фомин даже сделал важный вывод о преднамеренной задержке серебра на данной территории⁶. Очевидно, что

---

¹ Кротошкин В.В. Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962. Карты 5—6.

² Даркевич В.П. К истории торговых связей Древней Руси (по археологическим данным) // КСИА. №138. М., 1973. С. 95—96.

³ Мельникова В.А., Никитин Л.Б., Фомин Л.В. Граффити на куфических монетах Петергофского клада начала IX века // ДГ. 1982. М., 1984. С. 40.

⁴ Нахапетян В.Е., Фомин А.В. Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX — X вв. // ДГ. 1991. М., 1994. С. 142.

⁵ Леонтьев А.Е. Волжско-Балтийский путь в IX в. // КСИА. №183. М., 1986. С. 8.

⁶ Фомин А.В. Методические проблемы систематизации кладов с куфическими монетами IX — X вв. // ВИД. Вып. XIV. Л., 1973. С. 80—81.

салтовские русы пользовались и тем, и другим путем. Граффити так называемой «донской» рунической письменности, распространенной среди жителей салтовской культуры «в узком смысле», в обилии встречаются на куфических дирхемах, найденных на берегах Балтики¹. Более того, в балтийских кладах четко прослеживаются эти два потока арабского серебра. В Скандинавии обильные клады дирхемов появляются позже, чем в Восточной Европе, — после 833 г., и эти монеты — из восточной части Халифата. На этих дирхемах граффити практически отсутствуют (найдено около 30 по всей Скандинавии, идентифицируются как германские руны)². К периоду же до 833 г. относятся 4 клада на Готланде, а также знаменитый Петергофский клад (дата младшей монеты — 805 г.). Петергофский клад образовался из монетного потока, который сформировался в западной части Халифата и проходил по пути «реки Рус»³. Данный факт дает возможность предположить участие жителей Подонья в торговле по Волго-Балтийскому пути и в его северо-западной части. Знаменательно и распространение в кон. VIII — нач. IX вв. в южных областях Швеции бус, традиционно популярных у аланского населения Северного Кавказа и в лесостепном варианте салтовской культуры⁴. Но эти находки позволяют говорить скорее об эпизодических связях с данным регионом. Но «западный» монетный путь не заканчивался на Донце и Днепре. Наиболее близки по составу к кладам на «реке Рус» находки кон. VIII — нач. IX в. на территории Юго-Восточной Прибалтики (историческая Пруссия, Пономанье, Самбия, Ятвягия)⁵. Юго-Восточная Прибалтика была

---

¹ Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. Классификация и интерпретация граффити на восточных монетах // Труды Государственного Эрмитажа. Вып. XXI. Л., 1981. С. 68; Дубов И.В. Великий Волжский путь. Л., 1989. С. 189.

² Мельникова В.А., Никитин Л.Б., Фомин Л.В. Граффити на куфических монетах Петергофского клада начала IX века. С. 32—33.

³ Нахапетян В.Е., Фомин А.В. Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX — X вв. С. 140.

⁴ Деоник В.Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв. // СА. 1961. №3. С. 223.

⁵ См.: Зоценко В.Н. Торговля в южнорусских землях (VIII — 1-я половина XIII века) // Археологические исследования Киева. 1978-1983 гг. Киев, 1985. С. 470—485.

в начале IX в. вторым регионом в Восточной Европе (после Доно-Днепровского района), где осело такое огромное количество монет. Число монет, обнаруженных в Поморье, «достигает нескольких десятков тысяч и на две трети состоит из диргемов», причем большая доля кладов приходится на находки VIII—IX вв. в Волине¹. Учитывая образование кладов обеих областей из одного монетного потока, необходимо сделать вывод о непосредственной связи пути по «реке Рус» с южным побережьем Балтийского моря.

Нумизматические сведения об активном участии сармато-аланского населения Подонья в международной торговле подтверждаются не только письменными арабо-персидскими источниками, но и многочисленными находками на исследуемой территории предметов восточного и балтийского импорта. Очень показательно распространение в Восточной Европе иранских сосудов VI—VIII вв. — через земли алан Северного Кавказа на Дон и Северский Донец². Выводы о степени важности этого 2-го пути позволяет сделать уровень импортных находок на нем. На территории Русского каганата — серебряные сосуды и столовые наборы сасанидских царей, предметы роскоши из Средней Азии и Ирана, среднеазиатский и китайский шелк, то же — на землях северокавказских алан³. Интересно, что и у носителей лесостепного варианта, и у алан Кавказа были очень популярны изделия из балтийского янтаря — амулеты с солярной символикой и бусы, которые также датируются кон. VIII — 1-й третью IX в., как и 2-й монетный поток⁴. На Кавказе же скопления янтарных бус встречаются в районе Кисловод-

---

¹ Вилинбахов В.Б. Раннесредневековый путь из Балтики в Каспий // *Slavia Antiqua*. Т. XXI. 1974. S. 90.

² Древняя Русь: город, замок, село. С. 400.

³ Иерусалимская А.А. Аланский мир на «Шелковом пути» (Мошевая Балка — историко-культурный комплекс VII—IX веков) // *Культура Востока. Древность и раннее средневековье*. Л., 1978. С. 151—162; Иерусалимская А.А. О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье // *СА*. 1967. №2. С. 55—78; Ковалевская В.Б. Хронология древностей северокавказских алан. // *Аланы: история и культура. Alanica*. III. Владикавказ, 1995. С. 168—173; Ковалевская В.Б. Центральное Предкавказье. С. 87—89.

⁴ Ковалевская В.Б. Хронология древностей северокавказских алан. С. 169—170; Деопик В.Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв. С. 210.

ска, откуда ученые выводят салтовцев лесостепного варианта¹. По этому же пути в сторону Балтийского транзитом через Кавказ шли многочисленные виды каменных и стеклянных бус из Сирии и Ближнего Востока. Область наибольшей концентрации этих бус в Восточной Европе — Северо-Западный Кавказ, Крым и салтово-маяцкая культура «в узком смысле». Из Подонья бусы расходились по двум направлениям. Во-первых, через Волго-Донское междуречье на Среднюю Волгу и в Прикамье². Второе направление — на правобережье Днепра и оттуда на южный берег Балтики³. Прослеживается и связь жителей верховий Северского Донца с Византией, по крайней мере, с крымскими ее провинциями: со 2-й пол. VIII в. в лесостепи появляется крымский импорт — кувшины-ойхонои, но в 1-й пол. IX в. поступление кувшинов в этот район прекращается⁴.

В отличие от Хазарии, жившей в основном за счет транзитной торговли, Русский каганат, вероятно, был сильным ремесленным центром. Широко было развито гончарное производство, обеспечивавшее потребности всего юга Восточной Европы — более десятка гончарных мастерских, ювелирное дело, «брендом» которого были т.н. салтовские зеркала с индоиранскими восьмиконечными звездами на тыльной стороне⁵.

Особый интерес представляет железообработка. Если другая продукция салтовских ремесленников не представляла интереса для торговцев Арабского Халифата (напротив, салтов-

---

¹ Ковалевская В.Б. Хронология восточно-европейских древностей V—IX вв. Вып. 1. Каменные бусы Кавказа и Крыма. М., 1998. С. 28.

² Косвенно торговые связи салтовских русов с Заволжьем и Прикамьем подтверждают арабо-персидские источники: в сюжете о трех группах русов упоминается экспортируемый от них свинец. В Восточной Европе месторождений свинца нет, его можно было достать только в Заволжье.

³ Зоценко В.Н. Торговля в южнорусских землях (VIII — 1-я половина XIII вв.). С. 473; Щеглова О.А. Салтовские вещи на памятниках волынцевского типа // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987. С. 80.

⁴ Аксенов В.С., Михеев В.К. Крымский импорт и хронология некоторых салтовских памятников верховий Северского Донца // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (Вопросы хронологии). Самара, 1998. С. 345—354.

⁵ Ковалевская В.Б. Хронология древностей северокавказских алан. С. 171; Плетнева С.А. Саркел и «Шелковый путь». С. 142.

цы подражали арабским, персидским и сирийским мастерам), то техникой железного дела русов жители Халифата живо интересовались. Выше уже упоминалось уникальное свидетельство автора «Худуд ал-Алам» о мечах русов, напоминающих по свойствам булат. О местном производстве в Подонье булата археологические данные пока отсутствуют, да и вряд ли появятся. Сабли и мечи находят в погребениях редко: это оружие было дорогим, и клали его только в богатые погребения, да и то не во все¹. В основном они передавались по наследству. Об этом говорит и известный сюжет из описания русов у географов школы ал-Джайхани: русы оставляют сыновьям в наследство только меч². Возможно, сабля отправлялась в могилу к умершему только тогда, когда он не оставлял сыновей. Но и из исследованных на данный момент 9 салтовских клинков 5 демонстрируют очень высокий технологический уровень: использование высокоуглеродистой стали, вварка, сварка из двух полос, сложные виды термообработки. Подобные технологии применялись только в высокоразвитых центрах производства оружия с давними традициями. Проведение таких операций требует от мастера узкой специализации именно в оружейном деле. В лесостепном регионе среди кузнецов-универсалов начинают выделяться особо квалифицированные ремесленники (в основном оружейники), которые используют качественную сталь и передовые технологии. Таким образом, в лесостепи происходит окончательное отделения кузнечного ремесла от других видов хозяйственной деятельности, что бывает, как правило, в раннеклассовых обществах³.

---

¹ Плетнева С.А. От кочевий к городам. С. 157.

² На территории салтовской культуры гораздо более широко были распространены сабли. В оружейной коллекции, исследованной М.М. Толмачевой (Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М., 1997. С. 172—173) только один меч. Но в арабском языке слово *сайф*, которое употребляют в этом случае средневековые географы и энциклопедисты, обозначает и саблю, и меч. При этом ученые Халифата не сообщают о двулезвийности оружия русов, что нужно ожидать при описании мечей.

³ Алексеев В.П., Перишц А.И. История первобытного общества. М., 1990. С. 260.

Арабский энциклопедист Бируни в главе «О железе» своего Минералогического трактата сообщает: «Из шабуркана мечи румийцев, русов и ас-сакалиба»¹. Шабуркан в данном случае, как поясняет Б. А. Колчин, сырцовая сталь, полученная непосредственно в сыродутном горне². Сообщение Бируни полностью подтверждается данными археологии. В Донецко-Оксопольском междуречье существовал крупный очаг черной металлургии³. Только на 1990 г. в одном Приосколье насчитывалось 80 металлургических пунктов⁴. Причем здесь проявляются любопытные различия между лесостепным и степным вариантами, и не только в типе сыродутного горна. Металлообработка достигла высокого уровня и у русов, и у жителей степи. На всей территории салтово-маяцкой культуры «в узком смысле» употребляются пакетные заготовки. Но если для лесостепи пакетная сварка — главный технологический прием, то в степи с использованием этой прогрессивной технологии изготовлено лишь 17% изделий. Лесостепь представлена 263 качественными поковками 11 различных категорий, а степь — 136 изделиями 26 категорий⁵. Степное Подонье значительно беднее оружием: сабель здесь нет, боевые топоры также не характерны, а находки предметов вооружения степняков сводятся к наконечникам копий и стрел. Среди них много широколезвийных наконечников низкого качества. Все это говорит об участии в походах степных воинов в основном *в качестве пешего войска*. Несмотря на приведенные различия, ученые считают возможным объединить Донецко-Донской регион в единый металлургический очаг⁶, ибо очевидна вторичность степных мастеров по сравнению с ремесленниками-русами (существенно отличается качество сварочных работ — высокое в лесостепи и в основном грубое в степном регионе).

---

¹ Ал-Бируни, Абу ар-Райхан Мухаммед Ибн Ахмед. Собрание сведений для познания драгоценностей. (Минералогия). М., 1963. С. 120.

² Колчин Б.А. Несколько замечаний к главе «О железе» Минералогического трактата Бируни // КСИИМК. Вып. 33. М., 1950. С. 149.

³ См.: Афанасьев Г.Е., Николаенко А.Г. Металлургический комплекс у с. Ездочного // Маяцкое городище. М., 1984. С. 261—270.

⁴ Николаенко А. Северо-Западная Хазария или Донская Русь?.. С. 94—95.

⁵ Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М. С. 198—199.

⁶ Там же. С. 201.

Такой единый центр ремесла с передачей опыта был возможен только в пределах одного государства. Исследователи определили и форму кузнечного ремесла в этом государственном образовании — организованное, специализированное и высоко стоящее технологически военное ремесло (основными изделиями были предметы вооружения)¹. Интересно, что наблюдаются прямые заимствования салтовского искусства соседними восточнославянскими племенами волынцевской, роменской и боршевской культур на памятниках, одновременных салтовским и более поздних².

«Монетный двор» и письменность

Гораздо более сильным свидетельством существования самостоятельного сильного раннего государства в междуречье Донца и Дона могут быть находки на данной территории т.н. «варварских подражаний» куфическим дирхемам. Надо отметить, что в литературе прошла довольно оживленная полемика о денежном обращении в Хазарском каганате. Данного вопроса касались Р.Р. Фасмер³, В.Л. Янин⁴, В.В. Кропоткин⁵ и др. Однако при этом СМК чаще всего понималась в русле концепции М.И. Артамонова — С.А. Плетневой. Так же поступил и А.А. Быков в своей статье, посвященной материалам Девицкого клада Коротоякского района Воронежской обл. А.А. Быков

---

¹ Колода В.В. К вопросу об этнической интерпретации салтовских железоплавлен // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Пенза, 1992. С. 46.

² Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье. С. 56; Винников А.З., Пряхин А.Д. Боршевский курганный могильник на р. Дон // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тыс. н.э. Воронеж, 1983. С. 42—77; Москаленко А.Н. Городище Титчиха. С. 149; Голак В.Д. Кузнечные изделия памятников киевского типа в Среднем Поднепровье и Черниговском Подесенье // Древнерусское государство и славяне. — Минск, 1983. С. 21—24.

³ Фасмер Р.Р. Завалишенский клад куфических монет VIII—IX вв. // ИГА-ИМК. Т. XII. Вып. 2. 1931; Фасмер Р.Р. Об издании новых топографических находок куфических монет в Восточной Европе. С. 473.

⁴ Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского Средневековья. С. 116—118.

⁵ Кропоткин В.В. О топографии кладов куфических монет в Восточной Европе. С. 111—117.

убедительно доказывает, что 86 монет этого клада сохранили следы местного производства.

Раннее эта серия считалась «варварскими подражаниями» дирхемам, однако по содержанию серебра и его качеству эти монеты превосходят аббасидские «оригиналы», в их легенде имеются намеренные искажения, а также знак на оборотной стороне¹. Этот знак имеет прямые аналогии в т.н. «донской» рунической письменности². Причем из 86 монет 76 принадлежат трем парам штемпелей, что свидетельствует о близости центра их производства к Девицкому кладу. Последние монеты из имеющихся в кладах выпущены в 837/838 гг. Подобные «подражания» найдены также в небольшом кладах Правобережного Цимлянского городища, также датируемом 1-й третью IX в.³. А.А. Быков на основании этих фактов сделал вывод о собственном монетном обращении в Хазарии. Но на это американский исследователь Т. Нунэн заметил: картографирование находок «варварских подражаний» отчетливо свидетельствует, что территориально они не связаны с собственно хазарскими землями⁴. Действительно, в 1970-е гг. еще не были известны памятники лесостепного варианта севернее границы степи и лесостепи. Интересно, что тот же аргумент применяет уже сейчас В.В. Седов, утверждая, что большинство монетных кладов, в том числе и с «подражаниями», найдены в землях волынцевской культуры⁵. Этот исследователь именно на основании нумизматических данных в два раза расширяет на восток территорию волынцевской культуры, связывая ее с Русским каганатом письменных источников. Территория же распространения волынцевских памятников выглядит куда бо-

---

¹ Быков А.А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Вып. 3. М., 1974. С. 47, 48.

² См., напр.: Щербак А.М. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону // СА. Вып. XIX. 1954. С. 270—281.

³ Быков А.А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. С. 58.

⁴ Noonan Th. Did the Khazars possess a monetary economy? An anlysys of the numismatic evidence // Archivum Eurasiae Medii Aevi. T. 2. Wiesbaden, 1982. P. 250.

⁵ Седов В.В. Русский каганат IX века. С. 9—10.

лее скромно: основная территория — Подесенье с бассейном Сулы, Псла и Ворсклы¹.

Реально же эти клады картографируются на территории лесостепного варианта салтовской культуры и славянских поселений в р-не Тихой Сосны и Девницы, где прослеживается огромное влияние носителей лесостепного варианта². Т.е., согласно В.В. Седову, славяне волынцевской культуры создали монетный двор в месте, находящемся вдали от основной территории и отрезанном от нее вражескими поселениями. Конечно, такое развитие событий нереально. Кроме того, славяне не имели технологий, необходимых для организации производства дирхемов. Более того, они не испытывали необходимости в собственной монете, так же как и Хазарский каганат. Славяне жили натуральным хозяйством, Хазария — торговлей. Собственная же денежная единица нужна только в обществе с *производящей экономикой*, развитым ремесленным производством. Таким образом, на землях степного и лесостепного вариантов салтовской культуры, которые связываются с Русским каганатом, существовало собственное монетное обращение, что ясно свидетельствует о наличии или, по крайней мере, последнем этапе становления *государственности*.

Вероятно, данные археологии и нумизматики не только подтверждают существование на территории лесостепного и степного вариантов самостоятельного государства, через которое шла особая магистраль, но и вносят любопытные дополнения в локализацию Русского каганата. Кроме основной его части, покрывающей эти два варианта салтовской культуры, можно определить и периферию — восточнославянские племена левобережья Среднего Днепра. Кроме того, можно предположить, что в 830-е гг. на рассматриваемых землях произошла какая-то катастрофа. Во 2-й период по классификации Р.Р. Фасмера из обращения дирхема выпадает территория салтовцев и указанных выше славянских племен³, замирает торговый путь по «реке Рус». Также археологически прослеживается резкое

---

¹ Седов В.В. Древнерусская народность. С. 197—199.

² Афанасьев Г.Е. Донские аланы. С. 6.

³ Денежно-весовые системы русского средневековья. С. 102.

сокращение антропоморфных, зооморфных и солярных амулетов¹. В огне погибают многие поселения лесостепного варианта, в том числе и ремесленные центры².

Одним из основных признаков государственности в Средневековье, несомненно, может считаться и единая система письма. Надписи, выполненные руническим письмом, встречаются по всей территории юга Восточной Европы. Но в настоящее время признано, что в Саркеле «не было обнаружено ни одной надписи, которую можно было бы безоговорочно отнести к руническим болгарским текстам»³. Между тем прямые аналогии руническим знакам на салтовской лощеной керамике и стенах белокаменных городищ имеются в сарматских знаках Северного Причерноморья⁴. Иранист Г.Ф. Турчанинов адекватно расшифровал данные эпиграфики Подонья, исходя из материалов сарматского и средневекового аланского письма, уходящее корнями в скифо-сарматское письмо арамейского дукта⁵. Эти данные полностью согласуются с сообщениями арабо-персидской литературы о письменности у русов. В «Каталоге» Ибрагима ибн Йа'куба, фрагмент которого опубликован еще Д. Френем, имеется такой сюжет: «... Он был послан к правителю русов одним из кавказских владетелей. Он рассказывал мне также, что у русов есть свои письмена, которые вырезаются на дереве;... он показал мне кусок белого дерева, на котором были нарисованы знаки, изображающие, не знаю, целые ли слова или отдельные буквы...»⁶

---

¹ Флерова В.Е. Амулеты Северного Кавказа и Подонья и графический рисунок Хазарии // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М., 1996. С. 153—155.

² Красильников К.И. Новые данные о гончарном производстве в салтовское время на Северском Донце // КСИА. Вып. 160. М., 1979. С. 68.

³ Нахаметян В.Е. Эпиграфические памятники Саркела и их роль в изучении этнической истории Подонья // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Пенза, 1992. С. 44.

⁴ Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959. С. 168—169.

⁵ Турчанинов Г.Ф. Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка. Владикавказ, 1990. С. 78.

⁶ Френ Х. Письмена древних русов // Библиотека для чтения. Т. XV. Отд. Науки и художества. 1836. С. 51.

Похоже, что это описание рунической письменности народа, называемого *рус* и тесно связанного с Кавказом. Подтверждение находим в знаменитом известии о хазарском письме у персидского историка нач. XIII в. Фахр ад-дина Мубаракшаха Марварруди, на которое впервые обратил внимание В.В. Бартольд: «У хазар также есть письмо, которое заимствовано ими у ветви румийцев, которая находится вблизи них (хазар. — *Е.Г.*), и они называют этих румийцев русами. Хазары пишут слева направо и буквы не соединяют между собой...»¹ Под словом *урум*, *рум* здесь подразумевается аланское население. Среди кавказских алан христианство, судя по данным археологии, распространялось уже с VII в.² Ал-Масуди сообщает, что царь алан принял христианство «при появлении ислама и при Аббасадах»³.

Как предположил Г.Ф. Турчанинов, описание заимствованного у русов хазарского письма соответствует сармато-аланскому руническому алфавиту, восходящему к арамейскому и сирийско-несторианскому (21 буква, написание слева направо, отсутствие *алеф*). Надписи же на керамике Саркела, построенного в 30-е гг. IX в. хазарами с помощью византийцев на левом берегу Дона, сделаны аланским письмом на тюркском языке⁴. Подтверждения этому заимствованию находятся при сопоставлении осетинского фольклора с сообщениями арабо-персидской литературы. Фирдоуси называет письменность Хазарии «хаттским почерком», в то время как в эпосе «Нарты» упоминается «хаттский язык», употребляемый правителями нартовского общества между собой и с верховным богом⁵. Таким образом, именно булгарские кочевники степного Подонья, а вслед за ними и хазары, заимствовали у основате-

---

¹ Бартольд В.В. О письменности у хазар // Соч. Т. V. М., 1968. С. 466.

² Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992. С. 157.

³ Ал-Мас'уди. Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джавахар. Т. I. С. 192.

⁴ Турчанинов Г.Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. С. 96—99.

⁵ Туаллагов А. К вопросу о письменности средневековой Алании. По материалам Нартовского эпоса осетин // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М., 1996. С. 148—149.

лей Русского каганата — сармато-аланского населения — руническую письменность.

То есть данные эпиграфики не только не опровергают мысль о существовании Русского каганата с ядром на территории лесостепного варианта салтовской культуры, но и могут приоткрыть некоторые аспекты его истории.

Таким образом, салтово-маяцкая культура в современном понимании определяется лишь как культурно-историческая общность, включающая также балкано-дунайскую культуру и культуру волжских болгар. Наибольшие же совпадения наблюдаются между лесостепным и степным ее вариантами. Именно эти два варианта по классификации, разработанной в современной археологии, правомерно объединить в одну культуру. Также характер этих совпадений позволяет предположить существование в Подонье сильного единого потестарного образования. Памятники материальной культуры свидетельствуют о высокой организации этого образования. Городища, для постройки которых требовалась мощная административная организация, обособленные поселки ремесленников-профессионалов (в особенности металлургов), организованное, специализированное и высокотехнологичное военное ремесло, оживленная торговля, собственная монета и письменность на территории от левого берега Днепра до Среднего Дона — все это дает возможность говорить о *раннем государстве*. Верхней хронологической границей его функционирования по данным нумизматики являются 830-е гг. В письменных источниках это государство обозначается как «Русский каганат».

Русский каганат был прежде всего военно-торговым ранним государством с собственной производящей экономикой и развитыми ремеслами (гончарное дело, ювелирное мастерство, металлообработка на государственном уровне). Эти ремесла восходят к сармато-аланской традиции I-х веков н.э., однако весьма быстро перенимались соседними этносами — булгарами и славянами Днепровского левобережья. Такой тесный контакт между племенами, а также данные о торговом пути по «реке Рус» дают возможность предположить о вхождении этих племен в состав Русского каганата. Судя по археологическим материалам, ближайшими торговыми партнерами салтовских русов были страны Северного Кавказа и Юго-Восточ-

ной Прибалтики, где заканчивался поток дирхемов преимущественно африканской чеканки. В нач. IX в. в Русском каганате появляется собственная монета. В нач. 2-й четв. IX в. у Русского каганата появляется опасный внешний противник на северо-востоке и юго-востоке, против которого строится ряд мощных крепостей по течению р. Тихой Сосны и в низовьях Дона. Южным врагом являлась Хазария. Конец же 1-й пол. IX в., точнее по монетным находкам и дате построения Саркела (сразу после разрушения ПЦГ), — кон. 830 — нач. 840-х гг. отмечен разрушением некоторых крепостей, сожжением селищ и ремесленных центров.

Откуда пришли русы в Подонье?

В почти трехвековом споре норманистов и антинорманистов о происхождении этноса *рус* и Древнерусского государства едва ли не самым трудным для интерпретации является сообщение под 839 г. в Бертинских анналах, — документе, который хронологически первым фиксирует существование Русского каганата и датируется кон. 830-х гг. — временем, когда была поставлена, судя по археологическим данным, важнейшая и трагическая веха в истории этого политического образования. Правильная интерпретация этой даты может сделать более четкой формулировку в постановке дискуссионной самой по себе проблемы влияния сармато-аланской Руси верховьев Донца и Дона на славянские племена и формирование Древнерусского государства. Сам факт существования такого государства или протогосударства, как Русский каганат с близкими к аланам племенами как главным этносом, ставит под сомнение бытующие ныне версии предыстории Киевской Руси и Восточной Европы 3-й четверти I тыс. н.э. Одновременно это вызывает к жизни весь комплекс проблем, связанных с политогенезом восточных славян, в частности, вопрос об этническом происхождении господствующего слоя Древнерусского государства. Необходимо определить, насколько существенным было влияние салтовских русов на славян Поднепровья. И чтобы наметить основные линии решения данной отдельной и большой проблемы, нужно проследить этапы истории и эволюции этих русов, насколько это возможно.

Нельзя утверждать, что кавказские аланы стали основным этносом в формировании Русского каганата в Подонье. Возможно, часть кавказского ираноязычного населения, которые археологически представлены памятниками Кисловодской котловины, имеют один исток с салтовцами — североиранский этнос, формировавшийся в начале н.э. в Центральном Предкавказье и характеризующийся погребениями в грунтовых катакомбах, часть которого после крушения Гуннского союза вернулась в Центральное Предкавказье¹. Не исключено, что некоторые из кавказских русов мигрировали в Подонье после начала функционирования торгового пути по «реке Рус». Согласно данным истории языка и эпиграфики, надписи Верхне-салтовского и Маяцкого городищ гораздо менее насыщены буквами сиро-несторианского хабита, характерного для степного Подонья и Северного Кавказа. Это может быть объяснено, по предположению Г.Ф. Турчанинова, тем, что жители этих городищ сумели сохранить свою идентичность в «горниле» гуннского нашествия, в котором было много асов-несториан².

Яркие признаки оседлого населения появились в бассейне Северского Донца, Оскола и Дона лишь со 2-й пол. VII в. Промежуток же между этими периодами, кон. IV—VII вв. (время Великого переселения народов и сразу вслед за ним) — самый темный в археологическом отношении в истории Юго-Восточной Европы, которая представляла собой своеобразный «этнический котел». Во всяком случае, катакомбные погребения, характерные для лесостепного варианта салтовской культуры, которые с уверенностью можно было бы датировать V—VII вв., в этом районе не известны. Да и климатические условия этого региона, в частности Поднепровья, в кон. IV — нач. VI в. были мало пригодны для жизни. В кон. IV в. началось резкое похолодание (холоднее всего было в V в.), стало сыро и болотисто³. Поэтому и ждать больших находок этого времени не приходится.

---

¹ См. §1. Гл.1.

² Турчанинов Г.Ф. Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка. С. 32.

³ Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. С. 24.

Нижняя датировка лесостепных комплексов салтовской культуры связывается с переселением алан с Кавказа, которое датируют VIII в.

Участие в формировании ядра Русского каганата североиранских племен Предкавказья также находит подтверждение. Богатый материал для решения этого вопроса дает Маяцкий могильник. Формы катакомб и черты обряда обездвиживания (частичное разрушение скелетов)¹ близки Клину-Ярскому комплексу у Кисловодска, который датируется предварительно II—IV и V—VIII вв.² Архаичность части инвентаря и краниологический тип, ближайшие аналогии которому находятся в сармато-аланских захоронениях Северного Причерноморья I—III вв. н.э.³, показывают, что миграцию с Северного Кавказа в VIII в. предположить нельзя. В Клину-Яре такие захоронения появляются с V в. н.э., причем могильник функционирует непрерывно⁴. С V по VIII в. отток населения из этих мест не происходил. Очевидно, и в Клину-Яре, и на Маяцком комплексе поселились родственные кланы, возвратившиеся из походов времен Великого переселения. Такой же является связь других древнейших комплексов салтовской культуры с памятниками V—IX вв. в районе Кисловодска.

В формировании этнополитического объединения с центром в верховьях Северского Донца, Оскола и Дона, помимо «рухского» ядра, участвовали степные сармато-аланы, булгары и восточные славяне, ранее входившие в состав Великой Булгарии. Определение характера отношений между этими этноса-

---

¹ Этот обряд, известный еще у скифов, был распространен в формах, сходных с салтово-маяцкими, в черняховской культуре: во II—IV вв. — в Среднем и Нижнем Поднепровье, во II—V вв. — в Поднестровье и Побужье, в аланских могильниках Крыма (*Пиоро И.С.* Крымская Готия. С. 146—147). Со II—III вв. он известен в катакомбах Северного Кавказа, а также в катакомбной кубайско-карабулакской культуре III—IV вв. в Фергане (*Флеров В.С.* Погребальные обряды на севере Хазарии. С. 58—59).

² *Абрамова М.П.* Ранние аланы Северного Кавказа III—V вв. н.э. С. 29.

³ *Кондукторова Т.С.* Палеоантропологический материал из Маяцкого могильника. С. 234.

⁴ *Флеров В.С.* Клину-Ярская экспедиция в 1983-1985 гг. (памятники VIII—VII вв. до н.э. — II—VIII вв. н.э. в Кисловодске) // КСИА. Вып. 196. М., 1989. С. 26.

ми во взаимосвязи с данными письменных источников позволяет во многом понять социально-экономическую структуру Русского каганата и наметить основные моменты его истории.

Палеографические материалы рунических надписей на степной территории салтовской культуры «в узком смысле» в прочтении Турчанинова могут свидетельствовать о существовании там особого диалекта средневекового осетинского языка — «смеси дигорского с иронским» при насыщенности системы письма буквами сиро-несторианского хабита¹. Г.Ф. Турчанинов связывает его с приаральскими ираноязычными племенами, пришедшими вместе с гуннскими ордами. Возможно, они принесли в Восточную Европу, как в степь, так и на Северный Кавказ, самоназвание *ас*². Их погребальный обряд характеризуется захоронением в грунтовых ямах, керамический материал — котлами с внутренними ручками³, которые ранее были отнесены к этномаркирующему признаку протоболгар, и юртообразными жилищами⁴. Выводы о том, что асами (ясами русских летописей) являются носители степного варианта СМК, подтверждаются наличием большого количества топонимов с корнем *яс* именно в степи (а не в лесостепи), а также принципиальным сходством обряда погребения достоверных ясов Венгрии и населения степного Подонья⁵.

Судя по истокам степного варианта лощеной салтово-маяцкой керамики и его повсеместному распространению в Подонье и Приазовье уже к нач. VIII в., тесные контакты асов

---

¹ Турчанинов Г.Ф. Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка. С.118.

² Там же. С. 30.

³ Афанасьев Г.Е., Лопан О.В. Об одном исследовательском парадоксе в поисках этномаркирующих признаков протоболгар // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М., 1996. С. 18—20.

⁴ Юртообразные жилища вообще не могут быть этномаркирующим признаком, поскольку они были характерны для всех оседающих кочевников Евразии (Вайнштейн С.И. Проблемы истории жилища степных кочевников в Евразии // СЭ. 1976. №4. С. 42—62) и формы их крайне неустойчивы даже в рамках одного поселения (Флеров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. С. 49—51).

⁵ Бубенок О.Б. Аланы-асы в Золотой Орде. С. 152, 256—258.

с булгарами прошли во время Великой Болгарии, в Предкавказье и Приазовье¹. Уже тогда мог начаться процесс взаимной ассимиляции степных сармато-алан и протоболгар, ибо ко времени их появления в Подонье после распада Великой Болгарии в сер. VII в². археологические различия между двумя этносами уже незначительны, даже обряд погребения стал сходным. Разница фиксируется на уровне антропологии. Четко различаются краниологические серии Зливкинского могильника и Правобережного Цимлянского городища. В Зливках монголоидная примесь растворена в европеоидной расе и отражает более раннее смешение, произошедшее за пределами Восточной Европы. В ПЦГ монголоидная примесь гораздо более поздняя, близкая ко времени гибели городища. Европеоидный тип ПЦГ очень близок поздним сарматам Подонья и Волгоградского Поволжья, из чего можно сделать вывод о местных корнях воинов крепости³. В.В. Гинзбург также отмечает наличие у них экваториальной примеси, что говорит о среднеазиатском происхождении⁴. То же наблюдается и в Нетайловском могильнике на Северском Донце, что дало основание Г.П. Зиневичу отрицать болгарскую принадлежность самого крупного в салтовской культуре ямного могильника⁵. Эти факты согласуются с данными, полученными Г.Ф. Турчаниновым. К тому же если обратиться к памятникам Северного Кавказа IV—V вв., то можно найти там ряд ямных погребений с такой характерной сарматской чертой, как деформация черепа. Интересно, что ямные погребения встречаются и в катакомбных могильниках близ Кисловодска⁶. Причем сарматы принимали очень

---

¹ Флеров В.С. О хронологии салтово-маяцкой культуры. С. 104—108.

² Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964. С. 86.

³ Гинзбург В.В. Антропологический состав населения Саркела — Белой Вежи и его происхождение. С. 262, 263.

⁴ Гинзбург В.В. Краниологические материалы из Правобережного Цимлянского городища // МИА. №109. С. 306—307.

⁵ Зиневич Г.П. Антропологические материалы средневековых могильников Юго-Западного Крыма. Киев, 1973. С. 152.

⁶ Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа III—V вв. н.э. С. 29; Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. С. 149.

активное участие в передвижениях осколков болгарского объединения. Сходные с ними краниологические серии происходят из болгарского комплекса Плиски¹.

Этносоциальная структура Русского каганата

Исследование могильников лесостепной зоны салтовской культуры показывает, что в среднем около 25—30% в ранней части захоронений составляют богатые парные погребения молодых воинов и их наложниц, распространены кенотафы в память о воинах, погибших вдали от родных мест; без оружия хоронили лишь глубоких стариков². Сильно заметна глубокая социальная дифференциация, определяемая по обряду погребения и составу инвентаря. На материале Верхнесалтовского и Дмитриевского могильников выделяются такие социальные группы: предводители («высший командный состав»), старшие и младшие дружинники, простые солдаты³. С.А. Плетнева выделяет также пожилых семейных воинов, участвовавших в походах лишь в крайних случаях⁴.

Социальная структура общества, определяемая по могильникам, была неодинакова на разных поселениях. Наибольшая дифференциация заметна на материалах крупнейшего катакомбного могильника — Верхнесалтовского. Мужские погребения различны по инвентарю: если в одних основной компонент — элементы конской сбруи и упряжи, а также сабли, для других характерны топоры и элементы поясного набора, а в третьих — либо наконечники стрел, либо полное отсутствие инвентаря⁵. Выделяют три большие страты: бедняки, земледельцы-ремесленники (т.е. простые общинники, при необходимости участвующие в военных действиях), профессио-

---

¹ Гинзбург В.В. Краниологические материалы из Правобережного Цимлянского городища. С. 307.

² Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. С. 192—199.

³ Афанасьев Г.Е. Система социально-маркирующих предметов в мужских погребальных комплексах донских алан // РА. 1993. №4. С. 140—142.

⁴ Плетнева С.А. От кочевий к городам. С. 83.

⁵ Афанасьев Г.Е. Донские аланы. С. 44—49.

нальные воины-аристократы — «дружина»¹. В Дмитриевском могильнике третья, безынвентарная группа отсутствует. Если в Дмитриевском комплексе к высшей страте относилось около 20% из раскопанных погребений, то в Верхнесалтовском — около 6%², однако инвентарь этих катакомб значительно богаче, чем дмитриевских³. Столь заметная дифференциация в Верхнем Салтове естественна: ведь этот протогород был центром Салтовской земли, столицей Русского раннего государства. В целом подобная структура общества характерна для «варварских государств», когда большинство свободных членов общества уже отстранено от фактического управления⁴, четко выделяется верхняя страта, но насилия и легализованного принуждения еще нет⁵. Источники фиксируют у русов матрилинейность, что также подтверждается археологически. Нередки захоронения девушек 18—25 лет с полным набором оружия, иногда с конем, соответствующие воинской верхушке⁶. В более чем 30% женских захоронений VIII — нач. IX в. присутствуют боевые топоры⁷. Сам погребальный катакомбный обряд, как и инвентарь знатных воинов, полностью соответствует описанию похорон «знатного руса» в цикле «О тюрках», что подмечено еще Д.Т. Березовцом⁸. Причем характерно, что наиболее богатая часть могильников прекращает существование в 1-й пол. IX в.⁹.

---

¹ *Михеев В.К.* Экономика и социальные отношения у населения салтовомаяцкой культуры Подонья — Приазовья (середина VIII — середина X в.). — Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1986. С. 21—26.

² *Афанасьев Г.Е.* Донские аланы. С. 49.

³ *Плетнева С.А.* Возможности выявления социально-экономических категорий по материалам погребальной обрядности // РА. 1993. №4. С. 168—172.

⁴ *Хазанов А.М.* «Военная демократия» и эпоха классового образования. С. 97.

⁵ *Васильев Л.С.* Становление политической администрации (от локальной группы охотников и собирателей к протогосударству-чифдом) // НАА. 1980. №1. С. 174—175.

⁶ *Плетнева С.А.* Средневековые «амазонки» в европейских степях // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н.э. Воронеж, 1983. С. 15; *Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье. С. 195—198.

⁷ *Плетнева С.А.* Средневековые «амазонки» в европейских степях. С. 13.

⁸ *Березовец Д.Т.* Про ім'я носіїв салтівської культури. С. 69.

⁹ *Плетнева С.А.* Возможности выявления социально-экономических категорий по материалам погребальной обрядности. С. 170.

Кроме того, материалы катакомбных могильников верхний Донца, Оскола и Среднего Дона дают информацию и о родоплеменной структуре общества русов. По наблюдению Г.Е. Афанасьева, в катакомбном погребальном обряде СМК отчетливо выделяются три традиции. Первая объединяет Верхнесалтовский и Ютановский комплексы, вторая — Дмитриевский и Нижнелубянский, к третьей относятся памятники Маяцкого могильника¹. Три племенные группы древнейшего населения лесостепи СМК прослеживаются и по антропологическим данным². Наиболее богатая, социально стратифицированная из них — Верхнесалтовско-Ютановская. Причем если Верхний Салтов был центром всей СМК, то Ютановская агломерация являлась центральным местом Приосколья³.

Булгары и асы после распада Великой Болгарии, оказались в подчиненном положении. Это хорошо иллюстрируется данными Верхнесалтовского, Нижнелубянского, Дмитриевского, Маяцкого, Ютановского могильников в верховьях Северского Донца и Оскола. Ямные захоронения в этих самых богатых и ремесленно развитых агломерациях составляют не более 6—8%⁴, причем принадлежат либо домашним рабам, либо — на периферии могильника — находящимся в подчинении всей общины/города⁵. Отдельные же ямные могильники располагались на менее пригодных для кладбищ пологих левых берегах Северского Донца⁶, в то время как катакомбные комплексы размещались на высоких правых берегах. Интерес

---

¹ Афанасьев Г.Е. Донские аланы. С. 91.

² Кондукторова Т.С., Сегеда С.П. Краниологическая и одонтологическая характеристика людей из Маяцкого VIII—IX вв. // Вопросы антропологии. Вып. 78. М., 1987. С. 69—81.

³ Афанасьев Г.Е. Иерархия салтовских долговременных поселений лесостепного Приосколья // СА. 1990. №4. С. 66.

⁴ Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. С. 148; Флеров В.С. Погребальные обряды на севере Хазарии. С. 34.

⁵ Плетнева С.А. Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья // Новое в археологии. М., 1972. С. 108.

⁶ Березовец Д.Т. Раскопки в Верхнем Салтове в 1959—1960 гг. (Печенежское водохранилище) // КСИА АН УССР. Вып. 12. Киев, 1962. С. 18—22; Плетнева С.А. От кочевий к городам. С. 95; Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. С. 33.

представляет и обширный ямный Нетайловский могильник в Верхнем Салтове, который был почти так же богат, как и катакомбный, однако в нем практически отсутствуют детские захоронения, форма погребальных ям крайне необычная — дромосовидная, приближенная к катакомбному обряду, наличествует характерный для катакомб обряд «обезвреживания» покойника, выраженный очень сильно. О социальном положении нетайловцев свидетельствует и такой факт: при примерно одинаковом количестве вскрытых погребений в ямном могильнике найдено всего 12 дирхемов, тогда как в Верхнесалтовском катакомбном — более 150¹. Но изначальная близость рухсской и асской культур повлияла, очевидно, на быстрое начало взаимной ассимиляции. Брахиокраны становились членами семей с долихокранными краниологическими характеристиками, сначала на неравноправном положении, но с сохранением обряда погребения². К кон. VIII — нач. IX вв. все чаще встречаются женские брахиоканные серии в парных погребениях по катакомбному обряду, а также смешанный мезокранный антропологический тип³. На вновь освоенных лесостепных территориях больше появляется отдельных ямных могильников (долина Тихой Сосны). В Дмитриевском и Маяцком могильниках известно немалое количество грунтовых ям, в которых основные признаки ямных погребений утрачены и заменены деталями местного катакомбного обряда⁴. Однако проявляется односторонний характер ассимиляции: захоронения долихокранов в грунтовых ямах крайне редки. Причем и продвижение населения шло в одну сторону: с юга на север (в степях на Дону неизвестны катакомбные могильники), очевидно, в политический центр. Там под влиянием местного населения происходил процесс оседания кочевников, потому в верховьях Оско-

---

¹ Крыганов А.В. Нетайловский могильник на фоне праболгарских некрополей Европы. С. 363.

² Плетнева С.А. Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья. С. 110.

³ Кондукторова Т.С. Палеоантропологический материал из Маяцкого могильника. С. 200—201; Плетнева С.А. От кочевий к городам. С. 76; Плетнева С.А. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII—IX вв.// СА. 1962. №1. С. 89.

⁴ Флеров В.С. Погребальные обряды на севере Хазарии. С. 36.

ла и Тихой Сосны нередко единые агломерации, состоящие из селищ и кочевий.

Кроме катакомбных погребений, в части могильников, принадлежавшей социальной верхушке (ближе к городищу), на Северском Донце встречаются группы трупосожжений как безурновых, так и в салтовских лощеных сосудах, с салтовским же инвентарем (в Сухогомольшанском могильнике в Готвальдовском районе Харьковской области салтовской была и конструкция могил¹); в бассейне того же Донца известны и отдельные могильники по обряду кремации². Этническая принадлежность трупосожжений дискутируется. Ни одна из основных точек зрения: ассимилированное пеньковское население³, тюрки⁴, угры⁵, иранский этнос⁶ — не имеет достаточных доказательств (все они созданы на основе 1—2 деталей инвентаря). Давно уже большинство ученых склоняется к мысли о славянских истоках трупосожжений, тем более что они обнаружены в славянских могильниках в верховьях Дона⁷, а также на территории Киева⁸. Во всяком случае, трупосожжения синхронны ранним катакомбам, а социальное положение их хозяев различно: если в Сухогомольшанском могильнике они входили в высший руководящий состав, то в Дмитриевском, напротив, находятся на периферии могильника, т.е. в подчиненном положении. Как раз в Дмитриевском комплексе этническая принадлежность трупосожжений почти не вызыва-

---

¹ Михеев В.К. Сухогомольшанский могильник // СА. 1986. №3. С. 173.

² Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. С. 152—153; Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985. С. 8—17; Плетнева С.А. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII—IX вв. С. 94—97.

³ Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. С. 153.

⁴ Плетнева С.А. От кочевий к городам. С. 100—101.

⁵ Михеев В.К. Погребальный обряд Красногорского могильника салтово-маяцкой культуры // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990.

⁶ Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962. С. 315.

⁷ Винников А.З., Пряхин А.Д. Боршевский курганный могильник на р. Дон // Археологические памятники лесостепной Подонья и Поднепровья I тысячелетия н.э. Воронеж, 1983. С. 72—76.

⁸ Брайчевский М.Ю. Как и когда возник Киев. Киев, 1964. С. 108.

ет вопросов, ибо они совершены в пеньковских и волынцевских лепных сосудах¹. С большой осторожностью можно провести параллель с сообщением «Худуд ал-алам» о группе славян, которые живут среди русов и служат им². В отношении же трупосожжений Сухой Гомольши обнаруживается интересная деталь: они прекращают существование в 1-й пол. IX в., как и богатые катакомбные захоронения³. Могильники с трупосожжениями отличаются большим количеством вооружения, почти исключительно салтовского происхождения. Находка в одном из особенно богатых погребений Сухой Гомольши копья, которое использовалось как флаг, означает, что этническая группа, оставившая этот могильник, выступала в походы отдельным подразделением, во главе со своим военачальником⁴. При явных различиях в обряде погребения, материальная культура сухогомольшанцев выглядит как плоть от плоти окружающей СМК. Они были полностью интегрированы в салтовскую социальную систему в качестве полноправных членов, но еще сохраняли последние форпосты этнокультурной идентичности — погребальный обряд.

Отношения русов с этим соседним этносом, также вошедшим в территорию Русского каганата, — славянами — носили иной характер. В цикле «О тюрках», сохранившем наиболее ранние сведения о Русском каганате (кон. VIII — нач. IX вв.), обозначается данническое положение славян по отношению к русам: «Постоянно по сотне или двести они ходят на славян, насилием берут у них припасы... Много людей из славян отправляются туда и служат русам, чтобы посредством службы обезопасить себя»⁵. В других сочинениях, где имеется тема хакана и острова русов, сюжет о славянах развивается в направлении подчинения славян русам, нападении последних на сла-

---

¹ Плетнева С.А. Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья. С. 115.

² Hudud al-‘Alam. P. 159.

³ Михеев В.К. Сухогомольшанский могильник. С. 173.

⁴ Крыганов А.В. Вооружение и войско населения Салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1989. С. 98—110.

⁵ Hudud al-‘Alam. P. 158.

вян и работоторговле ими¹. Очевидно, нападения были скорее эпизодом, поскольку даже в арабо-персидской литературе эта тема была скоро забыта, а в иных случаях изменена до прямо противоположной (встречаются уже в XII в. рассказы о походах славян на русов)². Отдаленные археологические подтверждения можно найти только первой теме (трупосожжения в славянских горшках на периферии Дмитриевского могильника). В целом же археология рисует гораздо более мирную картину, хотя ее рассмотрение несколько запутывается проблемой преемственности славянских культур левобережья Днепра 3-й четв. I тыс. н.э.

Славяне Поднепровья и Русский каганат: проблемы взаимодействия

На рубеже VII—VIII вв. в Днепровском лесостепном левобережье и на правобережье Киевского Поднепровья на территории пеньковской культуры (на ее сахновской стадии) появляется т.н. волынцевская культура. Субстратом творцов волынцевских древностей являются остатки антов — носителей пеньковской культуры. Особенно ярко заметна связь волынцевцев с пеньковским населением на Киевщине³. Решение вопроса о пришлом этническом компоненте было предложено не так давно В.В. Седовым. По его мнению, это была миграция носителей именьковской культуры IV—VII вв. Среднего Поволжья⁴. Связь между двумя культурами очевидна и прослеживается в круговой и лепной керамике (характерные горшки с цилиндрическим венчиком и высокими плечиками), планировке поселений (бессистемная) и форме жилищ (полуземлянки столбовой и каркасно-столбовой конструкции), обряду погребения (трупосожжение на стороне)⁵, т.е. во всех этноарки-

---

¹ Kitab al-a'lak an-nafisa VII auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar *Ibn Rosteh*. С.146; *Ал-Марвази*. Таба'и' ал-хайаван. С.*22.

² *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т.2. С. 82.

³ *Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье. С.193.

⁴ *Седов В.В.* Древнерусская народность. С.53—55.

⁵ *Васильев И.Б., Матвеева Г.И.* У истоков Самарского Поволжья. С.150; *Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье. С. 194.

рующих компонентах материальной культуры. Волынцевская культура практически всеми учеными атрибутируется как славянская¹. Происхождение именковцев долго было предметом острых дискуссий: предполагали финно-угорское (эволюция городецкой культуры), сибирское тюркское, мадьярское происхождение. Но ни одна из версий так и не подкреплена археологическим материалом. Мысль о славянской принадлежности именковцев была высказана и аргументирована Г.И. Матвеевой². Славянский облик археолого-этнического комплекса именковцев признают и другие исследователи³. Последний раз волынцевцы попали в сферу внимания В.В. Седова, когда он отождествил их территорию с Русским каганатом Бертинских анналов и восточных источников⁴. Произошло это во многом благодаря относительно высокой (оценка производилась по уровню ремесленных находок) культуре этих племен по сравнению с другими славянами Восточноевропейской равнины. Это различие особенно очевидно при сопоставлении волынцевской культуры и синхронной ей славянской культурой Правобережья Днестра типа Луки-Райковецкой, которая эволюционно формировалась из предшествующих ей пражско-корчакских древностей⁵. Здесь не знали гончарного круга (он появился лишь в кон. IX в.), орнамент на лепных сосудах крайне примитивен⁶, кузнечное дело тоже отличается простотой и

---

¹ Обзор мнений см.: *Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье. С. 195.

² См.: *Матвеева Г.И.* О происхождении именковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981. С. 52—73; *Матвеева Г.И.* Некоторые итоги изучения именковской культуры // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т.3. Этногенез и этнокультурные контакты славян. М., 1997. С. 206—217.

³ См.: *Багаутдинов Р.С.* Новые раннеболгарские курганы Самарской Луки // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995. С. 85—94; *Богачев А.В.* О верхней хронологической границе именковской // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995. С. 16—22; *Ковалевский В.И.* Еще раз о ножах с валютнообразным навершием // Вопросы истории славян. Археология. Этнография. Вып. 12. Воронеж, 1998. С. 9—24.

⁴ *Седов В.В.* Русский каганат IX века. С. 3—15.

⁵ *Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье. С. 31.

⁶ *Тимощук Б.А.* Восточные славяне: от общины к городам. М., 1995. С. 142—143.

традиционностью технологий¹. Подобные характеристики соотносятся с доремесленными формами производства («домашнее ремесло»), первым этапом становления ремесла и связаны с натуральным хозяйством². У славян волынцевской культуры была своя круговая керамика еще в н. VIII в., в погребениях заметна социальная дифференциация³, на их территории известны клады арабских монет⁴. То есть на сахновской стадии пеньковцев перекрывает также славянская (по форме лепной керамики, трупосожжениям, особенностям постройки полуземлянок⁵), но заметно опережающая своих соседей на пути классообразования и политогенеза.

Именьковскую культуру, генетически близкую к волынцевцам, связывают с позднезарубинецкими племенами черняховской культуры, которые сохранили гончарные традиции чернолощенной керамики, правда, в очень малой степени⁶. Не более 10% гончарной керамики присутствует и на волынцевских поселениях⁷. Часть ее составляют «постчерняховские» горшки волынцевского типа, по форме идентичные лепным сосудам, другую же (большую) — характерные сосуды из салтовских мастерских. Наибольшее количество волынцевских древностей выявлено на территории, пограничной с лесостепным вариантом салтовской культуры или на его землях (крайне западная граница — округа Киева, на юго-востоке ареал охватывает часть бассейна Северского Донца. Причем на таких памятниках, как *Киев*, *Монастырек*, *Каневское* поселение, волынцевские древности перерастают в древнерусскую культуру⁸.

При внимательном рассмотрении материалов волынцевской культуры становится очевидно, что она является результатом взаимодействия славян и салтовских русов. Выделяются следующие черты сходства волынцевской культуры и лесо-

---

¹ Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М. С. 212.

² Проблемная ситуация в современной археологии. С.171—172.

³ Березовец Д.Т. Славяне и племена салтовской культуры. С. 272.

⁴ Седов В.В. Русский каганат IX века. С. 10.

⁵ Седов В.В. Древнерусская народность. С. 187—191.

⁶ Матвеева Г.И. О происхождении именьковской культуры. С. 54.

⁷ Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. С. 187.

⁸ Петрашченко В.А. Волынцевская культура на Правобережном Поднепровье // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990. С. 47—50.

степного варианта салтовской культуры: на ее поселениях в ряде полужемлянок — открытые салтовские очаги; практически по всему ареалу — распространение салтовской и «салтоидной» керамики, причем чем ближе к Северскому Донцу и ремесленным центрам на Днепре, тем ее больше (на поселении Вовки — 43%); салтовские украшения (в т.ч. амулеты, бусы) и орудия труда¹. Эти явления имеют четкую верхнюю границу — 2-я четв. IX в.². После этого волынцевская культура трансформируется в роменскую³, гончарная посуда выходит из употребления (объяснение В.В. Седова: «по каким-то историческим обстоятельствам прекращают функционировать гончарные центры»⁴). Если в VIII — нач. IX в. салтово-маяцкие вещи являются ведущей группой в ареале волынцевской культуры, то затем происходит резкое падение их доли⁵. Надо отметить, что салтовские сосуды встречаются лишь в богатых волынцевских погребениях⁶. Заметно сильное влияние русских мастеров на волынцевцев и в области железообработки. Если на пеньковских памятниках обработка черного металла отличалась простотой технологических характеристик и крайне редким использованием прогрессивных приемов⁷, то с усилением салтовского влияния (появление на Днепре ремесленных металлургических поселений) увеличивается количество приемов, улучшающих свойства лезвия, начинает применяться двухслойный и трехслойный пакет. Причем тесные связи выражались не только в заимствовании высокотехнологичных приемов и импорте готовой продукции, но и в поставках стали в

---

¹ Щеглова О.А. Салтовские вещи на памятниках волынцевского типа // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987. С. 78—81.

² Седов В.В. Древнерусская народность. С.55.

³ Григорьев А.В. Некоторые замечания по поводу украшений роменской культуры // Проблемы археологии Южной Руси. — Киев, 1990. С. 53—56.

⁴ Седов В.В. Древнерусская народность. С. 56.

⁵ Григорьев А.В. Некоторые замечания по поводу украшений роменской культуры. С. 51—52.

⁶ Березовец Д.Т. Славяне и племена салтовской культуры. С. 272.

⁷ Гопак В.Д. Кузнечные изделия памятников киевского типа в Среднем Поднепровье и Черниговском Подесенье // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983. С. 53.

виде полуфабрикатов из салтовских центров в славянские¹, а также добыче руды в славянских землях. Дело в том, что на Северском Донце и Осколе отсутствуют болотные железные руды, из которых произведено большинство изделий салтовской лесостепи. В основном руды располагаются на славянских территориях в верховьях Дона и Среднем Поднепровье². Такие тесные контакты явно свидетельствуют о дружественных отношениях в пределах одного политического образования.

Отношения славян и русов, возможно, строились скорее на основе взаимовыгодного союза. Славяне получали доступ к свободным черноземам для занятия земледелием (система перелога, которую использовали славянские пахари, — самая эффективная по урожайности, но постоянно требующая новых земель)³ и надежную защиту от кочевников. Надо заметить, что салтовцы тоже были знакомы с земледелием. В хозяйстве лесостепи оно имело значение, равное скотоводству (в степной зоне носило вспомогательный характер). Уровень развития пашенного земледелия салтовцев оценивается как «опережающий» по сравнению с соседями-славянами⁴. В перспективе сосуществование этих земледельческих культур могло перерасти в конкурентную борьбу, но в VIII — начале IX в. этого еще не случилось: взаимопроникновение на этом уровне только начиналось. Археологические материалы показывают, что этот период был исключительно мирным для славян левобережья Днепра, что привело к резкому увеличению населения⁵. Русы же приобрели новую сферу политического влияния и рынки сбыта для транзитных и собственных товаров. О мирных соседских отношениях свидетельствуют совместные поселения славян и русов. Например, на реке Хо-

---

¹ Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М. С. 212—213.

² Рыбаков Б.А. Ремесло // История культуры Древней Руси. Т.1. М.-Л., 1951. С.80 (карта).

³ Приймак В.В. Орудия обработки почвы населения Днепровского Левобережья VIII—X вв. // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1988. С. 71.

⁴ Колода В.В., Горбаненко С.А. Земледельческий комплекс раннесредневекового населения Верхнего Салтова // Хазарский альманах. Т.2. М., 2004. С.176.

⁵ Тимошук Б.А. Восточные славяне: от общины к городам. С. 153.

пер, у северо-восточных границ Русского племенного союза, археологами недавно обнаружено поселение, на котором совместно жили племена салтовской и боршевской культур, ничем не ущемляя друг друга. А на Днепре существуют поселок русских гончаров — Канцерка. На территории волынцевцев появляются и городища — Мохнач и Коробковское, население которых по всем признакам славянское, а каменные укрепления построены салтовцами¹. Славяне Поднепровья благодаря салтовцам включились в международную торговлю, совершенствовалось гончарное мастерство, у славянских женщин приобрели популярность украшения, произведенные русскими мастерами. Северяне (наследница волынцевской — роменская культура — отождествляется с северянами) получили от русов с рубежа VIII—IX веков связи с прикаспийскими провинциями Арабского Халифата, на городищах северян появились клады куфических дирхемов. Благодаря торговому пути по реке Рус (Северский Донец и Средний Днепр), возможно, и расцвел славянский центр на Днепре — Киев. А русы позаимствовали у славян конструкцию полуземлянок и печь (раньше в домах салтовцев был наземный очаг — еще с сарматских времен)². Влияние двух племен друг на друга было позитивным для обеих сторон и достаточно сильным.

Этноним *север*, вероятно, имеет иранское происхождение (*sew — черный)³, а территория роменской культуры совпадает с ареалом гидронимов иранского происхождения и распространением краниологических серий, очень близких к салтовским⁴. Это соответствует сообщению арабо-персидского цикла «О тюрках» о Vantit / Vanbit — «первом городе (земле) на востоке страны славян, некоторые жители которого похожи на русов»⁵. Возможно, были часты смешанные браки между славя-

---

¹ Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев, 1975. С. 64.

² Флеров В.С. Поселение VIII—IX вв. у ст. Богоявленской // СА. 1971. №2. С. 265; Плетнева С.А. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII—IX вв. С. 93; Москаленко А.Н. Городище Титчиха. С. 162.

³ Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. С. 197.

⁴ Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья. С.17.

⁵ Hudud al-'Alam. P. 158.

нами и русами. И такое развитие событий вполне естественно: если у русов была позднеродовая община со строгой иерархией и градацией родов внутри племени, то славяне жили территориальной общиной, изначально для них характерной. А территориальная община принимала в свои ряды любого инородца; сила культурной традиции славян всегда оказывалась сильнее любых кровно-родственных связей пришельца, и он ассимилировался в славянской среде. Так происходило и с русами.

В свете этого по-иному выглядят трупосожжения, совершенные с салтовским инвентарем и характерной угольной подсыпкой, зафиксированные на поселениях роменской и боршевской культур¹, в Киеве², в Днепровском Надпорожье³. Ближе ко 2-й пол. IX в. в лесостепном славянском Подонье появляется население, оставившее типичные для лесостепного варианта салтовской культуры *жилища*, гончарную керамику и *лепную посуду* и трупосожжения в салтовских сосудах⁴. Скорее всего, это и были русы-славяне, уже взаимно ассимилированные и воспринявшие трупосожжение как обряд погребения. Славянские земли Днепровского Левобережья (волынцевская культура) вошли в зону политического и экономического влияния Русского племенного союза. Данная ситуация окончательно закрепилась в 1-й трети IX века с упрочением славяно-русских связей.

Русский каганат: этносоциальная и историческая реконструкция

К кон. VIII в. на территории от левобережья Днестра до Среднего и Нижнего Дона образовалось единое социополитическое объединение с центром, очерченным лесостепным вариантом салтовской культуры, куда входили оседлые племена

---

¹ Винников А.З. Славянские курганы лесостепного Дона. С. 178; Москаленко А.Н. Городище Титчиха. С. 161—162.

² Моця А.П. Население Среднего Поднепровья IX—XIII вв. Киев, 1987. С. 113; Брайчевский М.Ю. Как и когда возник Киев. С. 148.

³ Михеев В.К. Сухогомольшанский могильник. С. 165.

⁴ Винников А.З. Славянские курганы лесостепного Дона. С. 179.

североиранского (русы и аланы) и славянского происхождения, а также кочевники — сармато-аланы (асы) и праболгары, первоначально занимавшие подчиненное положение и начавшие процесс оседания. Данное политическое объединение имело обширные торговые связи и самую развитую в Восточной Европе того времени производящую экономику (по уровню ремесла некоторые параллели можно провести лишь со Старой Ладогой археологического слоя Е-2, также находившейся на Волго-Балтийском пути¹). Анализ материальной культуры и письменных источников показывает, что это объединение по уровню развития соответствует раннему государству (составному протогосударству). Вероятно, столица этого протогосударства или государства находилась в верховьях Северского Донца как наиболее старой территории русов с богатым и знатным населением. Возможно, это было Верхнесалтовское городище, характеризующее исследователями как протогород², хотя по течению той же реки еще в XVII в. помнили Каганово городище, стертое с лица земли, рядом с которым топонимика знает Каганский перевоз и Каганский колодезь³.

Русский племенной союз был одним из приоритетных торговых партнеров государств Закавказья и Средней Азии. Арабские монеты шли в Восточную Европу VIII — нач. IX века двумя каналами: первый — из Ирана через Каспий на Волгу и далее в Прибалтику — на Готланд, второй — из западных пределов Арабского Халифата через Сирию и Закавказье на Дон и Северский Донец, а оттуда — в Юго-Восточную Прибалтику (возможно, именно описание второго пути находится в Баварском географе⁴, составленном не позднее 1-й трети IX в.). В Русском каганате эти два потока сливались, но в 30-х годах

---

¹ См.: Корзухина Г.Ф. О времени появления укрепленного поселения в Ладогe // СА. 1961. №3. С. 76—84.

² Плетнева С.А. Возможности выявления социально-экономических категорий по материалам погребальной обрядности. С. 166—172.

³ Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. С.33.

⁴ Автор Баварского географа, проследовав в изложении вдоль славяно-германского водораздела до области прусов, т.е. Нижней Вислы и Немана, далее очень бегло описывает территорию, на которой упоминаются, в числе неизвестных этнонимов, хазары и русы. Путь, проделав этот круг, замыкает-

IX века второй поток, проходивший по «реке Рус» — Северскому Донцу и Среднему Днепру, прекратил свое существование. На территории между Днепром и Дунаем находок монет того времени нет. Причем обилие кладов на территории Русского племенного союза говорит о том, что дирхемы оседали здесь, что для купцов, обладавших этими богатствами, земли между Доном и Донцом были родными (в чужом краю клады обычно не зарывают). Полная противоположность в этом отношении — Хазарский каганат. Весь комплекс находок монет на нижней Волге и нижнем Донце, которые можно было бы связать с торговым движением непосредственно в Хазарии, состоит из двух небогатых кладов и нескольких монет. Хазарская элита занималась в основном транзитной торговлей, и ни деньги, ни товары в больших количествах там не оседали. Судя по находкам археологов, торговые связи салтовских русов были очень обширны. На городищах обнаруживают иранские ткани, шелк, товары из Хорезма, Сирии — золотую и серебряную посуду, дорогие украшения. Попадали к русам и товары из Китая и Индии: восточные рубежи Русского племенного союза находились на пересечении различных ответвлений знаменитого Шелкового пути — там находилось Правобережное Цимлянское городище, форпост русов на востоке. Были включены русы и в торговлю по Волго-Балтийскому пути, по которому с конца VIII века начинается интенсивное движение. С запада по нему идут прежде всего балтийские славяне, с востока — салтовские купцы. На участие русов в балтийской торговле уже в самом начале IX века указывают граффити на куфических дирхемах Петергофского клада. Русы занимались не только торговлей чужими товарами. Развитие ремесла в Подонье к началу IX века достигло европейского уровня того времени, а во многих случаях, по признанию археологов, превосходило Западную Европу. Большой популярностью пользовалась салтовская лощеная керамика, изготовленная с помощью гончарного круга, который был тогда последним словом техники. Не

ся вновь на Висле (Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI вв. М., 1993. С. 14).

менее была развита и металлообработка, оружейное дело. Русское оружие, судя по сведениям «Худуд ал-алам», если не могло конкурировать с дамасской сталью, то стояло очень близко к этому.

Таким образом, в начале IX века экономика Русского племенного союза находилась в стадии подъема, который обычно предшествует переходу этноса от последнего этапа первобытно-общинного строя к становлению государства. Появилась необходимость в собственной денежной единице. И русы, которые еще недавно золотыми и серебряными монетами украшали жен и наложниц¹, стали чеканить свою монету. Этот вывод можно сделать на основе находок так называемых «варварских подражаний» дирхемам, найденных в верховьях Дона и Донца.

А если вспомнить, что в то же время произошло и продвижение русов к границам Хазарии (постройка ПЦГ), то именно тогда Русский этнополитический союз стал каганатом в полном смысле этого слова, который в него вкладывался в раннее Средневековье. То был уже действительно верховный сюзерен, имеющий основания для претензий на господство в регионе. И глава русов принял титул кагана. Но каганат в Юго-Восточной Европе мог быть только один: титул кагана приравнивался в степи к императорскому. Русы стали опасными конкурентами Хазарии не только в экономике, но и в политике. «Русский» путь из Арабского Халифата через Закавказье на Дон и Донец мог где-то конкурировать с Волжским, каспийское окончание которого было под контролем Хазарии. И продвижение Русского племенного союза на восток, и постройка крепости в крайне выгодном с торговой и военно-стратегической точки зрения месте — в низовьях Дона — заставили Хазарию беспокоиться всерьез.

Примерно в то же время Русский каганат начинает возводить мощнейшие укрепления на северо-востоке и юго-востоке. Хазария строит Семикаракорскую крепость на р. Сал, а повсеместно восточнее этих укреплений появляются кочевнические курганы, где отличительной чертой погребального обряда яв-

---

¹ Kitab al-a'lak an-nafisa VII auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar *Ibn Rosteh*. P. 146.

ляется наличие в могиле черепа и костей коня¹. Эти захоронения имеют истоки в караякуповской культуре (течение р. Урал и Белая)². Караякуповские памятники связываются исследователями с территорией «Великой Венгрии», а курганы атрибутируются как мажарские³.

Конфликт между Русским каганатом и Хазарией начался, по-видимому, с разгрома последней Правобережного Цимлянского городища — военного и торгового форпоста русов на Нижнем Дону. Эта крепость по сложности планировки, развитию системы башен, устройству ворот и другим показателям не имела равных на этой территории ни раньше, ни позднее. По результатам археологических раскопок 1987—1990 годов, она была уничтожена во 2-й четверти IX века, до постройки Саркела⁴. Население было частью вырезано, частью уведено в плен; иные — праболгары и степные асы — перешли на сторону родственных им хазар (об этом свидетельствует краниологический и археологический материал Саркела и поселения, основанного на месте ПЦГ⁵). Центр Русского каганата находился слишком далеко от низовьев Дона, чтобы оказать оперативную помощь, но силами пограничных гарнизонов были уничтожены хазарские Семикаракоры. После этого удачного набега против врага с запада хазарами при непосредственной помощи Византии в 834—837 годах на левом берегу Дона строится крепость Саркел⁶.

Отношения между Византийской империей и Хазарией всегда были противоречивы и зависели в основном от инте-

---

¹ Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. С. 23; Михеев В.К. Две раннесредневековые находки на Харьковщине // СА. 1983. №3. С. 212—214.

² Иванов В.А. Урало-поволжская часть мажарского пути на запад // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С.192.

³ Халикова Е.А. Магна Хунгария // ВИ. 1975. №7. С. 37—42; Иванов В.А. Magna Hungaria. С. 53.

⁴ Флеров В.С. Правобережная Цимлянская крепость // РА. 1996. №1. С.110—113.

⁵ Плетнева С.А. История одного хазарского поселения // РА. 1993. №4. С. 56—57.

⁶ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 171—173.

ресов Византии¹. В начале IX века Русский каганат уже определил свои внешнеполитические цели: контроль над Волго-Балтийским торговым путем, Закавказье, Северное Причерноморье. У Черного моря, кстати, еще со времен гуннского нашествия остался племенной союз с названием «рос», беспокоивший византийские владения в Крыму и на южном берегу Черного моря, о чем сообщают житие Стефана Сурожского и Георгия Амастридского, датируемое 1-й пол. IX в. Данные топонимии и археологии дают основание говорить о родственности этноса «рос» начала н.э. русам Подонья. Письменные данные IX в. подтверждают этот тезис². Автор Жития Георгия Амастридского упоминает о росах как о народе, хорошо известном в Причерноморье: «Нашествие варваров, руси, народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого»³. Там же говорится о «древнем таврическом избиении иностранцев», сохраняющем силу у причерноморских росов. Прямые аналогии этому обычаю есть в «Худуд ал-алам» и других арабо-персидских сочинениях в цикле о трех городах или видах русов: «Уртаб — город, где любого чужеземца убивают»⁴. Это еще одно подтверждение родственности жителей Русского каганата и Северного Причерноморья. Жил «грубый и дикий народ россов» в IX в., по данным византийских хронистов XI-XII вв., «у северного Тавра», т.е. у Крымских гор⁵. Возможно, русы Подонья и Причерноморья были не только связаны общностью происхождения, но и координировали свою политику. Нарастающая активность русов в этом регионе создала условия для создания в 30-х годах IX века византийско-хазарского альянса в области оборонительной политики против русов. В целях привлечения сильного союзника в борьбе против Русского каганата Хазария сделала значительную территориаль-

¹ *Obolensky P.* The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe, 500—1453. N.Y., 1971. P. 170—177.

² *Радомский Я.Л.* Этнический состав Причерноморской Руси. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004.

³ Житие Георгия Амастридского // *Васильевский В.Г.* Труды. В 4-х тт. Т. III. Пг., 1915. С. 64.

⁴ *Hudud al-'Alam.* P. 159.

⁵ *Васильев А.А.* Готы в Крыму // ИГАИМК. Вып.5. Л., 1927. С. 226.

ную уступку Византии — империи были отданы Крымская Готия и Херсонес¹. В источниках это связывается лишь с платой за постройку Саркела. Однако исследователи не раз обращали внимание на неравноценность такой сделки², что дает возможность предполагать тайное соглашение о военно-политическом союзе или, по крайней мере, об обещании благожелательного по отношению к Хазарии нейтралитета. Кроме того, Византия помогала Хазарии и потому, что та была ярым врагом Арабского Халифата³.

Постройкой Саркела мероприятия Хазарии и Византии против русов не ограничились. Хазарские земли между Волгой и Нижним Доном были полны кочевавшими там племенами, которые являлись вассалами Хазарии, причем Хазария тратила немало сил на удержание этих племен в подчиненном состоянии, то есть на данной территории⁴. Наиболее сильным, многочисленным и активным среди этих племен были венгры, кочевавшие в Среднем Поволжье. Устное мадьярское предание хранило память о целом «хазарском» периоде в их истории⁵. Сведения об этом этапе истории венгров дает византийский император X века Константин Багрянородный⁶. Тот же император, проявляя поразительную и неслучайную осведомленность в событиях⁷, рассказывает о военном соглашении между хазарами и венграми, скрепленном женитьбой венгерского вождя на «благородной хазарке», вероятно, иудейского вероисповедания. И хазарские правители в союзе с Византией умело направляют энергию венгерских кочевников на степи между Доном и Днепром и Северное Причерноморье⁸, то есть на тер-

---

¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 173.

² Obolensky P. The Byzantine Commonwealth. P. 176; Седов В.В. Русский каганат IX века. С. 5.

³ Obolensky P. The Byzantine Commonwealth. P. 172.

⁴ Артамонов М.И. История хазар. С. 318.

⁵ Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. С.154—155.

⁶ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 443.

⁷ Это доказывает непосредственное участие Византии в интригах Хазарии вокруг Русского каганата.

⁸ Дьерффи Д. Время составления анонимом «Деяний венгров» и степень достоверности этого сочинения // Летописи и хроники. 1973. М., 1974. С. 116; Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. С.157.

риторию, подвластную русам. Именно мадярам принадлежат появившиеся во множестве подкурганье с ровиками погребения на восточных границах Русского каганата.

В это время, поняв, что несет с собой такой контакт с союзниками-вассалами Хазарии — племенами степной цивилизации, руководство Русского каганата направляет в Византию посольство за помощью, надеясь, что империя, ведущая постоянно двойственную политику, сочтет более выгодным помочь русам. Именно это посольство, отправленное около 837 г., и было принято при дворе германского императора Людовика Благочестивого в 839 году, что и отразили знаменитые Бертинские анналы епископа Пруденция в сообщении о посольстве народа Rhos¹. Если понимать сообщение анналов в совокупной картине изложенных выше событий, с учетом того, что это послы Русского каганата с центром на Северском Донце, то разъясняются многие вопросы, запутанные представителями норманно-хазарской теории в отечественной исторической науке. Становится понятной и сама цель поездки в Византию, и долгий окружной путь послов, обратная дорога которых была отрезана «варварскими племенами» венгров, дошедших к тому времени до Дона и Донца. Константинополь же действительно вел двойственную политику, сталкивая два каганата. Византия помогла Хазарии, беспокоясь за свои владения в Причерноморье, но она, конечно, не была заинтересована в появлении на месте салтовцев хазар. Поэтому посольство «народа рос» было, несмотря на очевидную безрезультатность миссии, принято с почестями. За время долгого — три года — посольства русов мадяры, прокочевав между Доном и Днепром, прошли через Киев. В Повести временных лет они оставили о себе лишь краткое воспоминание: «Идоша Угри мимо Киевь горою еже ся зоветь ныне Оугорское и пришедьше ко Днепру и стаща вежами...»² Но Ибн Русте и ал-Марвази, информация которых восходит к сер. IX в., упоминают о том, что «они одерживают верх над теми, кто соседит с ними из ас-сакалиба и русов, берут их в плен, доставляют пленных в ар-Рум и там продают». Речь идет о русах и славянах юга Восточно-Европейской равнины, поскольку мадьяр восточный автор лока-

---

¹ Annales Bertiniani: Annales de Saint-Bertin. Paris, 1964. S. 30—31.

² Лаврентьевская летопись. Стб. 25.

лизует в Северном Причерноморье¹. Очевидно, с этой территории венгры ушли не сразу: о «подвигах» венгров на Днепре подробно, сильно приукрашивая, повествуют «Деяния венгров» — источник XII в. с сочетанием фольклорной и книжной основы², где география славянской Руси времен феодальной раздробленности перенесена на события 830—840-х гг.³, однако сам путь мадьяр описан точно — от Великой Венгрии в междуречье Камы и Волги через будущую территорию Владимиро-Суздальского княжества в «область русов». Описана долгая осада столицы русов (в понимании хрониста XII в. — Киева, но в рассказе фигурирует каменная крепостная стена, которой, конечно, в Киеве тогда не было).

После этого примерно в 850-х гг. венгры ушли на поиски своей родины дальше, в Ателькюзу — междуречье Днепра и Днестра. И если славянские земли Поднепровья, видимо, сильно не пострадали от незваных гостей, то ядро Русского каганата было опустошено. Основной своей цели Хазария ненадолго, но достигла. Прежде всего, перестал существовать «русский» торговый путь, следовавший из Сирии и Закавказья по Северскому Донцу, исчезли клады восточных монет по «реке Рус». Куфический дирхем обращаться на этих территориях перестал. Тогда-то и «наидоша Козаре» на русские и славянские земли и наложили дань, переподчинив себе те славянские племена, которые находились под влиянием салтовских русов. На этом и завершается собственно история Русского каганата на Северском Донце, ибо каганатом он уже не являлся⁴.

Хазария после падения Русского каганата

---

¹ *Ал-Марвази*. Таба'и' ал-хайаван. С. *22; *Kitab al-a'lak an-nafisa* VII auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar *Ibn Rosteh*. P. 144.

² *Дьерффи Д.* Время составления анонимом «Деяний Венгров» и степень достоверности этого сочинения. С.121.

³ *Шушарин В.П.* Русско-венгерские отношения в IX в. // *Международные связи России до XVII в.* М., 1961. С. 137—138, 150.

⁴ Судьбы «салтовской Руси» после Русского каганата — отдельная проблема, которая частично рассматривалась мною: *Галкина Е.С.* Тайны Русского каганата. М., 2002. С. 353—399.

Два каганата — Хазарский и Русский — делили единый регион — степную и лесостепную зону Восточной Европы, который к тому времени уже сформировался как единая историко-культурная область, благодаря почти тысячелетней деятельности их предков. Без отношений с северным соседом невозможно понять исторический путь Хазарии. Оба социума перешагнули порог ранней государственности, когда есть явные свидетельства выделения военно-административного аппарата. Оба можно отнести к оседло-кочевым сообществам, в которых главенствующую роль играли номады (хазары) или полуседлый этнос, кочевые традиции которого продолжают существовать на уровне мифологической картины мира (русы).

Роду кагана в Хазарии была необходима война — для удовлетворения амбиций племенных вождей, которые мало участвовали в распределении доходов с торговли и с подозрением воспринимали политические и религиозные инициативы власти. Эта проблема усилилась с вступлением в хазарский союз венгров или мадьяр (неясно, где сложился мадьяро-оногурский союз — в Среднем Поволжье или в Северном Причерноморье, т.к. оногурские племена жили в обоих регионах). Венгры ждали от хазар взаимовыгодного сотрудничества в виде совместных походов и взимания дани. С другой стороны, обозначилась внешнеполитическая проблема Русского каганата, который угрожал самому существованию Хазарии.

Русский каганат после удара мадьяро-оногуро-хазарского союза распался на отдельные племена, одни из которых мигрировали, другие остались на месте, но подчинились хазарам.

Во всех кочевых обществах от древности до нового времени основой социальной организации были родоплеменные связи, действовал генеалогический принцип родства (в том числе и фиктивного, сам факт которого показывает, что этот принцип не изжил себя и на стадии «кочевых империй»). Страшной карой для проигравших войну было насильственное разделение родов и расселение среди победителей. И когда родоплеменная структура на высших этажах общественной пирамиды сменялась военно-административной, «внизу» родовой принцип сохранялся, а «наверху» тщательно следили за формально-идеологическим единством племенного союза и, прежде все-

го, правящего племени. В борьбе за сохранение своего статуса *верхушка* хазар сознательно отказалась от такого единства и начала формирование нового этноса-страты на основе смешения гунно-тюркской властной традиции и иудаизма. Конфликт между вождями племен и центральной хазарской властью проявился после разгрома Русского каганата, по-видимому, в связи с распределением добычи и данников. Сведения об этих событиях сохранились у Константина Багрянородного в сюжете о «восстании каваров»: «...Кавары произошли из рода хазар. Случилось так, что вспыхнуло у них восстание против своей власти, и когда разгорелась междоусобная война, эта прежняя власть их [все-таки] одержала победу. Одни из них были перебиты, другие, бежав, пришли и поселились вместе с турками (венграми. — *Е.Г.*) в земле пачинакифов, сдружились друг с другом и стали называться каварами»¹.

Поскольку венгры на тот момент находятся уже «в земле печенегов», т.е. в Северном Причерноморье, события нужно датировать серединой IX в., т.е. непосредственно после разгрома Русского каганата и подчинения входивших в него племен. Согласно Константину Багрянородному, примерно в это время венгры должны были еще входить в Хазарский каганат². Но тогда пропадает сам смысл откочевки каваров. Но, с другой стороны, Константин сообщает, что кавары получили очень высокий социальный статус в племенном союзе венгров: «По той причине, что в войнах они проявили себя наиболее мужественными из восьми родов и так как предводительствовали в бою, они были выдвинуты в число первых родов»³.

В племенном союзе кочевников, который строится на строгой генеалогической иерархии, включение чуждых групп на правах привилегированных родов возможно только в одном случае — в период образования нового союза племен, коренных изменений. И действительно, основной источник по ранней истории венгров, «Об управлении империей» Константина Багрянородного, сообщает легенду о появлении у венгерских племен единого правителя и правящей династии (ранее в

---

¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 163.

² Там же. С. 161.

³ Там же. С. 163.

этом объединении существовал лишь статус «первого» среди племенных вождей, которым являлся Леvedия)¹. В легенде эти перемены связываются с инициативой хазарского кагана, который пытался удержать венгров в составе Хазарии, предложив их «первому воеводе» новый статус. Конкретика, приводимая в источнике, производит впечатление «идеологической фикции, призванной обосновать законность династии Арпада», и противоречит другим источникам². Но во фрагменте о мадьярах Причерноморья, который сохранился в сочинениях Ибн Русте, Гардизи, ал-Марвази, сообщается о *едином* правителе, имеющем сакральный статус³. Из этого следует, что преобразование политической системы происходило примерно в середине IX в. Поскольку текст создавался явно на основе мадьярских преданий, не исключено, что действительно хазарский каган проявил инициативу, которой «первый воевода» венгров воспользовался для легитимации своей династии в глазах соплеменников. Видимо, пригодились Леvedии и присоединение каваров, искусных в военном деле и признавших его новый статус. Переход венгерского племенного союза на качественно новый уровень политического развития был совмещен с окончательным отделением от Хазарии.

Откочевка каваров прошла по классической схеме кочевых сообществ. Она еще раз показала справедливость тезиса о том, что использование племенной организации в качестве орудия военно-политического господства над неродственными племенами существенно ограничивало возможности господствующей верхушки во внутренней эксплуатации⁴. Конечно, это событие не является «гражданской войной», но оно было весьма болезненным для общехазарской элиты (кавары были многочисленны и имели репутацию хороших воинов) и, судя по всему, предопределило появление на первых ролях в войске иноэтничных наемников. Но, в любом случае, в Хазарском каганате численно доминировало кочевое население, социально-

---

¹ Там же. С. 161.

² Там же. С. 393.

³ Kitab al-a'lak an-nafisa VII auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar *Ibn Rosteh*. P. 143; *Gardizi*. Zain al-Akhbar. P. 160; *Ал-Марвази*. Таба'и' ал-хайаван. С. *22.

⁴ Хазанов А.М. Социальная история скифов. С.163.

психологические традиции которого, да и природно-климатические условия низовий Поволжья и Прикаспия не располагали к окончательному оседанию. Племенная элита продолжала играть важную роль; при ее обязательном участии, с соблюдением языческих гунно-тюркских ритуалов проводилось избрание и свержение кагана.

Это противоречие между нуждами общехазарской верхушки и племенами разрешить было невозможно. Без оседания кочевников не могли завершиться процессы классообразования, происходила консервация примитивных раннеклассовых отношений. Поскольку эндоексплуатация была затруднена, для сохранения внутренней стабильности и лояльности рядовых кочевников необходимы были внешние источники доходов, т.е. данничество оседло-земледельческих сообществ, торговля, контроль над торговыми путями.

С падением Русского каганата Хазария стала контролировать все основные торговые пути Восточной Европы — и сухопутные, и водные, в том числе описанную Ибн Хордадбеком и ал-Масуди речную артерию, соединявшую Черное и Каспийское моря, и южную часть Волго-Балтийского пути. Это обстоятельство, прежде всего, и позволило Хазарскому каганату просуществовать еще больше века, до 960-х гг., несмотря на постоянные вторжения печенегов, начиная со 2-й пол. IX в.

В принципе, Хазарский каганат мог функционировать только до тех пор, пока у хазарской элиты оставался контроль над главными торговыми нитями Юго-Восточной Европы. Потеря хотя бы одной магистрали вела к существенному ослаблению Хазарии. Для этого нужно было удерживать в повиновении племена, проживавшие поблизости от торговых путей. Но вечно это продолжаться не могло, т.к. на базе крепостей-гарнизонов по сбору дани с проезжающих купцов неизбежно возникали торговые центры¹, местная племенная элита (особенно кочевая) начинала принимать активное участие в торговых операциях, покоренные племена консолидировались в политические объединения более высокого уровня, создавали

---

¹ См., напр.: *Плетнева С.А.* Саркел и «Шелковый путь». С. 142—158.

свои контрольные пункты на том же торговом пути¹. Так, часть бургасских племен объединилась с угорскими и болгаро-оногурскими группами, в результате чего во 2-й пол. IX — начале X в. возникла Волжская Булгария. Привести ее в повиновение для Хазарского каганата оказалось невозможно в силу дальности расстояния. Попытки окончились неудачей и привели к обратному результату: болгары нашли сильного покровителя в лице государства Саманидов и перенаправили эту ветвь Шелкового пути по сухопутному пути, подробно описанному Ибн Фадланом². Судя по «Записке» Ибн Фадлана, южная часть Волго-Балтийского пути была фактически закрыта враждебно настроенными к Хазарии племенами³. Именно этот факт, а также печенежское нашествие и отпадение славянских земель стали причиной неизбежной гибели Хазарского каганата и началом новой эпохи в степях Юго-Восточной Европы — эпохи печенегов, гузов, половцев.

---

¹ См.: *Фахрутдинов Р.Г.* Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984.

² *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. С. 96 (карта).

³ Там же. С. 129.

Послесловие

СУДЬБЫ САЛТОВСКОЙ РУСИ

Вопрос о связи салтовской руси с правящим слоем Древнерусского государства, так же, как и с названием «Русская земля», является отдельной и весьма запутанной проблемой. Можно ли утверждать, что именно благодаря салтовцам славянское Поднепровье стало называться «Русью»? Ведь летописи ничего не сообщают об этом. Их след должен был остаться и в организации власти, и в культуре Древней Руси. Да и в письменных памятниках обязаны сохраниться данные о русах с иранскими корнями.

События 30-х годов IX века заметно изменили облик салтовской культуры. Конечно, большая часть населения осталась на своих местах. В начале XII века летопись знает на Северском Донце ясов (так называли славяне степные сармато-аланские племена — но не самих русов). Очевидно, это и были осевшие на землю асы. Ал-Идриси упоминает в том же XII веке где-то в Подонье Руссию-тюрк, и такое представление долго будет держаться в литературной традиции восточных авторов, но у Идриси это скорее воспоминание, чем реальность.

«Русские» названия днепровских порогов и салтовцы

Не исключено, что часть русов осталась в Днепровском Надпорожье, где и раньше были салтовские ремесленные поселения. Существование их там по меньшей мере до X века подтверждают археологи. Кроме того, «русские» названия Днепровских порогов у знатока истории Восточной Европы Константина Багрянородного имеют явные осетинские парал-

лели. Византийский император в одной из глав «Об управлении империей» подробно рассказал о пути киевских русов от Среднего Днепра до Черного моря и остановился на названиях Днепровских порогов, приведя и славянские и русские названия. Долгое время норманисты считали русские имена Днепровских порогов одним из главных своих «столпов»: «русское» здесь явно не славянское, так каким же ему быть, если не скандинавским! Однако из германских языков названия порогов объяснялись только после натяжек и исправлений.

У Константина о Днепровских порогах сказано следующее: *«И в июне месяце, двигаясь по реке Днепр, они (росы. — Е.Г.) спускаются в Витичеву, которая является крепостью-пактиотом (пактиот — союзник, иногда вассал. — Е.Г.) росов, и, собравшись там в течение двух-трех дней, пока соединятся все моносилы (лодки, выдолбленные из цельного дерева. — Е.Г.), тогда отправляются в путь и спускаются по названной реке Днепр. Прежде всего они приходят к первому порогу, нарекаемому Эссуци, что означает по-русски и по-славянски «Не спи». Порог [этот] столь же узок, как пространство циканистирия¹, а посередине его имеются обрывистые высокие скалы, торчащие наподобие островков. Поэтому набегающая и приливающая к ним вода, низвергаясь оттуда вниз, издает громкий и страшный гул. Ввиду этого росы не осмеливаются проходить между скалами, но, причалив поблизости и высадив людей на сушу, а прочие вещи оставив в моносилах, затем нагие, оцупывая своими ногами [дно, волокут их], чтобы не натолкнуться на какой-либо камень. Так они делают, одни у носа, другие посередине, а третьи у кормы, толкая [ее] шестами, и с крайней осторожностью они минуют этот первый порог по изгибу у берега реки. Когда они пройдут этот первый порог, то снова, забрав с суши прочих, отплывают и приходят к другому порогу, называемому по-росски Улворси, а по-славянски Островунипрах, что значит «Островок порога». Он подобен первому, тяжек и труднопроходим. И вновь, высадив людей, они проводят моносилы, как и прежде. Подобным же образом минуют они и третий порог, называемый*

---

¹ Циканистирий — дворцовый ипподром в Константинополе.

Геландри, что по-славянски означает «Шум порога», а затем так же — четвертый порог, огромный, нарекаемый по-росски Аифор, по-славянски же *Неасит*, так как в камнях порога гнездятся пеликаны. Итак, у этого порога все причаливают к земле носами вперед, с ними выходят назначенные для несения стражи мужи и удаляются. Они неусыпно несут стражу из-за пачинакитов. А прочие, взяв вещи, которые были у них в моносилах, проводят рабов в цепях по суше на протяжении шести миль, пока не минуют порог. Затем также одни волоком, другие на плечах, переправив свои моносилы по сю сторону порога, столкнув их в реку и внеся груз, входят сами и снова отплывают. Подступив же к пятому порогу, называемому по-росски Варуфорос, а по-славянски *Вулнипрах*, ибо он образует большую заводь, и переправив опять по излучинам реки свои моносилы, как на первом и на втором пороге, они достигают шестого порога, называемого по-росски Леанди, а по-славянски *Веручи*, что означает «Кипение воды», и преодолевают его подобным же образом. От него они отплывают к седьмому порогу, называемому по-росски Струкун, а по-славянски *Напрези*, что переводится как «Малый порог».

Известно, что эти названия не объясняются ни в славянских, ни в германо-скандинавских языках. Например, *Эссуни* обозначает «не спи», а именно в иранских языках первая гласная — отрицание (сам корень — индоевропейский). Сейчас этот порог называется «Будило».

Название второго порога, Улворси, без поправок переводится из скифо-иранских наречий как «порог-ограждение». Это соответствует переводу Константина Багрянородного «порог-остров».

Название третьего порога, Геландри, император считает славянским, а русского не приводит. Но в славянских языках такого слова, которое означало бы «шум порога», нет. Поэтому считается, что название русское, просто Порфиригенет перепутал — и русский, и славянский языки ему, конечно, знакомы не были. Норманисты предлагают скандинавское объяснение: *Gelandi* — «шумящий». Это единственная германская этимология, которая точно соответствует названию. Но ему не уступает и североиранская. В осетинском *gaelaes* — «голос», *dwar* — «двери», «порог».

Четвертый порог по-русски именовался *Айфор*, по-славянски *Неясыть*. Константин, точнее, его информатор, объясняет название тем, что здесь якобы гнездились пеликаны. Но в Надпорожье пеликанов никогда не было, а в древнерусском языке «неясыть» — это просто ненасытная, прожорливая птица, без обозначения вида. Главное в комментарии Константина — что там располагались птичьи гнездовья. Из скандинавских языков *Айфор* в значении «место гнездовый» никак не объясняется. В осетинском же языке *Ај* — «яйцо», *fors — «порог».

Пятое название, *Валуфоро*, должно отражать имеющуюся при пороге большую заводь, как и поясняет Константин. То же значит и славянское название (Вулнипраг — «Вольный порог»). Норманисты толкуют первую основу от *Ваг* — «волна», а вторую от *fors* — «водопад». Но эта этимология явно не соответствует словам византийского императора. А общеиранское *varu* — «широкий», *fors* — порог, что точно соответствует комментарию источника.

Шестой порог русы именовали *Леанти*, а славяне *Веручи*, что должно обозначать «кипение воды» (то есть в отношении к порогу — очень быстрое движение). Скандинавоманы удовлетворительную версию предложить не могут. В осетинском же *lejun* — «бежать». Это соответствует значению, указанному в византийском сочинении.

Наконец, седьмое название, по словам Константина, должно переводиться как «малый порог». Здесь также отсутствует норманнская этимология. В североиранских языках *Sturkon* — «небольшой»¹.

Все эти данные не только прекрасно согласуются с иранским происхождением русов. Чтобы появились такие устоявшиеся названия порогов, их авторы должны либо жить вблизи их, либо постоянно ими пользоваться. Причем говорить эти люди должны были не на славянском языке. Путь по Днепру, описанный у Константина, заработал лишь в конце IX — начале X в. Русы, оставшиеся в Киеве, к этому времени уже ассимилировались славянами, о чем ясно говорят археологические

---

¹ См.: Брайчевский М.Ю. «Русские» названия порогов у Константина Багрянородного // *Земли Южной Руси в IX—XIV вв.* Киев, 1985. С. 19—30.

данные. Так что в византийском источнике речь идет, скорее всего, о тех, кто жил в Северном Причерноморье и еще не забыл родную речь.

Наследие Русского каганата в договорах Олега и Игоря

Древнерусское государство и восточнославянское общество долго еще сохраняли связи и традиции, оставшиеся от сарматско-аланских ругов. Относится к ним и связь с Причерноморьем, которое до начала XI в. не несет следов присутствия славян, но почему-то и в X в. признавалось сферой интересов русских князей.

Много ценной информации сохранилось в договорах киевских князей Олега и Игоря с Византией 911 и 944 гг. Договоры были заключены после походов князей на Константинополь, удачного для Олега (знаменитый щит на воротах Царьграда) и провального для его воспитанника. Оба договора были вставлены в «Повесть временных лет» одним из летописцев начала XII в. Новгородские летописи, которые использовали киевское летописание только до 1115 г., договоров не знают. Русские оригиналы сохранились неважно, и договор 944 г. пришлось переводить с греческого и вписывать по двум вариантам — русскому и византийскому. Ценно то, что это подлинники, не отредактированные кем-то в свою пользу документы. По ним можно делать выводы о составе правящего слоя — «рода русского» в первой половине X в., о его политических интересах. К сожалению, другие данные Начальной летописи об этом времени не раз исправлены, полны противоречий и не заслуживают подобного доверия. Например, о кончине князя Олега в летописи сохранились три версии: могила на Щековице в Киеве, могила в Ладого и смерть от укуса змеи «за морем».

Особенно интересен договор Игоря, в котором перечислены имена многих русских вельмож и купцов. Большинство этих имен явно не славянские:

«Мы от рода русского послы и купцы, Ивор, посол Игоря, великого князя русского, и общие послы: Вуефаст от Святослава, сына Игоря, Искусеви от княгини Ольги, Слуды от Игоря, племянника Игоря, Улеб от Володислава, Каницар от Предславы, Шихберн от Сфандры, жены Улеба, Прастен от

Тудора, Либиар Фастов, Грим Сфирьков, Прастен от Акуна, племянника Игорева, Кары Тудков, Каршев Тудоров, Егри Евлисков, Воист Воиков, Истр Аминодов, Прастен Тернов, Ятвяг Гунарев, Шибрид от Алдана, Кол Клеков, Стегги Этонов, Сфирка... (имя человека, пославшего Сфирку, утрачено. — Е.Г.), Алвад Гудов, Фудри Туадов, Мутур Утин; купцы: Адунь, Адулб, Иггивлад, Улеб, Фрутан, Гомол, Куци, Емиг, Туробид, Фуростен, Бруны, Роальд, Гунастр, Фрастен, Игелд, Турберн, Моны, Руальд, Свень, Стир, Алдан, Тилен, Апубксарь, Вузлев, Синко, Борич, посланные от Игоря, великого князя русского, и от всего княжья, и от всех людей Русской земли...»¹

С одной стороны, договор ясно свидетельствует, что русы Игоря говорили по-славянски. Но славянские имена (Святослав, Володислав, Предслава) — только у членов княжеского дома. Среди остальных имен выделяется ряд бесспорно иранских, связанных с наследием салтовских русов: *Сфандра* (от имени героя популярного иранского эпоса, также «Эсфанд» — название 12-го месяца в иранском календаре), *Прастен* (вариант — *Фуростен*, *Фрастен*), *Фрутан* («скромный»), *Алвад*, *Мутур* (от «мохтар» — высший, главный), *Стир*, *Истр*, *Гунастр*, *Алдан*, *Туробид*². *Фрастен* в разных вариациях вообще оказывается самым популярным именем среди послов и купцов — употребляется пять раз!

Остальные имена находят параллели в других индоевропейских (и не только) языках. *Егри*, *Уто* (вельможа, которого в Византии представлял Мутур), *Кол*, *Гуды* — это имена венедо-иллирийской группы, распространенные в Средние века на Балканах. Имена с основой *фаст* были популярны в VIII—X вв. у племени фризов, обитавшего на берегу Северного моря. Они же часто использовали имя *Гримм*. Имена *Роальд*, *Шихберн*, *Куци*, *Моны* имеют, возможно, кельтскую основу³.

В числе «русских» имен из договора Игоря выделены и чудские (финно-угорские, эстонские) антропонимы: *Каницар*,

---

¹ Лаврентьевская летопись... Ст. 46—47.

² Бзаев К.К. Происхождение этнического термина «Русь». Владикавказ, 1995. С. 86.

³ Кузьмин А.Г. Древнерусские имена и их параллели // Откуда есть пошла Русская земля. Века VI—X. Кн. 2. М., 1986. С. 643—649.

*Искусеви, Анубксарь*¹. Эти имена употреблялись и в области Вик, уже упоминавшейся в связи с проблемой русов на Балтике. Есть основания считать финно-угорским и имя русско-го князя Игоря. Обычно это имя производится от скандинавского *Ингвар*, однако оказывается, что последнее было заимствовано скандинавами во время Великого переселения народов. Корень *Инг* в уральских языках обозначает «господин», «старший». Западноевропейские источники называют Игоря *Ингером* и никогда — Ингваром, хотя это имя им было хорошо знакомо. В Древнюю Русь имя *Ингвар* попало, судя по летописям, в конце XII в. и никогда не смешивалось с *Игорем*².

Многие другие имена из этого договора еще ждут своего объяснения. Но уже очевидно, что доминирующими в киевской элите 1-й половины X в. были три этнических компонента: салтовско-причерноморский, прибалтийский и дунайско-балканский. То есть потомки создателей Русского каганата уживались с совершенно другими народами. И даже не просто уживались. Все они составляли один «род русский». В договоре совершенно отсутствует разделение правящей верхушки по этническому принципу: «иранцы» перемешаны с «кельтами», «эстонцами», «иллирийцами». Сфандра доверяет представлять свои интересы перед греками Шихберну, княгиня Ольга — Искусеви, а Предслава — Каницару. По замечанию А.С. Королева, изучающего междукняжеские отношения на Руси X в., «если бы знать договора сохраняла связь с теми местами, откуда она происходила, то имена в договоре располагались бы по этническим группам»³. То есть, судя по договору, в середине X в. слова «род русский» носили уже не этническую, а социальную окраску. К этому важному выводу мы вернемся чуть ниже, а пока продолжим чтение договоров. Действительно ли терялась связь дружинников и купцов с родиной предков?

Принципиально значимо, что в византийских источниках X века русы североиранских корней с «Боспора Киммерийско-

---

¹ Зутис Я. Русско-эстонские отношения в IX—XIV вв. // Историк-марксист. 1940. №3. С. 40.

² Кузьмин А.Г. Древнерусские имена... С. 645—646.

³ Королев А.С. История междукняжеских отношений на Руси в 40-е — 70-е годы X в. М., 2000. С. 33.

го» (Керченского пролива), родственные салтовцам, отождествляются с Киевской Русью. На киевских русов переносится название «скифы», «тавроскифы». Осведомленные византийцы не могли просто путать постоянно разнотничные племена, тем более Константинополь уже имел тесные торговые контакты и с тем, и с другим народом. Договоры же Олега и Игоря показывают, что русы черноморские и киевские не только сотрудничали, но и считали свои интересы едиными.

Еще в договоре Олега с Византией земля Русская упоминается как возможное место гибели греческих судов, что предполагает Причерноморье. Здесь же можно вспомнить и упоминание о «Корсунской стране» (то есть о крымских колониях Византии) в договоре Игоря с греками. Игорю вменяется в обязанность, с одной стороны, не покушаться на греков, а с другой — защищать их крымские поселения от внешней угрозы:

И о Корсунской стране. Да не должен князь русский воевать в тех странах, во всех городах той земли, и та страна да не покоряется вам, и если попросит у нас воинов князь русский, чтобы воевать [обороняя корсуня], — дам ему, сколько ему будет нужно

И о том: если найдут русские корабль греческий, выкинутый где-нибудь на берег, да не причинят ему ущерба. Если же кто-то возьмет из него что-либо, или обратит кого-нибудь из него в рабство, то будет обвинен по закону русскому и греческому.

Если же застанут русские корсунцев за ловлей рыбы в устье Днепра, да не причинят им никакого зла.

И да не имеют права русские зимовать в устье Днепра, в Белобережье и у святого Елферья, а с наступлением осени пусть отправляются по домам в Русь.

И об этих: если придут черные болгары и станут воевать в Корсунской стране, то повелеваем князю русскому, дабы не пускал их, иначе причинят зло и его стране»¹.

По этим словам очевидно, что, с одной стороны, некие русы должны отправляться из Византии «по домам» вверх по Днепру, после поражения в походе теряя право останавливать-

---

¹ Лаврентьевская летопись... Ст. 50—51.

ся в устье Днепра и на острове св. Эферия (обычно отождествляется с о. Березань или западной частью Кинбургского полуострова, которая в те времена была островом). Это путь киевских русов, описанный Константином Багрянородным.

С другой стороны, какие-то русы могут не пустить черных болгар в крымские колонии Византии. Причем в отличие от устья Днепра, права русов на эту территорию даже после провального похода Игоря византийцы не оспаривают. Черные болгары обитали тогда в Прикубанье и Восточном Приазовье. Эти булгары давно, со времен распада Великой Булгарии, были вассалами Хазарии. Между ними и крымскими греками находился только Креченский полуостров. И здесь возникают поразительные параллели с данными Константина Багрянородного, также относящимися к X в.:

«Когда властодержец Алании с хазарами не в мире, а предпочитает дружбу императора ромеев, то хазарам — если они не захотят так же пребывать с императором в дружбе и мире — он может наделать весьма много зла, закрывая им путь и нападая на них внезапно, при проезде их в Саркел или в климаты или в Херсон... И если только этот князь озабочит-ся преградить им путь (ср. в договоре Игоря «дабы не пускал их»). — Е.Г.), то глубокий мир водворится в Херсоне и в климатах...»¹

Таким образом, владетель Алании у Константина и «князь русский» договоров — одно и то же лицо, правитель Причерноморской Руси, хозяин Боспора Киммерийского. Значит, права Руси на причерноморские территории признавались Византией, и права давние, «родовые», связанные с русами начала IX века.

Русские письма в Житии св. Кирилла

Вообще проблема Причерноморской Руси, к сожалению, мало исследована, да и археологический материал дает немного возможностей для этого. Можно лишь констатировать, что за время, прошедшее с Великого переселения народов, про-

---

¹ Ламбин Н. О Тмутараканской Руси // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. №1. С. 67.

изошла взаимная ассимиляция части североиранского населения и этноса с «дунайскими» традициями, в котором одни видят готов, другие — ругов. Эти дунайские элементы активно «наследили» в Крыму и Причерноморье, оставив в погребениях V—VI вв. пальчатые фибулы, похожие на пастырские («антские»), но не идентичные им.

Не исключено однако, что именно о салтовской сармато-аланской руси имеется сообщение в Житии св. Кирилла, в главе о его миссии в Хазарию в 861—862 гг.:

«Пришли же к цесарю послы от хазар, говоря: «От начала знаем лишь единого Бога, который стоит над всеми, и Ему кланяемся на восток, в остальном держась своих постыдных обычаев. Евреи побуждают нас принять их веру и обычаи, а с другой стороны, сарацины, предлагая мир и дары многие, принуждают нас принять свою веру, говоря: «Наша вера — лучшая среди всех народов». Из-за этого посылаем к вам, [вспоминая] старую дружбу и сохраняя взаимную любовь, ибо вы — великий народ, о Бога царство держите. Вашего совета спрашиваем и просим от вас мужа книжного. Если переспорит евреев и сарацин, то примем вашу веру».

Тогда стал искать цесарь Философа и, когда нашел его, рассказал ему о хазарском деле, говоря: «Иди, Философ, к людям тем...» <...>

Тогда же пустился в путь и, когда дошел до Херсона, научился здесь еврейской речи и письму, переведя восемь частей грамматики, и воспринял от этого еще большее знание.

Жил там некий самаритянин и, приходя к нему, беседовал с ним, и принес самаритянские книги, и показал ему. И выпросив их у него, Философ затворился и отдался молитве, и, приняв знание от Бога, начал читать (эти) книги без ошибок. Увидев это, самаритянин возопил великим гласом и сказал: «Во истину те, кто веруют в Христа, скоро и Дух Святой и благодать обретают». А когда сын его вскоре крестился, тогда он и сам крестился после него.

Нашел же здесь Евангелие и Псалтирь, написанные русскими письменами, и человека нашел, говорящего на том языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи, и, сравнив ее со своим языком, различил буквы согласные и гласные, и, тво-

ря молитву Богу, вскоре начал читать и излагать (их), и многие удивлялись ему, хваля Бога»¹.

Житие Кирилл написано, как установлено, одним из его современников или ближайших учеников. Поэтому такому сообщению вполне можно и нужно доверять. Из приведенных слов биографа, который мог быть и свидетелем описанных выше событий или мог слышать о них от самого Кирилла, очевидно, что еще до обретения моравскими славянами азбуки от свв. братьев существовали какие-то русские письмена и русские книги — Евангелие и Псалтырь. Значит, в середине IX века у древних русов не только была своя письменность — некоторые из них уже были христианами. Очевидно также, что русы Жития этнически не славяне — славянские языки Кирилл знал прекрасно.

Этот сюжет вызвал немалые затруднения в интерпретации и длительную научную дискуссию. Особую популярность получила версия об ошибке переписчика, что якобы в оригинале было написано «сурские» письмена, то есть сирийские. Но в те времена сирийской общины в Крыму не было, а автор Жития говорит только о народах, постоянно проживавших в Крыму.

Другие считали русов норманнами и утверждали, что биограф Кирилла русами мог называть живших в Тавриде готов, чей язык «похож» на норманнский. Но ученик и сподвижник Кирилла был прекрасно осведомлен о существовании племени готов, и в XVI главе Жития готы упоминаются среди народов, имеющих свое письмо.

Н.К. Никольским была предложена версия о «русских письменах» Жития как глаголице², имеющая логическое продолжение в отождествлении русов с дунайскими ругами. Руги, жившие на Дунае, уже в V в. исповедывали арианство (течение в христианстве, согласно которому Бог-Сын не равен Богу-Отцу, а лишь подобен Ему). Поскольку еще в 325 г. на Вселенском соборе арианство было объявлено ересью и потом преследовалось, поэтому арианам для записи богослужения потребо-

---

¹ Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 76—77.

² Никольский Н.К. К вопросу о русских письменах, упоминаемых в Житии Константина Философа. Л., 1928. С. 36—37.

валась тайнопись. Именно арианской тайнописью, по мнению многих ученых, и была изначально глаголица — система письменности, именовавшаяся «русским письмом» в южно- и западнославянских землях в XII—XV веках. Первоначально глаголица не была славянским письмом, и для ее приспособления к славянской речи потребовалось введение дополнительных букв. Также глаголицу часто называли «готским» письмом. То есть выражение «русское письмо» здесь носит религиозный смысл (как алфавит неортодоксальных христиан). А в Житии Кирилла «русские» — это явно *этническая* принадлежность, а не религиозная. Суть именно в том, что народ русов имел свою письменность и знал христианство. Кроме того, следы рогов в IX веке в Крыму не обнаружены археологически.

Вспомним, что «русские письма» в Житии Кирилла упоминаются в одном ряду с труднодоступными восточными языками и системами письма, которыми тяжело овладеть европейцу. Видимо, восточной была и система письма увиденного Константином Евангелия. Тем более что Кириллу пришлось различать «буквы гласные и согласные», сравнивая с греческим языком. А лишь в семитических алфавитах гласные обозначались огласовками. Потому в принципе можно предположить возможность миграции части населения Русского каганата в Причерноморье и Крым.

Наследие Русского каганата?

В культуре Древней Руси есть большой пласт, вероятнее всего связанный именно с Русским каганатом. Во-первых, это древний объем Руси в древнерусских письменных источниках, очерчивающий лишь территорию славянских племен, входивших в состав Русского каганата, — волынцевскую культуру, а также титул «каган», применяемый митрополитом Иларионом к Владимиру Святому и Ярославу и автором «Слова о полку Игореве» — к Олегу Тмутараканскому.

Ученые давно обратили внимание, что в летописях существует «широкое» и «узкое» понятие Русской земли. Впервые понятие «Русская земля» упоминается в договоре Олега 911 г., правда, без упоминания территорий. По договору князя Иго-

ря ясно, что «русская страна» — это Киев, Чернигов, Переяславль, а также что-то в Северо-Восточном Причерноморье. Мы уже говорили, что причерноморские русы были союзниками, а не вассалами киевского князя. Поэтому остаются только города Среднего Поднепровья. Хорошо видно, как век от века расширялась собственно Русская земля, включая новые территории. Но и в XII в. хорошо помнили, что в «узкий смысл» понятия «Русь» не входят Новгород и его земли, Ростово-Суздальская земля, Рязанская, Смоленская, Полоцкая, Владимиро-Волынская и Галичская территории, древляне, тиверцы, а также северные области радимичей и вятичей. В.В. Седов совершенно прав, отождествив изначальную Русскую землю летописей с волынцевской культурой, носители которой входили в Русский каганат.

Кроме того, это «знаки Рюриковичей», самые близкие аналогии которым находят археологи на территории лесостепного варианта салтовской культуры — земле Русского каганата.

Множество сюжетных совпадений отмечается в осетинских Нартах и русских былинах древнейшего Киевского цикла. Ж. Дюмезиль считает, что в ряде случаев необходимо говорить об общих истоках древнейших русских былин и осетинского эпоса¹. Эти истоки — в туранских авестийских преданиях и иранской «Рустемиаде». Поразительные сходства между Нартами и былинами замечали еще в XIX в. фольклористы М. Халанский и В.Ф.Миллер.

Иногда совпадения банальны и относятся лишь к общему индоевропейскому прошлому славян и иранцев. Но иной раз действительно примечательны. Наиболее точные совпадения касаются Святогора и Ильи Муромца. Богатырь Святогор сопоставляется с великаном Мукарой из Нартов. Напомним, что Святогор — повелитель и единственный житель неких «святых гор», наделенный неслыханной силой. Он настолько силен, что когда спускается на равнину, земля не выдерживает его, и он вынужден удалиться домой.

Однажды Святогор сталкивается с Ильей Муромцем. Они братаются и вместе отправляются в паломничество «по святым

---

¹ Дюмезиль Ж. Осетинский эпос... С. 81.

горам». По пути им встречается каменный гроб, и они решают примерить, кому он окажется впору. Первым ложится Илья, но гроб ему велик. Потом туда спускается Святогор. Гроб идеально подходит ему, но когда великан пробует встать, то ему не удается. Илья пытается помочь товарищу, но и ему не удается вытащить Святогора из глубокого гроба. Тогда великан просит Илью разбить скалу. Но всякий раз, когда богатырь ударяет по ней палицей, вокруг гроба появляется новый железный обруч. Хозяин «святых гор» чувствует, что ему конец, и просит названного брата наклониться, чтобы перед смертью передать ему свою силу. Илья отказывается: «Будет с меня силы, больший братец, не то земля на себе носить не станет». Великан отвечает: «Хорошо ты сделал, меньший барт, что не послушал моего последнего наказа: я быдохнул на тебя мертвым духом, и ты бы лег мертв подле меня. А теперь прощай...» Тут Святогор передает Илье свой меч. В иных записях былины хозяин святых гор отдает Илье и свою жену. Великан Мукара в Нартах тоже властитель гор, подружившийся с богатырем — осетинским героем Созырыко. Мукара устраивает подобное состязание, только не опускается в каменную могилу, а ложится на дно моря, которое вдруг покрывается льдом и становится его гробом. Но в Нартовском эпосе великан все же дует на своего младшего товарища, который от этого не умирает, а оказывается жив и здоров, забирает меч, жену и сокровища Мукары. Жилище Святогора и его осетинского аналога — это, конечно, Кавказские горы. Ясно, что этот эпизод не мог быть заимствован русскими у осетин или наоборот: слишком много этнографических отличий при в целом одинаковой сюжетной линии. Причем отличия объяснимые. Черты же русского эпоса свидетельствуют, что его первоначальные создатели бывали на Кавказе и знают обычаи аланских племен. Каменный гроб, столь подробно изображенный, — это типичные склепы аланских племен (русы Кавказа сооружали, как и салтовцы, земляные катакомбы, а аланы — скальные склепы).

В одной из былин того же цикла Святогор встречается с несомненно славянским персонажем — Миколой Селяниновичем. Но вот подробности встречи уходят корнями не в славянский мир. У Миколы, как известно, имелась чудесная пере-

метная сума. Святогор хочет приподнять суму, но напрасно — только сам по колено уходит в землю. На вопрос удивленного богатыря, что же «в сумочке», Микула сообщает, что там «тяга земная». Совершенно аналогичная история рассказывается в осетинском эпическом цикле о Батразе.

Святогор не был русом: «Не ездal он на святую Русь, не носила его мать сыра-земля...» — отголоском звучит в онежских былинах это эпическое отражение ираноязычных соседей русов на Кавказе.

Любопытные параллели с иранским эпосом можно обнаружить в былинах об Илье Муромце. Например, Илья, переодетый нищим, встречается с очередным врагом Киева — Идолищем Поганым. Идолище его, разумеется, не узнает и просит рассказать о силе своего будущего противника — Ильи: «Он много ли хлеба есть-кушает? А и много ли пьет зелена вина?» Муромец отвечает: «Уж он хлеба-то ест по три калачика, а напитокок-то пьет по три рюмочки!» Идолище удивлено: «И его-то называют богатырем? Как я хлеба-то ем по три печи, а напитокок-то пью по три ведра!» Такой же разговор состоялся и у нартовского богатыря Созырыко со злобным великаном Елтаганом.

Вообще истоки цикла об Илье Муромце даже не в североиранском фольклоре середины I тысячелетия н.э., а гораздо глубже. Это показывает сюжетное сходство древнерусского и иранского эпоса. Аналогами Ильи здесь являются богатырь Рустем и царевич Исфендиар. Типично «рустемовская» тема — это мотив поединка между отцом и сыном, неизвестными друг с другом, и убийства одного другим. Оттуда же — чудовищная хищная птица, угрожающая герою посреди моря (Сизый Орел наших былин).

Есть и другие очевидные совпадения. Как известно, частым персонажем былин является Владимир Красное Солнышко, прототипами которого наши фольклористы считают Владимира Святого и Владимира Мономаха. В Повести временных лет Мономах представлен воплощением всех человеческих достоинств. О Владимире Святом один из летописцев, его современник, отзывается иронично, создавая образ гуляки и женолюбца. Ничего похожего — во многих древнейших былинах. Там Владимир труслив, малодушен, неблагодарен, деспотичен. Это явный самодур, смертельно завидующий успехам и талан-

там Ильи. Былинные богатыри величают его собакой, дурнем, а Соловей-Разбойник — еще и вором. Образ противоположен летописному настолько, что трудно подумать, что говорится это об одном лице. Об обоих Владимирях имеются отзывы иностранных, не всегда дружелюбных источников, которые бы с удовольствием живописали все указанные недостатки. Значит, от Владимиров в этих былинах только имя. Кто же прототип? В.Ф. Миллер обнаружил, что такие же отзывы сохранились в иранском эпосе о современнике Рустема царе Кейкаусе¹.

Еще одно совпадение с осетинскими Нартами. Там имеется поучительная история о смерти богатыря Батраза, слишком возгордившегося своими подвигами. Его осаждают, мучают налетающие в огромном количестве духи, и в результате он убивает себя. То же происходит в одной и русский былин с Ильей Муромцем, Добрыней Никитичем и Алешей Поповичем. Они тоже начали хвастать своими победами: «Подавай нам силу нездешнюю, мы и с тою силой справимся!» Нездешняя сила не заставила себя ждать и явилась в лице двух воинов-духов. После первой схватки духи не только остались живы, но и удвоились. Процесс «размножения» неземной силы в арифметической прогрессии продолжался до тех пор, пока богатыри не убежали в *горы*, где и превратились в камни.

По замечанию М. Халанского, «шелка шемаханские, седла черкасские» встречаются в былинах в связи с каждым героем², хотя никакого отношения к быту Киевской Руси не имеют. Например, аналогии седлам древнерусских воинов прослеживаются в Венгрии, Польше, Чехии VIII—X вв., никаких «черкасских» седел не наблюдается.

В сказке о Еруслане Лазаревиче сохранен даже иранский именослов: Валазарь, царь Киркоус Киркозанович и т.д. Да и знаменитый эпизод, в котором Еруслан встречается с головой доброго великана, которая всячески ему помогает, популярен во многих осетинских сказаниях (там, кроме головы, фигурируют и другие останки богатырей).

---

¹ Миллер В.Ф. Экскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892. С. 12.

² Халанский М. Великорусские былины Киевского цикла. Варшава, 1885. С. 133.

Иранские имена в дружине киевских князей, а также особые типологические сходства в русском былинном эпосе и древних иранских и осетинских сказаниях выходят за рамки всемирных литературных параллелизмов и гидронимии южно-русских степей и лесостепей. Для того, чтобы получить такое иранское наследство, нужно было очень тесно, вплоть до ассимиляции, контактировать с носителями культуры, причем не со скифами и сарматами, а позже, уже в раннем Средневековье.

Отдельная тема — иранские божества в языке Древней Руси. Они упомянуты летописцем под 980 г.:

«И стал Владимир княжить в Киеве один, и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, затем Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокошь...»¹

Давно установлено, что собственно к язычеству славянских племен, входивших тогда в состав Руси, эти божества имели мало отношения. Владимир пытался унифицировать религию социальной верхушки, своих приближенных. Пантеон языческой реформы Владимира представлен, кроме божеств славян (Макошь) и имеющих кельтическую основу (Перун, Дажьбог), ираноязычными названиями богов с совпадающими функциями: например, Дажьбог, согласно иранисту В.И. Абаеву, «добрый бог» (1-я часть — из кельтского), Хорс — тот же «добрый», «солнечный»². Именно от его имени, как считают иранисты, произошло русское слово *хорошо*. Связан Хорс как бог Солнца с понятием круга: *хоро*, *хоровод*. Этот бог был достаточно известен и почитаем в Древней Руси, среди какой-то части населения. Он упоминается в «Слове о полку Игореве»:

*Всеслав князь людем судяше,
Князем грады рядяше,
А сам в ночь вльком рыскаше
Из Кыева дорискаше до кур Тмутороканя
Великому Хръсови вльком путь прерыскаше...*

---

¹ Лаврентьевская летопись... Ст.79.

² Абаев В.И. Несколько замечаний к славянским этимологиям // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971. С. 11—15.

Речь идет о князе-волхве Всеславе Полоцком, который, по преданию, мог превращаться в волка. Хорс-Солнце пересекал утреннюю дорогу князя-оборотня. То есть автор «Слова...» в конце XII в. прекрасно помнил о роли этого божества. В различных церковных сочинениях, обличающих язычество, Хорс стоит вторым после Перуна, как и в пантеоне Владимира. Кто же поклонялся Хорсу, если Владимир ввел кроме него еще и Дажьбога, выполнявшего те же функции? За пределами Руси у других славян Хорс неизвестен. В старосербском зафиксировано собственное имя Хрьсь, но это имя, а не божество. Сербь в своей основе, как мы упоминали, тоже имели иранский субстрат. Они относятся к числу «антских» племен, покинувших Причерноморье в VI — начале VII в. Значит, если божество заимствовано восточными славянами у иранцев, то в VII—IX вв., то есть в составе Русского каганата.

Второй достоверно иранский бог — Симаргл. Еще в начале XX в. было установлено, что Симаргл соответствует священной собаке-птице иранской мифологии Сэнмурву. Там это был священный пес Ахурамазды, верховного божества иранцев. Сэнмурв являлся покровителем посевов и ростков¹. В восточных и юго-восточных районах Руси в XI—XIII вв. Симаргл был хорошо известен и являлся частым персонажем прикладного искусства. В Суздале он даже изображен на церковных дверях. Симаргл также неведом другим славянам, кроме восточных. Причем и в Древней Руси весьма быстро забыли крылатого пса. Переписчики книг искажали слово, деля его на две части: почитают «Сима и Регла». Это значит, что заимствование произошло поздно, оставалось чуждым и не прижилось (у славян была своя богиня плодородия — Мокошь).

В «иранстве» подозревают и Стрибога, который тоже не известен южным и западным славянам. Он упоминается еще и в «Слове о полку Игореве», где ветры названы «Стрибожьими внуками», которые стрелами веют с моря.

То есть из шести богов Владимира три были божествами жителей Русского каганата. Причем значения этих божеств

---

¹ Рыбаков Б.А. Русалии и бог Симаргл-Переплут // Советская археология. 1967. №2. С. 91—116.

весьма плохо были знакомы древнерусским переписчикам и стали непонятны уже к XIII в. Значит, социальная верхушка конца X в., во главе которой уже стояли выходцы, очевидно, с Балтики (отсюда первый бог — Перун), состояла во многом из потомков салтовских русов, ослабленных, но еще сохранивших память о своей культуре. Отсюда же и иранские сюжеты в дружинном былинном цикле, который был создан во времена Владимира.

Немало о наследии Русского каганата можно узнать и из лингвистики. В русском языке выделяются как иранизмы, объясняемые контактами праславян со скифосарматами еще в I тысячелетии до н.э., так и *аланизмы*, наблюдающиеся лишь в восточнославянских языках. Причем иранско-восточнославянские параллели — сравнительно поздние и односторонние, то есть у восточных славян видны заимствования из североиранских наречий, а, к примеру, в осетинском древнерусских слов нет. Это значит, что иранский этнос, с которым славяне Поднепровья контактировали, исчез с лица земли.

Известный иранист В.И. Абаев отметил, что в формировании южной части восточных славян должен быть североиранский субстрат (фонетика не заимствуется у соседей, а в данном случае произошла замена праславянского взрывного *g* в задненебный фриктивный *γ*)¹. Т.е. жители Киевщины должны были ассимилировать какие-то североиранские племена, которыми и были салтовские русы.

И сейчас в русском языке сохранились слова, напоминающие о русах Подонья. Таков этноним *грузины* (сами себя они называют «картвели») пришел именно от русов: в североиранских *gurg* — «волк», а название «грузины» возникло у рухсалан Северного Кавказа от прозвища грузинского князя V в. Вахтанга *Gurgasali* — «волчья голова»². Иранские корни имеют слова *морда* (иран. *marda* — «голова»), *жрать*, *шамать*, *степь*, *сапог*, *штаны*, *хата*. Название растения *заря*, произошло от иранского слова, обозначающего «зелье». В рус-

---

¹ Абаев В.И. О происхождении фонемы *γ* (*h*) в славянском языке // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964. С. 115—121.

² Абаев В.И. Несколько замечаний к славянским этимологиям // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971. С. 11—15.

ских деревнях употребляли глагол *варзать* в значении «делать что-либо плохо», тогда как в древнем иранском значении *warz* — «делать». В Вятке было в ходу слово *бах* («кляча»), а в осетинском *баех* — «лошадь»¹.

Иранские корни имеет и фольклорный Вий, описанный у Н.В. Гоголя. Впервые божество *Vayu* зафиксировано в священном древнеиранском предании Авесте. У осетин Вий — это чудовищный бог смерти и мести, привратник загробного мира².

Но летописная традиция Повести временных лет, сосредоточенная на истории рода Рюриковичей, не упоминает о существовании ни Русского каганата, ни аланской Руси. Славянская Древняя Русь, выросшая на пути из варяг в греки, не имела почти ничего общего с русами, упомянутыми в Бертинских анналах под 839 г. Почти ничего. Кроме имени.

---

¹ Добродомов И.Г. Об аланизмах в русском языке // Осетинская филология. Вып. 2. Орджоникидзе, 1981. С. 41—41.

² Трубачев О.Н. Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология. 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам. М., 1967. С. 39.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Об истоках Русского государства

Зачем нужно знать, «откуда есть пошла Русская земля». — «Род русский» и его значение. — Загадка русов в источниках 5

Часть I

РУСЫ И ИХ СОСЕДИ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ

Глава 1. «Народ неизвестный, но получивший имя...»

Появление этнонима «русь» в Европе. — Послы кагана росов у франкского императора. — Славяне и русы в Баварском географе. — Встречи с Византией. — Направление поиска 20

Глава 2. Взгляд с Востока

Слово об арабо-персидской географической науке. — Могли ли русы быть варягами, или Что знали на Востоке о севере Европы? — О нападении «русов-норманнов» на Севилью в 844 г. — Этногеография степи Восточной Европы в труде ал-Хваризми. — «Хазарское море» Ибн Хордадбе-ха: проблемы интерпретации. — Где находилась «река ас-сакалиба»? — Народы Восточной Европы на этнической карте «школы ал-Джайхани». — «Тюрки» традиции ал-Джайхани и «Анонимная записка». — О достоверности географического свода «Пределы мира». — Мадыяры. — Волжские булгары и буртасы. — Внутренние булгары. — Печенеги и их разновидности. Русы в арабо-персидских географических традициях раннего Средневековья. — Народы-фантомы на средневековой карте? — Картина Восточной Европы: степень достоверности 42

Часть II

ХАЗАРИЯ И «АЛАНСКАЯ» РУСЬ: ДВА КАГАНАТА

Глава 1. Хазарский каганат: от союза племен к государству

Ранние хазары в Предкавказье. — Тюрки и хазары в период ирано-византийских войн конца VI — начала VII в. — Арабская экспансия на Кавказе и возвышение Хазарии. — Ранний Хазарский каганат: характеристика. — Письмо царя Иосифа: проблемы интерпретации. — Хазария и народы Поволжья. — Южные и западные границы каганата в письме хазарского царя. — Хазарский каганат и салтово-маяцкая культура. — Общество и власть в Хазарском каганате. — «Иудейский переворот». Расцвет и закат Хазарии 156

Глава 2. Русский каганат: опыт этносоциальной реконструкции

«Салтовские аланы»: поиск этноса. — Система городищ-крепостей салтовской лесостепи. — Ремесло и торговля в Подонье VIII—IX вв. — «Монетный двор» и письменность. — Русы с хаканом во главе в истории Восточной Европы VIII—IX вв. — Откуда пришли русы в Подонье? — Этносоциальная структура Русского каганата. — Славяне Поднепровья и Русский каганат: проблемы взаимодействия. — Русский каганат: этносоциальная и историческая реконструкция. — Хазария после падения Русского каганата 256

Послесловие. Судьбы салтовской Руси

«Русские» названия днепровских порогов и салтовцы. — Наследие Русского каганата в договорах Олега и Игоря. — Русские письмена в Житии св. Кирилла. — Наследие Русского каганата? 314

Галкина Елена Сергеевна

РУССКИЙ КАГАНАТ. БЕЗ ХАЗАР И НОРМАННОВ

Редактор В.Г. Манягин

Художник Б.Б. Протопопов

Верстка А.А. Кувшинников

Корректор Н.Н. Самойлова

ООО «Издательство Алгоритм»

Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: 617-08-25

Сайт: <http://www.algoritm-kniga.ru>

Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 02.11.12. Подписано в печать 27.12.12.
Формат 84х108/32. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Печ. л.10,5. Тираж 2000 экз. Заказ

